

STEPHANOS

СТЕΦΑΝΟΣ

2018

#4 (30) || July

№4 (30) || ИЮЛЬ

ISSN 2309-9917

DOI 10.24249/2309-9917-2018-30-4-1-297

Stephanos

Сетевое издание

Рецензируемый мультиязычный научный журнал

Электронный проект

филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Главный редактор:

докт. филол. наук профессор М.Л. Ремнёва

Редакционная коллегия:

докт. филол. наук профессор Е.Л. Бархударова

докт. филол. наук старший научный сотрудник А.В. Злочевская

доктор искусствоведения доцент РАНХиГС Д. Красовец

ассистент кафедры русистики и лингводидактики PhD Карлов университет в Праге Якуб Конечны

докт. культурологии, профессор М.М. Лоевская

канд. филол. наук доцент Д.С. Мухортов

докт. филол. наук старший научный сотрудник В.В. Сорокина

докт. филол. наук профессор А.Г. Шеишкен

канд. филол. наук доцент А.В. Уржа

канд. филол. наук научный сотрудник Е.А. Певак (отв. секретарь)

Технический редактор:

канд. филол. наук Е.В. Раздобурдина

Программное обеспечение и техническая поддержка проекта:

старший научный сотрудник А.М. Егоров

Редакционный совет:

Александра Вранеш, докт. филологии, проф., *Белградский университет (Сербия)*

Екатерина Федоровна Журавлева, проф., председатель Всегреческой ассоциации преподавателей русского языка и литературы, *Западно-Македонский университет Греции (Греция)*

Мария Леонидовна Каленчук, доктор филологических наук, проф., зав. отделом фонетики, зам. директора по научной работе, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Россия)*

Максим Каранфиловский, докт. филологии, проф. Почетный проф. МГУ имени М.В. Ломоносова, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Леонид Петрович Крысин, докт. филол. наук, проф., зав. отделом современного русского языка, *Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН (Россия)*

Весна Мойсова-Чепишевская, докт. филологии, проф., зав. кафедрой македонской и южнославянских литератур филологического факультета им. Блаже Конеского, *Университет им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье (Македония)*

Джей Паджет, докт. филол. наук, проф., *Университет Калифорнии Санта Круз (США)*

Иво Поспишил, докт. филол. наук, проф., зав. Институтом славистики, *Университет им. Т.Г. Масарика, Брно (Чехия)*

Елена Стерьёпулу, проф., *Национальный Афинский Университет им. Каподистрии (Греция)*

Stephanos
Network Edition
Peer reviewed multilingual Scientific Journal
Electronic Project
of Lomonosov Moscow State University Philological Faculty

Editor-in-chief:
Doctor of Philology Professor M.L. Remneva

Editorial Board:
Doctor of Philology Professor E.L. Barkhudarova
Doctor of Philology Senior Researcher A.V. Zlochevskaya
Doctor of History of Arts Docent D. Krasovec
Lector of Russian & Language Teaching Methodology PhD Charles University in Prague Jakub Konecny
Doctor of Culturology Professor M.M. Loyevskaya
Candidate of Philological Sciences Docent D.S. Mukhortov
Doctor of Philology Senior Researcher V.V. Sorokina
Doctor of Philology Professor A.G. Sheshken
Candidate of Philological Sciences Docent A.V. Urzha
Candidate of Philological Sciences Research Associate E.A. Pevak (Executive Secretary)

Technical Editor:
Candidate of Philological Sciences E.V. Razdoburdina

Software and Technical Support for the Project:
Senior Researcher A.M. Yegorov

Advisory Council:

Maria Kalenchuk PhD, Prof., Head of the Department of Phonetics, Deputy of the Director for Science,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Maxim Karanfilovsky PhD, Prof. *University Sts. Cyril and Methodius University in Skopje,*
Honorary Prof. of *Lomonosov Moscow State University (Macedonia)*
Leonid Krysin PhD, Prof., Head of the Department of the Contemporary Russian Language
V.V. Vinogradov Russian Language Institute, RAS (Russia)
Vesna Mojsova-Chepishavska PhD, Prof., Head of the Chair of the Macedonian and South Slavic
Literatures Philological Faculty «Blaj Koneski» *University Sts. Cyril and Methodius in Skopje*
(Macedonia)
Jaye Padgett PhD, Prof., Linguistics Stevenson Faculty Services *University of California Santa Cruz*
(USA)
Ivo Pospíšil, PhD, Prof., Head of the Institute of Slavic Studies, *University of TG Masaryk, Brno*
(Czech Republic)
Helen Stergiopoulou PhD, Prof. *School of Philosophy. Faculty of Slavic Studies National and*
Capodistrian University of Athens (Greece)
Alexandra Vranesh PhD, Prof., *University of Belgrade (Serbia)*
Ekaterina Zhuravleva PhD, Prof., Chairman of the Panhellenic Association of Teachers of Russian
Language and Literature *University of Western Macedonia Greece (Greece)*

Содержание

Статьи

<i>Ружицкий И.В. (Москва, Россия)</i> ЛЮДИ СО СКЛАДКОЙ у Достоевского и не только.....	9
<i>Худякова Е.С. (Пермь, Россия)</i> Конструирование идентичности в чешских публичных нарративах: групповое влияние.....	22
<i>Кругова М.С. (Москва, Россия)</i> Кодификация новшеств в сфере гендерных коррелятов со значением лица в современном испанском языке.....	38
<i>Сергеев А.В. (Москва, Россия)</i> Творчество И.С. Тургенева в оценке Георга Брандеса.....	47
<i>Савельева О.М. (Москва, Россия)</i> К истории рождения Музея: имена, даты, детали.....	54

Фундаментальные исследования

<i>Белова Т.Н. (Москва, Россия)</i> Доминирующие и детерминирующие факторы становления англо-американской литературоведческой русистики в 1960–1970-е гг.	67
--	----

Материалы и сообщения

Материалы Научной конференции к 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева (17 апреля 2018 года, филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова)	
<i>Пауткин А.А. (Москва, Россия)</i> Ф.И. Буслаев и Э.Э. Виолле-ле-Дюк.....	103
<i>Кузьминова Е.А. (Москва, Россия)</i> Ф.И. Буслаев и история славянской грамматической традиции.....	109
<i>Пентковская Т.В. (Москва, Россия)</i> Псалтырь как объект исследований Ф.И. Буслаева (рукопись РГБ, ф. 304. I, № 308).....	118
<i>Уржа А.В. (Москва, Россия)</i> Представление о кратности в грамматике Ф.И. Буслаева и в современных функциональных исследованиях.....	125
<i>Назаров И.А. (Москва, Россия)</i> Мотив поломки механизма в контексте литературной темы безумия.....	135
<i>Боброва О.Б. (Москва, Россия)</i> К вопросу о роли метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξίδεῖον τὰς Ρουσίας» Н. Казандзакиса.....	143

<i>Клименко И.В. (Москва, Россия) Неоромантические приемы в творчестве Дж. Лондона</i>	151
<i>Лысенко Е.Д. (Москва, Россия) Структурно-семантический анализ паремиологических единиц, репрезентирующих концепт «работа» в каталанском языке</i>	158
<i>Писарева В.В. (Донецкий национальный университет) Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте</i>	167
<i>Цыганкова А.А. (Москва, Россия) Сергей Довлатов в Италии: опыт лингвостилистического анализа перевода рассказа «Представление»</i>	173

Библиографии

<i>Воропаев В.А. (Москва, Россия) Библиография произведений Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1940–1954)</i>	185
---	-----

События. Имена. Судьбы

<i>Шешкен А.Г. (Москва, Россия) Слово о Милане Гурчинове</i>	234
<i>Из воспоминаний М. Гурчинова «Постижение реальности»: Первый раз в Москве</i>	239
<i>Урошевиќ В. (Скопје, Македонија) Милан Ѓурчинов и македонскиот модернизам</i>	241
<i>Пантиќ М. (Београд, Србија) Милан Ѓурчинов, један књижевни пут</i>	244
<i>Шелева Е. (Скопје, Македонија) Придонесот на Милан Ѓурчинов во македонистиката и компаративистиката</i>	251
<i>Ристески Д. (Скопје, Македонија) Милан Ѓурчинов како професор, афирматор и истражувач на руската литература во Македонија</i>	261
<i>Библиографија на акад. д-р Милан Ѓурчинов</i>	266

Научная жизнь

<i>Болдырева А.Н. (Санкт-Петербург, Россия) 47-я Международная филологическая научная конференция Санкт-Петербургского государственного университета</i>	282
--	-----

Критика. Библиография

<i>Мојсова-Чепишевска В. (Скопје, Македонија) Сама себеси врата – сама себеси клуч</i>	294
--	-----

Content

Articles

<i>Ruzhitskiy I.V. (Moscow, Russia)</i> MAN WITH A CREASE in Dostoevsky and Others	9
<i>Khudyakova E.S. (Perm, Russia)</i> The Making of Identity in Czech Public Narratives: Group Influence.....	22
<i>Krugova M.S. (Moscow, Russia)</i> Codification of Changes to Gender Specific Nouns Referring to Humans in Modern Spanish	38
<i>Sergeev A.V. (Moscow, Russia)</i> Georg Brandes about Ivan Turgenev.....	47
<i>Savelieva O.M. (Moscow, Russia)</i> The History of the Fine Arts Museum: Names, Dates, Facts	54

Fundamental Research

<i>Belova T.N. (Moscow, Russia)</i> On Dominant and Determinant Factors within the Rise of Russian Literature Study in the USA during the 1960–1970s.....	67
---	----

Communications and Materials

Materials of the Scientific Conference to the 200 th Anniversary of the Birth of F.I. Buslaev (April 17, 2018, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University).....	103
<i>Pautkin A.A. (Moscow, Russia)</i> Fyodor Buslaev and Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc.....	103
<i>Kuzminova E.A. (Moscow, Russia)</i> Fyodor Buslaev and A History of Slavic-Russian Grammatical Tradition.....	109
<i>Pentkovskaya T.V. (Moscow, Russia)</i> The Book of Psalms as a Research Subject with Fyodor I. Buslaev (Manuscript 308 of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra Collection, from the Russian National Library)	118
<i>Urzha A.V. (Moscow, Russia)</i> The Concept of Multiplicity in F.I. Buslajev’s Grammar and in Modern Functional Language Studies.....	125
<i>Nazarov I.A. (Moscow, Russia)</i> The Motif of a Broken-down Mechanism in the Context of the Literary Theme of Madness	135

<i>Bobrova O.V. (Moscow, Russia)</i> The MAN-OBJECT metaphor in “Ταξιδεύοντας. Ρουσία” by Nikos Kazantzakis.....	143
<i>Klimenko I.V. (Moscow, Russia)</i> Jack London’s Neo-romantic Techniques.....	151
<i>Lysenko E.D. (Moscow, Russia)</i> A Structural Semantic Analysis of Proverbs and Sayings Representing the Concept WORK in Catalan.....	158
<i>Pisareva V.V. (Donetsk National University)</i> Personal Reflexive Verbs in Contrast.....	167
<i>Tsygankova A.A. (Moscow, Russia)</i> Sergei Dovlatov in Italy: A Stylistic Analysis of the Translation of the Short Story “The Show”.....	173

Bibliography

<i>Voropaev V.A. (Moscow, Russia)</i> The Bibliography of N.V. Gogol’s Works and Literature about Him in Russian. 1940–1954	185
---	-----

Events. Names. Destiny

<i>Sheshken A.G. (Moscow, Russia)</i> A Word about Milan Ğurčinov	234
From Milan Ğurčinov’s Memoirs “Comprehension of Reality”: The First Time in Moscow	239
<i>Urošević V. (Skopje, Macedonia)</i> Milan Ğurčinov and Macedonian Modernism.....	241
<i>Pantić M. (Belgrade, Serbia)</i> Milan Ğurčinov, One Literary Path	244
<i>Sheleva E. (Skopje, Macedonia)</i> Academician Milan Gurchinov’s Contribution to Research of Macedonistics and Comparative Studies	251
<i>Risteski D. (Skopje, Macedonia)</i> Milan Ğurčinov as a Professor, Popularizer and a Researcher of Russian Literature in Macedonia	261
Bibliography of Academic Doctor Milan Ğurčinov.....	266

Academic Life

<i>Boldyreva A.N. (Saint-Petersburg, Russia)</i> 47 th International Philological Research Conference SPbSU.....	282
---	-----

Critique. Bibliography

<i>Mojsova Chepishavska V. (Skopje, Macedonia)</i> It is the Gate and Key unto Itself.....	294
--	-----

Статъи

Articles

И.В. Ружицкий (Москва, Россия)

ЛЮДИ СО СКЛАДКОЙ у Достоевского и не только

Аннотация: Предлагаемый в Словаре языка Достоевского метод описания идиоглосс позволяет обнаруживать невысокие по частоте, но, тем не менее, значимые для автора лексические единицы. К низкочастотным идиоглоссам Достоевского относится, в частности, слово складка, анализу употребления которого в текстах разных жанров посвящена статья. Рассматриваются работы, авторы которых уже обращали внимание на нестандартность употребления данной идиоглоссы в текстах Достоевского. Прослеживается динамика значения слова складка в произведениях разных периодов творчества писателя. Делается вывод о том, что наибольшую значимость слово складка приобретает при создании Достоевским образов определённого типа – людей, скрывающих что-то, или тех, в ком присутствует двойственное начало, неопределённость. Такое же значение сочетания кто-л. со складкой эксплицируется в текстах личных писем Достоевского. Таким образом, можно предположить, что идиоглосса складка дополняет тот арсенал лексических средств выражения неопределённости, которые широко использует Достоевский.

Ключевые слова: идиоглоссарий Достоевского, идиоглосса, человек, неопределённость, складка

I. V. Ruzhitskiy (Moscow, Russia)

MAN WITH A CREASE in Dostoevsky and Others

Abstract: This article contributes to the discussion of the Dictionary of Dostoevsky's Language which is based on meaningful words in Dostoevsky's prose. As is clear, some words are less frequently used and some occur more often. It is argued that a word may have fewer occurrences across the author's works but it is no less meaningful than highlights. An example in question is the word *skladka* (crease). Making references to researchers who already took heed of the word in Dostoevsky's texts, the paper explores the meanings of the word at various periods of the author's work. It is claimed that the word is most meaningful when Dostoevsky creates the type of man who either hides something or is uncertain about something. This conclusion is confirmed by the private letters wherein the author makes use of the expression 'someone with a crease'. The word

crease thereby adds to the arsenal of words and phrases Dostoevsky actively uses for describing two-facetedness and ambiguity.

Key words: Dostoevsky's language, meaningful lexeme, human, ambiguity, crease

Но не одной только достоверности ради герои Достоевского с почти кальвинистским упорством обнажают перед читателем душу. Что-то еще заставляет Достоевского выворачивать их жизнь наизнанку и разглядывать все складки и морщинки их душевной подноготной. И это не стремление к Истине. Ибо результаты его инквизиции выявляют нечто большее, нечто превосходящее саму Истину: они обнажают первичную ткань жизни, и ткань эта неприглядна. Толкает его на это сила, имя которой – всеядная прозорливость языка, которому в один прекрасный день становится мало Бога, человека, действительности, вины, смерти, бесконечности и Спасения, и тогда он набрасывается на себя.

И. Бродский, О Достоевском

Предлагаемый в Словаре языка Достоевского (см. [СЯД 2008, 2010, 2012, 2017]) метод описания ключевых для авторского идиостиля слов, идиоглосс, позволяет обнаруживать невысокие по частоте, но значимые для автора лексические единицы. Высокая частота употребления слова далеко не всегда предполагает его значимость, а невысокая частота отнюдь не служит показателем того, что это слово не может быть идиоглоссой. Например, слово *всечеловеческий* во многом отражает мировоззрение Достоевского, тогда как в текстах полного собрания сочинений писателя (ПСС) оно встречается только 12 раз (9 – в публицистических текстах и 3 – в художественных) [СЯД 2008: 806]. То же можно сказать и о других идиоглоссах, входящих в соответствующую парадигму, – *всечеловек* [СЯД 2008], *общечеловеческий*, *общечеловек* [СЯД 2017], *вселенский* [СЯД 2008]. К аналогичным примерам относятся такие низкочастотные идиоглоссы, как *анархизм* (5), *ангельский* (35), *аноним* (14), *антихрист* (6), *аффект* (39), *безверие* (15), *безобразничать* (9), *безответственность* (3), *безответный* (18), *безрассудный* (11), *безудерж* (6), *бесёнок* (12), *беситься* (23), *бесконечность* (27), *бесноваться* (10), *бесславие* (10), *бессловесный* (13) и др. [СЯД 2008]; *гад* (28), *гадина* (16), *галлюцинация*, *галлюцинация* (15), *гармонический* (8), *гнушаться* (27), *грабить* (12), *двойник* (41), *демократический* (20), *демон* (29), *доверие* (27) и др. [СЯД 2010]; *инстинктивно* (33), *калека* (13), *калитка* (39), *канавы* (33), *кровавый* (25), *лошадка* (31), *лукаво* (23), *лукавый* (17), *любопытствовать* (34) и др. [СЯД 2012]; *набережная* (38), *надувать* (26), *настойчивый* (39), *настоятельный* (30), *неблагодарность* (33), *невзначай* (35), *недостаточно* (30), *нервно* (40), *нигилистка* (9), *нуль* (34), *обессилеть* (19), *обет* (21), *обличить* (17), *обниматься* (12), *обряд* (25) [СЯД 2017] и многие другие. Смысловая нагрузка низкочастотных в текстах Достоевского слов может быть настолько велика, что в их идиоглоссном статусе нет никаких сомнений.

К низкочастотным идиоглоссам Достоевского относится и слово *складка* (41 употребление: 26 в художественной прозе, 8 в публицистике и 7 в личных письмах), на необычность использования которого в текстах писателя исследователи неоднократно обращали внимание. Это прежде всего этюд Г.В. Степановой (см. [Степанова 1987]), непосредственно посвященный слову *складка* у Достоевского (к нему мы еще вернемся ниже). *Складка* «цепляет» внимание вдумчивого читателя Достоевского, что косвенным образом отражается, например, в словах И. Бродского, приведенных в

качестве эпиграфа к данной статье (см. [Бродский 1991]), или в критической работе Н.А. Добролюбова:

Мне кажется, трудно лучше характеризовать положение забытых людей, подобных Голядкину, людей, действительно как будто превращенных в тряпицу и только в грязных **складках** хранящих остатки чего-то человеческого, неслышного, безответного, но все как-то по временам дающего себя чувствовать. Вот оно дало себя чувствовать и г. Голядкину, и всею тяжестью обрушились тяжкие сомнения и вопросы на бедный рассудок и фантазию Якова Петровича. «Так это не так? Тут не каждый в своем праве? Тут берут интригами? Давай же, когда так, и я буду интриговать <...>». И господин Голядкин, вообще склонный к меланхолии и мечтательности, начинает себя раздражать мрачными предположениями и мечтами, возбуждать себя к не свойственной его характеру деятельности. Он раздвояется, самого себя он видит вдвойне... Он группирует все подленькое и житейски ловкое, все гаденькое и успешное, что ему приходит в фантазию; но отчасти практическая робость, отчасти остаток где-то в далеких **складках** скрытого нравственного чувства препятствуют ему принять все придуманные им пронырства и гадости на себя, и его фантазия создает ему «двойника». Вот основа его помешательства [Добролюбов: URL].

В «Двойнике» мы обнаруживаем первое употребление слова *складка* в текстах Достоевского, причем вполне традиционное: в *грязных складках этой ветошки*, однако Н.А. Добролюбов «подхватывает» *складку*, как, конечно, и *ветошку*, эти идиоглоссы начинает транслироваться. Собственно говоря, такого рода трансляции и являются одним из критериев определения у слова его идиоглосного статуса (об этих критериях см., например, [Ружицкий 2015(а): 48]).

Аналогичный пример такой трансляции слова мы видим у Ю.Г. Кудрявцева:

В подготовительных материалах о Версилове сказано: «У него убеждение (хотя и не теория): нет другой жизни, я на земле на одно мгновение, чего же церемониться» [ЛН, 77, 62]¹. Тип намечался почти как повторение Валковского. Но в тексте романа он иной. На лице Валковского – усмешка. На лице Версилова – **складка**. «Складка» – слово у Достоевского с негативным оттенком. Но оно в данном случае лучше «усмешки». Оно означает усмешку и грусть одновременно. Уже в этом отличие образов [Кудрявцев 1991: 67].

Ср. комментарий этого описания Версилова Г.В. Степановой:

«И вот, помню, в лице его вдруг мелькнула его обычная **складка** – как бы грусти и насмешки вместе, столь мне знакомая» (13, 372²). В черновом автографе первоначально было: «...вдруг мелькнула его обычная улыбка грусти и раздражительной насмешки» (17, 141). Как будто назревает какой-то поворот в состоянии Версилова. Поворот этот уже явственно ощущается Подростком после слов Версилова о «разрешении» его странствий и недоумений в «пять часов пополудни» (т. е. после получения письма от Ахмаковой): «Я слушал действительно с болезненным недоумением; сильно выступала прежняя версильская **складка**, которую я не желал бы встретить в тот вечер, после таких уже сказанных слов» (13, 372) [Степанова 1987: 201].

Считаем необходимым сделать одно важное, на наш взгляд, дополнение к сопоставлению образов Валковского и Версилова: у первого не только *усмешка* на лице, но и *маска* (в «Подростке» *маска* используется при описании Ламберта):

[Иван Петрович о Валковском] Вглядываясь пристальнее, вы начинали подозревать под всегдашней **маской** что-то злое, хитрое и в высочайшей степени эгоистическое (Униженные и оскорбленные, 245); Мне казалось (и я понимал это), что он находил

¹ Журнал «Литературное наследство». Т. 77 (Ф.М. Достоевский в работе над романом «Подросток»). С. 62. М.: Наука, 1965.

² Здесь и далее страницы произведений Ф.М. Достоевского даны по: [Достоевский 1972–1990]. В приведенной цитате первая цифра в скобках означает номер тома в ПСС, вторая – номер страницы.

какое-то удовольствие, какое-то, может быть, даже сладострастие в своей низости и в этом нахальстве, в этом цинизме, с которым он срывал, наконец, передо мной свою **маску** (там же, 358); [Валковский Ивану Петровичу] А между прочим, я хотел объяснить вам, что у меня именно есть черта в характере, которую вы еще не знали, – это ненависть ко всем этим пошлым, ничего не стоящим наивностям и пасторалям, и одно из самых пикантных для меня наслаждений всегда было прикинуться сначала самому на этот лад, войти в этот тон, областать, ободрить какого-нибудь вечно юного Шиллера и потом вдруг сразу огорошить его; вдруг поднять перед ним **маску** и из восторженного лица сделать ему гримасу, показать ему язык именно в ту минуту, когда он менее всего ожидает этого сюрприза (там же, 361); Есть особое сладострастие в этом внезапном срыве **маски**, в этом цинизме, с которым человек вдруг выказывается перед другим в таком виде, что даже не удостоивает и постыдиться перед ним (там же, 363).

Схожую избирательность в использовании слов *складка* и *маска* мы находим в «Бесах», где *складка* используется при описании Петра Верховенского, а *маска* и *складка* – Ставрогина:

[Хроникер о Ставрогине] Говорили, что лицо его [Ставрогина] напоминает **маску** <...> (Бесы, 37); <...> прежде хоть и считали его [Ставрогина] красавцем, но лицо его действительно «походило на **маску**», как выражались некоторые из злоязычных дам нашего общества (там же, 145); <...> лицо его [Ставрогина] походит на **маску** (там же, 145); Никто не скажет, что он дурен собой, но лицо его никому не нравится. Голова его удлинена к затылку и как бы сплюснута с боков, так что лицо его кажется вострым. Лоб его высок и узок, но черты лица мелки; глаз вострый, носик маленький и востренький, губы длинные и тонкие. Выражение лица словно болезненное, но это только кажется. У него какая-то сухая **складка** на щеках и около скул, что придает ему вид как бы выздоравливающего после тяжелой болезни. И, однако же, он совершенно здоров, силен и даже никогда не был болен (там же, 143); [Ставрогин Даше] Вас, кажется, можно поздравить... или еще нет? – проговорил он с какой-то особенною **складкой** в лице (там же, 160).

Из описания внешности Петра Верховенского иногда даже делаются весьма далеко идущие заключения:

<...> Достоевский этой «сухой **складкой** на щеках и около скул» описывает именно то, что итальянский криминолог Чезаре Ломброзо несколько позже назовет «*ride du vice*» («морщина порока»). <...> Ломброзо не забывает прибавить, что **складку** на скуловой кости уже Лафатер называл характерной отрицательной чертой. Независимо от этого толкования ярко выраженной **складки** на скуловой кости Петра Верховенского и места этого толкования в интеллектуальной истории, для нас имеет решительное значение то, что эта **складка** производит впечатление, будто человек перенес тяжелое заболевание. И всё же Верховенский «совершенно здоров, силен и даже никогда не был болен». Между тем болезнь в мире Достоевского и в мире его пятикнижия – это всегда симптом ложного сознания в нравственном отношении [Геригк 2016: 141–142].

Так или иначе, но слово *складка*, не являющееся высокочастотным в текстах Достоевского, характеризует авторский идиостиль, более того – в некоторой степени отражает видение писателем человека, занимая тем самым важное место в авторском тезаурусе. В том, почему это слово стало для Достоевского значимым, мы видим несколько причин.

Слово *складка* в русском языке является не просто многозначным, его значения довольно трудно дифференцировать и адекватным образом описать, а многозначность – любую, в том числе и слова – Достоевский всегда приветствовал.

В толковых словарях русского языка значения слова *складка* представлены следующим образом:

СКЛАДКА 1. Полоса ткани или бумаги, загнутая и ровно сложенная вдвое. *Заложить складку* (сделать). *Распороть складку*. *Отутюжить складку*. *Зашить складку*. *Блузка с мелкими складками*. *Юбка в складку*. // Прямолинейный сгиб на ткани. *Брюки с вытуженными складками*. // Неровность, морщинка, изгиб (на ткани, бумаге). *В легких складках женской шали цвела ночная тишина*. Блок. // Морщина (на коже). *На лбу всё резче ложились складки* (М. Горький). *Весь лоб, до переносицы, перерезала глубокая складка* (Фурманов). 2. Изгиб в слоях, пластах земной коры (геол.) *Складка земной коры*. 3. То же, что *склад*¹ в 3 знач. (разг.). *Век с англичанами, вся английская складка и так же он сквозь зубы говорит* (Грибоедов). 4. То же, что *складчина* (простореч. устар.). – *Обиций праздник, складку! Зато каков будет и пир!* (Герцен). 5. То, что сложено, составлено, создано (обл.). *Сказка складка, а песня былъ* (Пословица) [Ушаков: URL].

Аналогичная система значений представлена в словаре Т.Ф. Ефремовой (см. [Ефремова 2000]), только уточняется дефиниция значения 5 и дается помета *устар.*, а не *обл.*: ‘то, что сложено, сочинено; выдумка’, что вполне справедливо, поскольку без выделения семы ‘выдумка’ приводимая в качестве примера пословица остается непонятной. Значение 3 также сопровождается пометой *устар.*, а не *разг.*, как у Д.Н. Ушакова.

В Малом академическом словаре (МАС) выделяются два омонима:

СКЛАДКА¹. 1. Сложенная вдвое и загнутая полоса на каком-л. изделии из ткани, бумаги и т. п. *Юбка в складку*. *Платье со складками*. □ [Старушка] носила накрахмаленные, собранные в мелкие *складки* белые воротнички. Достоевский, Неточка Незванова. // Прямолинейный сгиб на ткани. [Войнаровский] внушил ему, что при любых обстоятельствах уважающий себя мужчина обязан выходить из дому со *складкой* на брюках. Панова, Времена года. // Неровность, волнистый изгиб на ткани, бумаге и т. п. *Складки портьеры*. □ *Спрятав лицо в складки постели, перед кроватью стояла на коленях мать*. Чехов, Враги. *Китель на животе и груди [Ерёмкина] собрался складками*. Дягилев, Доктор Голубев. // Отвислость или глубокая морщина (на коже, теле). [Александр] похудел. Глаза ввали. *На щеках и на лбу появились преждевременные складки*. И. Гончаров, Обыкновенная история. [В зале] стояли, дымя табаком, два брата Сомовы, в чесуче и с такими *складками* на шеях, будто они их перевязали верёвочкой. А.Н. Толстой, Приключения Расстегина. 2. Волнообразный изгиб пластов земной коры. *Хутор до сих пор не показывался: он терялся в складке почвы*. Григорович, Переселенцы. *Дорога шла мимо полузаросшего осокой пруда, в нём отражался, весь в складках, меловой обрыв*. А.Н. Толстой, Гадюка. СКЛАДКА². Разг. То же, что *склад*² (во 2 знач. <т. е. ‘строй ума, характера, нравственный облик (человека)’>). [Дедушка] получил право на потомственное дворянство. Тем не менее купеческая *складка* и купеческие привычки остались за ним до смерти. Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина. *Пастухов сошелся с Цветухиным не потому, что тяготел к актерам! Он высмотрел в Егоре Павловиче человека особой складки*. Федин, Первые радости [МАС 1988: 109].

В Словаре С.А. Кузнецова система значений, представленная в МАС для СКЛАДКА¹, дополняется авторскими контекстами:

СКЛАДКА. 1. Сложенная вдвое и загнутая полоска на изделии из ткани, бумаги. *Распороть складки*. *Встречная с. Бантовая с. Юбка в складку*. *Платье со складками*. *Брюки с острой складкой* (с прямолинейным сгибом ткани). 2. Неровность, волнистый изгиб на ткани, бумаге и т. п. как украшение. *Складки портьеры*. *С. переплёта*. *Уткнуться в мягкие складки шали*. *Падать, ложиться складками* (о ткани). // Отвислость или глубокая морщина (на коже, теле). *На щеках появились преждевременные складки*. *Глубокие складки на подбородке*. *Кожа вся в складках*. *Шея морщинится, собирается складками*. *Насмешливая, скорбная с. губ*. *Складки гнева, страдания на лбу*. 3. Волнообразный изгиб пластов земной коры. *Складки почвы*. *Складки горных пород*. *Известковая с.* [Кузнецов: URL]

Аналогичные значения выделяются в Словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, только ‘морщина, отвислость на коже’ дается как отдельное значение, а не как оттенок:

1. Ровно сложенная вдвое и загнутая полоска на изделии из ткани, бумаги. *Заложить складку. Распороть складку. Юбка со складками или в складку.* 2. Прямолинейный сгиб на ткани. *Брюки с отутюженными складками.* 3. Морщина, отвислость на коже. *Глубокие складки под подбородком. Складки на шее.* 4. Изгиб в слоях горных пород (спец.). *С. земной коры* [Ожегов, Шведова: URL].

Значение ‘строй ума, характера, нравственный облик (человека)’ вообще не выделяется, что, по всей видимости, соответствует авторской установке – представить «лексикографическое описание современного русского языка, которое старается отразить живые процессы, происходящие в нашем языке в последние десятилетия 20-го столетия» [там же].

Система значений и последовательность дефиниций в Викисловаре в целом ориентирована на МАС, иллюстрации при этом расширены контекстами из Национального корпуса русского языка (см. [НКРЯ: URL]):

1. 1. неровность в виде продолговатого изгиба на чем-либо <> *Торжественность и умиленность исчезли с его лица, и привычные складки на переносице сблизили его брови.* В.Т. Шаламов, Колымские рассказы, 1954–1961 г. <> *Дождь хлестал по плащу, образуя в складках маленькие лужицы и ручейки.* В.П. Аксёнов, Пора, мой друг, пора, 1963 г. 2. ровно сложенная вдвое и загнутая полоска ткани <> *Ежели бы, когда Володе в первый раз сделали голландские рубашки со складками, я сказал прямо, что мне весьма досадно не иметь таких, я уверен, что мне стало бы легче и не казалось бы всякий раз, когда он оправлял воротнички, что он делает это для того только, чтобы оскорбить меня.* Л.Н. Толстой, Отрочество, 1854 г. <> *К воротнику аккуратный офицер подшивал каждый день полоску холстины, сложенную вдвое, складкой вверх.* Эдуард Лимонов, У нас была Великая Эпоха, 1987 г. 3. геол. волнообразный изгиб пластов земной коры <> *Именно здесь наибольшее развитие имеют линейные складки, сопряжённые с зонами продольных разломов.* Двухмерный анализ формы полигональных объектов в геoinформационных системах геологического содержания, 2003 г. // Геoinформатика. 2. разг. то же, что склад; строй, особенность ума, характера человека <> *Чудак единственный! нас со смеху морит! // Век с англичанами, вся английская складка, // И так же он сквозь зубы говорит, // И так же коротко обстрижен для порядка.* А.С. Грибоедов, Горе от ума, 1824 г. <> *У этого народа известная складка.* Ф.М. Достоевский, Преступление и наказание, 1866 г. [Викисловарь: URL]

В качестве иллюстраций омонима *складка*, как мы видим, приводятся контексты из произведений А.С. Грибоедова и Ф.М. Достоевского, взаимосвязь которых будет показана ниже.

Как бы там ни было, *складка* – это ‘то, что сложено (материя, бумага, кожа на лице или кожа сапог)’, т. е. ‘изгиб или сложенная вдвое полоса’ и ‘то, что сложилось в человеке или группе людей (характере, привычках, образа мыслей и т. п.)’.

В текстах Достоевского слово *складка*, несмотря на свою относительно низкую частоту, употребляется во всех приводимых в словарях значениях и их оттенках, кроме специального (‘изгиб земной коры’) и достаточно узкого, пословичного, ‘то, что сложено, сочинено; выдумка’. У А.С. Пушкина, например, мы встречаем только один контекст: *широкие складки рубахи* [СЯП: URL]. У Н.В. Гоголя в «Мертвых душах» уже четыре употребления: – *складки (платья, манишки, ткани) и шея в три складки*. В этом же вполне традиционном значении, которое мы предлагаем определить как ‘неровность, изгиб на изделии из ткани, кожи, бумаги и т. п., место такого изгиба; сложенная вдвое полоса ткани или бумаги’, слово *складка* используется и у Достоевского в

«Двойнике» (*складка ветошки*), а также еще в одном произведении первого периода творчества писателя (1844–1849 гг.) – незаконченном романе «Неточка Незванова»:

[Неточка] Старушка княжна одевалась вся в черное, всегда в платье из простой шерстяной материи, и носила накрахмаленные, собранные в мелкие **складки** белые воротнички, которые придавали ей вид богаделенки (Неточка Незванова, 193); [Неточка] **Складки** письма были истерты, выношены: видно было, что когда-то его часто перечитывали, берегли как драгоценность (там же, 239).

К этому же периоду (1846 г.) относится и единичное употребление в письме М.М. Достоевскому слова *складка* в значении ‘складчина’, отмеченное в словаре Д.Н. Ушакова как просторечное и устаревшее:

Теперь: издай я сам, я вдруг продаю всем книгопродавцам в Петербурге, на чистые. Процент берется законный. Они дают каждый больше, подрывая друг друга, если книга идет, и наконец в конторе Языкова учреждается главная **складка** (Письма. Т. 28, кн. 1, 132).

Из произведений второго периода творчества писателя (1856–1866 гг.) слово *складка* трижды употребляется в романе «Униженные и оскорбленные» (1861 г.), этим его употребление в художественной прозе данного периода и ограничено, причем исключительно описанием внешности – Алеши, Нелли и Анны Андреевны:

[Иван Петрович] Полные небольшие пунцовые губы его [Алеши], превосходно обрисованные, почти всегда имели какую-то серьезную **складку** <...>. (Униженные и оскорбленные, 201); Брови ее [Нелли] были резкие, тонкие и красивые; особенно был хорош ее широкий лоб, немного низкий, и губы, прекрасно обрисованные, с какой-то гордой, смелой **складкой**, но бледные, чуть-чуть только окрашенные (там же, 254); Когда я появился, она [Анна Андреевна] приняла было меня с недовольной и холодной **складкой** в лице, едва цедила сквозь зубы и не показывала ни малейшего любопытства (там же, 269).

Г.В. Степанова абсолютно справедливо отмечает, что Достоевский здесь «<...> сразу же <...> совершает переход от внешности к более сложному описанию сущности человека» [Степанова 1987: 200]. Такое употребление слова *складка*, однако, характерно не только для Достоевского, но и для большинства авторов того времени; ср., например:

Видно было, что трудная жизнь оставила следы свои: **складка** между бровями, преждевременные морщины, впалые глаза и бледные щеки обнаруживали следы (Бестужев, Русский в Париже 1814 г.); Кожа на лице была аккуратно пригната и туго натянута, и потому все черты его [Подтяжина] раз навсегда резко определены; между бровей образовалась **складка**; кости над щеками, около глаз, выдались выпукло; от места, где ноздря к щеке прилипла, и до края губ, направо и налево, нарезаны две черты, тонких как нити; впалые щеки лежали на широких челюстях; крутой подбородок выдался вперед (Помяловский, Молотов); Поперек лба его была широкая **складка**, и он, стоя у окна, смотрел через очки, никого не видя (Толстой, Война и мир); – Ну, теперь всё, – сказал Кутузов, подписывая последнюю бумагу, и, тяжело поднявшись и расправляя **складки** своей белой пухлой шеи, с повеселевшим лицом направился к двери (Толстой, Война и мир); Какое покойное, светлое выражение ни ляжет ей [Ольге] на лицо, а эта **складка** не разглаживается и бровь не ложится ровно; То улыбка блеснет у ней, то слезы явятся, то **складка** над бровью заиграет какую-то мыслью (Гончаров, Обломов) <*складка над бровью* и *складка на лбу* встречается у Гончарова несколько раз и не только в «Обломове»; у Л.Н. Толстого чаще всего употребляется *складка на лбу*>; От бровей, поперек лба прорезалась у нее [Бероевой] суровая **складка**; широко раскрывшиеся, безжизненно-тусклые глаза ушли глубоко в глазные впадины (Крестовский, Петербургские трущобы); Молоденькое лицо Марьи Николаевны как бы в одну минуту возмужало лет на пять; по лбу прошли две **складки**; милая улыбка превратилась в серьезную мину (Писемский, Русские луны).

Дело, однако, в том, что у Достоевского *складка* – это не совсем морщина, но что-то характерное в лице, выражение лица, бросившаяся в глаза трудноуловимая деталь, на которую обратили внимание.

В произведениях второго периода отражается начало переосмысления Достоевским значения слова *складка*, именно в это время оно начинает «обрастать» дополнительными смыслами. Полагаем, что началом послужило обыгрывание сочетания *английская складка* из «Горя от ума» А.С. Грибоедова в статье 1862 г.:

Не помнит ли кто из почтенных джентльменов князя Григория, того самого, о котором упоминает поэт в своей комедии, в разговоре Репетилова с этим бестолковым Чацким (впрочем, превосходным и истинным джентльменом) | Во-первых, князь Григорий, | Век с англичанами, | вся **английская складка**; | И так же он сквозь зубы говорит, | И так же коротко обстрижен для порядка. | <...> Помню, я видел его [князя Григория] потом в деревне, в его развалившемся деревянном замке. Он разорился и носил стеганный ватный халатишка, хандрил, кис и расправлялся на конюшне с своим камердинером Сенькой, ходившим в сюртуке с продранными локтями. От английских начал почти ничего не осталось. Вся **английская складка** исчезла безвозвратно. Я очень хорошо знал, что **английская складка** у нас в Москве, когда доходит до дела, исчезает тотчас же и безвозвратно. Разумеется, и сам смотрю на дело неизмеримо серьезнее... гм... да, я всегда уважал Великобританию... (браво, bravo, *yes, yes!*) Я только в том смысле сейчас – говорил, что за нее уж никак нельзя обвинять в развращении. Почему ж не позабавиться этой **складкой**, когда она так невинна и прилична? Конечно, общество требовало обновления серьезного. Но на первых порах и англomania могла послужить. Я и употребил ее в дело (Публицистика. Т. 20, 41–42).

В приведенном примере слово *складка* употребляется уже в значении ‘черта характера, поведения; образ мыслей, привычки’. В Викисловаре, как было показано выше, в качестве иллюстраций к этому значению даются примеры как раз из А.С. Грибоедова и Ф.М. Достоевского. В Национальном корпусе русского языка мы не находим *русской, французской, немецкой* и др. **складки**, зафиксировано 4 вхождения *английская складка* (все произведения относятся к периоду 1843–1904 гг.): у Ф.В. Булгарина, Н.Н. Златовратского и неизвестного корреспондента «Петербургской газеты» – прямая аллюзия на «Горе от ума» А.С. Грибоедова, у А.Е. Зарина – аллюзия непрямая:

Она [Вера Сергеевна] была вся в отца, но в ее фигуре, манерах, даже костюмах, сказывалась **английская складка**, оставленная ей матерью (Зарин, Казнь).

В полной мере данное значение слова *складка* реализуется в произведениях третьего периода творчества Ф.М. Достоевского (1866–1881 гг.), два раза – в «Преступлении и наказании» (1866 г.), в словах Свидригайлова:

– Ведь какая **складка** у всего этого народа [имея в виду Раскольников]! – захохотал Свидригайлов, – не сознается, хоть бы даже внутри и верил чуду! (Преступление и наказание, 356); [Раскольников Соне] Ну, вы эту даму [Амалию Ивановну] сегодня видели? Я знаю, что она вам говорила, нечего пересказывать. (Соня сделала было движение и покраснела.) У этого народа известная **складка** (там же, 384).

В «Преступлении и наказании» слово *складка* употребляется и в традиционном значении ‘изгиб’, но даже здесь оно приобретает ассоциации – ‘место, где можно что-то спрятать’:

Затем, испуганно и безумно, бросился [Раскольников] к углу, к той самой дыре в обоях, в которой тогда лежали вещи, засунул в нее руку и несколько минут тщательно обшаривал дыру, перебирая все закоулки и все **складки** обой (там же, 208).

В таком же значении *складка* употребляется в «Подростке»:

[Аркадий] Я не дам себя обыскивать, не позволю! – кричал я вырываясь. Но меня увлекли в соседнюю комнату, там, среди толпы, меня обыскали всего до последней **складки** (Подросток, 267).

Значение ‘черта характера, поведения; образ мыслей, привычки’ наибольшее развитие получает в романе «Подросток» (1875 г.), на который приходится 10 употреблений слова *складка*, т. е. почти половина от общего числа вхождений в художественной прозе, и относится к описанию Версилова (см. *версиловская складка* выше). Один раз *складка* используется при описании внешности Олимпиады и молодого человека из компании Дергачёва:

[Аркадий] Я глядел на нее довольно пристально и ничего особенного не находил: не так высокого роста девица, полная и с чрезвычайно румяными щеками. Лицо, впрочем, довольно приятное, из нравящихся материалистам. Может быть, выражение доброты, но со **складкой**. Особенной интеллекцией не могла блистать, но только в высшем смысле, потому что хитрость была видна по глазам (там же, 33); Из остальных я припоминаю всего только два лица из всей этой молодежи: одного высокого смуглого человека, с черными бакенами, много говорившего, лет двадцати семи, какого-то учителя или вроде того, и еще молодого парня моих лет, в русской поддевке, – лицо со **складкой**, молчаливое, из прислушивающихся (там же, 44).

Одно употребление слова *складка* в «Подростке» метафорическое, когда Аркадий в самом начале романа говорит о себе:

[Аркадий] Спрашивать денег – прегадка история, даже жалованье, если чувствуешь где-то в **складках** совести, что их не совсем заслужил (там же, 22).

Все остальные контексты употребления слова *складка* относятся к описанию внешности Версилова:

[Аркадий] Была в нем всегда какая-то **складка**, которую он ни за что не хотел оставить (там же, 171); Я ему объяснил дело так же, как и ей, то есть Крафтом. Глаза его загорелись. Странная **складка** мелькнула на лбу, очень мрачная **складка** (там же, 223); На лице его показалась какая-то мучительная **складка**; верю теперь, что у него болела тогда голова, особенно голова... (там же, 244)

А также два контекста, которые были приведены в начале статьи.

Наблюдение о значимости слова *складка* в созданном Достоевским образе Версилова делает Г.В. Степанова: «В этой его [Версилова] складке, подобно складке бумаги, материи, была скрытая часть (к примеру, под грустью – насмешка, под откровенностью – затаенная недоговоренность). Складка у Версилова, которую так остро ощутил Подросток, – несомненно свойственной ему двойственности. <...> Нравственный склад Версилова не прост, сложен, его отличает искренность и скрытность, доброта и известная жестокость, горячность и рассудочность, расчетливость и непоследовательность. В его нравственный склад входят и черты “человека со складкой”» [Степанова 1987: 201–202]. Она же проводит очень важную параллель употребления слова *складка* в «Подростке» с его использованием в письмах Достоевского, имеющих, кстати сказать, косвенную связь с романом (недовольство А.Н. Майкова и Н.Н. Страхова тем, что Достоевский опубликовал «Подросток» в «Отечественных записках» Н.А. Некрасова):

Затем после обеда в 7 часов поехал к Майкову. Анна Ивановна уехала в театр. Он же встретил меня по-видимому радушно, но сейчас же увидел я, что сильно со **складкой**. Вышел и Страхов (Письма. Т. 29, кн. 2, 9); [А.Г. Достоевской] Было очень дружелюбно, но не нравятся они мне оба, а пуще не нравится мне и сам Страхов; они оба со

складкой (Письма. Т. 29, кн. 2, 16); [А.Г. Достоевской] Майков, Анна Ивановна и все были очень милы, но зато Страхов был почему-то очень со мной со **складкой** (там же).

«Майков и Страхов, выражая в какой-то мере Достоевскому свое недовольство им, в полном же объеме таили его в глубоко скрытых частях “складок” своей натуры» [Степанова 1987: 202–203].

Следует, однако, учесть, что в схожем значении слово *складка* употребляется в письме В.Д. Оболенской, написанном за три года до писем Достоевского жене о Майкове и Страхове, т. е. в 1872 г.:

Благодарю Вас очень за внимание к моему роману: я всегда сумею оценить искренний отзыв, как Ваш, и Ваши похвалы мне весьма лестны. Для таких-то отзывов и живешь и пишешь, тогда как в нашем литературном мире всё, напротив, так условно, так двусмысленно и со **складкой**, а стало быть, всё так скучно и официально, особенно похвалы и лестные отзывы (Письма. Т. 29, кн. 2, 225).

Слово *складка* трижды употребляется Достоевским при описании Кроткой (повесть «Кроткая» опубликована в 1876 г.):

[Закладчик Кроткой] То есть не читали вовсе. Надо прочесть. А впрочем, я вижу опять на ваших губах насмешливую **складку** (Кроткая, 9); [Закладчик] Так что я это даже словами выразил, не удержался, и вышло, может быть, глупо, потому что заметил беглую **складку** в лице (там же, 12); От театра вдруг сама отказалась. И всё пуще и пуще насмешливая **складка**... а я усиливаю молчание, а я усиливаю молчание (там же, 15).

Два раза *складка* употребляется в статьях 1873 г. и в Дневнике писателя за 1873 г. – и тоже при описании человека:

Вдруг прямо объявляю, что пришел с *чрезвычайною* просьбой. <...> Генерал отвечает: «Что прикажете-с?», нервно дергает кресло и становится ужасно серьезным. В бровях неприятная **складка** (Т. 21, 178); Слова, жадно подхваченные и выставленные в Париже «униженными» французами, были тотчас же замечены торжествующими соперниками в Германии, а затем и всею Европой, и, уж конечно, многими встречены с вопросительной **складкой** в лице и с «покиванием голов» (там же, 234); Прежде всего поставьте вопрос: если сами отцы этих юношей не лучше, не крепче и не здоровее их убеждениями; если с самого первого детства своего эти дети встречали в семействах своих один лишь цинизм, высокомерное и равнодушное (большею частью) отрицание; если слово «отечество» произносилось перед ними не иначе как с насмешливой **складкой**, если к делу России все воспитавшие их относились с презрением или равнодушием <...> (там же, 135).

И последнее употребление слова *складка* в текстах Достоевского – в романе «Братья Карамазовы» (1879–1880 гг.), в том же значении, в котором оно было использовано в «Двойнике». Достоевский как бы «замыкает» свое осмысление этого слова:

Они [дети] расходились по домам из класса со своими ранчиками за плечами, другие с кожаными мешочками на ремнях через плечо, одни в курточках, другие в пальтишках, а иные и в высоких сапогах со **складками** на голенищах, в каких особенно любят щеголять маленькие детки, которых балуют зажиточные отцы (Братья Карамазовы, 160).

Динамика такого осмысления состоит в движении от конкретного, вещественного, значения к употреблению слова с целью дать человеку определенную характеристику. Складка – это линия, чаще изгиб, т. е. кривизна, кривда, а значит – ложь. Отсюда и значение ‘что-то срытое, спрятанное, с двойным дном’; *человек со складкой* – ‘не искренний, не откровенный, что-то скрывающий’, отсюда и связь *складки* с двойничеством. Можно предположить, что идиоглосса *складка* дополняет тот арсе-

нал лексических средств выражения неопределенности, которые широко использует Достоевский.

Интересно, что *складка* является понятием, применяемым в классической и современной философии (Лейбниц, Хайдеггер, Мерло-Понти, Делез, Деррида, Фуко и др.) (см. [Философский словарь: URL]), причем в некоторых философских концепциях данное понятие непосредственным образом связано с «двойником» и «удвоением». Это, однако, тема уже для отдельного обсуждения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. gramota.ru/slovari/info/bts (дата обращения: 15.07.2018).
2. Бродский И. О Достоевском. [Авторизированный пер. А. Сумеркина] // Нева. 1991. № 11–12. С. 262.
3. Викисловарь. ru.wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 06.07.2018).
4. Геригк Х.-Ю. Литературное мастерство Достоевского в развитии. От «Записок из Мертвого дома» до «Братьев Карамазовых» / Авториз. пер. с нем. и науч. ред. К.Ю. Лаппо-Данилевского. СПб: Изд-во Пушкинского дома; Нестор-История, 2016. 320 с.
5. Добролюбов Н.А. Забитые люди. dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/dobrolyubov-zabitye-lyudi/dobrolyubov-zabitye-lyudi-ii.htm (дата обращения: 13.07.2018).
6. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
7. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. 1209 с.
8. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. М.: Изд-во МГУ, 1991. 400 с.
9. НКРЯ – Национальный корпус русского языка. www.ruscorpora.ru/search-main.html (дата обращения: 07.07.2018).
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. slovoblog.ru/ojegov/skladka/ (дата обращения: 06.07.2018).
11. Ружицкий И.В. Язык Достоевского: идиоглоссарий, тезаурус, эйдос: Монография. М.: ЛЕКСПУС, 2015(а). 543 с.
12. Ружицкий И.В. Маска и маскарад у Ф.М. Достоевского // Вестник Новосибирского гос. пед. ун-та. 2015(б). № 5(27). С. 38–46.
13. Словарь русского языка: В 4 т. Т. 4 (С–Я). 3-е изд., стереотип. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1988. 796 с.
14. СЯП – Словарь языка Пушкина. Т. 4. imwerden.de/publ-4338.html (дата обращения: 14.07.2018).
15. СЯД 2008 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (А–В) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова, Е.А. Осокина, И.В. Ружицкий, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелева; под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2008. 962 с.
16. СЯД 2010 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Г–З) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова, Е.А. Осокина, И.В. Ружицкий, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелева; под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2010. 1049 с.
17. СЯД 2012 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (И–М) / Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова, Е.А. Осокина, И.В. Ружицкий, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелева; под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Азбуковник, 2012. 847 с.

18. СЯД 2017 – Словарь языка Достоевского: Идиоглоссарий (Н–По). Е.Л. Гинзбург, Ю.Н. Караулов, М.М. Коробова, Е.А. Осокина, И.В. Ружицкий, Е.А. Цыб, С.Н. Шепелева; под ред. Ю.Н. Караулова; науч. ред. тома И.В. Ружицкий. М.: Азбуковник, 2017. 859 с.

19. Степанова Г.В. Образ «человека со складкой» у Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. Т. 7. Л.: Наука, 1987. С. 200–203.

20. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. slovoblog.ru/ushakov/skladka/ (дата обращения: 06.07.2018).

21. Философский словарь. vslovare.info/slovo/filosofskii-slovar/skladka/44777 (дата обращения: 16.07.2018).

REFERENCES

1. The Great Dictionary of the Russian Language / Comp. and Ch. ed. S.A. Kuznetsov. St.-Petersburg. Norint Publ. 1998. gramota.ru/slovari/info/bts

2. Brodsky I. About Dostoevsky. [Authorized trans. by A. Sumerkin]. *Neva*. 1991. No 11–12, p. 262.

3. Wiktionary.ru/wiktionary.org/wiki/%D1%81%D0%BA%D0%B-%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0 (date accessed: 06.07.2018).

4. Gerigk H.-J. Dostojewskijs Entwicklung als Schriftsteller. Vom “Toten Haus” zu den “Brüdern Karamasow”. Frankfurt am Main. S. Fischer Verlag GmbH 2013. 352 S.

5. Dobrolyubov N.A. Zabitye Ludi. [Downtrodden People] dostoevskiy.niv.ru/dostoevskiy/kritika/dobrolyubov-zabitye-lyudi/dobrolyubov-zabitye-lyudi-ii.htm (date accessed: 13.07.2018).

6. Dostoevsky F.M. The Complete Works: In 30 vols. Leningrad. Nauka Publ. 1972–1990.

7. Efremova T.F. The New Dictionary of the Russian Language. Interpretative and Word-building: In 2 vols. Moscow. Russky Yazyk Publ. 2000.

8. Kudryavtsev Yu.G. (1991) Three Circles of Dostoevsky. Moscow. Moscow University Press. 400 p.

9. NKRYa – The Russian National Corpus. www.ruscorpora.ru/search-main.html (date accessed: 07.07.2018).

10. Ozhegov SI, Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian language. slovoblog.ru/ojegov/skladka/ (date accessed: 06.07.2018).

11. Ruzhitskiy I.V. (2015a) The Language of Dostoevsky: Idioglossary, Thesaurus, Eidos: Monograph. Moscow. LEKSRUS Publ. 543 p.

12. Ruzhitskiy I.V. *Mask and masquerade* in Dostoevsky’s Works. *Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2015(b). No 5(27), pp. 38–46.

13. Dictionary of the Russian Language: In 4 vols.: Vol. 4 (S–Ya). 3rd ed., stereotype / Ed. by A.P. Evgenieva. Moscow. Russky Yazyk Publ. 1988. 796 p.

14. SYaP – A Dictionary of the Language of Pushkin. Vol. 4. imwerden.de/publ-4338.html (date accessed: 14.07.2018).

15. SYaD 2008 – Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (A – V) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2008. 962 p.

16. SYaD 2010 – Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (G – Z) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2010. 1049 p.

17. SYaD 2012 – Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (I – M) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2012. 847 p.

18. SYaD 2017 – Dostoyevsky’s Language Dictionary. Idioglossary (N–Po) / E.L. Ginzburg, Yu.N. Karaulov (Ed.), M.M. Korobova, Ye.A. Osokina, I.V. Ruzhitskiy, E.A. Tsyb, S.N. Shepeleva. Moscow. Azbukovnik Publ. 2017. 859 p.

19. Stepanova G.V. ‘Man with a Crease’ in Dostoyevsky’s Works. In: Dostoyevsky: Materials and Studies. Vol. 7. Leningrad. Nauka Publ. 1987, pp. 200–203.

20. Explanatory Dictionary of the Russian Language / Ed. by D.N. Ushakov. slovoblog.ru/ushakov/skladka/ (date accessed: 06.07.2018).

21. Philosophical Dictionary. vslovare.info/slovo/filosofskii-slovar/skladka/44777 (date accessed: 16.07.2018).

Сведения об авторе:

Игорь Васильевич Ружицкий,
доктор филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова, Институт
русского языка им. В.В. Виноградова, РАН

Igor V. Ruzhitskiy,
Doctor of Philology
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University, Vinogradov
Institute of the Russian Language, RAS

konnitie@mail.ru

Е.С. Худякова (Пермь, Россия)

Конструирование идентичности в чешских публичных нарративах: групповое влияние

Аннотация: В статье рассматривается проблема влияния групповой принадлежности индивида на конструирование его идентичности в тексте. На основе анализа публичных нарративов чехов – представителей мира искусства и ученых-естественников – устанавливаются «типичные» образы «я», декларируемые в публичном (медийном) нарративе. Исследовались структурные компоненты нарративов, тип конфликта и на этой основе – декларируемая идентичность. Показано, что и типы конфликта, и социальная идентичность акторов двух исследуемых групп различны.

Ключевые слова: нарратив, идентичность, групповая принадлежность, конструирование образа «Я»

E.S. Khudyakova (Perm, Russia)

The Making of Identity in Czech Public Narratives: Group Influence

Abstract: The article discusses how the group affiliation of an individual impacts the making of his or her identity in the text. The analysis of public narratives of Czechs, men of art and science, establishes “typical” images of Self, declared in the public (media) narratives. The paper studies structural components of narratives, the type of conflict, and identity declared on this basis. It is shown that both types of conflict and social identity of the actors in the two studied groups are different.

Key words: narrative, identity, group affiliation, design of the image of “Self”

Изучение речевых практик определенного речевого сообщества входит в предмет интеракционной социолингвистики, который определяется Дж. Гамперцем как «демонстрация того, как индивиды, участвующие в речевых взаимодействиях, используют речь для достижения своих коммуникативных целей в реальной ситуации, обращая внимание на процессы смыслопорождения и принимая во внимание фоновые гипотезы, которые подчеркивают условия интерпретации» [Gumperz 2003: 218]. Социолингвистическое исследование «языкового сообщества», согласно Дж. Гамперцу, связано с установлением ролевого речевого поведения [Gumperz 2003: 219], а также ситуационного варьирования речи, поскольку

внутригрупповое общение включает набор типичных ситуаций. Поэтому в исследовании должны быть учтены групповые, статусно-ролевые и ситуационные факторы, влияющие на использование текстов.

Таким образом, предметом данного исследования является выяснение группового варьирования спонтанных нарративов и установление типичных образов «Я», конструируемых представителями двух социальных групп.

В американской социалингвистике активно изучается «дискурсивное сообщество», – по нашему мнению, этот термин достаточно близок отечественному термину «языковой коллектив».

Дж.М. Свейлз следующим образом описывает шесть признаков дискурсивного сообщества. Дискурсивное сообщество имеет общие публичные цели и обладает механизмами внутригруппового общения. Указанные механизмы используются для обмена информацией и для ее закрепления. Дискурсивное сообщество использует жанры, чтобы реализовывать свои цели, т. е. разделяет ожидания о теме, форме и функции текста. Оно также вырабатывает специфический лексикон (например, терминологию). Сообщество обладает пороговым уровнем, который удостоверяет достаточную степень дискурсивного опыта у члена группы [Swales 1991: 24–27]. Заметим, что существует разница между речевым сообществом и дискурсивным сообществом: речевое сообщество выделяется по принципу постоянных социальных и социобиологических признаков, и в речевом сообществе «нужно» родиться, тогда как в дискурсивное сообщество можно вступить (подробнее о терминах см. [Virtanen et al. 2005: 13]). В западной социалингвистике различие в терминах «речевое сообщество» и «дискурсивное сообщество» проводится так же, как в отечественной социалингвистике, – между речевым коллективом и языковым коллективом.

Профессиональную группу необходимо отнести к дискурсивным сообществам, при этом профессия настолько сильно влияет на идентичность человека, его поведение, в том числе речевое, что возможен переход в речевой коллектив.

Л.П. Крысин указывает, что символическую интегрирующую функцию в речи членов группы могут выполнять «отдельные языковые единицы, фрагменты высказываний и диалогов... своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов» [Крысин 2008: 85]. Думается, что использование определенных текстовых образцов также может быть отнесено к «групповым шаблонам речи».

Изучение коммуникативного репертуара определенных дискурсивных сообществ позволяет судить и о сообществе, и о социальной системе, которая образует сообщество [Heller 2003: 259]. Нарратив, по-видимому, относится к этому коммуникативному репертуару.

В исследованиях М. Томаселло нарратив рассматривается как форма взаимодействия индивида и группы. Этот процесс можно назвать социальной идентификацией, которая предполагает слияние индивида с группой, социумом через передачу какой-либо личной информации в виде нарратива. Таким образом возникает некий накопленный запас опыта (общий «фонд знаний»), которым может воспользоваться каждый представитель социума [Tomasello 1995: 110].

Современные исследования социальных психологов указывают на роль языка в становлении «Я»: Робин Фивуш на материале дискурсов детей-дошкольников и больных с нарушениями автобиографической памяти (запоминания событий из собственной жизни) показала, что формирование «Я» есть усвоение социально приемлемых и предоставляемых языком способов структурирования опыта. От-

существование дискурсивных моделей приводит к разрушению целостности личности [Fivush, Haden 2003].

Энтони Гидденс считает идентичность «фундаментальной производной нарратива, рефлексивным проектом “себя”» [Giddens 1991: 55].

Принадлежность к социальной группе культурно поддерживается и на уровне индивидуального сознания выражается в социальной идентичности: по мнению Криса Видона, «институты производят дискурсы, в которых гендерная или этническая идентичность конструируются». В дискурсах предлагаются рационализированные категории, в которые индивид может (и должен) вписать себя, а любое социальное действие уже есть выражение идентичности [Weedon 2004: 13].

Нарративная концепция идентичности предполагает два понимания нарратива: широкое – как текста любой знаковой системы, организующего значения в нарративные линии («жизненный нарратив», приписывание значения внешнему и внутреннему миру в терминах языка или языков – танца, моды, ритуалов), и узкое – как текстовой линейной структуры. Первое, глобальное понимание нарратива как способа конструирования реальности в нарративных нормах и дискурсивных формациях, культурно задаваемых и используемых индивидами в конкретных социальных условиях [Brockmeier, Carbaugh 2003: 10], закономерно приводит к вопросу о существовании опыта или «самого по себе», или его изначального облечения в нарративные формы. Йенс Брокмейер и Донэл Карбо прямо заявляют, что нарратив есть «форма структурирования неструктурируемого, придания атомарному хаосу событий, действий и фактов формы и значения» [Brockmeier, Carbaugh 2003: 14].

Широкое понимание нарратива выводит его из «рассказывания историй» в область конструирования реальности с помощью языка, соответственно, методы исследования нарратива (который есть базовый когнитивный процесс с точки зрения нарративистов) могут быть весьма различными.

Основным методом исследования нарратива выступает так называемый нарративный анализ. Базовой его чертой является интерпретативность. Предмет исследования в нарративном анализе – рассказанная история, или повествование, с точки зрения способов упорядочивания опыта в последовательную цепь событий: нарративный анализ изучает не просто содержание жизненного опыта, а формы рассуждения о нем – лингвистические и культурные ресурсы построения истории и убеждения слушателя в ее подлинности.

Под структурой нарратива могут пониматься акторы (люди) и их «интенциональные состояния» – чувства и убеждения, которые приводят к тем или иным социальным действиям, организованным во временной последовательности (минимальная структура будет выглядеть как «А сделал Б, потому что С», эта минимальная единица структуры называется «поворотной точкой», так как нарратив содержит событие, которое выделяет его из ряда подобных) [Bruner 2003: 29–30]. По мнению Джерома Брунера, нарратив совмещает две стратегии – линейную (последовательность событий) и нелинейную (осмысление событий в терминах «интенциональных состояний», иными словами, оценок) [Bruner 2003]. Эта модель является идеализированной, так как, по результатам нашей работы с автобиографическими нарративами, в зависимости от целого ряда социальных факторов избирается или та, или другая стратегия нарративизации, причем оценка подчас может быть оторвана от события и приписана нелинейным объектам (буквально – вещам, пище и т. п.).

Каждый индивид самоозначивает себя с помощью целого набора идентичностей, и роль каждой из них не одинакова в структуре личности. «Базовая структура личности может быть представлена как совокупность идентичностей, идентифицированных (приобретенных) в различных ситуациях или этапах жизни под давлением тех или иных потребностей человека и предписаний среды» [Губогло 2003: 48], при этом «понятие ценности и понятие частной идентичности, для которой названная ценность выступает “ядром” или является базовой, близки друг другу» [Губогло 2003: 51]. М.Н. Губогло выделяет в своей работе гендерную, семейную, этническую, религиозную, профессионально-трудовую, региональную и гражданскую идентичности и отмечает, что список предложенных им идентичностей остается открытым.

Очевидно, профессиональная идентичность является одной из важнейших в структуре личности. Она предполагает понимание своей профессии, принятие себя в профессии, умение хорошо выполнять свои профессиональные функции [Шнейдер 2001: 156], при этом важными составляющими идентичности являются общение, опыт и речь: «Общение и опыт порождают идентичность, в речи она выражается» [Шнейдер 2001: 19].

Соответствующая профессия влияет на характер и способ речи индивида, к ней должно приспособиться и его мышление [Šmejrková (1) 2011: 82].

Таким образом, целью исследования стало выяснение содержательных характеристик конструируемых в публичном нарративе идентичностей представителей двух социальных групп: представителей мира искусства, художников, и ученых-естественников.

В данной работе материалом послужили аудиозаписи публичных интервью из радиопередачи «Tandem» на чешском радио за 2013–2017 гг. (регион Средняя Чехия). В качестве исследуемых групп взяты представители мира искусства (5 человек, среди которых два художника, архитектор, фотограф, художественный руководитель театра), время звучания каждой записи – 56 минут, и 5 ученых-естественников с ученой степенью (онколог, астрофизик, климатолог, биохимик, ветеринар). Все информанты – мужчины старше 50 лет, этнические чехи, все с высшим образованием. Выборка организована указанным образом, чтобы исключить влияние факторов пола, возраста, этнической принадлежности, уровня образования, и продемонстрировать «работу» одного фактора – профессиональной принадлежности.

Изучение иерархии идентичностей современных чехов методами социологии проводится в [Коровицына 2011; Vlachová, Řeháková 2004; Mlčoch, Machonin, Sojka 2000].

На материале автобиографических нарративов в Чехии сейчас издается достаточно много работ, посвященных этнической идентичности чешских немцев [Šmejrková (3) 2011; Kreisslová 2013; Nekvapil 2001].

Светла Чмейркова так же, как и мы, исследует медийные интервью, однако описывает идентичность участников в терминах сохранения лица или дискредитации (т. е. не содержательно) [Šmejrková (2) 2011].

В качестве метода сбора материала использовались направленная выборка (по социальным параметрам, а в отобранных записях – по типу текста: односложные реплики и реплики-рассуждения не отбирались), слуховой анализ для получения транскриптов, элементы системно-структурного анализа для выделения композиционных единиц в текстах информантов.

В результате получено 9 собственно нарративов от представителей сферы искусства и 8 – от ученых (некоторые информанты в интервью порождали несколько нарративов).

В качестве методики анализа структуры нарратива мы воспользовались уже классической методикой У. Лабова и Дж. Валетски, в соответствии с которой нарратив – это техника конструирования нарративных блоков, составляющих временную последовательность опыта. Две базовые функции нарратива – референциальная и ценностная. Нарратив для индивида выполняет дополнительную социальную функцию, определяемую стимулом в социальном коллективе [Labov, Waletzky 1967: 13]. В качестве признаков нарратива У. Лабов выделяет: 1) наличие придаточных предложений, соответствующей временной организации событий; 2) отнесенность повествования к прошедшему времени; 3) наличие определенных структурных компонентов [Labov, Waletzky 1967: 57]. Согласно У. Лабову, структура нарратива варьирует у разных рассказчиков, ведь социальный опыт индивида оказывает на нее влияние [Labov 1987: 220].

На основе семантических и грамматических (прежде всего синтаксических) особенностей фрагментов текста исследователи рассматривают 5 базовых структурных компонентов: ориентацию (orientation) – «группу свободных высказываний, в которой дается характеристика лица, места, времени и поведенческой ситуации» [Labov, Waletzky 1967: 32–33]; усложнение (complication) – группу нарративных высказываний о сериях событий; развитие (кульминацию; evaluation) – точку максимального напряжения; разрешение (resolution) – где происходит завершение ситуации; коду (coda) – «функциональное приспособление для перевода вербальной перспективы в настоящее время» [Labov, Waletzky 1967: 39].

Существует деление на сложные и простые нарративы. Простые нарративы можно легко увидеть по указанным выше началу и концу (так называемым лексическим оборотам начала и завершения фразы) [Currie 2014: 1165]. Сложные нарративы обладают не столь элементарной структурой, могут инкорпорировать иные нарративы и тексты других типов.

Кроме указанных композиционных блоков и простоты / сложности нарративов, нами устанавливался тип конфликта (напомним, нарратив фиксирует некоторое экстраординарное событие). На основе качественного анализа выявлялся тип идентичности автора, конструируемой с помощью нарратива.

Таблица 1. Структурные компоненты нарративов художников и ученых

Тип параметра	Параметр	Художники, %	Ученые, %
Усложнение структуры	Несколько компонентов (количество и тип)	33	37
Композиция	Ориентация	100	100
	Усложнение	77	87
	Развитие	44	50
	Завершение	100	75
	Кода	44	62

Тип конфликта	Влияние обстоятельств (внезапно все изменилось)	22	38
	Ожидания и реальность	44	50
	Ожидания воспринимающего сознания и реальность	22	0
	Комедия характеров	12	0
	Эмоциональный пик	0	12
Идентичность	Профессиональное становление, выбор пути	22	50
	Бунтарь	33	0
	Свой парень	12	0
	Комическое в профессии	33	12
	Профессионал	0	25
	Любитель искусства	0	13

Для оценки степени согласованности параметров в текстах двух групп проведен статистический анализ – установлен коэффициент корреляции двух независимых выборок.

Двусторонняя корреляция Пирсона при сравнении наполнения композиционных блоков равна 0,877 (значима при 0,05 уровне значимости). То есть оценка самого наличия композиционных блоков говорит о том, что тексты группы художников и ученых похожи, это нарративы. Качественные различия будут рассмотрены далее.

Двусторонняя корреляция Пирсона по типу конфликта составила 0,7. Корреляция средняя, но положительная, поэтому можно сделать вывод о том, что сам набор типов конфликта в нарративах достаточно единообразен.

Двусторонняя корреляция Пирсона по типу идентичности – -0,12, слабая, но отрицательная, что говорит о том, что конструируемые идентичности информантов двух групп различны.

Далее рассмотрим качественное заполнение блоков нарратива.

Ориентация представлена во всех текстах, иногда – весьма объемно, причем наблюдается следующая тенденция: у художников, если важнейший элемент – развитие (кульминация) – эксплицитно не выражен, то блок ориентации крайне большой, именно там вносятся элементы, создающие внутренний конфликт «человек и история»:

No, bylo to tak, že jsem po maturitě teda šel na ten Matfyz a když jsem byl ve druhém ročníku, tak dílem jsem cítil, že mi něco jako chybí, že mě ta fyzika jako úplně nenaplňuje, že ještě tak jako, nějak mně to divadlo furt přitahovalo, a Tomáš Pavelka, ten už v té době byl na DAMU, nebo se přihlásil, tak od něj jsem měl informace, že to jako vlastně jde. On taky není z herecký rodiny, takže to jde se tam dostat, i když to nemusí být o protekci. Do toho přišla revoluce vlastně, to bylo v ten samej rok, takže 30. listopadu poslední den, kdy se musí odnést přihláška na DAMU, jsem nesl přihlášku. Tam byla ta stráž a říkali nesete letáky? A já říkám no tentokrát ne, nesu přihlášku, takže i díky tomu jsem tam vlastně načichl tu revoluci, protože jsem se tak jako mezi těmi studenty začal pohybovat, no, a přihlásil jsem se tedy na DAMU, a to proběhlo potom leden, únor, březen. Díky revoluci se vyměnilo vlastně kompletně to pedagogické vedení, takže tam přišel pan Pistorius, pan Preiss, Boris Rösner a ty tam byli v

komisi, a oni mě kupodivu vzali, no. (Ну, это было так, что я после школы пошел на Физмат, и на втором курсе я отчасти чувствовал, что мне как будто чего-то не хватает, что эта физика меня как бы целиком не наполняет, и еще как-то театр меня все время притягивал, а Томаш Павелка, который к тому времени уже был на ТАМИ (Театральный факультет Академии музыкальных искусств. – Е.Х.), или только подал документы, так от него я узнал, как это собственно происходит. Он тоже не из актерской семьи, так что можно туда попасть и без протекции. А, собственно, до того произошла революция, это было в тот самый год, так что 30 ноября – в последний день, когда нужно отнести заявление о приеме на ТАМИ, – я нес заявление. Там была охрана, они говорят: несете листовки? А я отвечаю – в этот раз нет, несу заявление. Так что и благодаря всему этому я там почувствовал революцию, потому что я между теми студентами начал двигаться, ну и записался таким образом на ТАМИ, это продолжалось потом январь, февраль, март. Благодаря революции полностью поменялось педагогическое руководство, так что туда пришел господин Писториус, господин Прейсс, Борис Реснер, и они были там в комиссии, и они меня, на удивление, взяли) (художественный руководитель театра).

У ученых блок развития отсутствует, если главный герой нарратива – не рассказчик. В целом, как видим из таблицы, такой важнейший компонент нарратива, как кульминация, не слишком часто эксплицирован (44 и 50% текстов). Во всех нарративах художников присутствует компонент завершения (и в 75% случаев – у ученых), при этом, наоборот, кода, связывающая нарративную ситуацию (прошлое) с настоящим, реализована в 62% текстов ученых и всего в 44% – у художников. По моему мнению, это связано с типом конфликта и формируемой идентичностью авторов.

Тип конфликта напрямую связан с речевым конструированием реальности в нарративе: какие компоненты «противоборствуют», что создает точку напряжения. Заметим, ни в одном тексте не представлен грубый конфликт комедии положений («поскользнулся и упал»), даже если нарратив комический. Как видно из таблицы, у ученых наблюдается только 3 типа конфликтов. Самый частотный – влияние внешних обстоятельств (как внешняя среда внезапно меняет ход жизни) (38%). Все авторы нарративов застали социалистическую Чехословакию, так что в 2 текстах влияние обстоятельств связано с историческими условиями – жизнь изменилась из-за «коммунистов»:

No a začal jsem se na to velmi intenzivně, jak odborně, tak fyzicky a podobně připravovat, tenkrát se jednalo o Arktidu, no ale bylo mi to zaraženo tady toto nakonec zvenčí teda... ono to souviselo s prodloužením stipendia, nebo ne s prodloužením stipendia, s prodloužením stáže, a to se ukázalo býti naprosto nemožným. (И я начал очень интенсивно к этому готовиться (к стажировке со швейцарскими коллегами. – Е.Х.), физически и подобным образом готовиться, в тот раз речь шла об Антарктиде, а мне это было организовано в конце концов с той стороны (извне, капиталистическими коллегами. – Е.Х.), это было связано с продлением стипендии или не с продлением стипендии, а с продолжением стажировки, и это оказалось просто невозможным);

To bylo někdy asi rok nebo dva poté, co jsem se vrátil ze stáže ve Švýcarsku a pravděpodobně se konstatovalo, že jsem tam mohl načichnout a negativně ovlivňovat svoji získanou ideologii studenty, takže prostě už mně bylo přímo řečeno, a ty půjdeš taky. (Это было где-то примерно год или два после возвращения из той стажировки в Швейцарии, и, скорее всего, утверждали, что я там мог «нахвататься» и негативно влиять своей полученной идеологией на студентов, так что мне просто прямо было сказано: и ты тоже пойдешь отсюда) (астрофизик). И один случай – это влияние трагической случайности на жизнь человека (падение с высоты).

Половина текстов ученых демонстрирует конфликт ожиданий и реальности. В первом случае – это социальные ожидания неопытности от молодого ассистента в вузе и его действительно качественная работа со студентами, второй пример – ожидание от новостей, транслируемых за границу, весомости, важности, серьезности:

Zase přes rádio můžeme posílat, poslouchat třeba krátké vlny Českého rozhlasu, což se stalo za mě jednou jedinkrát, a to jsme chytli nějaké vysílání v češtině na krátkých vlnách pro zahraničí a byly to rovnou zprávy, bylo to v 10 hodin večer našeho času, teda času antarktického, i když ten časový rozdíl mezi stanicí a Českou republikou je jenom 4 hodiny, to zas není tolik, ono je to severojižně jako... no a chytli jsme zprávy a tam jsme se dozvěděli první informaci něco o Paroubkovi, druhou informaci o tom, že se pokazilo poslední tedy třetí Pendolino a čtvrtá informace byla z podobného pytle a tak jsme si řekl: Ježišmarja Josef, toto Český rozhlas vysílá ve zpravodajství do Austrálie? Ty Čechoaustralani z toho musí být úplně na větvi z těchto informací. (Снова по радио можем посылать и слушать, например, короткие волны Чешского радио, что однажды со мной приключилось. То есть мы поймали какое-то вещание на коротких волнах на чешском языке для зарубежья, и это были известия, было это в 10 вечера по нашему времени, то есть по антарктическому, хоть разница во времени между станцией и Чешской Республикой всего лишь 4 часа, ну не так уж, только на север-юг (направление. – Е.Х.) как... Ну и поймали мы известия, а там мы получили первую новость, что-то о Парубке, вторую новость о том, что что-то повреждено, последнюю, то есть третью, о Пендолино (поезд. – Е.Х.), и четвертая новость была того же порядка. И я себе сказал: Боже мой, и это Чешское радио вещает в новостях на Австралию? Эти чехоавстралийцы должны быть совершенно в восторге от этих новостей) (климатолог).

И еще в двух текстах нарушаются не социальные, а научные прогнозы: Штефаник не смог во Французской Полинезии наблюдать комету из-за ее малых размеров (в нарративе астрофизика), и больная раком женщина выжила и даже посетила выпускной своей дочери (у онколога).

В одном тексте (заметим, нарративе с неполным набором композиционных блоков) конфликт связан с переживанием сильнейших эмоций от участия в концерте.

У представителей мира искусства типы конфликтов более разнообразны.

Самый частотный тип – конфликт ожиданий и реальности, причем во всех случаях это срыв социальных ожиданий. В двух случаях это нарушение героями социалистических законов, участие в антикоммунистической деятельности:

To vzniklo tak, že já jsem v té době, právě, když jsem zmizel z toho stavebnictví, tak abych měl určitou jistotu, tak jsem dělal ve výtvarný redakci Albatrosu, teda asi tři roky, ale to bylo takový velmi hezký období a tam chodili různý lidi a navíc Albatros nebyl příliš komunistická organizace, tam se vydávaly dětský knížky a bylo to takový jako trošku underground a tam chodil sociolog pan Blažek a on za mnou přišel a řekl, jestli bych mohl udělat pro Občanský fórum nějaký plakáty a v podstatě mi dal hesla, který on napsal. A já jsem na to udělal, to byly dva plakáty, ale byla to taková doba, že dneska, když to vidím, tak se trochu směju, protože tenkrát jsme to považovali, že se odvažujem něčeho nezákonného, vono to v podstatě bylo třeba: Paní učitelko, už nám nemusíte lhát. Že jo, což je dneska tak jako je... (Ну, это возникло так, что прямо в то время, когда я сбежал из строительства, чтобы убедиться в своей правоте, я работал в художественной редакции «Альбатроса», примерно 3 года, но это была такая прекрасная пора, туда приходили разные люди, более того, «Альбатрос» не был слишком коммунистической организацией, там издавались детские книжки, и это был немножко андеграунд, и туда приходил социолог пан Блажек, он ко мне пришел и спросил, не мог бы я сделать для Гражданского форума какие-ни-

будь плакаты, но это было такое время, что теперь, когда это вспоминаю, так немного смеюсь, потому что тогда мы считали, что отваживаемся на что-то незаконное, чем на самом деле это и было: госпожа учительница, вы уже не должны нам лгать. Ну сегодня это как-то...) (художник 1).

Еще в двух текстах представлено нарушение героями-«Я» социальных норм:

No, to je strašně kuriózní. Já vám prozradím teda anekdotu soukromou, že mně se totiž tak líbilo v tý Lublani a tak krásná byla ta výstava, že tam velvyslankyně a řeč, že jo prostě a, a ty místní jako lidi, že jo, takový ty, to oficiální úvod a teď tam byla hromada lidí a potom se po schodišti mělo přejít k banketu. A já ani nevím jak, já jsem najednou vypadl a seděl jsem sám v kavárně u kafe, úplně jsem se vyhnul těm lidem, potom jsem asi 3 dny chodil na / nesrozumitelné / horu, kde jsem prostě chodil běhat a sportovat a vlastně já jsem úplně jako obešel ten společenskej život, já vůbec nevím. (Ну это ужасно смешно. Я вам расскажу тогда личный анекдот, поскольку мне так понравилось в Любляне, так прекрасна была выставка, что там был посол и речь, что просто... и местные, и это официальное открытие, и теперь там была куча людей, и потом по лестнице нужно было перейти к банкету. А я не знаю, как внезапно выскользнул, сидел один в кофейне с кофе, я совершенно уклонился от тех людей. Потом я где-то 3 дня ходил на гору, куда просто ходил бегать и заниматься спортом, и, собственно, я совершенно избежал всей этой общественной жизни, вообще не знаю как) (художник 2).

Близок этому конфликту (тоже нарушение ожиданий) нарратив без явной кульминационной точки, в котором конфликт находится не «внутри» референциальной ситуации, а между стереотипными представлениями о типичной ситуации и неприукрашенной реальностью, в таких текстах предполагается моделирование ожиданий публики. В тексте фотографа – это конфликт между ожиданиями зрителей получить реальный живой снимок победы спортсменов и постановочностью фото, а у художника – между идеальностью сцены с животным-актером в кино и комизмом реальной работы с попугаем.

Влияние внешних обстоятельств обнаружено всего в 2 текстах художников, в обоих случаях это влияние другого человека, его мнения на выбор профессионального пути:

a zároveň jsem maloval se svým kamarádem, z kterýho (kerýho) se stal světovej malíř žijící v Itálii, a on tak za mnou přišel, to bylo už v době, kdy jsme se dost rozhádali, ale zaplat'pánbůh tohle jsem vzal vážně a říkal, hele, koukej, dej se na architekturu. To je kombinace mezi matematikou a malováním. Ani jedno není pravda, ale, ale podařilo mně skvěle. (а также я рисовал со своим другом, который стал художником с мировым именем, живущим в Италии, и он этак ко мне пришел, а это было уже в то время, когда мы сильно поссорились, но, слава богу, я это воспринял серьезно, и он говорил: «Эй, смотри, подайся на архитектуру. Это комбинация математики и рисования». Ну, это не правда, но... но вышло прекрасно) (архитектор).

Еще в одном нарративе комический эффект создается за счет точной передачи яркой речи героя:

No, to bylo tak zase, že jsem si na konci první třídy zlomil ruku a pak hnedka následně, takže jsem měl takovej trošku ustrašeněj něco dělat a babička mě takzvaně vykrmila, jo, říkala Martínku, papej, protože kdyby byla válka, kdo bude tlustej bude hubenej, kdo byl hubenej bude studenej, jo, takže jsem papal a přijel jsem po prázdninách obtloustlej, takže jsem hrál Pašíka. (Ну, снова было так, что в конце первого класса я сломал руку, и потом почти сразу снова, так что я немножко боялся что-нибудь делать. И бабушка меня, как гово-

рится, откормила, ну, говорила: «Мартинек, кушай, потому что, если будет война, кто будет толстый, станет худым, кто был худой, станет ледяным». Ну, поэтому я кушал и приехал после каникул растолстевшим, так что я играл Пашика (поросенка. – Е.Х.) (художественный руководитель театра).

Наконец, на основе анализа референтной ситуации и типа конфликта можно обрисовать тип идентичности, конструируемый в нарративах. У представителей искусства самый частотный образ «Я» – это бунтарь, нарушающий социальные нормы или борющийся с режимом, у ученых данного образа вообще нет. Близок образу бунтаря образ «Своего парня», которого уважают в школе, это типичная гендерно маркированная идентичность мужчины:

Pro mě bylo zadostiučinění, když asi po půl roce ke mně přišel Jirka, spolužák, takovej sígr třídy jako, ale vlastně fajn kluk a povídal no tak to, že jseš ten primus, to jsem věděl, ale že jseš jako dobrej kámoš, tak to vím taky (Для меня было удовлетворением, когда через полгода ко мне пришел Йирка, одноклассник, этакий хулиган / озорник класса, но на самом деле классный парень, и сказал: «Ну да, то, что ты отличник, я знал, а что ты и хороший товарищ, это теперь тоже знаю») (художественный руководитель театра).

В двух текстах художников реализуется ситуация выбора профессионального пути, в трех создается образ профессионала, который снижает «пафос» своей работы, вводит элемент комизма, нелепости (заметим, что только 1 ученый избрал эту идентичность «обычного» человека, в работе которого присутствует элемент комизма).

У ученых образ ищущего профессиональный путь – самый частотный, заметим, что у представителей медицины этот сюжет преодолевает профессиональную сферу и служит для переосмысления жизни в целом.

О себе как профессионалах (без сниженной оценочности) говорят 2 ученых, эти оценочные компоненты находятся в коде и создают риторически высокий образ науки и ученого:

My jsme se dozvíдали věci v takovém smyslu, že jsme pochopili, v čem spočívá podstata vědeckého výzkumu, že to není jenom nabířlovat se nějaké vzorečky nebo nabířlovat se nějaké skutečnosti z historie té fyziky, toho oboru, ale že musíte hodně přemýšlet. A že si musíte klást otázky a že na ty otázky většinou nikdo nezná odpověď. Takže prostě je to všechno velice takové chatrné, bych řekl, ale to je právě to kouzlo té fyziky. (Мы узнавали вещи в таком смысле, что поняли, в чем заключается основа научного исследования, что это не только зубрежка каких-то образцов, зубрежка каких-то обстоятельств из истории физики, этого направления, но что вы должны много размышлять. И что вы должны задавать вопросы, и чаще всего на эти вопросы никто не знает ответа. Так что просто это все очень зыбко, я бы сказал, но именно это и есть волшебство физики) (астрофизик);

Ale prostě za tuto cenu jsem na tý fakultě zůstal a mohl jsem se potom jaksi vzdělávat a mohl jsem prostě růst a kout pikle, myslím vědecké pikle dál. (Но именно ценой этого я на факультете остался, смог потом каким-то образом развиваться, мог просто расти и плести сети, я имею в виду научные сети (игра слов: «ковать пики» и фразеологизм «строить козни». – Е.Х.), дальше) (климатолог).

Только один ученый реализовал иную, не профессиональную идентичность – любителя искусства:

Tak pro mě takovej hezkej zážitek byl Izrael s filharmonickým sborem, Pražským filharmonickým sborem. (Для меня был такой прекрасный опыт – Израиль с филармоническим хором, Пражским филармоническим хором) (биохимик).

Таким образом, у художников в половине случаев идентичность не связана с профессиональной деятельностью, это идентичность социальная и гендерная – они выбирают образ бунтаря и «своего парня». У 7 из 8 ученых реализована именно профессиональная идентичность, дополненная высокой патетикой.

Усложнение структуры, как видим из таблицы, в количественном отношении примерно одинаково у обеих групп информантов – 33 и 37%, при этом тип усложнения качественно различается. У художников в 2 случаях наблюдается ассоциативный свернутый нарратив, когда перечисляется цепь разновременных событий, связанных одной темой:

Bud' mě chytili, jak jedu na nákladním vlaku a někde mě dopadli na nádraží, nebo jsem na vojně dal jednomu oficirovi facku za jeho blbý kecý, který (kerý) na mě měl, nebo jsem se snažil zase na vojně bejt 50% času na útěku a někdy to selže a oni vás drapnou a šup do kriminálu. Takže když už jsem byl třeba na vojně potřetí na 3 tejdny v kriminálu, tak mně potom dávali vodit ty chudáky, co šli k soudu, mně dávali jako eskortu, abych viděl, jak to hnusně se mnou může, může dopadnout. Chytili nás Francouzi ještě s jedním panem profesorem, ale to jsme byli mladý kluci, s Emilem Přikrylem, a co, tak jsme tábořili v lese, měli jsme strašně umouněný starý auto, byli jsme lehce odrbaný (vodrbaný) a v takový velký plechovce od okurek (vod vokurek) jsme si vařili polívku, což na francouzský policajty zjevně má velmi špatnej vliv. Anebo jsem doběhl ruský velvyslanectví v 68. v Holandsku v Rotterdamu, respektive v Haagu, kde bylo tohle, už jsme zdolali spolu s ultralevičákama, který (kerý) mě z duše štváli, ale byly s nima ty nejkrásnější holky z Holandska, a už jsme zdolali třetí barikádu policejní, kde jsme jako zbraň používali takový dlouhý tyče a na konci byl taková okovaná cedulka. A když jste toho koně šlehnul po koulích tímhle tím, tak ten i s tím policajtem vystřelil jak raketa. No jo, ale to bylo kvalifikovaný jako, jako nedovolený chování. Nejrůznější věci, většinou jsem řek něco blbýho těm policajtům (Или меня схватили, когда я ехал на грузовом поезде, и где-то на вокзале меня задержали, или в армии я дал пощечину одному офицеру за его тупые высказывания, а он на меня зуб имел, или снова в армии я пытался 50% времени быть в самоволке, и иногда это срывалось / не получалось, и они вас цап и быстро в кутузку. Так что когда в армии я уже в третий раз на три недели оказался в кутузке, так мне потом поручали водить этих бедняг на суд, меня ставили эскортом, чтобы я видел, как ужасно все может закончиться и для меня. Схватили нас французы еще с одним господином профессором, но тогда мы были молодые парни, с Эмилем Пшикрылом. Мы разбили стоянку в лесу, у нас была ужасно заляпанная старая машина, мы были слегка податые и в такой большой банке от огурцов варили суп, что на французских полицейских явно произвело плохое впечатление. Или я одурачил русское посольство в 68-м в Голландии, в Роттердаме, точнее в Гааге, где мы уже действовали с ультралевыми, от которых меня с души воротило, но с ними были самые красивые девушки Голландии. И мы преодолели уже третью полицейскую баррикаду, где как оружие мы использовали такие длинные палки, а на конце была как бы окованная карточка. И когда вы этого коня хлестнули по я...цам этой палкой, он вместе с полицейским понесся как ракета. Ну да, и это было квалифицировано как противоправное поведение. Самые разные вещи. Чаще всего я говорил что-то тупое этим полицейским) (архитектор).

У фотографа 2 ассоциативных нарратива связаны темой постановочных фотографий спортсменов.

У ученых наблюдается другой тип усложнения: это вставной несвернутый нарратив, когда в текст с героем-«Я» внедряется нарратив с полной структурой с иными героями, так, ветеринар, начиная рассказывать о создании своей книги, вставляет нарратив о ситуации, которая его вдохновила:

No ono to vzniklo všechno tak, že před pár lety ke mně přišel mládenec, kterej dělal přírodovědu tady na, v Praze a chtěl dělat brigádu. A my jsme si ještě dělali srandu, že by moh bejt tak akorát sestřák. A on říkal, jo, to že bere a že... Když by to, takže by tu brigádu měl hrozně rád. No a ta práce se mu tak zalíbila, tomu mládenci, že von přerušil tu přírodovědu, udělal přijímačky na veterinu v Brně, úspěšně je absolvoval a protože to byl sportovec a vopravdu takovej kluk se zanícením do všeho, tak před poslední státnicí si šel zalézt na skály, což byla jeho vášeň a uklouzlo mu to a on spadnul asi 22 metrů a zlomil si druhé krční obratel, takže úplně ochrnul a vlastně mu funguje hlava od ramene nahoru a musí se s ním i dýchat, jo, a ten stav už trvá rok a půl. A když si člověk uvědomí, jak rychle, jak během jedny vteřiny může dojít úplně ke změně všech hodnot a všeho, co člověk má a co je kolem něho a na co se těší a jak se to všechno změní, tak jsem si uvědomil, jak vlastně tenhle příběh mě zasáh tím, že začnete úplně jinak vnímat třeba i ty zvířata, který nějak pomáhají těmto lidem. A to jsou ty asistenční psi a najednou jsem zjistil, že kromě psů existuje, kromě té canisterapie i felinoterapie, že i pomocí koček se léčí. A najednou jsme začali dávat tyhle příběhy dohromady a vlastně celá ta knížka je o tom, která a konkrétní zvířata komu pomohla a jsou tam samozřejmě příběhy, které se snažíme, aby to mělo nějaké optimistickej konec, ale jak mi říkají i lidi, kteří už si tu knížku přečetli, že si občas i zapláčou. Takže takhle vznikla ta poslední pátá knížka (Ну, все это возникло так, что пару лет назад ко мне пришел молодой человек, который изучал природоведение здесь, в Праге, и хотел подработать. И мы еще шутили, что он мог быть прямо медбратом. А он говорил да, что понимает и если бы так было, и что эту подработку ужасно любит. И эта работа ему так понравилась, этому молодому человеку, что он бросил это природоведение, сдал экзамены на ветеринарный в Брно, успешно его закончил, а поскольку был спортсменом и парнем с энтузиазмом ко всему, так перед последним госэкзаменом пошел забраться на скалы, это было его страстью, поскользнулся и упал с высоты 22 метров, сломал второй шейный позвонок, так что его полностью парализовало, функционирует у него только голова выше плеч, ему нужно помогать дышать, и его состояние длится уже полтора года. И когда человек понимает, как за мгновение могут измениться все ценности, все, что человек имеет и что вокруг него, на что он надеется и как это все меняется. И я понял, как этот случай меня затронул тем, что начинаешь совершенно по-другому воспринимать и животных, которые помогают таким людям, например, это псы-поводыри, и внезапно я выяснил, что кроме собак, канистерапии, существует фелинотерапия, что и с помощью кошек лечат. И мы сразу начали собирать эти истории, собственно, вся эта книжка о том, как и кому конкретно животные помогли. И во всех этих историях мы стараемся, чтобы был оптимистичный конец, но, как мне говорят люди, которые уже эту книжку прочитали, что они иногда и плакали. Так что именно так возникла эта последняя, пятая книжка) (ветеринар).

Астрофизик вставляет в свой текст объемный рассказ о чехословацком ученом и политике Милане Ростиславе Штефане, а онколог – о чуде выздоровевшей пациентке. Объединяет все эти усложненные нарративы ученых, во-первых, внимание к другому человеку (заметим, у художников нет ни одного нарратива с героем-не «Я»), а во-вторых, мотив вдохновения, влияния других на становление личности.

Таким образом, сам набор композиционных блоков в текстах информантов двух профессиональных групп не является значимым. Существеннее оказываются качественные характеристики нарративов.

Объединяет обе эти группы информантов включение исторического контекста – коммунизма в Чехословакии – в структуру нарратива, однако если для художников режим служит компонентом конфликта «я и история», поддерживает идентичность борца с коммунизмом, то у ученых это непреодолимые обстоятельства, вмешивающиеся в их жизнь; идентичность борца не реализовал ни один из

ученых. Таким образом, исторический факт является конструктором и по-разному встраивается в структуру нарратива представителей разных социальных групп.

Представители науки продемонстрировали важность профессиональной идентичности, ставшей определяющим компонентом самоосмысления. При этом художники в половине случаев реализовали социальную, но не профессиональную идентичность бунтаря, борца.

Типы усложнения структуры нарратива также являются значимыми для оценки конструирования идентичности: ни в одном случае художники не делали героем своего нарратива Другого, их тексты эгоцентричны. Ученые же наоборот, склонны прерывать Я-нарратив полноценным повествованием о Другом, а полнота нарративов о людях (наличие в том числе блока оценки, коды) создает эффект эмпатии.

Как видим, представители двух «противоположных» профессиональных групп – «поэты» и «естественники» – в ситуации публичного порождения текста конструируют образ «Я» по-разному, при этом обнаруживаются групповые сходства этих идентичностей. Представление индивида о себе во многом является производным от опыта социальной группы, к которой он принадлежит.

ЛИТЕРАТУРА

Губогло М.Н. Идентификация идентичности: Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 763 с.

Коровицына Н.В. Чешский человек в первом десятилетии 2000-х годов (анализ материалов ЦИОМ ИС АН ЧР). М., 2011. 200 с.

Крысин Л.П. Проблема социальной дифференциации языка в современной лингвистике // Социолингвистика вчера и сегодня: сб. науч. трудов / Отв. ред. Н.Н. Трошина; РАН; ИНИОН; Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания. М., 2008. С. 72–89.

Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность / Москов. открытый социальный ун-т. М., 2001. 272 с.

Brockmeier J., Carbaugh D. Introduction // Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture / Ed.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins publ., 2003. P. 1–22.

Bruner J. Self-making and World-making // Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture / Ed.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins publ., 2003. P. 26–39.

Currie A.M. Narratives, Mechanisms and Progress in Historical Science // Synthese. 2014. Vol. 191. P. 1163–1183.

Čmejrková S. (1) Kontexty a situace mluveného projevu // Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Ed.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 61–102.

Čmejrková S. (2) Mluvená čeština v různých podobách mediálního dialogu // Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Ed.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 253–308.

Čmejrková S. (3) Řeč a konstrukce identity mluvčích (v narativním interview) // Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / ed. S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. S. 115–127.

Fivush R., Haden C.A. Introduction: Autobiographical Memory, Narrative and Self // Autobiographical Memory and the Construction of a Narrative Self. Developmental and Cultural Perspectives / Ed.: R. Fivush, C. Haden. Mahwah, New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., 2003. P. vii–xiv.

Giddens A. Modernity and Self Identity. Stanford: Stanford University Press, 1991. 264 p.

Gumperz J.J. Interactional Sociolinguistics: a Personal Perspective // *The Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehernberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2003. P. 215–228.

Heller M. Discourse and Interaction // *The Handbook of Discourse Analysis* / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehernberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publishers, 2003. P. 250–264.

Kreisslová S. Konstrukce etnické identity a kolektivní paměti v biografických vzpráveních českých Němců: na příkladu vzpomínek Němců na Chomutovsku. Praha: Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze, 2013. 194 s.

Labov W. Speech Actions and Reactions in Personal Narrative // *Analyzing Discourse: Text and Talk* / Ed. by D. Tannen. Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 219–247.

Labov W., Waletzky J. Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience // *Essays on the Verbal and Visual Arts* / J. Helm (Ed.). Seattle, WA: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.

Mlčoch L., Machonin P., Sojka M. Economic and Social Changes in Czech Society after 1989 (an alternative view). Praha: Karolinum, 2000. 280 s.

Nekvapil J. Jazykové biografie a analýza jazykových situací: k osudům německé komunity v české republice // *Časopis pro moderní filologii*. 2001. D. 83, № 2. S. 65–80.

Swales J.M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press, 1991. 260 p.

Tomasello M. Joint Attention as Social Cognition // *Joint Attention: Its Origins and Role in Development*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 103–130.

Virtanen T. et al. Persuasion across Genres: Emerging Perspectives / T. Virtanen, H. Halmari // *Persuasion across Genres: a Linguistic Approach* / Ed. by H. Halmari and T. Virtanen. Philadelphia, PA, USA: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 3–24.

Vlachová K., Řeháková B. Česká národní identita po zániku Československa a před vstupem do Evropské unie // *Sociologické studie / Sociological Studies*. № 9. 2004. S. 1–39.

Weedon Ch. Identity and Culture: Narratives of Difference and Belonging. NY, Maidenhead: Open University Press, 2004. 144 p.

REFERENCES

Guboglo M.N. (2003) Identity Identification: Ethnosociological Essays. Moscow. Nauka Publ. 763 p.

Korovitsina N.W. (2011) Czech Man in the First Decade of the 2000s (Analysis of Materials by the Center for the Study of Public Opinion of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences of the Czech Republic). Moscow. 200 p.

Krysin L.P. (2008) The Problem of Social Differentiation of Language in Modern Linguistics. In: *Sociolinguistics Yesterday and Today: A Collection of Scientific Works* / Ed. N. Troshina; RAS; ISISS, CHSIS. Moscow, pp. 72–89.

Shnejder L.B. (2001) Professional identity. Moscow. MOSU Publ. 272 p.

Brockmeier J., Carbaugh D. (2003) Introduction. In: *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture* / Eds.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 1–22.

Bruner J. (2003) Self-making and World-making. In: *Narrative and Identity: Studies in Autobiography, Self and Culture* / Eds.: J. Brockmeier, D. Carbaugh. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., pp. 26–39.

Currie A.M. Narratives, Mechanisms and Progress in Historical Science. *Synthese*. 2014. Vol. 191, pp. 1163–1183.

Čmejrková S. (1) (2011) Kontexty a situace mluveného projevu. In: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha. Academia. S. 61–102.

Čmejrková S. (2) (2011) Mluvená čeština v různých podobách mediálního dialogu. In: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha. Academia. S. 253–308.

Čmejrková S. (3) (2011) Řeč a konstrukce identity mluvčích (v narativním interview). In: Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí / Eds.: S. Čmejrková, J. Hoffmannová. Praha. Academia. S. 115–127.

Fivush R., Haden C.A. (2003) Introduction: Autobiographical Memory, Narrative and Self. In: Autobiographical Memory and the Construction of a Narrative Self. Developmental and Cultural Perspectives / Eds.: R. Fivush, C. Haden. Mahwah, New Jersey; London: Lawrence Erlbaum Associates Publ., pp. vii–xiv.

Giddens A. (1991) *Modernity and Self Identity*. Stanford: Stanford University Press. 264 p.

Gumperz J.J. (2003) Interactional Sociolinguistics: a Personal Perspective. In: The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehnberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publ., pp. 215–228.

Heller M. (2003) Discourse and Interaction. In: The Handbook of Discourse Analysis / Ed. by D. Schiffrin, D. Tannen, H. Ehnberger Hamilton. Malden, MA: Blackwell Publ., pp. 250–264.

Kreisslová S. (2013) Konstrukce etnické identity a kolektivní paměti v biografických vzpříveních českých Němců: na příkladu vzpomínek Němců na Chomutovsku. Praha. Filozofická fakulta Univerzity Karlovy v Praze. 194 s.

Labov W. (1987) Speech Actions and Reactions in Personal Narrative. In: Analyzing Discourse: Text and Talk / Ed. by D. Tannen. Washington, DC: Georgetown University Press, pp. 219–247.

Labov W., Waletzky J. (1967) Narrative Analysis: Oral Versions of Personal Experience. In: Essays on the Verbal and Visual Arts / Ed. by J. Helm. Seattle, WA: University of Washington Press, pp. 12–44.

Mlčoch L., Machonin P., Sojka M. (2000) Economic and Social Changes in Czech Society after 1989 (an alternative view). Praha. Karolinum. 280 s.

Nekvapil J. (2001) Jazykové biografie a analýza jazykových situací: k osudům německé komunity v české republice. *Časopis pro moderní filologii*. D. 83. No 2, s. 65–80.

Swales J.M. (1991) *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge, N.Y.: Cambridge University Press. 260 p.

Tomasello M. (1995) Joint Attention as Social Cognition. In: Joint Attention: Its Origins and Role in Development. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, pp. 103–130.

Virtanen T. et al. (2005) Persuasion across Genres: Emerging Perspectives. In: Persuasion across Genres: A Linguistic Approach / Ed. by H. Halmari and T. Virtanen. Philadelphia, PA, USA: John Benjamins Publishing Company, pp. 3–24.

Vlachová K., Řeháková B. Česká národní identita po zániku Československa a před vstupem do Evropské unie. *Sociologické studie (Sociological Studies)*. 2004. No 9, s. 1–39.

Weedon Ch. (2004) *Identity and Culture: Narratives of Difference and Belonging*. NY, Maidenhead. Open University Press. 144 p.

Сведения об авторе:

Екатерина Сергеевна Худякова,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

Ekaterina Khudyakova,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Perm State University

khudiakova.es@gmail.com

М.С. Кругова (Москва, Россия)

Кодификация новшеств в сфере гендерных коррелятов со значением лица в современном испанском языке

Аннотация: В современном испанском языке наблюдается вариативность форм образования гендерных коррелятов со значением лица. В статье рассматривается, как отражены в «Новой грамматике испанского языка» (2009), ставшей первой академической грамматикой с 1931 г., сдвиги в категории одушевленных существительных со значением лица. Отмечаются значительные изменения в группе существительных общего рода со значением лица (прежде всего, номинации женщин по профессии и роду деятельности): образование гендерных коррелятов с выраженным родовым окончанием, а также переосмысление некоторых неизменяемых существительных со значением лица. В то же время академическая грамматика защищает одну из важнейших функций мужского рода в испанском языке – обозначать совокупность лиц мужского и женского пола, а также употребляться в контекстах, когда пол лица нерелевантен. Кодифицирующая деятельность Королевской академии испанского языка опирается на понятия полицентричности нормы и ее вариативности, сочетая традиционный подход с новаторским.

Ключевые слова: «Новая грамматика испанского языка», Королевская академия испанского языка, гендерные корреляты, кодификация

M.S. Krugova (Moscow, Russia)

Codification of Changes to Gender Specific Nouns Referring to Humans in Modern Spanish

Abstract: In modern Spanish there are several ways of forming masculine and feminine nouns referring to humans. The article discusses how the “New Grammar of the Spanish Language” (2009), the first academic grammar since 1931, marks new shifts in the category of gender in Spanish animate nouns. These changes are particularly important in common gender nouns referring to job titles. Some major changes occur in common gender nouns referring to humans, particularly names of female professions and occupations. There are occurrences of gender specific nouns with a pronounced gender ending; some unchangeable nouns referring to humans start to change their meanings. The Royal Spanish Academy, however, defends generic masculine as a most essential

function of masculine gender. The codification is based on the concept of polycentric and variable norm, and it combines conventional and innovative approaches.

Key words: “New Grammar of the Spanish Language”, the Royal Spanish Academy, gender specific nouns, codification

Кодификация изменений, происходящих в языке, является крайне важной задачей. Она задает ориентиры грамотной речи, устанавливает нормы литературного языка – базы, необходимой при обучении языку и овладении его стандартами. Кодификация языкового явления опирается на соответствие данного явления структуре языка, его массовой регулярной воспроизводимости в речи и общественном одобрении [Словарь социолингвистических терминов: 89]. Это целенаправленное действие по отбору и фиксации лингвистических средств, моделей, признанных образцом грамотной речи. Норма как результат лингвистической кодификации характеризуется консервативностью, поскольку опирается на традиционные способы употребления языка, в эту область редко проникают новшества. Изменения в языке, как правило, обгоняют процесс их фиксации в словарях и грамматиках [Крысин].

Кодификацией испанского языка занимается основанная в 1713 г. Королевская Академия испанского языка (далее Академия). Деятельность Академии разворачивается по трем направлениям: лексически грамотное владение языком, знание грамматических правил и орфографическая грамотность – аспекты, которые отражены в словаре, грамматике и орфографии соответственно¹. В настоящее время Академия опубликовала следующие нормативные издания: 23-е издание словаря “Diccionario de la lengua española” (2014), словарь трудностей “Diccionario panhispánico de dudas” (2005), орфография “Ortografía de la lengua española” (2010) и грамматика в двух частях: “Nueva gramática de la lengua española. Morfología y sintaxis” (2009) и “Nueva gramática de la lengua española. Fonética y fonología” (2011).

Новая академическая грамматика является первой академической грамматикой, изданной с 1931 г. За этот период в языке, несомненно, произошли изменения, и грамматика 2009–2011 гг. стала настоящим событием для всего испаноязычного мира. Это результат одиннадцати лет сотрудничества 22 академий испанского языка и экспертов из Европы и Америки. В грамматике сочетается традиционный подход – прескриптивный – и новаторский, основанный на многоплановости нормы. В предисловии к грамматике говорится, что норма испанского языка не может быть представлена в виде образца языкового стандарта какой-либо конкретной страны. Она рассматривается как переменная, зависящая от географических и социальных факторов. Кроме того, в грамматике описываются процессы, не являющиеся нормативными на данный момент, но отражающие тенденции развития языка [Prólogo: XLII–XLIII].

В современном испанском языке сложилась ситуация, когда сдвиги в определенном фрагменте языковой системы не только вызваны эволюцией самого языка, но и связаны с сознательной попыткой воздействия на языковую норму.

С конца прошлого века в Испании активно развивается феминистская критика языка и деятельность сторонников гендерного равноправия. Они стремятся внедрить в обиход, а также придать нормативный статус некоторым структурам и единицам, которые не закрепились в узусе и не имеют устойчивой традиции упо-

¹ Веб-сайт Королевской Академии испанского языка: www.rae.es/obras-academicas (дата обращения: 12.10.2017).

требления. Деятельность сторонников гендерного равноправия связана с критикой категории рода одушевленных существительных в испанском языке и базируется на постулате о невозможности обозначать лицо женского пола существительным в форме мужского рода¹. Доктор филологии профессор Игнасио Боске выступил на заседании Академии 1 марта 2012 г. в Мадриде с докладом о гендерной дискриминации в языке “Sexismo lingüístico y visibilidad de la mujer”, в котором детально проанализировал изданные различными организациями и институтами рекомендации по гендерно корректному употреблению испанского языка. И. Боске отметил значительное количество противоречий в них, в том числе не соответствующих языковой системе и узусу [Bosque].

Традиционно в испанском языке мужской род может употребляться неспецифицированно, т. е. выступать как немаркированный член оппозиции при обозначении коллектива лиц мужского и женского пола (*los niños* дети), либо в нейтральных контекстах (*derechos del niño* права ребенка). Поборники гендерного равноправия считают данное употребление некорректным и настаивают на маркированности форм мужского рода, т. е. их соотносительности исключительно с лицами мужского пола. В качестве альтернативы предлагается совместное употребление форм мужского и женского рода при обозначении коллектива лиц (*los niños y las niñas*) или употребление собирательных существительных (*la niñez* «детство» в значении «дети») [Medina Guerra: 50–53].

Данные преобразования становятся частью речевой практики, проникая в узус образованных носителей языка в ряде испаноязычных стран. На официальном веб-сайте «Национальной комиссии по правам человека» Мексики встречаем следующий пример: “Los Derechos Humanos de niñas, niños y adolescentes están previstos en la Constitución Política de los Estados Unidos Mexicanos, en los tratados internacionales y en las demás leyes aplicables, esencialmente en la Convención sobre los Derechos del Niño y en la Ley General de los Derechos de Niñas, Niños y Adolescentes (publicada el 4 de diciembre de 2014), la cual reconoce a niñas, niños y adolescentes como titulares de derechos...”². Очевидно, что как во множественном числе *los derechos de niños, niñas*, так и в единственном *derechos del niño* речь идет о правах детей в целом, т. е. употреблены синонимичные способы передачи значения. Наличие конкурирующих способов выражения в рамках одного текста свидетельствует о возможных сдвигах нормы. Подобное чередование форм встречается на веб-сайте испанского отделения ЮНИСЕФ: “...cambiar la vida de miles, millones de niños... Queremos mejorar la vida de los niños y niñas fuera y dentro de nuestras fronteras”³. Следует отметить, что приведенные выше примеры не являются единичными.

В речевой практике наблюдаются колебания в наименовании лиц женского пола по профессии и роду деятельности. С одной стороны, это обусловлено изменениями социальных реалий в Испании после смерти Франко в 1975 г. и последующим активным участием женщин в социально-политической жизни. Новые номинации

¹ Предложения сторонников гендерного равноправия по устранению гендерной асимметрии в языке охватывают широкий спектр вопросов, включая орфографические и синтаксические преобразования. В данной статье мы рассмотрим новшества только в сфере категории рода существительных со значением лица.

² Веб-сайт «Национальной комиссии по правам человека» Мексики: www.cndh.org.mx/Ninos_Derechos_Humanos (дата обращения: 15.11.2017).

³ Веб-сайт испанского отделения ЮНИСЕФ: www.unicef.es/quienes-somos/unicef-espana (дата обращения: 15.11.2017).

возникли в результате необходимости называть женщин той или иной профессии: *diputada* женщина-депутат, *fiscal* женщина-прокурор и многие другие. С другой стороны, сторонники гендерного равноправия в языке требовали, чтобы женщину по профессии называли существительным женского рода с выраженным показателем женского рода -а (*médica*), а не словом общего рода (*médico*), в котором окончание -о воспринимается как показатель мужского рода.

Неустойчивость форм при наименовании женщины по профессии охватывает не только разговорную речь, куда изменения проникают в первую очередь, но также и официальный регистр. Интересен пример испанской фирмы “Nadal”, которая выпустила декоративную статуэтку женщины-врача под названием “Ya soy médica”. Однако в описании этой фигурки женщину-врача называют существительным не женского, как в названии, а общего рода с окончанием -о: “La colección “Pequeños tesoros” de Nadal presenta a una chica que acaba de cumplir su sueño de convertirse en médico”¹.

Иногда в речевую практику проникают очевидно чуждые узусу большинства носителей языка формы. Сознательное нарушение нормы сторонниками гендерного равноправия, как правило, вызвано стремлением заявить о своей позиции и воспринимается как часть идеологической борьбы. В качестве иллюстрации можно привести попытку Бибианы Аидо, экс-министра по вопросам равноправия Испании, в 2008 г. популяризировать слово *miembra* «женщина-член», что вызвало бурное обсуждение в СМИ, а также существительное *portavoza* «женщина-спикер» в речи спикера партии “Podemos” Ирене Монтеро в феврале этого года. Подобные случаи получают широкий общественный резонанс, поскольку подавляющим большинством носителей языка осознается их несоответствие существующей норме.

Конкуренция форм, проникающая в общественно-политический дискурс, язык СМИ и повседневную речь образованных носителей языка, говорит о неустойчивости нормы. Новое издание академической грамматики должно задать ориентиры грамотной речи, признавая нормативный статус одних явлений и оставляя на периферии другие. Понимая норму как результат кодификации языка, рассмотрим, какие изменения в категории рода одушевленных существительных со значением лица в современном испанском языке были кодифицированы и нашли отражение в академической грамматике.

Академия защищает традиционное употребление формы мужского рода в качестве немаркированного члена оппозиции, который может относиться в том числе и к лицам женского пола. Это особенность не только испанского языка, но и других романских языков. Таким образом, употребление одного и того же существительного в форме мужского и женского рода при обозначении коллектива лиц обоего пола является излишним и не соответствует норме. Согласно Академии, повтор допустим в контекстах, когда может возникнуть двусмысленность (*Los españoles y las españolas pueden servir en el Ejército*), в остальных случаях его следует избегать (*Los alumnos de esta clase (вместо los alumnos y las alumnas) se examinarán el jueves*). В «Новой грамматике испанского языка» отмечается, что выражения *señoras y señores, damas y caballeros* и подобные им получили широкое распространение, так же как и использование повторяющихся форм в политико-административном дискурсе, школьных текстах и СМИ в целом [Dossier: 8–10].

---

¹ Веб-сайт магазина “El Corte Inglés”: www.elcorteingles.es/hogar/A18560683-figura-ya-soy-medica-nadal/ (дата обращения: 15.11.2017).

В академической грамматике очень подробно рассматривается группа одушевленных существительных, обозначающих лицо по профессии, роду деятельности, занятию. Дело в том, что именно в этой группе возникло множество конкурирующих форм для обозначения лица женского пола (*juez / jueza, abogado / abogada* и др.). Традиционно большинство номинаций здесь употреблялось в форме мужского рода с соответствующими окончаниями -о, -е или -Ø, что объясняется историческими реалиями, и заложенная в системе языка возможность противопоставления лиц по полу оставалась нереализованной.

В новой академической грамматике кодифицируются новые номинации женщины по профессии и роду деятельности, образованные от существительных, оканчивающихся на -о: *abogado / abogada; agregado / agregada; árbitro / árbitra; arquitecto / arquitecta; banquero / banquera; biólogo / bióloga; bombero / bombera; boticario / boticaria; calígrafo / calígrafa; candidato / candidata; catedrático / catedrática; comisario / comisaria; diputado / diputada; doctor / doctora; escribano / escribana; estomatólogo / estomatóloga; farmacéutico / farmacéutica; filántropo / filántropa; filólogo / filóloga; filósofo / filósofa; físico / física; fontanero / fontanera; fotógrafo / fotógrafa; funcionario / funcionaria; geógrafo / geógrafa; geólogo / geóloga; ginecólogo / ginecóloga; grafólogo / grafóloga; informático / informática; ingeniero / ingeniera; licenciado / licenciada; magistrado / magistrada; mandatario / mandataria; matemático / matemática; mecanógrafo / mecanógrafa; médico / médica; meteorólogo / meteoróloga; ministro / ministra; neurólogo / neuróloga; notario / notaria; odontólogo / odontóloga; podólogo / podóloga; (p)sicólogo / (p)sicóloga; químico / química; quiosquero / quiosquera; reportero / reportera; secretario / secretaria; síndico / síndica; taquígrafo / taquígrafa; técnico / técnica; torero / torera; veterinario / veterinaria*. Данный список гендерных коррелятов, в котором существительное женского рода употребляется без изменения значения и дополнительных коннотаций, может по-разному реализовываться в узусе говорящих из разных испаноязычных стран. Тем не менее четко прослеживается общая закономерность изменений и их нормативный статус.

Согласно новой академической грамматике, к словам общего рода относятся существительные, оканчивающиеся на -ante и -(i)ente, восходящие в большинстве своем к латинским причастиям настоящего времени: *agente, amante, aspirante, cantante, combatiente, concursante, conferenciante, delincuente, delineante, demandante, denunciante, descendiente, donante, drogodependiente (drogadependiente в Аргентине), escribiente, garante, informante, manifestante, narcotraficante, penitente, pretendiente, remitente, representante, simpatizante, televidente, terrateniente, traficante, viajante, viandante*. Однако в этой группе некоторые существительные также образовали гендерные корреляты, признанные нормативными: *cliente / clienta; comediante / comedianta; congregante / congreganta; dependiente / dependienta; figurante / figuranta; intendente / intendenta; presidente / presidenta; sirviente / sirvienta*. Указанные выше пары носят общеиспанский нормативный характер, но в ряде испаноязычных стран они не вытеснили из усуса конкурирующие варианты общего рода. Например, форма *la clienta* употребляется наряду с *la cliente* в Чили, Мексике, Центральной Америке, Доминиканской Республике и других странах, причем в некоторых из них вариант женского рода *la clienta* считается сниженным. В Эквадоре, Гондурасе, Доминиканской Республике, Венесуэле, Мексике и Перу чередуются существительные *la presidente* и *la presidenta*. Мы сталкиваемся с полицентричностью языковой нормы, ее вариативностью в зависимости от гео-

графического фактора. В академической грамматике, с одной стороны, фиксируются новые тенденции к употреблению гендерных коррелятов, с другой стороны, делается замечание, что данная модель не является универсальной.

Большая часть существительных, обозначающих лицо, с окончанием -е относится к словам общего рода, при обозначении лица женского пола показатель женского рода -а проявляется на уровне согласования: *adlátere, amanuense, artífice, cadete, cofrade / cófrade, compinche, cómplice, conserje, consorte, contable, cónyuge, copartícipe, correveidile, detective, doble, extraterrestre, intérprete, hereje, mequetrefe, múnícipe, partícipe, pinche, pobre, tiple* и другие. Гендерные корреляты в этой группе представлены следующими парами: *alcahuete / alcahueta, catire / catira, comediante / comedianta* (наряду с сущ. общ. р. *el/la comediante*), *jefe / jefa* (при сохранении сущ. общ. р. *el/la jefe*), *infante / infanta, nene / nena*. Также существуют пары *sastre / sastra* и *cacique / cacica*, однако форма женского рода этих слов употребляется редко.

Существительные, оканчивающиеся на -аг и -ег, как правило, являются словами общего рода: *el/la auxiliar, el/la crupier; el/la titular, el/la canceller, el/la bachiller, el/la mercader* (хотя форма ж. р. *mercadera* употреблялась в староиспанском языке и все еще встречается в некоторых странах Латинской Америки), *el/la sumiller, el/la ujier*. Обратим внимание, что существительное *canciller* “канцлер” относится к этой группе, хотя в некоторых СМИ до сих пор встречается конкурирующая форма *la cancellera*:

Tras 12 años en el poder, la cancellera alemana ha hecho de su ambigüedad pragmática una fórmula de éxito, pero sigue siendo una figura con muchas sombras. (El Periódico, 23.09.2017);

La cancellera Angela Merkel y Mariano Rajoy. EFE (Economía Digital, 07.04.2018).

Существительные, оканчивающиеся на -ог, образуют форму женского рода на -а: *director / directora; doctor / doctora; elector / electora; escritor / escritora; lector / lectora; profesor / profesora; rector / rectora; señor / señora*. Таким образом, женщину-директора следует называть *directora*, а не *director*, женщину-доктора *doctora* и не *doctor*. Несмотря на регулярность образования и нормативный статус гендерных коррелятов данной группы, в узусе форма женского рода реализуется не всегда. Например, в бланках Университета Комплутенсе (Мадрид, Испания) и Университета г. Леон (Испания) ученая степень доктора наук представлена в единственном варианте – в форме мужского рода *doctor*¹.

Существительные, оканчивающиеся на -л и образованные в большинстве своем от прилагательных, обычно не меняют окончание, т. е. являются словами общего рода: *el/la comensal, el/la corresponsal, el/la homosexual, el/la industrial, el/la oficial (de policía), el/la profesional*. Существительное *fiscal* “прокурор” также относится к этой группе, однако в Парагвае и других латиноамериканских странах употребляется форма *fiscala* с четким показателем женского рода -а, что отражено в академических словарях “Diccionario de la lengua española” и “Diccionario panhispánico de dudas”. Конкурирующие формы при обозначении лица женского пола представлены в парах *la concejala / la concejal, la bedela / la bedel*. В целом гендерные корреляты в данной группе немногочисленны: *español / española, zagal / zagala, colegial / colegiala* и др.

¹ Веб-сайт Университета Комплутенсе (Мадрид, Испания): www.ucm.es/descarga-de-impresos. Веб-сайт Университета г. Леон (Испания): www.unileon.es/personal/pdi/impresos#prof_asoc (дата обращения: 05.04.2018).

К общему роду относятся существительные, обозначающие лицо, оканчивающиеся на -z: *el/la capataz*, *el/la aprendiz*, *el/la portavoz*. Отдельно следует отметить существительное *juez* судья, которое имеет форму женского рода *la jueza*, конкурирующую с *la juez*. В Испании, Перу, Мексике *juez* употребляется как существительное общего рода, в то время как в Аргентине Венесуэле, Коста Рике, Чили сохраняются корреляты *juez / jueza*. Оба варианта признаются нормативными, вместе с тем конкретная реализация нормы определяется географическим фактором.

От существительных, оканчивающихся на -s и -n, образуется соответствующий коррелят женского рода на -a: *anfitrión / anfitriona*, *catalán / catalana*, *ladrón / ladrona*, *patrón / patrona*, *peatón / peatona*, *burgalés / burgalesa*, *feligrés / feligresa*, *francés / francesa*, *marqués / marquesa*. В этой группе есть два примера, представляющие особый интерес. Первый – это существительное *comadrona* “акушерка”, от которого был образован соответствующий коррелят мужского рода *comadrón*. Хотя последний употребляется редко ввиду экстралингвистических факторов, слово *comadrón,-na* включено в академический словарь без дополнительных помет. Второй случай представлен парой *guardés / guardesa*, в которой коррелят мужского рода является вторичным образованием от формы женского рода *guardesa* и конкурирует с существительным общего рода *guarda*. В данном случае сработал механизм выравнивания парадигмы, и вместо выпадающей из общей системы формы *guarda* была «достроена» та форма, которая характерна для группы слов (по аналогии с *francés / francesa*, *marqués / marquesa* и др.).

Тенденция к выравниванию парадигмы в группе номинаций лица в испанском языке достаточна сильна, поскольку она опирается на заложенную в системе возможность выражать противопоставление лиц мужского и женского пола при помощи типичных родовых окончаний. Конечно, далеко не все возможности системы реализуются и становятся частью литературного, или кодифицированного, языка. Так, наряду с существительными общего рода *el/la autodidacta* и *el/la políglota* нормативными считаются корреляты *autodidacto / autodidacta*, *polígloto / políglota*. Нормативным статусом обладает и аномальная с точки зрения морфологии форма мужского рода *modisto* – коррелят от существительного общего рода *modista*, которое было переосмыслено в языке как существительное женского рода на -a, при том что все остальные существительные на -ista относятся к общему роду и не меняют конечный гласный. На периферии системы находятся не ставшие общепотребительными, но свойственные для некоторого географического ареала или регистра корреляты *bebe (bebé) / beba* (Риоплатский регион, острова Карибского бассейна и некоторые страны Андского региона), *ídol / ídola* (молодежный жаргон Чили и Риоплатский регион), *yerno / yerna* вместо *yerno / nuera* (разговорная речь в некоторых латиноамериканских странах и некоторых регионах Испании).

В грамматике фиксируется сдвиг в категории неизменяемых существительных (epísenos) со значением лица на примере существительного *miembro* «член», которое начинает употребляться как существительное общего рода *el miembro / la miembro*, оба варианта грамматически правильные. Форма женского рода *la miembro* с четко выраженным родовым окончанием -a считается ненормативной. Такой же сдвиг наблюдается при употреблении слова *rehén* «заложник». Из группы неизменяемых по роду существительных с единственно возможным вариантом согласования по роду (*Ella era el único rehén*) «rehén» перешло в группу слов общего рода *el/la rehén*:

La rehén que debe elegir entre matar al presidente de EEUU o a su familia. (El Mundo, 24.07.2013).

Подводя итог, отметим, что кодифицирующая деятельность Академии совмещает традиционный подход с новаторским, в рамках которого норма рассматривается как полицентричная переменная, находящаяся в зависимости от географических и социальных факторов. Наряду с фиксацией нормативных вариантов в академической грамматике отмечаются периферийные явления, носящие систематический характер. В категории рода наблюдаются сдвиги в группе существительных общего рода со значением лица (прежде всего, номинации женщин по профессии и роду деятельности) и образование гендерных коррелятов с выраженным родовым окончанием, а также переосмысление некоторых неизменяемых существительных со значением лица и их переход в разряд слов общего рода. В то же время академическая грамматика защищает одну из важнейших функций мужского рода в испанском языке – обозначать совокупность лиц мужского и женского пола, а также употребляется в контекстах, когда пол лица нерелевантен. Сдвиги в этой области языковой системы признаются ненормативными.

ЛИТЕРАТУРА

Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика // Отечественные записки. М., 2005. № 2(23). Интернет-версия: www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1034 (дата обращения: 01.09.2017).

Словарь социолингвистических терминов. М.: Российская Академия наук, 2006. 312 с.

Bosque I. Sexismo lingüístico y visibilidad de la mujer // El País, 04.03.2012.

Diccionario de la lengua española. Real Academia Española, 23.ª ed. Madrid: Espasa, 2014. 2432 págs.

Diccionario panhispánico de dudas. Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Santillana, 2005. 872 págs.

Medina Guerra A.M. (coord.) Manual de lenguaje administrativo no sexista. Asociación de estudios históricos sobre la mujer de la Universidad de Málaga. Málaga, 2002. 152 págs.

Nueva gramática de la lengua española (2009). Dossier de prensa // Веб-сайт Корлевской академии испанского языка: http://www.rae.es/sites/default/files/Sala_prensa_Dossier_Gramatica_2009.pdf (дата обращения 01.09.2017).

Prólogo // Nueva gramática de la lengua española. Real Academia Española. Madrid: Espasa, 2009. Págs. XXXIX–XLVIII.

REFERENCES

Krysin L.P. (2005) Language Norm and Speech Practice. *Otechestvennye Zapiski*. 2005. No 2(23). www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1034 (date accessed: 01.09.2017).

Glossary of Sociolinguistic Terms (2006). Moscow. Russian Academy of Sciences Publ. 312 p.

Bosque I. (2012) Sexismo lingüístico y visibilidad de la mujer. *El País*. 04.03.2012.

Diccionario de la lengua española. (2014) Real Academia Española, 23.ª ed. Madrid: Espasa. 2432 p.

Diccionario panhispánico de dudas. (2005) Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Santillana. 872 p.

Medina Guerra A. M. (coord.) (2002) Manual de lenguaje administrativo no sexista. Asociación de estudios históricos sobre la mujer de la Universidad de Málaga. Málaga. 152 p.

Nueva gramática de la lengua española (2009). Dossier de prensa .Web-site of the Royal Academy: www.rae.es/sites/default/files/Sala_prensa_Dossier_Gramatica_2009.pdf (date accessed: 01.09.2017).

Prólogo. In: Nueva gramática de la lengua española. (2009) Real Academia Española. Madrid. Espasa, págs. XXXIX–XLVIII.

Сведения об авторе:

Марина Сергеевна Кругова,
канд. филол. наук
доцент
Всероссийская академия внешней торговли
Министерства экономического развития
Российской Федерации

Marina S. Krugova,
PhD
Assistant Professor
Russian Foreign Trade Academy
of the Ministry for Economic Development
of the Russian Federation

mari-mare@mail.ru

А.В. Сергеев (Москва, Россия)

Творчество И.С. Тургенева в оценке Георга Брандеса

Аннотация: В статье раскрывается отношение Г. Брандеса к И.С. Тургеневу, произведения которого в высшей степени соответствуют эстетическому идеалу датского критика. Это подлинные шедевры реалистического искусства, дающие самое верное и полное представление о жизни разных слоев русского общества. Они отличаются художественным совершенством, тонким и правдивым искусством изображения человеческой души, простотой и изяществом стиля. Статьи и доклады Г. Брандеса, особо подчеркивающие международное значение творчества Тургенева, сыграли важную роль в росте его популярности в скандинавских странах.

Ключевые слова: эстетический идеал, реалистическое искусство, международное значение, рост популярности

A. V. Sergeev (Moscow, Russia)

Georg Brandes about Ivan Turgenev

Abstract: This article discusses the Danish critic Georg Brandes' attitude towards Ivan Turgenev whose works he found most adequate to an esthetic ideal. These are the genuine masterpieces of realistic art giving a most clear and complete idea of how varied was the Russian society and how people of different strata and class lived. They stand out for their artistic perfection, delicate and genuine art of portraying a human soul, and simplicity and sweetness of style. G. Brandes' articles and reports highlighting the international value of Turgenev's prose had largely promoted Turgenev in the Scandinavian countries.

Key words: esthetic ideal, realistic art, international value, growth of popularity

И.С. Тургенев был любимым русским писателем Георга Брандеса. В предисловии ко второму изданию «Литературы эмигрантов» (1877) в «Главных течениях европейской литературы XIX в.» (1872–1899) Брандес поставил Тургенева в один ряд с классиками мировой культуры: «Тот факт, что литература живет полной жизнью и в наши дни, доказывается тем, что она постоянно ставит все новые вопросы. Так, например, Жорж Санд обсуждает вопрос об отношении между полами, Байрон и Фейербах – вопрос о религии, Прудон и Стюарт Милль – вопрос о собственности, Тургенев, Шпильгаген и Эмиль Ожье – вопрос о социальных

отношениях» [Brandes 1902, IV: 26]. В очерке истории русской литературы в «Русских впечатлениях» (1888), сравнивая его с другими писателями России, Брандес отвел Тургеневу наиболее почетное место. Брандес призывал датских писателей учиться писательскому мастерству у Тургенева и первым среди скандинавских критиков отметил его влияние на датскую литературу 1870–1880-х гг.

Главным источником знания Брандеса о Тургеневе послужили европейские и среди них главным образом датские переводы произведений русского писателя. Первой ласточкой стало появление в 1856 г. на датском языке небольшого сборника рассказов Тургенева (“Russiske Skizzer af Iwan Turghenew”), в который вошли рассказы из «Записок охотника»: «Бурмистр», «Смерть», «Свидание», «Мой сосед Радиллов», «Контора». Имя переводчика не было указано, но в предисловии говорилось, что Тургенев, совершенно не известный в Дании, заслуживает внимания по своему духовному родству с С.С. Бликером. Затем наступила долгая пауза, и только через шестнадцать лет известный датский журналист и переводчик Ф.В. Мёллер приступил к переводу и изданию всех главных сочинений Тургенева. В промежутке с 1872 по 1878 г. увидели свет: «Рудин» (1872), «Накануне» под заголовком «Елена» (1873), «Вешние воды» (1873), «Дым» (1874), «Дворянское гнездо» (1875), «Записки охотника» (1875), «Отцы и дети» (1877), «Новь» (1878). К концу 1880-х гг. на датский язык были переведены все романы и «Стихотворения в прозе» [Тиандер 1905, II: 155–158; Шарыпкин 1975: 49–50].

Тургенев стал одним из самых почитаемых зарубежных писателей в Дании. Воздействие его творчества на литературную ситуацию последней четверти века в Дании было столь велико, что исследователи называют его «тургеновским периодом» в датской литературе [Тиандер 1905, II: 48; Jensen Fjord 1961: 18].

Пик популярности русского писателя в Дании пришелся на конец 1870-х – 1880-е гг. и совпал по времени с периодом наиболее плодотворного развития литературы и искусства, связанного с общественно-политической и литературно-критической деятельностью Брандеса.

С середины 1870-х гг. Брандес регулярно публикует в основанном им вместе с братом Эдвардом журнале «Девятнадцатый век» (1874–1877) статьи и рецензии, посвященные русской литературе. Особый интерес вызывают у него произведения Тургенева. В 1875 г. Брандес сам переводит на датский язык с французского рассказ Тургенева «Живые мощи» и публикует его в своем журнале. В нем же главным образом рецензируются произведения Тургенева, публикующиеся в Дании. К роману Тургенева «Рудин», вызвавшему восторженные отклики в датской печати, Брандес отнесся достаточно прохладно. Образ главного героя романа, очевидно, противоречил брандесовскому идеалу активной целеустремленной личности, воздействующей на общественные условия и изменяющей ситуацию к лучшему. Именно такой тип личности критик хотел видеть в произведениях датских писателей. Поэтому Брандес без особой радости констатировал, что образ тургеновского Рудина на разные лады отзывается в романах его сподвижников по «Движению прорыва». В письме С. Шандорфу 19 декабря 1878 г. Брандес упрекает одного из своих самых верных соратников, что герой его романа «Без стержня» Альбрехт «так похож на тургеновского Рудина» [Nolin 1961: 230]. Точно так же в статье «Й.П. Якобсен» в «Мужах современного прорыва» (1883) Брандес полагает, что разочаровавшийся в жизни Сти Хой из романа «Фру Марии Груббе» «был задуман Якобсеном как Рудин своего времени» [Nolin 1961: 230].

Свое восхищение Тургеневым Брандес выразил впервые в связи публикацией в Дании романа «Вешние воды». «Прочитанные мной в этом месяце “Вешние воды” Тургенева привели меня в состояние экстаза», – писал он Эдмунду Госсе 22 декабря 1873 г. [Nolin 1961: 230]. Такое же сильное впечатление произвел на него роман Тургенева «Накануне». Брандес рекомендовал его для чтения своей жене, как и рассказы из «Записок охотника», о которых он отозвался как о маленьких шедеврах.

В 1878 г. Брандес посоветовал Б. Бьёрнсону обратиться к проблеме, которую Тургенев поставил на обсуждение в романах «Отцы и дети» и «Новь»: «Маэстро, напиши как-нибудь роман о двух поколениях, взаимоотношения между которыми рождают так много кризисов. Это понял Тургенев, и в своей последней книге «Новь», которая еще лучше, чем «Отцы и дети», показал, насколько плодотворным может быть обращение к этой теме» [Nolin 1961: 232]. С такой же рекомендацией Брандес обратился и к А. Кьеллану, и два года спустя с удовлетворением отмечал, что его роман «Гарман и Ворше» (1880) «на тургеневский манер освещает конфликт между молодым и старшим поколениями» [Nolin 1961: 232].

Подобная «тургеневская проблематика» была актуальна для многих скандинавских писателей. Свое отражение она нашла «Союзе молодежи» Ибсена, хотя, по мнению Брандеса, освещение этой темы у норвежского драматурга еще не достигло такой степени объективности, как у Тургенева: «Как бы критически ни относился Тургенев к представителям как молодого, так и старшего поколения, он описывает и тех и других с одинаковой долей симпатии. Пессимизм Ибсена не допускает подобной доброжелательности» [Brandes 1902, I: 82].

Когда Брандесу из-за его радикальных убеждений было отказано в должности профессора эстетики Копенгагенского университета, он, покинув страну, семь лет – с 1876 по 1882 г. – провел в Берлине. За это время в литературной жизни Дании произошли перемены. Некоторые из сподвижников Брандеса, в частности Х. Банг и К. Гьеллеруп, заявили о своем разрыве с «Движением прорыва». На литературную арену вышли молодые писатели, идейные противники Брандеса. Вернувшийся из Берлина Брандес оценил эти перемены и в письме жене от 26 октября 1881 г. сравнил свои ощущения с ощущениями появившегося в доме Калитиных после восьмилетнего отсутствия Лаврецкого: «Я почувствовал себя, как Лаврецкий в конце тургеневского “Дворянского гнезда” (роман стоит у меня на полке), когда он в последней главе возвращается домой и видит, что выросло новое поколение» [Nolin 1961: 231].

В 1883 г. Брандес пишет статью о Тургеневе, которая легла в основу всех последующих обращений критика к творчеству русского писателя. Она вышла в свет уже после смерти Тургенева и была напечатана в качестве некролога сначала в двух номерах датской газеты «Morgenbladet» за 11 и 12 сентября 1883 г., а потом в двух номерах шведской газеты «Goteborg-Handels och Sjöfarts-Tidning» за 14 и 19 сентября того же года. После незначительной доработки Брандес включил ее в сборник своих статей на немецком языке «Moderne geister» (1883, 1887), который был переведен на многие европейские языки, в том числе и на русский, в 1888 г. с немецкого и в 1903 г. с датского языка.

Оценивая тургеневские сочинения, Брандес отмечает, что на произведениях Тургенева лежит печать пессимизма или меланхолии. И это не только его врожденное свойство. Грусть в душе Тургенева порождена условиями русской действительности. Анализируя «Записки охотника», Брандес высоко оценивает их правдивость, антикрепостническую направленность, типичность героев. Романы Тургенева об-

ладают удивительной идейной насыщенностью, которая кажется критику очень современной. Брандес уделяет внимание писательскому мастерству Тургенева, умеющего создавать живые захватывающие образы. Это относится и к второстепенным персонажам его книг, которые часто освещают характер и личные качества главных героев. Тургенев, «благодаря своей безусловной правдивости», представляется Брандесу «первостепенным художником, с удивительной естественностью сообщающим своим персонажам жизнь и реальность» [Брандес 1903: 148].

В 1887 г. Брандес получает приглашение Санкт-Петербургского Союза русских писателей посетить Петербург и выступить с публичными лекциями. Из Петербурга по приглашению попечительского совета Московского университета он направляется в Москву. И в Петербурге, и в Москве Брандес читает лекции о современном русском романе, о датской литературе, о литературной критике, об Эмиле Золя, о Молодой Германии. В лекции «Русский роман» (она была прочитана 13 (26) апреля 1887 г. в Петербурге и 29 апреля (12) мая в Москве и опубликована в 11 кн. «Вестника Европы» за 1887 г.) Брандес дал краткий очерк развития русской литературы в XIX в., сосредоточив внимание главным образом на характеристике творчества Тургенева, Достоевского и Л. Толстого, благодаря которым, по словам критика, «Европе открылась обширность и глубина русской оригинальности» [Брандес 2002: 298]. Наиболее почетное место среди них Брандес отвел Тургеневу, «первому среди русских писателей» открывшему для европейцев «богатую психологию целой расы людей и сделавшему это глубоко прочувствованной душой, хотя это чувство никогда не затемняло ясности рассказа» [Брандес 2002: 298]. Творчество Тургенева пронизано любовью к жизни, гуманизмом, истинным сочувствием к людям. При этом Брандес убежден, что Тургенев «никогда не проник бы так глубоко во весь цивилизованный мир, будь он на одну йоту менее западник» [Брандес 2002: 298]. Именно «западническое» мирозерцание и во многом сходная с художественной манерой французских писателей художественная манера Тургенева способствовали тому, что его произведения стали так близки и понятны культурному европейцу. Поэтому Тургенев для Брандеса писатель «скорее общечеловеческий, чем русский».

Главной отличительной чертой духовного облика писателя Брандес, как и в некрологе, называет его «меланхолию», которая по своей сущности является «меланхолией славянской расы». Но «меланхолия Тургенева – особого рода». Это меланхолия патриота, ставшего пессимистом. Несмотря на свой кажущийся космополитизм, Тургенев был патриотом, но патриотом, «сомневающимся в своем отечестве»: «Тургенев не терял веры в будущее своей страны, он так восхищался ее языком и литературой, что ждал великих дел от народа, создавших их. Но он видел столько неудавшихся попыток и начинаний в России, что мог повествовать только о происшествиях с печальной и грустной развязкой» [Брандес 2002: 299].

Тургенев, по мысли Брандеса, истинный поэт, в полной мере обладающий способностью создавать живые запоминающиеся образы. При этом внутренний мир тургеневских героев полон противоречий. Исключение составляет Базаров из «Отцов и детей». В его образе писатель сумел показать человека, который «своим постоянством, мужеством и исключительной точкой зрения стоит высоко в современной литературе, не особенно богатой истинно мужественными типами» [Брандес 2002: 299].

Брандеса пленяют женские образы в романах Тургенева. Они пользуются очевидной симпатией автора и изображаются «с невыразимой тонкостью». Это «не идеальные фигуры, но исполненные с тонким пониманием правды» [Брандес 2002: 302].

В «Русских впечатлениях», написанных по следам пребывания в России, где он находился с марта по июль 1878 г., Брандес еще раз обращается к творчеству Тургенева, существенно расширяя содержание раздела о его творчестве в лекции о современном русском романе. В соответствии с задачами нового сочинения Брандес посвящает Тургеневу отдельную главу во второй части «Русских впечатлений» – «Литературные впечатления», представляющие собой очерк истории русской литературы с древнейших времен до последней трети XIX в.

Брандес называет Тургенева «крупнейшим художником из всех русских писателей», который не только познакомил европейскую публику с духовной культурой России, но, что куда важнее, открыл ей новый художественный мир. Его произведения отличаются художественным совершенством, тонким и правдивым искусством изображения человеческой души, простотой и изяществом стиля, даже если в переводах художественное своеобразие его манеры неизбежно преуменьшается. Тургеневу, «как никому другому», удалось изобразить людей разных слоев общества, глубоко раскрыть их психологию. И поскольку ни один русский писатель не был прежде так известен в Европе, как Тургенев, то «его скорее надо рассматривать как общемирового, а не только как русского писателя» [Брандес 2002: 185].

Главной отличительной чертой Тургенева-писателя Брандес снова называет меланхолию. «Волна меланхолии» проходит через все книги Тургенева. Но, в отличие от Толстого, «мрачная серьезность которого коренится в его религиозной вере в судьбу», грусть Тургенева – это «чувство патриота своей страны, пусть и чувство меланхолическое. Несмотря на весь свой космополитизм, Тургенев был патриотом, но таким, который горевал о своем отечестве и отчаивался в нем. Его творчество свидетельствует о том, что история развития страны в новое время была в его глазах малоутешительной» [Брандес 2002: 187]. Анализируя «Записки охотника», Брандес особо выделяет социально-критическую и гуманистическую тенденцию произведения. «Для того, чтобы пробудить сострадание к крепостным, показать несправие, в котором они влачат свою жизнь, рассказать о том, как жестокое обращение без кнута и розог может свести человека в могилу, Тургенев и рассказывает истории из своей жизни охотника» [Брандес 2002: 188].

Произведения Тургенева в высшей степени соответствуют эстетическому идеалу Брандеса. Это подлинные шедевры реалистического искусства, дающие самое верное и полное представление о жизни разных слоев русского общества. В европейской литературе не так много таких тонких психологических исследований, таких глубоких характеристик, как тургеневские. Настоящими художественными открытиями Брандес считает романы и повести Тургенева: «Накануне», «Рудин», «Вешние воды», «Дым», «Отцы и дети», «Новь», в которых критик видит «тончайшее во всей европейской литературе исследование души человека, совершенство в изображении героев. Таких женских и мужских характеров, как у Тургенева, не найти в истории современного поэтического искусства» [Брандес 2002: 193].

Брандес считает, что художественное мастерство Тургенева совершенно. Его описания правдивы. Он в полной мере обладает способностью изображать живых людей. Между его взглядом на своего героя, его суждением о нем и впечатлениями самого читателя существует полное согласие.

Тургеневу особенно хорошо удаются женские образы, которые он рисует тщательно и с любовью, как, например, Джемму из «Вешних вод» или Елену из «Накануне». Одна из них – типичная итальянка по своим мимике, жестам, смеху, образу мыслей, чувствам; другая же остается в памяти читателей как прекраснейший тип русской женственности. Но преклонение перед их красотой, замечает Брандес, не вредит исследованию характеров. Этим женщин писатель не выдумал, они не принадлежат миру фантазии, как подобные же героини у многих других авторов. Они не плод личных мечтаний Тургенева, не выражение его идеала. Нет, он изучает эти характеры, исходя при этом из тонкого чувства реального и глубокого знания действительности.

В мужских образах Брандеса привлекает умение Тургенева «изобразить внутреннюю дисгармонию как главную черту характера так, что при этом герой сохраняет свою цельность». «Рудин, умеющий столь горячо произносить речи, блестящий рассказчик, владеющий музыкой красноречия, – ленивый, властолюбивый позер, он вечно живет за счет других, даже когда кажется пылким, духовно слаб, когда вроде бы готов перейти к делу. И все же Тургенев показывает, что его герой заслуживает скорее сострадания, а не порицания, что его огромное влияние на молодые души не случайно» [Брандес 2002: 196].

Если Тургеневу нужно изобразить настоящего мужчину, которым может восхищаться женщина, то он выбирает иностранца, чтобы пристыдить своих соотечественников: так, в романе «Накануне» «выведен болгарин Инсаров, обладающий теми качествами, которые отсутствуют у русских, как у худших, так и у лучших из них» [Брандес 2002: 197].

Из всех произведений Тургенева самой высокой оценки снова удостоивается роман «Отцы и дети», в котором «впервые выведен типичный русский характер, взятый из современности и отличающийся силой духа и духовным превосходством» [Брандес 2002: 197]. Если Тургенев в «Отцах и детях» «и намеревался сокрушить пустой идол утилитаризма, которому поклонялось молодое поколение, то вышло так, что он изобразил героя, благодаря своей стойкости, мужеству и упорству выделяющегося из всей европейской литературы, которая не столь богата образами настоящих мужчин» [Брандес 2002: 197]. Роман Тургенева «Отцы и дети» представляется Брандесу подлинным шедевром, а также своего рода образцом для современных авторов, изображающих отцов и детей, их взаимоотношения и борьбу.

Роман Тургенева «Дым», «резко высмеивающий вздорных и самонадеянных лжереформаторов», напоминает Брандесу о манере изображения честолубцев среди своих соотечественников у Хенрика Ибсена. В романе «Новь» Тургенев, по словам Брандеса, завершает свою критику общества тем, что с глубокой и беспристрастной правотой судит о различных сословиях, поколениях, народах на своей огромной родине. Эта книга, на взгляд Брандеса, является «самым ярким и совершенным выражением тургеневской человечности и жизненной мудрости, его любви к свободе и истине» [Брандес 2002: 199].

В конце статьи Брандес еще раз упоминает о близости Тургенева западной, особенно французской, культуре, «где его искусство было понято и по достоинству оценено и где у русского писателя были горячие почитатели – и среди ровесников (Мериме), и в кругу более молодых писателей (Ожье, Тэн, Флобер, Гонкур), и среди дебютантов (Золя, Доде, Мопассан)» [Брандес 2002: 199]. Таким образом Брандес еще раз возвращается к мысли о «всечеловечности» западничества Тургенева: «Иностранцу невозможно судить, ослабило ли долгое пребывание на чужбине его

знание родины. Об этом пусть решают его соотечественники. Но иностранец может утвердительно сказать, что никогда Тургенев не проник бы так глубоко во весь цивилизованный мир, будь он на одну йоту менее западник» [Брандес 2002: 298].

Несмотря на чрезмерно акцентированный «европеизм» датского критика, его статьи и доклады, оценивающие русского писателя как «первоклассного художника» благодаря «великой правде» его искусства, внесли существенный вклад в изучение его творчества. Они особо подчеркнули международное значение творчества Тургенева и сыграли важную роль в росте его популярности в скандинавских странах.

ЛИТЕРАТУРА

Брандес Г. Иван Тургенев // Литературные характеристики. Киев, 1903. С. 135–153.

Брандес Г. Русские впечатления. М.: ОГИ, 2002. 488 с.

Тиандер К. К вопросу о международном значении Тургенева // Тиандер К. Датско-русские исследования. Вып. 2. СПб., 1905. С. 155–158.

Шарыпкин Д.М. Русская литература в скандинавских странах. Л., 1975. 218 с.

Brandes G. Emigrantlitteraturen. I Brandes G. Samlede Skrifter. Bd. IV. København, 1902. 560 s.

Brandes G. Henrik Ibsen // Brandes G. Samlede Skrifter. Bd. III. København, 1902. 603 s.

Jensen Fjord J. Turgenev i dansk åndsliv. Studier i dansk romankunst 1870–1990. København, 1961. 365 s.

Nolin. Den gode europen. Studier i Georg Brandes ideutvikling 1871–1893 med speciell hansyn till hans forhallende till tysk, engelsk, slavisk och rysk litteratur. Uppsala. 1965. 280 s.

REFERENCES

Brandes G. Ivan Turgenev. In: Literary Characteristics. Kiev. 1903, pp. 135–153.

Brandes G. (2002) Russian Impressions. Moscow. OGI Publ. 488 p.

Tiander K. On the Question of Turgenev's International Significance. In: Tiander K. Danish-Russian Studies. Issue 2. St.-Petersburg. 1905, pp. 155–158.

Sharypkin D.M. (1875) Russian Literature in Scandinavian Countries. Leningrad. 218 p.

Brandes G. Emigrantlitteraturen. I Brandes G. Samlede Skrifter. Bd. IV. København, 1902. 560 s.

Brandes G. Henrik Ibsen. I Brandes G. Samlede Skrifter. Bd. III. København, 1902. 603 s.

Jensen Fjord J. Turgenev i dansk åndsliv. Studier i dansk romankunst 1870–1990. København, 1961. 365 s.

Nolin. Den gode europen. Studier i Georg Brandes ideutvikling 1871–1893 med speciell hansyn till hans forhallende till tysk, engelsk, slavisk och rysk litteratur. Uppsala. 1965. 280 s.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Сергеев,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexander V. Sergeev,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
av-sergeev@mail.ru

О.М. Савельева (Москва, Россия)

К истории рождения Музея: имена, даты, детали

Аннотация: В статье освещается история проекта музейной коллекции классических древностей в России в XIX–XX вв. и создания в Москве Музея изящных искусств (сейчас ГМИИ). Статья посвящается памяти основателя Музея профессора Московского университета И.В. Цветаева в честь его 170-летия (2017). Обращается специальное внимание на особую роль Московского университета и его профессуры в судьбе просветительской идеи общедоступного музея изобразительных искусств.

Ключевые слова: коллекция классических древностей, музей, музейное дело, просвещение, Московский университет

О.М. Savelieva (Moscow, Russia)

The History of the Fine Arts Museum: Names, Dates, Facts

Abstract: This article marks the 170th anniversary of Ivan Tsvetajev, founder of the Moscow Fine Arts Museum, professor of Moscow University. It discusses the history of the museum collection of antiquities in Russia in the 19th–20th century and the foundation of the Museum of Fine Arts in Moscow, now the Moscow National Fine Arts Museum. Special emphasis is laid on the impact of Moscow University faculty on the promotion of the idea to have a public museum of fine arts.

Key words: Classical collection, museum, museum affair, education, Moscow university

Данная статья имеет обзорный, можно сказать, справочный характер, в ней освещается история проекта музейной коллекции классических древностей в России в XIX–XX вв., создания в Москве знаменитого музея (сейчас ГМИИ), и она посвящена памяти его основателя, профессора Ивана Владимировича Цветаева к его 170-летию (2017).

Если говорить о создании музея, то слова «Рождение музея» сразу адресуют нас к известному большому очерку Марины Цветаевой «Отец и его музей», а именно – к его части «Рождение музея». Несколько слов об этой теме в прозе Марины Цветаевой. Она писала воспоминания о своем отце дважды, уже будучи в эмиграции: в 1933 г. на русском языке в связи с 20-летием его кончины; они были опубликованы в Париже в русских эмигрантских газетах и журналах. Позже, в 1936 г., она написала семь текстов по-французски с повторением (глава: «Лав-

ровый венок») – эти ее воспоминания полностью не были опубликованы, но три главы из них: «Шарлоттенбург», «Мундир» и «Лавровый венок» – были переведены Ариадной Сергеевной Эфрон и напечатаны в журнале «Звезда» в 1970 г. Цветаева писала, разумеется, прежде всего как дочь, но не только: она была не просто свидетелем создания музея – она была помощницей отца, в частности, вела всю его немецкую переписку до его кончины. По ее словам, «отец знал языки отлично, но как самоучка, и пиша и говоря, именно *переводил* (курсив М. Цветаевой. – О.С.) с русского. Кроме итальянского, который он знал как родной и на котором долгие годы молодости читал в Болонском университете»¹.

Хорошо известно, что Музей создавался на основе Кабинета (Музея) изящных искусств и древностей Московского университета, включавшего античные вазы, нумизматическую коллекцию, некоторое количество слепков с античной скульптуры и небольшую специальную библиотеку. Первую коллекцию из нескольких тысяч золотых, серебряных, оловянных, медных и свинцовых монет Московский университет получил в дар от известного промышленника и мецената Павла Демидова в 1806 г. С 1826 г. Коллекции находились в двух комнатах старого больничного корпуса на Большой Никитской, и к 1881 г. там всё еще хранилось скульптурное собрание Кабинета. Для устройства этого собрания средства поступали от семьи Боткиных, а в 1882 г. профессор Московского университета К.К. Гёрц (о нем будет сказано дальше) купил на эти средства за границей более двадцати статуй и некоторые рельефы по античным образцам. Но главным его увлечением были греческие расписные вазы, которые он собирал на небольшие средства университета. Несмотря на тесноту и ветхость здания с 1894 г. этот небольшой учебный музей стал доступен не только для студентов кафедры классической филологии Московского университета, но и для всех любителей искусства. Однако в 1898 году, в связи со сносом здания, экспозиция была свернута. Слепки, непрерывно поступающие из-за границы, в упакованном виде хранились в подвалах университета и Румянцевского музея, в складском помещении на территории уже тогда строящегося на Колымажном дворе здания Музея изящных искусств на Волхонке. С приходом И.В. Цветаева к заведованию Кабинетом в 1889–1890 гг. началось его планомерное развитие, в особенности скульптурного раздела и библиотеки, и превращение его в Музей изящных искусств (с 1895 – имени императора Александра III) – учебно-образовательный и публичный музей, где в гипсовых слепках, макетах и гальванокопиях по единой научной программе должны были быть представлены основные этапы истории искусства с древних времен до Нового времени (по XVI в.). В этом качестве Кабинет / Музей стал первым в России учреждением такого типа.

Однако и раньше, в первой половине XIX в., появлялись планы создания в Москве общедоступного художественного музея. В 1831 г. в журнале «Телескоп» (№ 11), который издавал профессор Московского университета Н.И. Надеждин, был опубликован проект «Об учреждении Эстетического музея при Московском университете». Авторы проекта – княгиня Зинаида Александровна Волконская и наставник ее сына Александра профессор Московского университета Степан Петрович Шевырев. Коллекцию такого музея должны были составить живописные полотна, античные скульптуры и их копии. З.А. Волконская (из рода Белосельских-Белозерских) писала: «Желая разделить со своими соотечественниками впечатления прекрасной родины искусства, я принимаю на себя обязанность надзирать за приготовлением оных слепков и моделей. Будучи знакома с известными европей-

¹ Цветаева М. Отец и его музей. Рождение музея // Цветаева М. Соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 12–13.

скими художниками... с лучшими знатоками искусства, при общем их руководстве, я надеюсь, что копии будут отличаться желанной точностью, а слепки живо представлять оригиналы. Знакомства же мои в Риме дают мне возможность иметь все за такую цену, какая берется только с самих художников, а не с частных лиц»¹.

В соответствии с планами основателей музеев «должен содержать полное собрание гипсовых слепков, а по возможности и мраморных копий, с лучших и замечательнейших произведений ваяния древнего, и среднего и нового, копии с отличных картин разных школ классической живописи и, наконец, моделей со всех главнейших памятников архитектуры, древностью и Средними веками потомству завещанных», «чтобы прогулка по галерее статуй живо олицетворяла для нас историю ваяний от начала до наших времен». При музее предполагалась библиотека, в которой должны были находиться лучшие руководства к изучению истории искусств и древностей. Вообще, первый университетский Музей античной скульптуры в гипсовых слепках был основан в 1820 г. в Боннском университете профессором греческой литературы и археологии Фридрихом-Готлибом Велькером. Остались свидетельства, что княгиня Зинаида Волконская посещала его во время своих поездок в Европу.

Зинаида Волконская рассуждала реалистично: она понимала, что Московский университет не имеет возможности отвести для этой цели отдельного здания, и княгиня предлагает «положиться на щедрость вельмож, известных своей любовью к искусству». Ее поддерживали С.П. Шевырëв и М.П. Погодин, и многие другие более значительные русские деятели, она вела из Рима активную переписку с Москвой и Санкт-Петербургом, старалась увлечь своей блестящей идеей видных лиц аристократического и правительственного круга. К сожалению, Совет Московского университета дал решительный отказ на представление княгини. После Зинаиды Волконской остался богатый архив, включающий и материалы по проекту; часть ее архива, как известно, в 1922 г. была куплена Гарвардским университетом. При том что княгиня Волконская принадлежала к русским сановным фамилиям, была поэтессой, хозяйкой великолепного литературного салона, с 1825 г. состояла членом московского Общества истории и древностей российских, пожертвовала свою библиотеку Московскому обществу испытателей природы, хотя она обладала известностью и весом в придворных кругах, ее влияния не хватило, и проект, как это часто отмечают, остался лишь на бумаге. Однако все же это не вполне достоверный вывод. Проект 1831 г., действительно, не был осуществлен, но предложенные в проекте конкретные планы составления коллекций (Греция, Италия, Египет; скульптура, мелкая пластика) получили высокую оценку гораздо позже, как раз у И.В. Цветаева. Он внимательно изучил их и сам засвидетельствовал это в своей речи в память княгини Зинаиды, которой, по его признанию, был восхищен². В связи с идеей музея древностей в Москве необходимо сказать об особенной роли и участии Московского университета в ее осуществлении. Профессор Московского университета С.П. Шевырëв остался известен, пожалуй, больше всего как деятель славянофильства. Исторической точности ради стоит напомнить, что основным предметом занятий Шевырева в первые годы по

¹ *Охотин Н.Г.* Волконская Зинаида Александровна // Русские писатели. 1800–1917. М., 1989. С. 468–469

² «Думала ли красавица, меценатка, европейски известная умница, воспетая поэтами и прославленная художниками, княгиня Зинаида Волконская, что ее мечту о русском музее скульптуры суждено будет унаследовать сыну бедного сельского священника, который до 12 лет и сапогов-то не видал...» – это слова, произнесенные И.В. Цветаевым 31 мая 1912 г. на открытии Музея изящных искусств имени Александра III. Речь проф. Цветаева находится в архиве ГМИИ, она была представлена в юбилейной экспозиции музея в 2012 г.

окончании курса Университетского пансиона в 1822 г. были немецкая литература и философия Шеллинга. Романтизм и Шеллинг существенным образом повлияли на склад мировоззрения Шевырева и на его теоретические взгляды в области искусства. В 1827 г. появился журнал «Московский вестник», который затеяли молодые московские шеллингианцы, и Пушкин принял его под свое покровительство; Шевырев печатал здесь свои теоретические статьи, стихотворения и многочисленные переводы. Критические статьи Шевырева в «Московском вестнике» были направлены против Ф. Булгарина, «Телеграфа» и «Северной пчелы». Его эстетические разборы, обнаруживавшие знакомство с немецкой эстетикой, были шагом вперед сравнительно с этюдами А. Мерзлякова. Особенную славу доставил Шевыреву разбор второй части «Фауста»: хотя ничего замечательного этот разбор не представлял, но он вызвал комплимент Гёте. В 1829 г. Шевырев принял предложение княгини Зинаиды Волконской заняться воспитанием ее сына и уехал в Италию. Здесь он пробыл до середины 1832 г. За границей Шевырев много занимался западными литературами и искусством, главным образом итальянскими. Ближайшее изучение памятников искусства, сочинений Винкельмана и Лессинга заставило Шевырева изменить взгляды на теорию искусства и отказаться от метода и крайностей романтической эстетики. Шевырев, по его словам, увидел, как бесплодны многие эстетические воззрения отвлеченных теоретиков Германии. Вернувшись из-за границы, он принял предложение С.С. Уварова и занял место адъюнкта по кафедре истории русской словесности. Но поскольку он не имел ученой степени, то факультет, приняв во внимание его исследование об октаве в русском стихосложении, обязал его представить диссертацию, и в 1833 г. Шевырев написал большое исследование «Данте и его век» (Ученые записки Московского университета. 1833. № 5; 1834. № 11). В «Телескопе» же он поместил крупнейшее свое заграничное произведение: «О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение, с приложением в качестве образца перевода этим размером VII песни “Освобожденного Иерусалима”». Учитывая такой богатый, многоаспектный *curriculum*, можно понять, почему Зинаида Волконская пригласила именно Шевырева быть воспитателем ее сына и почему участие Шевырева в проекте Музея при Московском университете было вполне органичным¹.

Позже, в 1848 г., университет возвращался к идее создания Музея, но средств не хватало, и прежний проект не был воплощен в жизнь. Однако трудами профессоров университета и благодаря частным пожертвованиям коллекции пополнялись. Сначала музей составлялся по образцу немецких университетских музеев, и собирались произведения только греческого и римского искусства. В 1850-х гг. профессор П.М. Леонтьев приобрел несколько бюстов и статуй в гипсовых отливках из Санкт-Петербургской Академии художеств, внося в Московский университет копии известных изваяний Аполлона Бельведерского, Венеры Милосской, Дианы Версальской, Аполлона Мусагета, Венеры Таврической и ряд бюстов знаменитых людей Греции и Рима. Через 25 лет, в 1858 г., с предложением создания музея классических древностей в Москве выступил профессор археологии и искусствоведения Московского университета Карл Карлович Гёрц, его программа была опубликована в виде брошюры «Об основании художественного музея в Москве» (М., 1858).

¹ *Петров Ф.А.* С.П. Шевырёв – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М., 1999. С. 124; *Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А.* Исторический словарь. 2-е изд. М., 2012. С. 568.

Напомним обстоятельства его жизни¹. Карл Карлович Герц (1820–1883) происходил из купеческой семьи русских немцев. В 1840 г. он стал студентом историко-филологического отделения философского факультета Московского университета; в 1844 окончил это отделение со степенью кандидата; в 1853–1854 гг. он был слушателем Берлинского университета; много занимался теорией и историей искусств и археологией. В 1859 г. Карла Гёрца командировали на Таманский полуостров, где он проводил основательные археологические раскопки и нашел там интересные античные памятники. Эти находки были положены в основу его диссертации «Археологическая топография Таманского полуострова», которую он защитил 4 марта 1870 г., после чего был принят в действительные члены Русского археологического общества и награжден Большой серебряной медалью, а защитив докторскую диссертацию, удостоен Большой золотой медали. Он был членом-корреспондентом Археологического общества в Берлине (1858), Института археологической корреспонденции в Риме (1865) и Международного конгресса исторической археологии в Копенгагене (1869), действительным членом обществ: Любителей естествознания при Московском университете (1864), Исторического общества в Палермо. В 1872–1883 гг. был товарищем председателя Московского археологического общества графини П.А. Уваровой. В 1882 г. Гёрц вышел в отставку со званием заслуженного профессора Московского университета. Гёрц также был хранителем отделения изящных искусств и древностей Румянцевского музея. При этом он всегда считал основным своим призванием профессорскую деятельность – чтение курсов в Московском университете. Именно в период занятий античной археологией на материале Таманских раскопок, обратившись непосредственно к музейному делу, Гёрц предложил свой проект создания музея в Москве, на деле убедившись, что Москве мало Румянцевского и Публичного музеев. Нечто подобное руководило и Цветаевым. Однако проект Гёрца не был принят из-за недостатка средств.

Говоря о биографии профессора Гёрца и о том, почему о нем стоит сказать достаточно подробно, хотелось бы воспользоваться заданной темой и привести достойные имена, которые крайне редко упоминаются, и обратить внимание на следующее:

- 1) на особенную, активную роль Московского университета в осуществлении идеи создания Музея изящных искусств в Москве: в каждом проекте фигурирует профессор – Шевырев, Гёрц, Цветаев, а также Исаков;
- 2) на участие московской профессуры в европейской науке;
- 3) на многогранность их деятельности: филолог одновременно является историком искусства, археологом, осуществляет научное руководство музейным делом;
- 4) на практическую деятельность в организации музейного дела: так, И.В. Цветаев – это организатор высокого класса.

Современный историк науки приводит такое свидетельство: «...профессор Московского университета историк Любавский... писал о Цветаеве: “Это природный министр финансов, потому что так искусно добывать деньги из совершенно неожиданных источников, как это Иван Владимирович умел, да еще настраивать дающих деньги к благодарности, – они его благодарили за то, что он деньги от них получал, это никакому графу Витте никогда не удастся»².

¹ Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолитография, 2006. С. 62.

² Митрофанов А. Как Иван Цветаев построил Музей изобразительных искусств: история дореволюционного фандрайзинга (trafixclub.pw/miloserdie/kak-ivan-cvetaev-postroil-muzej-izobrazitelnyh). А вот

Наконец, нельзя не сказать о том, что портреты людей, персон различного исторического масштаба, их интересы, способности и влияние оказываются намного сложнее и многограннее, чем можно думать, останавливаясь только на основной линии их жизни и, если можно так сказать, на общеизвестном историческом мнении. При детальном рассмотрении их след оказывается богаче и ярче. Это можно видеть применительно и к Зинаиде Волконской, и к проф. Степану Шевыреву, и к Карлу Гёрцу, и к И.В. Цветаеву. В деятельности сторонника следующего по времени проекта Музея есть и военная карьера, и благородная деятельность для просвещения и культуры, есть и некоторая соединенность с Московским университетом.

В 1864 г. появляется проект открытой музейной коллекции классических искусств директора Московского Публичного и Румянцевского музеев Николая Васильевича Исакова. Он был сыном придворного берейтора Василия Григорьевича Исакова и Марии Ивановны Карачаровой, воспитанницы московского Екатерининского института. На церемонии погребения Александра I его отец исполнял обязанности «радостного латника» нового государя. Николай Исаков внешне был очень похож на цесаревича Александра Николаевича, причем сам Николай I якобы объяснял фамильное сходство тем, что его настоящим отцом был Александр I¹. Исаков получил воспитание в Московском кадетском корпусе, потом окончил с отличием Императорскую военную академию: Александр I благоволил к Исакову старшему, а Александр II – к Исакову-сыну.

С окончанием Крымской войны заканчивается его боевая служба. Императорская фамилия способствовала карьере своего предполагаемого родственника, и государственному канцлеру А.М. Горчакову было рекомендовано рассмотреть его кандидатуру на пост посланника в Вюртембергском королевстве, однако тот решительно отказался принять на дипломатическую службу, как пишет историк и публицист кн. П.В. Долгоруков, «бездарного, но ловкого придворного интригана»². При этом на посту попечителя Московского учебного округа (1859–1863) Исаков немало сделал для российского просвещения. При его управлении округом в Московском университете было восстановлено преподавание всеобщей географии и учреждена кафедра государственного права европейских держав. По его ходатайству в Московском округе были учреждены педагогические курсы для подготовки преподавателей в средние учебные заведения, а впоследствии выделены средства на подготовку учителей для народных училищ; в специальной заграничной поездке он лично ознакомился с существовавшими там училищными системами и со вспомогательными учреждениями по народному образованию. Что касается проекта музея классических древностей, то по представлению Исакова в Москву был переведен Румянцевский музей и в нем устроены и расширены университетские коллекции и кабинеты, а также публичная библиотека³. В это же время Исаков

первые дневниковые записи проф. Цветаева, повествующие о том, как начиналась реализация этой задачи: «Отказал Лев Готье, очень богатый торговец в Москве железом... Отказал Василий Алексеевич Хлудов, человек огромного состояния и питомец Московского университета. Отказали Савва и Сергей Тимофеевичи Морозовы. Отказали Морозовы-Викуловичи... Отказала Варвара Алексеевна Морозова, пославши к своим детям. Отказали ее богатые сыновья Арсений и Иван Абрамовичи... Одни отказываются по грубости вкуса, другие по скупости, третьи, имея иные области благотворения».

¹ По семейному преданию, император Николай в 1848 г. запретил Исакову ухаживать за своей дочерью Ольгой, объяснив, что они родственники (см.: *Брезкун С.Т.* Русская Америка: открыть и продать. М.: Яуза, 2005. С. 325).

² *Долгоруков П.В.* Петербургские очерки: памфлеты эмигранта, 1860–1867. М.: Новости, 1992. С. 165.

³ *Андрьянников П.Ю.* Н.В. Исаков – служба в военном и учебном ведомствах // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность: Материалы XX Международной научно-теоретической конференции, Иваново, 24–26 сентября 2009 г. Иваново: ИвГУ, 2009. С. 118–119.

состоял членом Московского отдела Главного совета женских учебных заведений, председателем в Императорском обществе испытателей природы и вице-председателем в Обществе истории и древностей российских. А когда он ушел в отставку с должности попечителя, то был избран почетным членом названных обществ и учреждений и почетным членом Московского Императорского университета.

Сосредоточив основное внимание на фигуре И.В. Цветаева, хотелось бы отметить такие факты из его жизни. С 1871 г. он преподавал греческий язык в 3-й Санкт-Петербургской гимназии; в 1872 стал доцентом Варшавского университета, там же, в Варшаве, защитил магистерскую диссертацию по Тациту – «Cornelii Taciti Germania. I. Опыт критического обозрения текста» (Варшава, 1873). После этого в 1874 г. он отправился в Италию для изучения древних итальянских языков и письменности. В 1876 г. Цветаев зачислен доцентом Императорского университета св. Владимира в Киеве, но уже через год его пригласили в Московский университет для преподавания латинского языка на кафедре римской словесности.

Полагают, что под влиянием первой жены, Варвары Дмитриевны Иловойской (ум. в 1890), он теряет интерес к филологии и переходит «от древней литературы к античной вещи». К тому же случилось так, что книга Цветаева, плод его тринадцатилетних трудов, разошлась по России в количестве только 1 (одного!) экземпляра. Вообще, Цветаев всегда был увлечен мыслью сделать сокровища древней культуры доступными для широкой аудитории. Не имея достаточных средств, он редко бывал в Европе. Об этом писала Марина Цветаева, а современный биограф Цветаева ищет об этом так: «Речь идет о том, что Иван Владимирович стал жить несколько навязчивой, но притом благородной идеей. Он прекрасно помнил, каково ему, нищему студенту, было учиться без классических примеров перед глазами. Господа из богатых семей уже в студенческие годы имели возможность воочию ознакомиться с античностью северного Средиземноморья. Он же не имел такого счастья. “Идея проста. Надо помочь бедным студентам. Надо сделать в Москве музей слепков. А для этого нужны деньги. А деньги есть у купцов. И надо, чтобы купцы дали денег. Вот и все. Как говорится, не бином Ньютона”»¹. Это стремление в конце концов приводит его к проекту создания в Москве музея изящных искусств. Здесь важно то, что с 1881 г. Цветаев также работал в двух ведущих Московских музеях: Румянцевском и Публичном, – а в 1900–1910 был директором Румянцевского музея и практически вошел в сложное музейное дело. В 1888 г. он почетный член Болонского университета, в 1889 г. перешел на кафедру истории и теории искусств Московского университета. И.В. Цветаев решил превратить Кабинет при Московском университете в настоящий музей, построив для него отдельное здание на общественные средства. Он обратился в Совет историко-филологического факультета назначить «комиссию для осуществления плана систематического пополнения» этого кабинета. Позже такой Комитет будет создан. Цветаев с самого начала в деталях представлял процесс строительства музея и его формирование.

В 1893 г. он писал: «Музей предлагается составить из:

I Отделения архитектуры;

II Отделения скульптуры;

III Отделения живописи;

IV Нумизматического кабинета и отделения древних ваз и мелких древностей;

V Библиотеки по всем отраслям искусства;

VI Аудиторий для лекций по истории искусства».

¹ Смирнов А. Иван Цветаев. История жизни. СПб.: Вита Нова, 2013. С. 206.

Нельзя не сказать о том, что с признательностью отметил сам Цветаев: при формировании коллекций ему был полезен проспект княгини Зинаиды Волконской.

В 1894 г. на первом съезде русских художников и любителей художеств, созванном по случаю дарения Москве картинной галереи братьев Третьяковых, Цветаев произнес речь, в которой призвал к созданию нового музея изящных искусств в Москве. По инициативе профессора был объявлен конкурс на лучший проект музея. В конце 1896 г. в столичной печати были опубликованы условия Конкурса на составление проекта здания для Музея изящных искусств имени императора Александра III при Московском университете, который по просьбе университета проводила Петербургская Академия художеств. С этого момента началось осуществление идеи создания в Москве художественно-образовательного общедоступного музея. И.В. Цветаев сам составлял условия Конкурса для архитекторов и придавал огромное значение внешнему облику Музея. Он рассматривал его не только в градостроительном смысле – как здание, имеющее общественно-культурное назначение, но и как первый учебный объект по истории архитектуры. В условиях для участников архитектурного конкурса Цветаев особо подчеркнул, что проект должен быть выполнен или в формах античной архитектуры, или в стиле эпохи Возрождения. В убранстве интерьеров должны были применяться элементы разных исторических эпох сообразно представленным экспонатам. Стремясь к научной точности в деталях, Цветаев постоянно обеспечивал свою программу новейшей специальной литературой по наиболее характерным, образцовым для своих эпох архитектурным памятникам, которые предполагалось использовать в качестве ориентиров или непосредственных прообразов при проектировании фасада и интерьеров. Так, например, главный фасад Музея украшает колоннада, в увеличенном масштабе воспроизводящая пропорции колоннады восточного портика Эрехтейона, храма, находящегося на афинском Акрополе (построен в 421–406 до н. э.). Рисунок капителей этих колонн в точности повторяет древний образец. Цветаев хотел избежать распространенного в то время в архитектурной практике эклектического соединения стилей. Скажем несколько слов о том, чего хотел избежать Цветаев.

Слово эклектика часто употребляется и воспринимается как оценочное, но если посмотреть на содержание термина, то сюда включается: композиционная пышность при обилии и измельченности декора, одновременно тяготение к большим размерам и крупным масштабам, грандиозность и размах, разработка новых конструкций и новых типов зданий. Цветаев учитывал это и не хотел следовать такому направлению. В Москве в тот период, в 1895–1896 гг., самым модным архитектором этого стиля был Александр Померанцев, последний мастер эклектики. Из его сооружений наиболее известными стали Верхние торговые ряды (ГУМ), которые были построены в 1889–1893 гг. – проект, победивший в открытом конкурсе и дополнивший ансамбль зданий в «русском» стиле близ Красной площади (Исторический музей, Городская дума, Средние и Заиконоспасские торговые ряды)¹. Проект перекрытий Верхних торговых рядов разработал В.Г. Шухов. Важно

¹ В 1890-х гг. по проекту А.Н. Померанцева на деньги Нечаева-Мальцова в с. Берёзовка (Липецкая обл.) была построена двухпрестольная церковь вмч. Дмитрия Солунского и Покрова Пресвятой Богородицы. Она знаменита своей архитектурой и является ярким воплощением эклектического направления. Снаружи церковь обложена белым тесаным резным веневским камнем, внутри колонны в мавританском стиле по рисункам Виктора Васнецова (архитектор – Н. Бенуа). Церковь существует и сейчас. По проекту Померанцева на Миусской площади в Москве с 1911 г. велось строительство грандиозного (на 4 тыс. человек) девятиглавого храма Александра Невского в ознаменование освобождения крестьян в 1861 г. В 1915 был освящен первый придел; до октября 1917 г. собор не был

отметить, что одним из заказчиков Померанцева еще до музея был Ю.С. Нечаев-Мальцов (1834–1913), которому нравился стиль эклектики, и Цветаев знал об этом. Нечаев-Мальцов стал главным спонсором нового музея.

В конкурсе на Музей принимали участие девятнадцать архитекторов из разных городов России, Померанцева среди них не было. Было рассмотрено пятнадцать проектов, семь из них удостоены наград. В качестве строителя правлением Московского университета был избран один из награжденных конкурсантов – сравнительно молодой, но уже известный московский архитектор Роман Иванович Клейн (1858–1924).

Клейн разработал окончательный проект, отвечавший требованиям Правления и Комитета по устройству Музея. Согласно проекту Клейна здание музея представляло собой античный храм, располагающийся на высоком подиуме и украшенный ионической колоннадой по фасаду. Для внутреннего убранства был характерен синтез элементов различных исторических эпох. В сооружении здания участвовали выдающиеся инженеры: Иван Иванович Рерберг (наблюдение за строительством и отчетность) и Владимир Григорьевич Шухов (проектирование перекрытий кровли).

Здание строилось по последнему слову музейной практики и строительной техники. Стеклопанельная кровля обеспечивала достаточное количество дневного света в залах второго этажа и двух двориках-атриумах. Электрического освещения в экспозиционных залах не планировалось. Считалось, что осматривать скульптурный Музей лучше всего при естественном освещении, и открыт он будет лишь в светлое время суток. Следует сказать хотя бы несколько слов об открытости этого общемосковского предприятия, о формировании музейного фонда, о возможностях участия общества, об установленном контроле.

В 1898 г. для организации Музея при Московском университете начал функционировать Комитет по устройству Музея изящных искусств имени Александра III. Он задумывался как добровольное сообщество лиц, желающих активно участвовать в систематическом распространении научных знаний в области изящных искусств среди широких кругов русского общества. Комитет объединял руководство университета (Правление в полном составе), профессоров историко-филологического факультета и высших представителей властей с частными лицами, приносившими средства на организацию Музея, дарившими экспонаты или оказывавшими другие важные услуги. Участие в его работе для всех членов, кроме архитектора и его помощника, было безвозмездным. Назначение Комитета состояло в содействии университету в сооружении здания Музея и в комплектовании его художественными и научными коллекциями, а также в изыскании денежных средств для дальнейшего существования Музея. Полученные суммы передавались Правлению университета, которое утверждало их расходование по представлению Комитета. Комитет учреждался на период сооружения Музея изящных искусств, однако фактически просуществовал до февраля 1917 г. Председателем Комитета со дня его основания вплоть до своей гибели в феврале 1905 г. был московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович, который еще в 1894 г. начал оказывать покровительство создаваемому университетскому Музею. По его докладу в июле 1895 г. Николай II распорядился приостановить закладку на Колымажном дворе здания Промышленно-технического училища в память 25-летия царствования

завершен и впоследствии (в 1952 г.) был уничтожен. Всего Померанцев спроектировал четыре собора в память Александра Невского: в Москве, Петербурге, Челябинске и Софии.

Александра II, чтобы освободить это место для Музея, а в 1898 г. вся территория была безвозмездно передана для строительства. В том же году, благодаря ходатайству вел. кн. Сергея Александровича, из государственной казны было выделено на постройку Музея 200 тыс. рублей. Активное участие и заинтересованность великого князя в деле создания Музея во многом предопределили общественный резонанс цветаевского начинания, выведя его за рамки внутриуниверситетского и даже внутригородского дела. Создание Музея вскоре приобрело общероссийское значение. В августе 1899 г. состоялась торжественная закладка музея; 31 мая 1912 г. Музей изящных искусств – «наш гигантский младший брат», как называла его М.И. Цветаева, – был открыт.

Этот проект получил совершенно новое направление в 1895 г., когда В.А. Алексеева выделила в своем завещании на обустройство музея 150 тыс. рублей и выразила желание присвоить музею «августейшего имени за месяц перед сим почившего императора Александра III». На совещании у вел. кн. Сергея Александровича решено было расширить программу музея, с одной стороны, введя произведения Древнего Египта и Халдео-Ассирии; с другой – искусство христианское, для начала хотя бы в отделе скульптуры. «По моему убеждению, учреждение, называющее себя Музеем изящных искусств, не может исключать ни одной ветви искусства: ни живописи, ни архитектуры, – говорил по этому поводу вел. кн. Сергей Александрович. – Я бы приготовил несколько запасных зал, где после могут найти себе место и произведения искусств, которые вы теперь напрасно от себя отстраняете». В соответствии с этим пожеланием был переработан и план нового здания музея. Вместо Музея античного искусства приняли решение обустраивать общий Музей изящных искусств, не ограничивая себя лишь Элладой и Римом. Таким образом, появились в плане Музея новые залы, в том числе залы для начальной поры христианства, для Средних веков и для эпохи Возрождения наук и искусств в Западной Европе. Слепки и другие копии заказывались Цветаевым в зарубежных мастерских по формам, снятым непосредственно с оригиналов; в ряде случаев они делались впервые. Большую часть экспозиции Музея занимало античное искусство, главным образом ваяние. Коллекция отражала новейшие на тот момент археологические открытия и научные реконструкции скульптурных памятников. Искусство Средних веков, Итальянского и Северного Возрождения, впервые представленное в России, составляло самостоятельные разделы экспозиции. Многие произведения, показанные в Музее в первоклассных слепках и копиях, стали открытием для любителей искусств и художников хотя бы уже потому, что отображали оригиналы в их реальном масштабе.

В 1909–1911 гг., при жизни Ивана Владимировича, музей получил большое количество памятников искусства Древнего Египта, в его коллекцию поступили полотна западноевропейских мастеров. Средневековья и периода Возрождения, картины старых русских художников. Сделаны были также гипсовые копии произведений мирового искусства.

«В день открытия Музея изящных искусств памятниками скульптуры восточной, мира классического и христианского были заняты двадцать два больших зала, два кабинета и два дворика – количество, до сих пор небывалое в России»¹. Остается сказать, что весной 1923 г. в связи с общей реорганизацией музеев и перераспределением художественных ценностей Наркомпросом РСФСР было принято решение об устройстве в Москве центрального Музея Старой западной живописи

¹ историк.пф/history_day/13.06.1912/

на основе иностранной части картинной галереи ликвидируемого Румянцевского музея. Разместить этот музей решили в здании Музея изящных искусств. Последний утрачивал статус учебного. С ноября 1923 г он был выведен из подчинения университету и стал Государственным музеем изящных искусств.

ЛИТЕРАТУРА

Андрьянников П.Ю. Н.В. Исаков – служба в военном и учебном ведомствах // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность: материалы XX Международной научно-теоретической конференции. Иваново, 24–26 сентября 2009 г. Иваново: ИвГУ, 2009. С. 118–119.

Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картолиграфия, 2006. 300 с.

Долгоруков П.В. Петербургские очерки: памфлеты эмигранта, 1860–1867. М.: Север, 1934. 474, [6] с.

Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь / А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 894 с.

Митрофанов А. Как Иван Цветаев построил Музей изобразительных искусств: история дореволюционного фандрайзинга. М., 2014 (e-da.su/miloserdie/kak-ivan-cvetaev-postroil-muzej-izobrazitelnyh).

Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект, 2012. 592 с.

Охотин Н.Г. Волконская Зинаида Александровна // Русские писатели: 1800–1917. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 468–469.

Петров Ф.А. С.П. Шевырѐв – первый профессор истории российской словесности в Московском университете. М.: Альтекс, 1999. 57 с.

Смирнов А. Иван Цветаев. История жизни. М.: Вита Нова. 2013. 364 с.

Цветаева М. Отец и его музей. Открытие музея // Цветаева М. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1988. С. 7–27; 14–17. .

REFERENCES

Andriyannikov P.Yu. N.V. Isakov – Service in the Military and Educational Departments. In: Intellectuals: Genesis, Formation, Becoming, Development and Activity: Proceedings of the XX International Theoretical and Theoretical Conference. Ivanovo, September 24–26, 2009. Ivanovo. Ivanovo State University Press. 2009, pp. 118–119.

Volkov V.A., Kulikova M.V., Loginov V.S. (2006) Moscow Professors of the 18th – early 20th centuries. Humanities and Social Sciences. Moscow. Yanus-K; Moskovskie Uchebniki i Kartolitografia Publ. 300 p.

Dolgorukov P.V. (1934) Petersburg Essays: Emigre Pamphlets, 1860–1867. Moscow. Sever Publ. 474, [6] p.

Imperial Moscow University: 1755–1917: Encyclopedic Dictionary / A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. Moscow The Russian Political Encyclopedia Publ. (ROSSPEN). 2010. 894 p.

Mitrofanov A. (2014) How Ivan Tsvetaev Built the Museum of Fine Arts: The History of Pre-revolutionary Fundraising. Moscow (e-da.su/miloserdie/kak-ivan-cvetaev-postroil-muzej-izobrazitelnyh).

Orlov A.S., Georgieva N.G., Georgiev V.A. (2012) Historical Dictionary. 2nd ed. Moscow. Prospekt Publ. 592p.

Okhotin N.G. Volkonskaya Zinaida Aleksandrovna. In: Russian Writers: 1800–1917. Moscow. Sovetskaya Enciklopedia Publ. 1989, pp. 468–469.

Petrov F.A. (1999) S.P. Shevyrev – the First Professor of the History of Russian Literature at Moscow University. Moscow. Alteks Publ. 57 p.

Smirnov A. (2013) Ivan Tsvetaev. History of Life. Moscow. Vita Nova. 364 p.

Tsvetaeva M. Father and His Museum. The Opening of the Museum. In: Tsvetaeva M. Collected Works: In 2 vols. Vol. 2. Moscow. 1988, pp. 7–27; 14–17. .

Сведения об авторе:

Ольга Михайловна Савельева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga M. Savelieva,
PhD
Assistant Pprofessor
Philological Faculty
Lomonossov Moscow State University
us.177@ gmail.com

Фундаментальные
исследования

Fundamental
Research

Т.Н. Белова (Москва, Россия)

**Доминирующие и детерминирующие факторы становления
англо-американской литературоведческой русистики
в 1960–1970-е гг.**

Академическая «новая критика»,
советология и двухсторонние творческие и научные контакты
между учеными СССР и англоязычных стран Запада

Аннотация: В статье рассматриваются основные факторы как академической направленности, так и явно пропагандистского толка, оказавшие определенное негативное влияние на процесс становления и развития англо-американской русистики в 1960–1970-е гг., – это «новая критика» и советология. Вместе с тем особое внимание уделяется позитивному процессу разрядки международной напряженности в эти годы и определяющему фактору развития – прямому влиянию достижений отечественных ученых (филологов, историков, культурологов, политологов и др.), значительно возросшему в связи с Межправительственными соглашениями о научных обменах между СССР и США, а также Великобританией, Канадой, Австралией, Новой Зеландией и странами Западной Европы.

Ключевые слова: русская литература, англо-американская русистика, «новая критика», советология, научные обмены, творческие и научные контакты, разрядка международной напряженности

T.N. Belova (Moscow, Russia)

**On Dominant and Determinant Factors
within the Rise of Russian Literature Study in the USA
during the 1960–1970s.**

“New Criticism”, Sovietology and the Direct Influence of Russian Scholars’ Achievements due to Détant and International Research Exchange Agreements Between the USSR, the USA and Other Western and European Countries

Abstract: The article comprises some dominant and determinant factors within the rise of American academical Russian literature study. Thus “new criticism” and sovetic propagation during the 1960–1970s were hindering the development of Russian literature study in the USA, the Great Britain and Canada. But the author lays spe-

cial emphasis on the determinant role of Russian scholars' achievements in this field of knowledge as well as a free access of foreign researchers to National Archives in the USSR that became possible due to Détant and International research exchange agreements between this country and the USA, the Great Britain, Canada, Australia, New Zealand and European countries.

Key words: Russian literature study, "new criticism", sovetology, Détant, research exchanges, creative contacts

Одним из факторов, затруднявших объективное изучение произведений русской литературы в США в послевоенные годы, стало укоренившееся в 1940–1950-е гг. в американской академической среде литературоведческое направление структуралистского толка – «новая критика», отнюдь не способствовавшая ее глубокому и верному освоению, поскольку русская литература XIX и XX вв. в суровых условиях российской жизни всегда выступала на стороне «униженных и оскорбленных» и стала единственным общественным институтом и своеобразной трибуной, где открыто выражались демократические запросы, насущные проблемы, думы и чаяния прогрессивно настроенной интеллигенции, как и части аристократии, обличавших деспотизм правящих классов и стремившихся в какой-то мере улучшить бедственное положение русского народа.

«Новая критика» ("new criticism") зародилась в США еще в период Первой мировой войны как реакция на кризис либерального викторианского литературоведения конца XIX – начала XX в. Она активно выступала против основных критических направлений исследования литературы второй половины XIX в.: позитивизма, культурно-исторической школы, а также импрессионистической критики. «Новые критики» полностью отрицали тот факт, что литературное творчество опосредованно связано с экономическими, социальными и политическими условиями жизни людей и, будучи продуктом индивидуального сознания, может и должно быть рассмотрено сквозь призму биографии и психологии автора.

Поэтому в основу критического исследования ими был положен изолированно взятый текст, значение которого, по их мнению, могло быть понято и оценено лишь путем тщательного изучения его внутренней структуры, принципов его организации, поэтической образности.

Предтечей «новой критики» в США был Дж.Э. Спингарн, который в пророческой по своему названию лекции «Новая критика» (2011 г.) почти дословно пересказал основные положения работы итальянского филолога Б. Кроче «Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика» (1902 г.), при этом отнюдь не отрицая влияния работ мэтра и даже считая себя его учеником. По мнению Спингарна, импрессионистический критик постоянно отстраняется от художественного произведения, переключая внимание на себя, на свои чувства, переживания и эмоции. Культурно-исторический метод, по его мнению, уводит читателя от самого произведения искусства в поисках среды, эпохи, социальной принадлежности, поэтической школы. Как считал сам Кроче, произведение искусства – это всего лишь чистый феномен сознания, который напрямую относится к сфере духовной энергии человека.

В 1930–1940-е гг. в США о новом критическом направлении были написаны следующие основные теоретические работы: Ransom J.C. *The New Criticism*. Norfolk, 1941; Tate A. *Reactionary Essays on Poetry and Ideas*. London, 1936 (своео-

бразное название которой можно перевести как «Новый подход к поэзии как противодействие общепринятому. Очерки»); *Understanding Poetry* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y., 1938; *Understanding Fiction* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y., 1943. Так была реализована идея американского теоретика Дж.К. Рэнсома о создании цеха или корпорации критиков, которые общими усилиями сделали бы критику своей профессиональной деятельностью, сосредоточив ее в университетах и введя как обязательную дисциплину в лекционные курсы. Положительным аспектом научной деятельности «новой критики» стало углубленное изучение формы литературного произведения, которое достигло своего апогея в XX в. и продолжает успешно развиваться и в наши дни.

В 1920–1930-е гг. «новая критика» обрела и свои печатные органы, вначале в Великобритании: журналы “*The Criterion*” (1922–1939; гл. ред. Т.С. Элиот), “*Scrutinity*” (1932–1953; во главе с Ф.Р. Ливисом), а затем и в США: журналы “*Southern Review*” (1935–1942; гл. ред. К. Брукс, Р.П. Уоррен), “*Kenyon Review*” (1938–1959; гл. ред. Дж.К. Рэнсом), “*Sewanee Review*” (1944–1945; гл. ред. А. Тейт). Благодаря этим изданиям, объединяющим и в значительной степени стимулирующим неокритиков, к концу 1940-х гг. число подобных исследователей сильно выросло, и появились новые имена: Р.П. Блекмур, К. Берк, Р. Уэллек, У.К. Уимсет, А. Уинтерс. В 1950-е гг. «новая критика» становится главным академическим направлением в литературоведении США. Не случайно В. Набоков, создавая в 1940–1950-е гг. свои научно-исследовательские работы о творчестве Н.В. Гоголя, А.С. Пушкина и многих других писателей, как русских, так и зарубежных, в первую очередь ориентировался именно на нее, хотя и приносил в академические труды свое постмодернистское видение сути художественного произведения, при этом оказывая определенное влияние как на современных ему американских литературоведов, так и на слушателей своих лекций.

Официальное учреждение «новой критики» в университетах и колледжах США началось именно в 1940–1950-е гг., поскольку Дж.К. Рэнсом, К. Брукс, Р.П. Уоррен и другие их единомышленники, в том числе и В. Набоков, активно вели там свою преподавательскую деятельность. В конце 1940-х и в 1950-е гг. издаются крупнейшие теоретические работы: «Теория литературы» (1949) Р. Уэллека и О. Уоррена, «Словесная икона» (1954) У.К. Уимсета, «Новые защитники поэзии» (1956) М. Кригера, «Литературная критика: краткая история» (1957) К. Брукса и У.К. Уимсета.

Общим и основным положением «новой критики» является «пристальное прочтение» (“close-reading”), т. е. замкнутое, изолированное от внешних факторов скрупулезное исследование текста как постижение его «способа существования» (“mode of existence”), его структуры и художественной фактуры. В поэзии это ритм, метр, эвфония; в прозе – «пространственная форма» (“spatial form”), «точка зрения» (“point of view”), в драме – сценическая организация материала и т. д. По их мнению, структура произведения может существовать как особая организация образов, символов и предстать даже в форме мифа, что говорит о несомненном влиянии на них постулатов мифологической критики, подробнее о которой будет сказано ниже.

Таким образом, адепты «новой критики» рассматривают произведение искусства как автономный объект, не несущий никакого сообщения или послания (“message”); он существует независимо от художника, как «брошь от ювелира», и имеет свою органичную и целостную структуру. Обладая онтологическим ста-

тусом, произведение существует в разных структурных вариантах «органической формы» (“organic form”), посредством которой оно предоставляет уникальное знание о мире, если исследователь познает его структуру, т. е. при помощи структурного анализа отыскивает способ ее существования, который находится в органическом центре», где происходит слияние формы и содержания.

В этих постулатах явно просматриваются идеи, навеянные «новым критикам» структуралистами 1920-х гг. Так, например, крупнейший теоретик «новой критики» Р. Уэллек (1903–1995), чех по национальности, гражданин США с 1946 г., закончил Пражский университет в 1926 г., а затем в 1930–1935 гг. работал там приват-доцентом и одновременно являлся членом Пражского лингвистического кружка, где он испытал сильное влияние идей чешского структуралиста Я. Мукаржовского. В США, увлекшись «новой критикой», возвратился к своим прежним идеям и совместно с О. Уорреном в 1949 г. выпустил монографию «Теория литературы» – итоговый документ эволюции «новой критики». Он выступил в ней как сторонник «внутреннего» микроанализа словесных структур художественного произведения (принцип «пристального прочтения») и выразил свое негативное отношение ко всем «внешним» способам исследования: культурно-историческому, биографическому, социологическому и другим подходам¹. В дальнейшем, исследуя произведения Достоевского и Чехова в трудах «Достоевский: собрание критических статей» (1962), «Чехов, новые перспективы» (1984) он выступает как оппонент-теоретик искусству реализма. Особой критике им подверглось понятие «социальный тип», воплощающее связь искусства с действительностью, так как оно противоречило представлениям Уэллека о необходимости отрыва искусства от действительности. В 1969 г., отдавая дань своим коллегам и единомышленникам, он выпустил монографию о чешских структуралистах – «Литературная теория и эстетика Пражского лингвистического кружка».

После Второй мировой войны идеи «новой критики» охотно воспринимаются молодыми учеными – вторым и даже третьим поколением ее адептов. В то же время представители старшего поколения начинают постепенно выходить за пределы теоретических постулатов созданной ими школы. Так, Т.С. Элиот написал целую серию социально ориентированных литературно-критических работ; Ф.Р. Ливис стал известным культурологом, А. Уинтерс погрузился в изучение морально-этических проблем. В 1950–1960-е гг. «новая критика» выступает уже в тесном эклектическом единстве с такими академическими направлениями, как мифологическая и экзистенциальная критика.

Мифологическая критика (“myth criticism”) – довольно влиятельное направление в англо-американском литературоведении XX в. Ее именуют также «ритуальной» (ritual; под этим названием она зародилась в Англии), или «архетипной» (archetype), критикой, распространенной в США и связанной уже с концепцией Юнга. Мифологическая критика – это оригинальная литературоведческая методология, основанная на новейших учениях о мифе как не только историческом источнике художественного творчества, но и своеобразном генераторе идей и образов современной литературы. Например, творчество писателей-модернистов, по мнению ее адептов, есть возвращение к мифу: имеется в виду целостное восприятие модернистами мира и его художественное моделирование. Надо сказать, что и известные отечественные ученые С. Аверинцев, Г. Косиков признали важ-

¹ Подробнее об этом см.: Ильин И.П., Соколова Е.В. Уэллек Рене // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 415–416.

ность идей Юнга об архетипе: тот попытался решить малоизученную проблему литературы – репродукцию в ней константных тем и образов в их исторически обусловленных вариантах. В коллективном бессознательном, производным которого является архетип, по его мнению, заключена мудрость и ценность человеческого опыта, который передается именно благодаря последнему: именно мифы создали образы, которые затем превратились в архетипы.

Зародившись в Англии, современная мифологическая критика получила распространение в США начиная с 1940-х гг. благодаря своему плюрализму, с опорой на теоретические работы Чейза, Фрая, исследования мифа М. Элиаде и открыла широкие возможности скорее для творческой, чем для строго научной критики, чему способствовало и отсутствие строго научной концепции мифа¹.

К 1970-м гг. «новая критика»² перестает восприниматься как оригинальная школа, порождающая новые идеи и методы, и утрачивает свое лидирующее положение в литературоведении США, которое она занимала свыше пятидесяти лет благодаря тому, что являлась единственным критическим методом, обучение которому в течение полувека входило в обязательный курс программы американских университетов.

Действенную конкуренцию «новой критике» в американских университетах составил культурно-исторический подход к явлениям отечественной литературы, который практиковался представителями русской эмиграции, а возникшая в 1960-е гг. разрядка международной напряженности (*Détant*) после Карибского кризиса 1962 г., поставившего мир на грань ядерной войны, весьма способствовала расширению научных и творческих контактов благодаря подписанию двусторонних Межправительственных соглашений о научных обменах между США и СССР, куда начиная с 1960-х гг. устремились многочисленные стажеры и специалисты по гуманитарным областям знаний, которым была предоставлена возможность заниматься своей темой исследования под руководством ведущих отечественных специалистов в данной области сроком от четырех до десяти месяцев, причем с официальным разрешением для посещения Центральных государственных архивов: ЦГАОР, ЦГАДА, ЦГАЛИ и др.

Окунувшись в отечественную научно-исследовательскую атмосферу, американские стажеры стали постепенно отходить от навязываемых им на родине многих стереотипов восприятия России и русской литературы, в том числе особенно активно насаждавшихся в 1950–1960-е гг. американскими советологами, которые начинают также утрачивать свое лидирующее положение в 1970–1980-е гг.

Для начала отметим, что характерной «структурной» тенденцией современной западной советологии являлся процесс взаимопроникновения и в какой-то мере сращивания англоязычных исследований по русской советской литературе. Дело в том, что советологи Англии, Канады, США и других стран «творили» не изолированно: их силы были сосредоточены вокруг одних и тех же советологических журналов (“*Slavic Review*”, “*The Russian Review*”, “*Partisan Review*”, “*Problems of Communism*”, “*New York Times Review of Books*” и др.), они проходили стажировку в соседних англоязычных странах, сотрудничали в процессе подготовки научных исследований. Часто, по тем или иным причинам, они покидали свою страну и находили работу в соседней англоязычной стране. А некоторые исследователи

¹ Подробнее об этом см.: Козлов А.С. Мифологическая критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. С. 258–262.

² Подробнее об этом см.: Цурганова Е.А. Новая критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. С. 287–291.

из стран с малораспространенными «редкими» языками (например, Швеции, Дании и др.) писали на английском языке и зачастую разделяли взгляды советологов.

Некоторые советологи предпочитали печататься не у себя на родине, а за рубежом – в другой англоязычной стране. Так, например, канадский советолог Б. Томпсон постоянно печатался в Англии: его книги – это своеобразный экспорт канадской советологии в Европу. Характерно, что на каждую выходящую книгу советологов довольно оперативно писались рецензии, причем вне зависимости от национальной принадлежности особенно доставалось тем, кто отступал от привычных канонов советологии. Таким образом, происходил процесс диффузии национальных советологий, причем не только англоязычных стран, но и их северных соседей. Складывалась некая советологическая общность, тон в которой все же задавали американцы.

В начале 1970-х гг. в связи с потеплением международной обстановки стан советологов на какое-то время как будто начал утрачивать свою монолитность. Даже в советологических журналах стали раздаваться протесты против откровенно тенденциозного метода интерпретации произведений советской литературы. Так, в журнале “Russian Literature Triquarterly” (1972. № 1) была напечатана специально посвященная этой проблеме статья Присциллы Мейер, в которой она отметила, что в сочинениях советологов полностью и безраздельно господствует политический подход, исключающий анализ произведений советской литературы в их художественном качестве, что сам отбор материала определяется сугубо политическими соображениями. В следующем номере журнала было проведено обсуждение этой статьи, но, как и следовало ожидать, никакого качественного поворота в «советологическом литературоведении» не произошло: политическая тенденциозность осталась как ведущая линия, хотя некоторые советологи предложили «расцветить» ее наблюдениями в духе формалистически понимаемой поэтики. Советологи остались советологами. Но само возникновение спора в их среде свидетельствовало об их временной растерянности, об осознании отдельными деятелями «советологического фронта» того застоя, к которому приводит постоянное повторение одних и тех же сомнительных аргументов, шаблонно-тенденциозных методов анализа и оценки.

Так, 9 октября 1974 г. в «Литературной газете» было опубликовано интервью с директором Русского института при Колумбийском университете Уильямом Харкинсоном, который заявил, что роль советологии «уменьшается в результате разрядки и улучшения отношений между нашими странами. В той мере, в какой советология была инструментом или оружием практической полемики, она была откровенно антикоммунистической». Он призвал своих коллег поменьше уделять внимание советологии и побольше – объективным исследованиям¹.

Об очевидной стагнации свидетельствовал выпущенный в 1973 г. сборник статей «Главные советские писатели»² под редакцией известного американского советолога Эдварда Брауна, который в то время считался в США «советологом № 1».

В этом сборнике, как в капле воды, отразились основные тенденции американской советологии на том этапе, ее программа. Так, во вступительной статье к сборнику Э. Браун пишет, что в него включены работы, посвященные исследованию собственно художественных произведений советских авторов, а не их

¹ См.: Литературная газета. 1974. 9 окт. С. 9.

² Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford; N.Y.: Stanford Univ., Oxford Univ. Press, 1973.

биографий, советской истории или политики. По мнению Брауна, это является новым подходом к изучению советской литературы, ориентирующимся именно на анализ литературных достоинств произведения. Хотя программа эта далеко не последовательно выполнялась составителем сборника, она во всяком случае еще раз подтверждала очевидный факт, что советология к началу 1970-х гг. зашла в тупик и ее наиболее дальновидные идеологи поняли необходимость перестройки в тогдашних условиях разрядки. По-видимому, этим и объяснялось включение в сборник статей советских писателей и критиков (правда, написанных в основном в 1920-е гг.): К. Чуковского «Ахматова и Маяковский» (1920), В. Маяковского «В.В. Хлебников» (1922), отрывка из статьи Ю. Тынянова «Промежуток» (1923), посвященной анализу творчества В. Хлебникова, и статьи В. Шкловского «Исаак Бабель» (1924).

Кто же, однако, сами эти «главные советские писатели»? Советологи для наглядности даже составили специальную шкалу ценностей. Так, В. Марков в статье, отрывок из которой цитируется в сборнике, считает, например, что С. Есенин всего лишь поэт «для массовой публики» (помещен в самом низу шкалы), Б. Пастернак находится где-то посередине, а на вершине – О. Мандельштам, доступный только «литературной элите» «поэт для немногих»¹.

Характерно, что Мандельштам до конца 1960-х годов² был почти неизвестен в США даже среди специалистов. То, что он был вынесен «на вершину шкалы», лишний раз доказывает, что американские советологи стремились сознательно регулировать интерес широкой публики и молодых исследователей, начинающих изучение русской советской литературы. В статье «Читая Мандельштама» Кларенс Браун называет его «мастером изображения пустоты и молчания», подчеркивает «элегантность формы» его произведений, в частности «Египетской марки»³. Специально анализу этого произведения Мандельштама посвящена монография Дафны М. Уэст, вышедшая в Англии в 1980 г.⁴ В работе Уэст явно переоцениваются литературные достоинства «Египетской марки» как некоего важного вклада в модернистскую прозу 1920-х гг. Исследовательницу привлекают запутанность, усложненность формы этого «намеренно сюрреалистического» произведения, его модернистская поэтика.

К числу «наиболее важных» поэтов XX в. Э. Браун относит и Б. Пастернака, который также был почти неизвестен на Западе, пока там в 1958 г. не был опубликован его роман «Доктор Живаго». После этого в США появились многочисленные работы о нем и о его творчестве. Анализ романа «Доктор Живаго» дан и в помещенной в сборнике статье Э. Баумана «Постскрипtum о Пастернаке»⁵. Как и в большинстве «советологических» публикаций о Пастернаке, методология автора отчетливо тенденциозна: «исследование» посвящено не столько роману, сколько политическим – разумеется, антисоветским – рассуждениям автора «вокруг» романа.

Среди величайших поэтических гениев «современности и даже всех времен» Э. Браун числит В. Хлебникова⁶. Не случайно его творчеству отведено три статьи

¹ Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. 146.

² В конце 1960-х гг. в США было выпущено собрание сочинений О. Мандельштама в 3-х томах: *Mandelstam O. Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Struve & B.A. Filippov. N.Y., 1967.*

³ Brown C. On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. 149.

⁴ West D.M. Mandelstam: the Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. Vol. 10. Birmingham, 1980.

⁵ Bowman E. Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. 138–145.

⁶ Major Soviet Writers: Essays in Criticism. P. VI.

в сборнике: оно пользуется особым вниманием советологов. В 1970-е – начале 1980-х гг. в США вышел целый ряд специальных работ, посвященных творчеству Хлебникова и футуристов.

Так, в 1976 г. была издана монография Вагана Барушьяна «Русский кубофутуризм 1910–1930: анализ авангардизма»¹. Рассматривая в отдельных главах творчество В. Хлебникова, В. Маяковского, Д. Бурлюка, А. Крученых и В. Каменского, деятельность «Лефа», Барушьян в двух последних главах демонстративно сближает русских футуристов с итальянскими футуристами и французскими сюрреалистами. А девятый номер выходящего в Амстердаме журнала «Русская литература» за 1981 г. был целиком посвящен творчеству В. Хлебникова. Там помещены статьи молодых американских исследователей: Г. Барана, Р. Вроона, Б. Лённквист – автора монографии «Хлебников и карнавал. Исследование стихотворения “Поэт”»².

Следует отметить, что позиции исследователей уязвимы с методологической точки зрения. Например, в статье «“Хаджи-Тархан” Велимира Хлебникова и ломоносовская традиция»³ Вроон сочетает компаративистский и структуралистский принципы анализа, что приводит к явным натяжкам в толковании творчества поэта. Сопоставляя поэму «Хаджи-Тархан» с одами Ломоносова, В. Вроон рассматривает ее как трансформацию панегирической оды, считая, что «нанизывание» (термин Р. Якобсона) в поэме не вытекающих одного из другого мотивов, группирующихся по принципу формального сходства или контраста, можно отождествить с алогическим структурным построением классической оды.

Напомним, что подобная точка зрения высказывалась в 1920-е гг. отечественным литературоведом Ю. Тыняновым, который в статье «Промежуток» писал: «Стиховой культуре XIX в. Хлебников противопоставляет принципы построения, которые во многом близки ломоносовским»⁴. Но тот же Тынянов тремя годами позже в статье «О литературной эволюции» предупреждал: «Вырывать из системы отдельные элементы и соотносить их вне системы, т. е. без их конструктивной функции, с подобным рядом других систем неправильно»⁵. Тынянов не мог не чувствовать однолинейности и парадоксальности подобных сравнений и уже в девятой главе статьи «Промежуток» признавался: «Не хочется к живым людям прицеплять исторические ярлыки. Маяковского сравнивают с Некрасовым. (Сам я нагрешил еще больше, сравнил его с Державиным, а Хлебникова – с Ломоносовым.)»⁶.

Особенно отчетливо идеологическая тенденциозность советологов проявилась при их обращении к творчеству Маяковского. Так, в книге «Маяковский. Поэт и революция»⁷ Э. Браун попытался представить основателя социалистического реализма в поэзии как одинокую, страдающую личность, отчужденную от читателя и не понятую им, как «жертву» революции, как художника, «разменявшего» свой поэтический талант на мелкие, недостойные поэзии темы.

¹ *Barooshian V.D.* Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism. 2nd print. The Hague, Paris; Mouton, 1976.

² *Lönquist B.* Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979.

³ *Vroon R.* Velimir Chlebnikov’s “Chadži Tarchan” and the Lomonosovian Tradition – Russ. litt. Amsterdam, 1981. P. 107–131.

⁴ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 182.

⁵ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 273.

⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. С. 186–187.

⁷ *Brown E.* Mayakovsky. A Poet in the Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1979.

В конце 1970-х гг. в США вышло несколько книг, посвященных творчеству Маяковского. Наиболее скандальную известность даже среди «советологов» приобрела изданная в Нью-Йорке в 1979 г. книга супругов Чартерс (как сразу же выяснилось, бесконечно далеких от знакомства с проблемами русской советской литературы и творчеством Маяковского) «Я люблю: история взаимоотношений Владимира Маяковского и Лили Брик»¹. О каком-либо научном подходе в этой книге говорить не приходится: ее содержание составляют интимные «признания» Лили Брик, якобы сделанные ею супругам Чартерс в Москве и Переделкине в 1972–1974 гг. Эта книга вызвала уничижительные отклики даже у советологов. Так, Э. Браун в рецензии на книгу Чартерсов писал: «Чем меньше будет сказано об этой книге, тем лучше. В ней говорится об истории взаимоотношений Маяковского и Лили Брик без какого-либо внутреннего проникновения в нее. К сожалению, эти два человека мертвы и не могут защитить себя»². Он также отметил многочисленные филологические ошибки авторов³. Отрицательно оценил книгу Чартерсов и Кларенс Браун, который в рецензии, помещенной в “New York Times Book Review”, назвал ее «отвратительной», «хаотически документированной», «лишенной какого-либо внутреннего анализа»⁴. Американский критик Гордон Мак-Вэй констатировал, что «попытки авторов проанализировать такие сложные вопросы, как футуризм, поэзия Маяковского, а также литературную и политическую ситуацию в России несостоятельны и некомпетентны»⁵.

Надо, однако, заметить, что помимо всего прочего книга Чартерсов проникнута фрейдизмом самого дешевого толка; подобная тенденция также была распространена в работах советологов, проникая и в более «состоятельные» исследования, в том числе и самого Г. Мак-Вэя, критиковавшего Чартерсов. Он выпустил о С. Есенине две книги биографического характера: «Жизнь Есенина»⁶ и «Айседора и Есенин»⁷. В них представлен обширный фактический материал: многочисленные выдержки из писем, воспоминаний (письменных и устных) современников С. Есенина и А. Дункан. Мак-Вэй бывал в СССР, пользовался материалами государственных архивов СССР, отделов рукописей библиотек и музеев Москвы и Ленинграда, встречался с людьми, близко знавшими Есенина. По мнению советских и американских критиков, первая книга является наиболее полной из имеющихся биографий о Есенине. Однако при всей кажущейся «объективности» повествования Г. Мак-Вэй постоянно заостряет внимание на всевозможных подробностях интимного или нарочито скандального толка, носящих фрейдистский оттенок с уклоном в сексопато-

¹ *Charters A. and S. I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik*. N.Y.: Farrar Straus Giroux, 1979.

² *The Russian Review*. 1980. April. Vol. 39. № 2. P. 267–268.

³ *The Russian Review*. 1980. April. Vol. 39. № 2. P. 268.

⁴ Там же.

⁵ *Slavic Review*. 1982. Spring. P. 175. «Несостоятельность и некомпетентность» были отнюдь не редкостью в публикациях американских исследователей тех лет. В 1980 г. в издательстве «Ардис» вышла «Фотобиография» Марины Цветаевой с предисловием Карла Проффера, директора этого издательства (*Tsvetaeva M. Fotobiographia / Tsvetaeva. A Pictorial Biography / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor: Ardis, 1980*). Основу этой книги составляет биография М. Цветаевой, снабженная большим количеством фотографий. А предисловие и подписи под фотографиями изобилуют многочисленными ошибками. Отрицательная рецензия Евы Вайтинс на это издание была напечатана в журнале “*Slavic Review*” в 1982 г. (*Vitins J. Rec. // Slavic Review*. 1982. Spring. P. 176–177). Она отметила как ошибки, так и недостаток вкуса у издателей книги.

⁶ *Mc Vay G. Esenin: A Life*. Ann Arbor: Ardis, 1976.

⁷ *Mc Vay G. Isadora & Esenin*. Ann Arbor (Michigan): Ardis, 1980.

логию и призванных создать рассчитанную на определенный вкус дешевую сенсацию. А последние страницы книги «Айседора и Есенин» проникнуты чистейшим иррационализмом и мистикой, что также является данью модным тенденциям современной западной буржуазной идеологии.

Таким образом, и в книгах Г. Мак-Вэя о С. Есенине присутствуют элементы фрейдистского подхода, на мутной волне которого всплыла упоминавшаяся выше «советологическая» книга Чартерсов о Маяковском. И это в целом не просто дань моде. И в том и в другом случае подобный подход рассчитан на то, чтобы снизить авторитет поэтов, пользующихся в нашей стране всенародной любовью и признанием, принизить значение их личности, а зачастую и творчества.

Приведенные нами выше примеры со всей очевидностью демонстрируют откровенное стремление советологов представить в качестве эталона «элитарную», по их формуле, поэзию О. Мандельштама, В. Хлебникова, Б. Пастернака, М. Цветаевой и других поэтов, противопоставить ее, например, гражданской, исполненной революционным пафосом поэзии В. Маяковского.

Что касается советской прозы, то «главными советскими писателями» в сборнике Э. Брауна оказываются Е. Замятин, которому посвящены две статьи сборника, Б. Пильняк, Ю. Олеша, И. Бабель. И здесь также налицо тенденция, характерная и для предыдущих этапов развития «советологического литературоведения» в США: выдвигание на первый план писателей, далеких от основного направления развития советской литературы в те годы, не понявших или не принявших Октябрьской революции, – и замалчивание или принижение писателей открыто гражданственного пафоса, наиболее тесно связанных с Октябрьской революцией, таких как А. Серафимович, А. Макаренко, Н. Островский и др.

Так, в статье Ричарда Грега о Е. Замятине, помещенной в сборнике Э. Брауна, делается попытка сопоставить «пророческое», по выражению автора, произведение Е. Замятина «Мы» не только с библейскими мифами, но и с «Записками из мертвого дома» и «Братьями Карамазовыми» Достоевского, а также с «антиутопическими» романами английских писателей О. Хаксли и Дж. Оруэлла. Сопоставление с Достоевским призвано придать роману Замятина масштабность классики, а сопоставление с Хаксли и Оруэллом – акцентировать его антисоветскую направленность. Последняя операция была уже ранее проделана Э. Брауном в 1976 г.¹ В своей книге он однозначно квалифицировал роман Е. Замятина «Мы» как сатиру, направленную против «русского коллективизма», – и как бы забыл о том немаловажном обстоятельстве, что и этот роман, и повесть Замятина «Островитяне» (1918), которую сам Э. Браун называет «предварительным наброском романа», были написаны под непосредственным влиянием негативных впечатлений от буржуазной Англии, где Е. Замятин оказался во время Первой мировой войны.

Что касается романа Дж. Оруэлла «1984», изобразившего тоталитарное государство, где живут люди-роботы, то нарастание подобных тенденций было характерно для современной действительности, и именно на ее материале Оруэлл создавал свою «антиутопию»², не случайно опираясь на роман Замятина.

¹ *Brown E. Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor: Ardis, 1976. P. 38.*

² Стоит напомнить также, что в 1978 г. в Лондоне вышла нашумевшая затем на Западе книга Э. Берджеса «1985» (*Burgess A. 1985. London: Hutchinson, 1978*), название которой подчеркивает непосредственную связь с книгой Дж. Оруэлла. Во многом, как и Оруэлл, искажая социалистическую идею как таковую, Берджес, однако, в то же время доказывал, что действительность, которая послужила прообразом для романа Оруэлла, – это послевоенный Лондон, его «сатирическая

Как бы то ни было, особенно показателен тот факт, что, при столь пристальном «монографическом» анализе Замятина или Пильняка, романы известных советских писателей, например лауреата Нобелевской премии М. Шолохова, Л. Леонова, А.Н. Толстого, Н. Островского разбираются лишь в одной статье сборника – статье Руфуса Мэтьюсона, представляющей отрывок из его книги «Положительный герой русской литературы»¹.

Р. Мэтьюсон создает свою «шкалу ценностей», безапелляционно поместив в самый ее низ роман Н. Островского «Как закалялась сталь», причем позволив себе ряд недостойных для настоящего ученого выпадов против самого автора. Оказывается, главный его недостаток в беззаветной преданности Павла Корчагина делу партии и народа, в том, что понятия «счастье» и «борьба» для него равнозначны. Для Р. Мэтьюсона этот герой – надуманный, наивный. Он не верит, что такой человек может существовать в жизни, хотя прототипом главного героя являлся сам автор романа. В жизни молодого советского государства подобный герой был не только не единственным в своем роде, но и типичным. Тысячи молодых юношей и девушек участвовали в гражданской войне, а потом своими руками восстанавливали заводы и железные дороги. Именно благодаря массовому героизму наша страна вырвалась из тисков голода и разрухи, превратилась в мощную индустриальную державу, выстояла и победила в войне с фашизмом.

Характерно, что молодой английский ученый Дж. Хоскинг в книге «За пределами социалистического реализма»² упрекает своих западных коллег в недооценке сущности социалистического реализма и противопоставляет их измышлениям реальный факт – популярность советской литературы у широких читательских кругов в СССР. Если произведения социалистического реализма, например роман Н. Островского «Как закалялась сталь», не имеют никакой ценности, спрашивает он, то почему же тогда советские люди в блокадном Ленинграде вставали в очередь, чтобы купить эту книгу? Необходимо отметить, что этот роман очень хорошо известен и до сих пор переиздается в Китае и Вьетнаме, имеет там миллионы почитателей. При этом он был написан в 1927 г., за несколько лет до провозглашения метода социалистического реализма на I Съезде советских писателей.

Дж. Хоскинг пытается самостоятельно разобраться в некоторых проблемах, которые «советологи» считают для себя давно уже «решенными». Так, в первой главе своей книги, озаглавленной «Традиция социалистического реализма», он подробно разбирает содержание этого термина, пять его признаков, широко цитируя работы советских литературоведов и критиков, в частности помещая в этой главе отрывок из речи А.А. Жданова на I Съезде Союза советских писателей в 1934 г., а также большую цитату из книги известного отечественного исследователя А. Овчаренко³.

транскрипция», откуда Оруэлл воспринял и перенес в роман практику «организованной ненависти». Берджес вступил в полемику с теми истолкователями романа «1984», которые рассматривали его как сатиру на реально существующее социалистическое общество. По мысли Берджеса, это скорее сатира на «британский социализм». Берджес подчеркнул, что ряд подмеченных в книге Оруэлла негативных тенденций общественного развития так или иначе проявляется в современных развитых капиталистических странах.

¹ *Mathewson R.W.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed., rev. & enl.: 1978

² *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. London, 1980.

³ См.: *Овчаренко А.* Основные типы социалистического реализма // Социалистическая литература и современный литературный процесс. М.: Современник, 1975. С. 200.

В результате Дж. Хоскинг сделал нежелательный для советологов объективный вывод, против которого они сразу же ополчились: социалистический реализм с самого начала был создан на практике, в творчестве писателей 1920-х гг. (в качестве примера он приводит романы «Цемент» Ф. Гладкова, «Чапаев» Д. Фурманова, «Разгром» А. Фадеева, первую часть «Тихого Дона» М. Шолохова). Но с точки зрения англо-американских советологов он был якобы навязан писателям по декрету свыше. Дж. Хоскинг считает, что западные советологи сознательно выбирали наименее удачные произведения социалистического реализма, тем самым умаляя его достижения, и что после 1953 г. в советской литературе произошло не размывание, а укрепление социалистического реализма. Таким образом, некоторые существенные выводы Дж. Хоскинга довольно сильно отличаются от привычных стереотипов советологии.

В те годы в советологических журналах “Russian Review” или “Slavic Review” все чаще можно было встретить раздраженную рецензию на книгу или статью того или иного молодого английского, американского или канадского ученого, идущую вразрез с представлениями советологов. Так, молодой канадский ученый Дж. Харьян выпустил книгу, посвященную творчеству Л. Леонова¹. Через год после ее выхода в свет в журнале “Slavic Review” появилась резко отрицательная рецензия на нее канадского советолога Б. Томпсона².

Б. Томпсон безапелляционно заявляет, что, во-первых, Л. Леонов не относится к числу тех писателей, о которых следует писать монографии; во-вторых, по содержанию эта книга похожа на те, которые издаются в СССР. Например, пишет Б. Томпсон, Дж. Харьян считает, что патриотизм и оптимизм определяют ценность художественного произведения, с чем он не согласен. Его возмущает, что в библиографии слишком много работ советских авторов и литературоведов социалистических стран (в ущерб исследованиям советологов). Эта книга, раздраженно заключает рецензент, как будто переведена с русского языка, настолько сильно она отличается и по выбору предмета, и по характеру своего критического подхода от «произведений» советологов.

Необходимо отметить, что в 1970-е гг. на десятки языков были переведены произведения многих советских авторов: Ф. Абрамова, Ч. Айтматова, В. Астафьева, Г. Бакланова, В. Белова, В. Быкова, С. Залыгина, Г. Маркова, П. Проскурина, В. Распутина, К. Симонова, З. Тендрякова, Ю. Трифонова, В. Шукшина и других; за рубежом были изданы антологии и сборники советской поэзии, прозы и драматургии.

В США в конце 1970-х гг. публиковались произведения В. Шукшина, Б. Окуждавы, В. Распутина, Ю. Трифонова, В. Тендрякова, Ю. Бондарева. Однако в начале 1980-х гг. в связи с усилением идеологической борьбы американские советологи затратили немало усилий, чтобы охладить интерес американской общественности к литературе и искусству СССР. Многие американские издательства блокировали дорогу произведениям советской литературы к американскому читателю. В результате объем переводов советской литературы в США резко сократился: в 1980-е гг. были переведены и опубликованы лишь рассказы А. Платонова, а из современных произведений – повести И. Грековой, романы Ф. Абрамова, Ф. Искандера и А. Рыбакова. Целенаправленный характер издательской практики был очевиден для самих деятелей культуры США. Так, известная американская писательница и критик Джойс Кэрролл Оутс после беседы с группой советских писателей, участвовавших в двухсторонней встрече с американскими коллегами, отправила письмо директору издательства «Ардис» К. Профферу, в котором выразила свое

¹ Harjan G. Leonid Leoniv. A Critical Study. Toronto: Arowhene Publishing Co., 1979.

² Slavic Review. 1980. Dec. P. 717.

недоумение в связи с тем обстоятельством, что многие современные советские писатели неизвестны читателям США¹.

Наряду с координированием издательской политики в задачи американской «советологии» входила также искаженная, недобросовестная интерпретация советской литературы.

Принижая мировое значение советского искусства, американский советолог М. Фридберг в одной из своих статей утверждал, что произведения советских писателей того времени даже в СССР почти не читают, предпочитая им переводную западную литературу². Тем самым в сознание американцев внедрялось априорно негативное отношение к литературе социалистического реализма³.

Расчет советологов был прост: американский читатель, который и шагу не сделает без рекламы, узнав, что советскую литературу... не читают даже в СССР, предпочитая ей переводы европейской и американской прозы, вряд ли станет искать в книжных магазинах новинки советской литературы, – скорее, он купит какой-нибудь американский бестселлер.

Другой беспрецедентной по своему лицемерию явилась попытка целого ряда англо-американских советологов «закрыть» современную советскую литературу, объявить ее «несуществующей». И американец Деминг Браун в книге «Советская русская литература после смерти Сталина», и англичанин Рональд Хингли в книге «Русские писатели и советское общество. 1917–1978» в один голос утверждают, что термин «советская литература» стал «непригодным», «в сущности, бессмысленным» и надо говорить не о советских, а «о современных русских писателях, проживающих в СССР»⁴, или «о русской литературе в советский период»⁵.

Наиболее часто в работах англо-американских советологов можно было встретить предвзятое, тенденциозное истолкование следующих проблем теории и истории советской литературы: советологические трактовки художественного метода современной советской литературы, ее гуманизма, партийности и народности, темы города и деревни, Великой Отечественной войны, проблемы положительного героя и интернациональной сущности современной советской литературы.

Так, в работах многих советологов начала 1970-х гг. красной нитью проходит тезис о том, что социалистический реализм не художественный метод, а политическая доктрина, инструмент, нивелирующий всякое различие между писателями. Подобная мысль проводится в книге Т. Фрэнкел «Русский художник. Творческая личность в русской культуре»⁶, в антологии «Марксизм и искусство», составленной М. Соломоном⁷, в книге «Литература и идеология в советском образовании» Н. Шнайдемана⁸ и других работах.

¹ The New Republic. 1981. 14 February. P. 32.

² Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev // Problems of Communism. 1983. May – June. P. 53.

³ В качестве контраргумента можно привести научные данные из работы советского критика Ю. Андреева «Массовая культура и культура масс». На основании тщательного изучения социологических трудов, изданных в СССР, исследователь пришел к категорическому заключению: «Наибольший интерес читатели проявляют прежде всего к литературным новинкам, а если говорить шире, к современной советской литературе. До 70–75 процентов читаемой литературы составляет советская... Около 20 процентов читаемой литературы – это книги зарубежных авторов» (Андреев Ю.А. Массовая культура и культура масс // Звезда. 1982. № 7. С. 152).

⁴ Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. P. 1.

⁵ Hingley R. Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y., 1979. P. XV.

⁶ Frankel T. The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972.

⁷ Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y., 1973.

⁸ Shneidman N.N. Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington, Mass., 1973.

Д. Браун в своей книге пытается создать ложное, превратное представление о художественном методе советских писателей. Он утверждает, что социалистический реализм – это, дескать, «узкие ограничения»¹, «запреты» и «заранее предопределенные искажения истины»², что советские писатели пишут чуть ли не под диктовку партии. А советолог Джордж Гибиан называл социалистический реализм «главным официальным жанром», избегая слова «метод»; компаративист Р. Мэтьюсон, смыкаясь с советологами, сводил его смысл на нет, называя «мифическим реализмом» и т. д.

Необходимо отметить, однако, что начиная с 1970-х гг. советология не представляла собой монолитного целого: в ней уже наметились новые тенденции, когда заметно усилилось стремление к объективной и непредвзятой оценке некоторых явлений советской литературы³. В трудах некоторых исследователей проявилось искреннее желание разобраться в сути творческого метода советской литературы.

Так, английский исследователь В. Джеймс при всей тенденциозности и односторонности в освещении многих принципиальных проблем, в частности партийности в художественном творчестве, в то же время верно отмечает, что социалистический реализм зародился в недрах революционного движения в России и связан с марксистско-ленинским пониманием законов развития общества и искусства, с практикой советской литературы⁴. Он критикует советологов за «фрагментарность» и «политическую тенденциозность» их работ, посвященных советской литературе и вопросам социалистического реализма. «...В западном обществе, – пишет критик, – не только отсутствует широкое признание теории социально-политической роли искусства, но это общество, в сущности, враждебно идее о необходимости разработки такой теории»⁵.

В. Джеймс признает новаторский и творческий характер социалистического искусства. В отличие от большинства своих коллег, считающих социалистический реализм «чисто русским» явлением, он рассматривает этот феномен как «выходящий за пределы Советского Союза»⁶. В самом деле, это явление интернациональное, присущее не только многонациональной советской литературе, но и литературам социалистических стран.

Взгляды В. Джеймса сразу же подверглись критике со стороны советолога старшего поколения Г. Свейза, который выразил неприкрытую тревогу в связи с появлением подобной книги, очень близкой, с его точки зрения, «официальным» советским толкованиям социалистического реализма⁷.

В связи с проблемой интернационального характера социалистического реализма необходимо отметить, что в работах «специалистов по национальному вопросу» М. Фридберга и Д. Брауна под видом «заботы» о развитии национальных культур предпринимались настоячивые попытки извратить интернациональный характер современной советской литературы, обвинить ее в «шовинизме», изобразить насильственную «русификацию» национальных литератур.

Стремлением подменить идейно-политическое единство многонациональной советской литературы плюрализмом националистических идеалов проникнут специ-

¹ *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 20.*

² *Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. P. 377.*

³ См. об этом: *Борщук В. Поле битвы идей. М., 1983. С. 241.*

⁴ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. London, 1973. P. X–XI.*

⁵ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. P. IX.*

⁶ *James V. Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. P. 85.*

⁷ *Russian Review. 1974. № 4. P. 444.*

альный выпуск журнала «Обозрение национальных литератур», озаглавленный «Россия: дух национализма»¹. Большинство советологов, чьи работы опубликованы в этом выпуске, проводят идею о том, что русской литературе, начиная с А.С. Пушкина, будто бы присущ «дух национализма», замаскированный понятиями «народность» и «патриотизм». Подобные вымыслы распространялись и на современную им советскую литературу. В частности, Д. Браун усматривал в ней даже несколько «типов» национализма: от «официального национализма» до «национализма разрушительного». Выдвигая тезис о «множественности национализмов», советолог пытался таким образом убедить читателей, что единства советской литературы на основе принципов социалистического реализма не существует.

Когда русскую советскую литературу обвиняют в проведении политики «русификации» по отношению к национальным литературам, то в литературах нерусских народов СССР, естественно, жаждут выискать проявления «борьбы против этой политики». Например, советологи обнаружили «националистические настроения» в творчестве Чингиза Айтматова, произведения которого в действительности насквозь проникнуты идеями интернационализма и братства народов².

Несколько иную позицию в этом вопросе занимал Д. Браун, что весьма любопытно. По его мнению, тезис о том, что в СССР в ходе исторического развития создана единая советская многонациональная литература, охватывающая все нации и народности нашей страны, включая языковые группы и этнические меньшинства, – выдумка, ибо «почти все, что есть примечательного в советской литературе, написано на русском языке»³.

Таким образом, перед нами откровенно беспринципное манипулирование концепциями в зависимости от потребности текущего момента или тематики публикации.

В интерпретации М. Фридберга подлинной трагедией предстает факт двуязычия отдельных писателей из национальных республик. Свой мрачный прогноз о том, что число писателей, пишущих на двух языках, в будущем возрастет, он обосновывал тем, что владение литературным русским языком в СССР необходимо для «получения литературной известности»⁴. Критик явно искажил реальную картину литературной жизни в СССР: скрыл факты о масштабах переводческой деятельности в нашей стране, о больших тиражах произведений советских писателей, пишущих не на русском языке, о журнале «Дружба народов», об издательствах, специализирующихся на выпуске литературы народов СССР. Однако его интересовала отнюдь не истина.

Весьма распространенной в советологии была тенденция полностью отрывать творчество отдельных советских писателей от эстетики социалистического реализма. При этом достижения советской литературы, в частности произведения писателей «деревенской» и «городской» прозы, интерпретировались лишь как творческие успехи некоторых талантливых художников слова, якобы сумевших «преодолеть ограниченность метода» социалистического реализма.

¹ Russia: the Spirit of Nationalism // Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.

² Высказывание самого Ч. Айтматова о существовании идейно-эстетической функции национального начала в произведениях советских писателей полностью опровергает мнение «советологов». Он пишет: «...придавая большое значение национальному духу искусства, нельзя считать, что национальное своеобразие играет какую-то наиглавнейшую роль и может служить некоей самоцелью в творчестве художника. Решающее значение для всех национальных литератур имеет развитие их социалистического содержания» (Литературная газета. 1984. № 31. 1 авг. С. 2).

³ Soviet Russian Literature since Stalin. P. 1.

⁴ Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev. P. 63.

Поэтому не случайно первая монография на английском языке о советской литературе 1960–1970-х гг., изданная английским исследователем Дж. Хоскингом, названа «За пределами социалистического реализма»¹.

Эта книга, безусловно, политизирована. Ее автор, будучи в докторантуре, провел весенний семестр 1976 г. в Институте русских исследований при Колумбийском университете (США). Ненапрасными оказались и «бесценные замечания» ведущих американских советологов Катерины Кларк, Деминга Брауна и других, подказавших «новые направления» монографии Дж. Хоскинга². При этом автор книги действительно хорошо владеет материалом исследования: советской литературой он занимался и в период своего пребывания в СССР, был знаком с работами советских критиков. Дж. Хоскинг сосредоточивает внимание на «городской» и в особенности на «деревенской» прозе, представленной именами Ф. Абрамова, С. Залыгина, В. Белова, В. Распутина, В. Шукшина и др. Он справедливо отмечает, что эти писатели стремятся честно и правдиво изобразить советскую жизнь, запечатлеть важные духовные и философские проблемы нашего общества. Подобный подход, на первый взгляд, в корне противостоит советологическим стереотипам оценки советской литературы. Однако это не так. Политическая тенденциозность исследования Дж. Хоскинга, то выплывая на поверхность, то уходя в подтекст, пронизывает всю монографию. Анализируя, в частности, произведения Ф. Абрамова, действие которых происходит во время или сразу после войны, и скорбя по поводу «негуманных повинностей», возложенных в деревне на плечи женщин, стариков и детей, Дж. Хоскинг далек от понимания того, что война с фашизмом была всенародной трагедией, когда решался вопрос «быть или не быть» для всего Советского государства, и что главной задачей Абрамова было изображение героического подвига советского народа в тылу. Этот подвиг писатель приравнивает к подвигу солдат на фронте³.

Дж. Хоскинг «сожалеет» также об «упадке» старых крестьянских традиций в деревне, чувства сплоченности и взаимопомощи. Он пишет, что в более поздних своих произведениях («Пелагея», «Алька») Ф. Абрамов изображает современную зажиточную деревенскую жизнь, в которой этой сплоченности почти не осталось ввиду механизации сельскохозяйственных работ и распространившихся в деревне городских обычаев. Идеино-художественное своеобразие последних произведений Ф. Абрамова исследователь сводит к единственному резюме: благоденствие ставит не менее сложные проблемы, чем бедность⁴.

¹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. London, 1980.*

² *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. X.*

³ Сам Федор Абрамов, отвечая читателям на вопрос, почему он, участник Великой Отечественной войны, доброволец Ленинградского ополчения, не написал ни одного произведения о войне, сказал: «Разве непрерывные сражения баб, подростков и стариков в тылу за жизнь, за помощь отцам и братьям, воевавшим на фронте, – разве это не война?

Давно сказано: страна была единым военным лагерем. И бабья, подростковая и стариковская война в тылу, – а я один из тех, кто всю жизнь писал произведения об этой войне, – была не менее страшной и героической, чем война на фронте.

Да, снаряды не падали, не рвались. Но работа на износ, работа и за себя и за мужиков, ушедших воевать, голод, разутость и раздетость – сколько они унесли баб, стариков, подростков, детей? Кто пытался подсчитать эти жертвы войны?.. Это ли не всенародная трагедия?.. И худо ли, хорошо ли – им, их беспримерной стойкости, их подвигу, их взлетам духа и величайшей трагедии, которая продолжается еще и сегодня (да, да, и сегодня продолжается у нас опустошающая работа войны), я отдал свое перо» (*Абрамов Ф. На ком земля держится. Из архива // Литературная газета. 1985. № 10. 6 марта. С. 7.*)

⁴ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 56.*

Тему «упадка» русской деревни Дж. Хоскинг считает главной и в произведениях В. Белова. Анализируя его рассказ «Не гáривали», он усматривает причину трудностей деревенской жизни не в тяжелых последствиях войны, а в коллективизации и урбанизации деревни. Критик называет В. Белова «политическим писателем»¹ и даже усматривает в его произведениях 1970-х гг. (например, в «Канунах» и в «Плотницких рассказах», поднимающих исторические проблемы русской деревни периода коллективизации) «апологию идей Бухарина и правой оппозиции 1928–1929 гг.»², что явно отдает намеренной тенденциозностью.

Столь же тенденциозен английский критик Филипп Льюис, автор статьи «Деревенская ностальгия в современной литературе»³. Противопоставляя традиции старой русской деревни, ушедшие в небытие, жизни современного колхозного села, автор навязчиво проводит тезис о том, будто все «наиболее русское является наименее советским»⁴. Так он пытается «обосновать» заведомо тенденциозный вывод, что современная советская интеллигенция якобы «отказывается от классового подхода к истории и культуре»⁵. Противопоставляя принцип народности, трактуемый внеисторически и внеклассово, принципу партийности, подобные критики стремились внушить ложное впечатление о том, что принцип народности в произведениях советских писателей утратил свои классовые черты. Народность советского писателя всегда была обусловлена тем, насколько полно он отражал в своем творчестве жизнь и чаяния народа и в какой степени сам он и его творчество принадлежали людям труда.

Так предвзято и искаженно интерпретируются глубоко народные, проникнутые мыслью о бесконечной жизнеспособности народа, о преемственности его исторической памяти произведения В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, В. Шукшина.

Советская литература о деревне поднимала важные социальные проблемы, представляющие собой часть проблем развития всего советского общества и привлекавшие к себе особое внимание, поскольку они обнажили острые, но неантагонистические противоречия, разрешения которых потребовала сама жизнь. Сильная сторона этих произведений о деревне заключалась именно в правдивом, неприкрашенном показе происходивших и происходящих в ней эмоционально-психологических и социальных процессов. Изображая с большой степенью достоверности и глубины народные характеры, народную трудовую нравственность, эти писатели выступали против плоскостного нигилистического отношения к духовным богатствам и ценностям трудовой крестьянской жизни, сельской природы. Быть может, иногда они несколько идеализировали патриархальные формы прежнего бытия, как, например, это делает В. Белов в «Ладе». Однако он ратует отнюдь не за реставрацию традиционных форм жизни и культуры прошлого, а за творческое развитие народных традиций. В его произведениях слышен призыв взглянуть на великий и трудный путь, который за несколько десятилетий проделала наша страна, «оком народной памяти». Поэтому нет никаких оснований преувеличивать роль и значение этой черты в творчестве В. Белова, что пытается сделать Дж. Хоскинг, прибегая к преднамеренной и тенденциозной политизации своих выводов.

¹ *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 70.*

² *Hosking G. Beyond Socialist Realism. P. 67.*

³ *Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // Soviet Studies. Univ. of Glasgo. 1976. Vol. XXVIII. October. № 4.*

⁴ *Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature. P. 564.*

⁵ Там же.

В англо-американской советологии был весьма распространен также тезис о том, что гражданская социально-политическая позиция советских писателей якобы мешает им изображать духовный мир человека. Подобную точку зрения высказывают Дж. Гибан в книге «Советские писатели “малого мира”»¹, Н. Натова в статье «Повседневная жизнь и психология личности в русской советской прозе 1970-х годов»² и др.

Глубокое раскрытие характеров героев, как утверждали эти литературоведы, возможно только тогда, когда они изображаются вне связи с общественными проблемами своего времени. Намеренно противопоставляя героев современной им советской литературы героическим образам предыдущих литературных периодов, советологи стремились представить персонажи произведений писателей того времени «обычными, заурядными, хорошими по природе, но слабавольными людьми», неспособными сопротивляться «мелкому злу повседневной жизни»³, лишенными высоких идеалов, замкнутыми в узком бытовом мирке, занятыми только личным благополучием. Так оценивает Н. Натова героев Ю. Трифонова, сводя все его творчество лишь к этому аспекту. Еще более сужает богатое идейно-художественное содержание трифоновских повестей Дж. Хоскинг, усматривая в них главным образом проблему кризиса «среднего возраста». Ю. Трифонов, утверждает он, «предлагает читателю... христианские ценности “другого мира”, бессмертие, любовь к ближнему» и т. д. (анализ повести «Другая жизнь»). Серьезные проблемы нравственного выбора, поднимаемые в творчестве Ю. Трифонова, менее всего интересуют советологов. В произведениях этого писателя Дж. Хоскинг видит даже «разрыв с традицией социалистического реализма», поскольку этот художник слова «концентрирует свое внимание на быте»⁴. При этом совершенно не принимается во внимание мнение самого Ю. Трифонова, который неоднократно писал в советской печати, что он изображает не быт, а обыкновенную жизнь, «испытание жизнью, где проявляется и проверяется новая сегодняшняя нравственность»⁵.

В «городских» повестях Ю. Трифонова анализируются, казалось бы, обычные житейские коллизии, в которых, на первый взгляд, нет ничего крупного, общественно значимого: квартирные проблемы («Обмен»), семейные неурядицы («Предварительные итоги»), любовные связи («Долгое прощание»). Но именно в них художественно убедительно и с полной мерой авторского соучастия показано, как «микросоглашения», мелкие уступки самому себе или обстоятельствам, накапливаясь, ведут в конечном счете к утрате истинно человеческого в людях, к забвению идеалов и ценностей, обретенных в ходе революционной борьбы и десятилетий самоотверженного труда⁶.

Обращаясь к проблеме положительного героя в советской литературе 1960–1970-х гг., Д. Браун и Дж. Хоскинг всерьез заявляют, что и этот герой не имеет

¹ *Gibian G. Soviet Writers of the “Little World”*. Hamilton, Ontario, 1972.

² *Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970-s // Russian Review*. 1974. Vol. 33. October. № 4.

³ *Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970-s*. P. 368.

⁴ *Hosking G. Beyond Socialist Realism*. P. 194.

⁵ *Трифонов Ю.В. Повести*. М., 1978. С. 528.

⁶ Советологи абсолютно не принимали во внимание историко-революционную тему, которая звучит даже в «городских» повестях Ю. Трифонова и которой посвящены его романы «Нетерпение», «Старик», документальное повествование «Отблеск костра», а также последнее эссе писателя «Загадка и провидение Достоевского».

никакого отношения к методу социалистического реализма: он не герой в прямом смысле слова, поскольку «безыдеен и инертен»¹, «абсолютно индифферентен к идеологии»².

Вопрос о положительном герое современной советской прозы непросто. В нашей критике тоже были отдельные выступления, когда Михаила Пряслина (героя Ф. Абрамова) обвиняли в мелком собственничестве, а Ивана Африкановича Дрынова (героя В. Белова) – в пассивности и патриархальности, забывая, что Иван Африканович – депутат местного Совета, участник Великой Отечественной войны: ведь не за свою же пассивность получил он орден Славы? Поставленный перед проблемой нравственного выбора, этот герой всегда действует активно и сознательно. Присуща ему и самокритическая оценка своей личности, своего поведения, отношения к миру. В этом Иван Африканович сходен с Михаилом Пряслиным, о котором на VII Съезде советских писателей Георгий Марков говорил: он «воплощает в себе черты той части коренного слоя крестьянства, который выстоял перед трудностями военного и мирного времени. На таких людях держалась и держится деревня, именно из Пряслиных складываются самые испытанные, самые преданные своему долгу совхозные и колхозные мастера полей и ферм – станова́я сила современной деревни»³. Героиня повести В. Быкова «Знак беды» Степанида Богатко – простая необразованная крестьянская женщина, в прошлом батрачка – после установления Советской власти и в годы колхозного строительства «познала правду и по крохам обрела свое человеческое достоинство. А тот, кто однажды почувствовал себя человеком, уже не станет скотом»⁴. И это позволяет ей активно сопротивляться злу и насилию, которые принесли в мирный хутор фашисты; сцена саможжения героини, избравшей смерть, но не давшейся в руки врагу, – свидетельство стойкости и непреклонности ее духа, глубоко народного характера.

Чрезвычайно показательно, что «военная» тема в советской литературе не привлекала особого внимания англоязычной критики в силу того, что она героична и изображает лучшие черты русского характера, воспитанные в новом обществе. Но и те немногочисленные работы о советской «военной прозе», которые были опубликованы, несут на себе отпечаток предвзятых советологических концепций.

Традиционный интерес русской классической и советской литературы к военной тематике, согласно концепции советологов, обусловлен не обстоятельствами нашей драматической истории, а лишь тактическими соображениями, необходимостью поддерживать у населения постоянную готовность к военным действиям. Произведениям на военную тему отказывали в художественности. В 1973 г. на английском языке вышел восьмой том сравнительной энциклопедии «Марксизм, коммунизм и западное общество» (“Marxism, Communism and Western Society”), подготовленной американскими и западноевропейскими советологами. Автор одной из статей, К. Аймермахер, сопоставляя советскую прозу о войне с западноевропейской, толкует о «неполноценности» и «старомодности» произведений советских писателей, отсутствию, в них «реалистической достоверности и... эпической цельности»⁵.

¹ *Hosking G.* Beyond Socialist Realism. P. 81.

² *Brown D.* Soviet Russian Literature since Stalin. P. 291.

³ *Марков Г.* Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI Съезда КПСС // Вопросы литературы. 1981. № 8. С. 19–20.

⁴ *Быков В.* Знак беды // Дружба народов. 1983. № 4. С. 109.

⁵ *Eimermacher K.* War Literature // Marxism, Communism and Western Society: A Comparative Encyclopedia / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y., 1972–1973. P. 337.

Критик из Канады Н. Шнайдман, отдавая в какой-то мере должное таланту В. Быкова, охарактеризовал его повести как философские по своей концепции и психологические по природе. Вместе с тем его трактовка повести «Сотников» полностью противоречит идейно-художественному замыслу автора, ибо критик находит некий «позитивный» (позитивный, так сказать, «для себя») момент в исследовании и психологическом анализе характера предателя и обнаруживает даже писательскую «симпатию к тем, кто оказался слишком слабым, чтобы сопротивляться неистовому давлению обстоятельств и хочет любой ценой спасти свою жизнь»¹. В качестве доказательства «апологии» предателя Н. Шнайдман приводит мысль Сотникова о том, что «Рыбак не добрал чего-то как человек и гражданин». Однако это прямая передержка: совершенно ясно, что не об оправдании предательства идет речь у Быкова.

Отметим, что некоторые зарубежные критики зачислили В. Быкова в разряд экзистенциалистов. Они рассуждают о «тотальном одиночестве его героя», заброшенности в мире, о пограничных ситуациях, роковом стечении обстоятельств, в которых оказываются персонажи писателя; возводится в абсолют элемент трагизма в произведениях писателя в ущерб героическому началу, т. е. используют подход экзистенциалистской критики, бытовавшей в США в те годы.

А ведь В. Быков один из первых в советской литературе начал исследовать, как испытывается на прочность характер советского человека, поставленного в критическую ситуацию. Главная проблема, поставленная в его произведениях, – это как и почему простой советский человек, «не герой» оказывается, вовсе о том не подозревая, настоящим героем². Даже погибая, как Сотников, герои В. Быкова остаются победителями. Символичен конец повести. Сотников сознательно идет на гибель, подтверждая и смертью свое право на высокое звание человека. Перед казнью Сотников, сын комиссара гражданской войны, как бы передает свою нестигаемую волю, веру, честь мальчику «в старой армейской буденовке» – эпизод, являющий собой символ преемственности от поколения к поколению идеалов революции и гражданской войны.

Конечно, не все зарубежные исследователи предвзято и искаженно трактуют произведения советской военной прозы. «Я только что прочитал в журнале «Советская литература» роман Бориса Васильева «В списках не значился», – заявил в письме в редакцию журнала видный австралийский прозаик Ральф де Буассьер. – Роман написан так сурово, с такой болью, что иногда я откладывал чтение этого произведения на день-другой. Борис Васильев показал, какими гигантами могут стать люди при социализме... Я не могу забыть этот роман. Он слишком убедителен, правдив. Я хочу, чтобы вы передали мои слова Борису Васильеву.

---

¹ Canadian Slavonic Papers. 1978. Vol. 20. March. № 7.

² Откуда брались у героев, у этих простых людей (Сотникова, Степаниды Богатыко, путевого обходчика Едигея, старухи Анны у Распутина, Ивана Африкановича, Пряслиных), силы на то, чтобы совершить – на войне или в тылу – подвиг? Думается, от масштаба и страстности идеи, воспринятой не только умом, но всем эмоциональным существом человека. Они смогли прожить свою жизнь по совести, т. е. по идее, обладая способностью ощущать себя «на пределе», на крайнем рубеже, ничем и никак не смягчая личной ответственности перед людьми, перед страной. Процесс терпеливого всматривания в человека, который столь показателен в произведениях Ч. Айтматова, В. Распутина, В. Быкова, В. Белова, Ф. Абрамова, не исключает осмысленной концептуальности и идейной содержательности романов и повестей этих писателей. При этом их идейность полностью растворена в самой художественной ткани произведений.

Я хочу сделать ему лучший комплимент, который может сделать писатель писателю: я хотел бы, чтобы эта книга была написана мною...»¹

Необходимо отметить, что прогрессивная зарубежная критика, непредубежденные иностранные читатели, все люди доброй воли высоко оценивают произведения советских писателей как военной, так и сугубо мирной тематики, поскольку в них произошла художественная кристаллизация жизненного опыта советского народа в узловые, переломные моменты его истории. В них присутствуют ветер истории, «большое время» и дается оценка событий с народной точки зрения. Этот факт лишний раз свидетельствует о тенденциозной предвзятости и уязвимости рассмотренных нами советологических исследований.

Как мы уже видели, хотя большинство молодых англо-американских исследователей в выборе тем также шли в фарватере советологического литературоведения, некоторые из них все же пытались идти против течения, дорожа научными принципами и избегая антисоветских выпадов. К числу таких исследователей относятся, кроме упомянутых нами, также ученые Северо-Западного университета (США), который проводил прогрессивную политику в сфере культуры и стремился избегать контактов с агрессивно-антикоммунистическими кругами. Это еще раз продемонстрировал советско-американский симпозиум, посвященный проблемам русской литературы конца XIX – начала XX в., проходивший в этом университете (Эванстон, близ Чикаго) в конце 1982 г., в котором с американской стороны приняли участие около ста профессоров и преподавателей ряда университетов США (в том числе университетов Колорадо, Виргинии, Чикаго, Гарвардского университета), а также аспирантов и студентов. Характерной особенностью этого симпозиума было отсутствие антисоветских советологических выступлений. Все споры носили научный характер и не нарушали общей дружественной атмосферы. В составе советской делегации был и заместитель директора Института мировой литературы имени А.М. Горького, член-корреспондент АН СССР В. Щербина, который в интервью, помещенном в «Литературной газете», подчеркнул, что «молодое поколение американских русистов, в отличие от многих своих старших коллег, все менее использует изучение нашей литературы в политических антисоветских целях, стремясь к объективному научному исследованию»².

Знаменательно, что как раз в эти годы в Северо-Западном университете преподавал большой друг Советского Союза, известный американский русист профессор И. Вайль. В 2016 г. в Москве на русском языке вышла книга его воспоминаний «От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля». В ней, как в капле воды, отразился типичный путь молодого американского исследователя русской литературы в послевоенный период.

Автор подробно рассказывает о своем становлении как специалиста по русскому языку, русской литературе и изучению культуры России на протяжении более полувека. Его первым преподавателем в самом начале в Чикагском университете, куда он поступил в 1947 г., был С. Харпер, сын известного американского поэта У.Р. Харпера, основавшего этот университет в 1891 г. при солидной финансовой поддержке (более 100 миллионов долларов) Дж.Д. Рокфеллера. С. Харпер одним из первых представителей академической среды в США начал серьезно изучать и всячески популяризировать русский язык и русскую литературу в своей стране.

¹ Литературная газета. 1982. № 7. 17 февр. С. 2.

² Литературная газета. 1982. 1 дек. С. 5.

К сожалению, в 1930-е гг. русистика была полностью свернута в университете в связи с экономическим кризисом, поразившим Америку в эти годы.

Однако после Второй мировой войны и сокрушительной победы над нацизмом, в которой основную роль сыграл Советский Союз, в США пришло понимание значимости советского государства в мировой истории и политике, благодаря чему возникла объективная необходимость изучения истории России, ее культуры, литературы и русского языка, что способствовало возобновлению преподавания этих предметов, причем на самом высоком научном уровне, в ведущих американских университетах, в том числе и в Чикагском. Как отмечает И. Вайль, «это была своего рода попытка открыть дверь в славную культуру русской литературы»¹. В своих мемуарах он постоянно подчеркивает роль представителей русской эмиграции первой волны в данном академическом процессе.

Вместе с тем конец 1940-х гг. – это возникновение «холодной войны» между СССР и США, поддерживаемой и западноевропейским альянсом после печально известной Фултонской речи У. Черчилля.

Автор книги передает атмосферу горячих научных споров в Чикагском университете, которая вместе с тем сильно отличалась от нагнетания атмосферы «холодной войны», как пишет ее автор, «в пропагандистских источниках»: газетах, журналах, на радио, в фильмах – во всех средствах массовой информации, формирующих общественное мнение в США. Так, например, в чикагском оперном театре была поставлена опера М. Мусоргского «Борис Годунов», где русский царь был представлен... кровожадным коммунистом, причем даже само имя Мусоргского было изменено: вместо Модест («скромный») – на его противоположность – «нескромный», что чрезвычайно поразило И. Вайля.

В то время факультет русского языка Чикагского университета возглавлял русский эмигрант – аристократ Дж. Бобринский, белый офицер, потомок незаконного сына Екатерины II и ее фаворита графа Г. Орлова. Бобринский очень внимательно и ответственно относился к обучению своих студентов и много сделал для их развития в области русистики.

В книге содержится много интересных подробностей о процессе обучения И. Вайля в этом учебном заведении, а также представлена его точка зрения как уже сложившегося ученого-русиста. Например, он пишет о значимости переводов произведений русской литературы, созданных британскими авторами: К. Гарнетт и Б. Гурнеем, причем в их сравнении; о противоречивой роли В. Набокова как преподавателя Корнеллского университета, его явном субъективизме в оценке творчества Гоголя, Достоевского и других русских писателей, а также о его аутентичном переводе романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», который трактуется И. Вайлем как не в полной мере удачный.

После получения степени магистра славистики в Чикагском университете в 1951 г. спустя некоторое время И. Вайль в течение трех лет работал в библиотеке Конгресса под руководством русского ученого, эмигранта первой волны, члена Кадетской партии в Петербурге Е.М. Кулишера, соратника В.Д. Набокова, отца писателя. Как отмечает И. Вайль, он научил его тому, «что такое настоящее исследование», чему тот «от души благодарен ему... и по сей день»². Говоря о ста-

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД Менская, 2016. С. 75.

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 89

линских репрессиях, он приводит один важный факт из своей научной практики: изучая многотомные публикации переписи населения России от 1897 г. и 1926 г., исследователь после долгих поисков обнаружил... всего лишь двухстраничную публикацию от 1939 г. о результатах второй советской переписи, появившуюся в печати лишь через три года после ее проведения в 1936 г. в том виде, «который явно скрывал демографическую катастрофу 1930-х годов»: провал коллективизации, последовавший за ним голод и начало сталинских репрессий¹.

Надо сказать, что и у себя на родине в 1950-е гг. И. Вайль подвергся процедуре так называемой «охоты на ведьм» как подозреваемый в принадлежности к Американской коммунистической партии, поскольку он совершенно случайно снимал квартиру в доме, где располагалась штаб-квартира коммунистической партии в Вашингтоне, а также в «подрывных связях» с известным немецким режиссером-коммунистом Э. Пискатором, драматическую студию которого он посещал в Чикаго и даже участвовал в постановках в качестве актера и начинающего режиссера в студенческие годы. Однако уже гораздо позже, после тщательного изучения всех документов компетентными органами, И. Вайль был полностью освобожден от всех этих безосновательных подозрений.

Под руководством Е.М. Кулишера, как считает автор мемуаров, значительно возросло его знание как русского языка, так и истории и культуры России. Он отмечает, что наставления и советы его учителя, который был представителем «старой русской интеллигентской традиции», неоценимо помогли ему и стали «в некотором смысле школой»². Он пишет: «...то образование, которое я получил путем тщательного и широкого обзора советской прессы, вместе с историческими комментариями человека, обладавшего высочайшим, совершенно необычным интеллектом, которому пришлось жить в водовороте этих событий, сформировало мой научный фундамент»³. С ним молодой человек мог и дальше успешно осваивать «многоликую реальность» российской истории, культуры и литературы.

В 1954 г. Фонд Форда учредил систему грантов для тех, кто хотел специализироваться в области русистики. И. Вайль воспользовался этой возможностью, получив грант на один год. Он поступил в Гарвардский университет на факультет славистики для получения докторской степени, после чего работал там в качестве ассистента преподавателя до 1958 г.

В Гарварде, этом интеллектуальном Олимпе Новой Англии, с одной стороны, по его словам, царил «безграничное высокомерие», которое подчас «принимало форму грубости и снисходительного отношения к другим людям»⁴, в том числе и к самому И. Вайлю. С другой стороны, он был рад и горд, что на факультете преподавали русские эмигранты – люди «высочайшего интеллекта»: блестящий специалист-филолог Р.О. Якобсон, бывший дипломат М.М. Карпович, создавший там свою школу изучения истории России, итальянский славист Р. Поджиоли, идеи которого не имели ничего общего с идеями формализма, которые в вузах США получили большое распространение и образовали новый академический

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 90

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 92.

³ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 93.

⁴ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 94.

подход к изучению литературы, получивший название «новая критика», к которому сильно тяготел и В. Набоков. Рассуждения Р. Поджиоли о гигантах русской литературы были выдержаны в рамках культурно-исторического подхода и, как отмечает автор, достаточно близко подвели американского читателя и слушателя лекций «к пониманию нравственной и художественной мощи этих гениев»¹, имея в виду Пушкина, Толстого, Достоевского и других русских писателей.

Представляют интерес воспоминания автора мемуаров о лекциях Д. Чижевского, Вс. Сечкарева. Один семестр в отсутствие М. Карповича на факультете преподавал В. Набоков, которому предложили прочесть курс лекций по творчеству Л.Н. Толстого. Многие преподаватели хотели, чтобы известный писатель продолжил свою работу в Гарварде, но этому сильно воспротивился Р. Якобсон. В результате Набокова не приняли на факультет, что было, конечно же, несправедливо по отношению к нему как талантливому преподавателю русской литературы, проявившему себя на этом поприще в других университетах и колледжах США, о чем эмоционально пишут в своих воспоминаниях его студенты.

Находясь в среде этих ориентированных на классическую русскую литературу замечательных ученых, И. Вайль решил, к их разочарованию, написать диссертацию о жизни и творчестве М. Горького, имя которого стало известно в Америке еще в начале XX в. Его работа увенчалась успехом. В 1966 г. в издательстве «Рандом Хаус» в Нью-Йорке, а в 1993 г. в Москве (в русском переводе) вышла его книга «Горький: его литературный рост и влияние на советскую интеллектуальную жизнь», которая также внесла несомненный вклад в горьковедение.

С 1958 по 1965 г. И. Вайль работал в Университете Брендайс в качестве старшего преподавателя русского языка и литературы (а затем и профессора). Его ученики, как он отмечает, преуспели в науке и творческих профессиях: русская литература и культура их безусловно обогатили. Однако после семи лет преподавания ему предложили покинуть университет. Долгие годы он работал в должности секретаря-казначей Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL), которая ежегодно в течение многих десятков лет и по сей день проводит в США и Канаде международные научные конференции, где выступают не только преподаватели и ученые из США, но и русисты из других стран Европы, Азии и Латинской Америки, в том числе и российские исследователи. До сих пор эта организация поддерживает свободный обмен мнениями между представителями разных школ и направлений и способствует не только взаимопониманию, но и углублению объективных знаний о русской литературе и языке.

Одновременно с 1966 г. в течение полувека И. Вайль являлся профессором Северо-Западного университета: он читал там курс по изучению литературы и культуры СССР. В те нелегкие времена его коллеги даже жаловались на него Президенту университета, говоря, что он «друг Советского Союза». И. Вайль вспоминает, что президент ответил следующим образом: «А что вы хотите? Он преподает советскую литературу. Вы бы хотели, чтобы он ненавидел то, что преподает?»² На этом, как пишет автор, инцидент был исчерпан.

---

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 95.

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 104.

Начиная с 1960 г. И. Вайль более ста раз посещал СССР, а затем и Россию. В середине 1950-х – начале 1960-х гг. наступило время «хрущевской оттепели», и была образована Комиссия по международному обмену, поэтому студенты и аспиранты из США и СССР могли стажироваться в вузах этих стран. И. Вайль был на стажировке в МГУ и в Институте мировой литературы, где хранился обширный архив жизни и творчества М. Горького. Одновременно он по собственной инициативе завязывает контакты как с выдающимися представителями интеллигенции, так и с простыми людьми: «Эти люди покорили меня моментально», – пишет И. Вайль, отмечая «дружеское и доброжелательное отношение»¹ советских людей.

Важной вехой на пути своего исследования И. Вайль считает встречу и постоянное общение с К. Чуковским, который стал ему, по его словам, «вторым отцом». К. Чуковский в молодости работал под руководством Горького в издательстве «Мировая литература», которое с 1920-х гг. выпускало в СССР лучшие произведения мировой литературы с целью нести высокую культуру в массы. С этим издательством сотрудничали высококвалифицированные литературные специалисты, считавшие художественный перевод неотъемлемой частью литературы. Так, в XX в. в СССР появилось семнадцать переводов «Гамлета», один из которых принадлежал Б.Л. Пастернаку. И. Вайль высоко оценивает переводы Шекспира, выполненные М.Л. Лозинским, а из современных – совместные переводы Р. Пивера и Л. Волхонской – американца и русской: в этом тандеме они создали переводы многих литературных произведений.

И. Вайль также вспоминает о своих встречах с Б.А. Бяликом, ведущим специалистом по творчеству Горького, В.И. Кулешовым, профессором филологического факультета МГУ, которые весьма доброжелательно отнеслись к его исследованию, о знакомстве с поэтом Е.А. Евтушенко, объективно отмечая сильные и слабые его стороны, как и некоторые аспекты творчества И. Эренбурга. Он восхищается мужественным поведением А.И. Солженицына, размышляет о трагических судьбах М.А. Булгакова и О.Э. Мандельштама, высоко оценивая их творчество, пишет об истории создания романа Б.Л. Пастернака «Доктор Живаго» и драматических последствиях присуждения писателю Нобелевской премии. В мемуарах хорошо передана напряженная атмосфера московской интеллектуальной жизни 1960-х гг., а также изменения, происходившие в 1970–1980-е гг., и, наконец, распад СССР в 1991 г., что на Западе, по мнению Вайля, вначале было расценено как «смена вывески». В них присутствуют и его интересные рассуждения о системе Станиславского, и главы о музыкальных деятелях – о всемирно известном композиторе Д.Д. Шостаковиче, посетившем в 1973 г. Северо-Западный университет, при этом его гидом и переводчиком во время его пребывания в Эванстоне был сам И. Вайль, о чем он подробно пишет в своих мемуарах. Есть глава о композиторе С.С. Прокофьеве, его драматической судьбе и встрече И. Вайля с его репрессированной супругой Линой, а также глава о его общении с В. Набоковым.

Мемуары И. Вайля заканчиваются на оптимистической ноте: «все то положительное, что я знаю о русских людях и их культуре в целом, обязательно возобладает над всем отрицательным... русское общество сможет мобилизовать свои лучшие черты и построит такое будущее, в котором будут возможности для развития огромного таланта, таящегося в этой необъятной стране»².

¹ *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 109.

² *Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. С. 181.

И. Вайль более полувека своей жизни отдал не только изучению русского языка и литературы, русской культуры и истории, в чем он безусловно преуспел, как и в обучении этим предметам американских студентов. Но главное, что он совершил, – он внес огромный вклад, пребывая то в нашей стране, то у себя на родине, в избавление окружающих его людей от распространенных ложных стереотипов восприятия наших стран на инациональном уровне, боролся за появление новой объективной информации, в чем бы она ни заключалась, и против безудержной пропаганды, навязываемой обычным людям средствами массовой информации.

За его неустанные усилия по распространению русского языка и литературы и выдающийся вклад в сближение между нашими народами он был награжден Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) медалью Пушкина, которую ему торжественно вручил посол СССР в США А. Добрынин. Также он получил звание Почетного профессора Российского государственного гуманитарного университета в связи с тем, что своей преподавательской и просветительской деятельностью этот знаменитый ученый способствовал улучшению и углублению взаимопонимания и объективной оценке истории и культуры России и Америки. Мемуары И. Вайля – это честная, откровенная, эмоциональная повесть о его вхождении в мир русской культуры и литературной жизни, о его русских учителях как у себя на родине, так и в России, о гениях и простых русских людях, к которым он также испытывал глубокое уважение и благодарность за теплоту и душевное гостеприимство, неотделимое, по его мнению, от «русской натуры».

Другой друг нашей страны, представитель послевоенного поколения молодых ученых, Джон Глэд (1941–2015) – известный американский славист, переводчик, профессор Мерилендского университета – также внес большой вклад в популяризацию русской литературы на Западе и особенно в США, как и в сохранение литературного наследия русской эмиграции.

Потомок хорвата-эмигранта, он в 17 лет начал изучать русский язык, на котором в дальнейшем говорил практически без акцента, и горячо полюбил русскую литературу. Будучи студентом американского университета, получил степень бакалавра, а затем и магистра. В 1970-е гг. несколько раз посетил СССР, совершенствуя свои знания русского языка и литературы, которые затем передавал своим студентам американских университетов. Особенно тесно он общался с русскими эмигрантами всех трех волн, неоднократно брал у них интервью, в результате чего оставил в записи на пленке и видео уникальные трехчасовые беседы с Р. Гулем, Б. Филипповым, В. Войновичем, В. Некрасовым, В. Аксеновым, Ю. Алешковским, С. Соколовым, И. Бродским и др., в которых содержатся откровения писателей и поэтов, оказавшихся в США, их размышления о литературе, собственном творчестве и творчестве других русских литераторов, о стране, принявшей их, как и воспоминания о своей родине. Эти интервью легли в основу его книги, изданной в России, «Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье» (М., 1991). По приезду в Россию он безвозмездно передал огромные бобины с этими уникальными записями в фонд «Русское зарубежье», основанный А.И. Солженицыным в Москве, директор которого, В.А. Москвин, с благодарностью принял этот дар. В дальнейшем они были перенесены на современные носители информации и стали доступны посетителям фонда.

В 1999 г. Дж. Глэд опубликовал в США также уникальный по своему охвату и значению труд «Russia Abroad» в издательстве И. Ефимова «Hermitage» объ-

емом в 760 страниц, в котором он проследил четырехвековую историю русской эмиграции в Европу и США, начиная с князя Д. Курбского, современника Ивана Грозного. К сожалению, книга до сих пор не переведена на русский язык, хотя это, безусловно, насущная необходимость.

Помимо научной, педагогической и просветительской деятельности, он создал издательство «Березка», в котором печатались книги русских писателей и поэтов. Также, в совершенстве владея русским языком, он успешно и талантливо переводил на английский язык сложную для перевода поэзию Н. Клюева и О. Мандельштама, прозу В. Аксенова и В. Шаламова, стремясь сохранить метафоричность образов, значение ключевых слов и лейтмотивов в их творчестве. Критика высоко оценила его переводы поэзии О. Мандельштама, сравнивая их с «россыпью бриллиантов». Его переводы произведений В. Шаламова сделали творчество этого писателя, прошедшего двадцать лет в сталинских лагерях, очень известным на Западе и принесли его вдове солидные дивиденды, на которые она смогла подготовить и опубликовать шеститомное издание его прозы в России.

Дж. Глэд бескорыстно помогал эмигрантам из России, многие из которых сильно нуждались, предоставляя им свой кров и пищу, денежные средства, при этом старался любым способом облегчить эмигрантское существование даже незнакомым людям. В конце жизни он возглавил очень известный в США благотворительный Фонд им. Дж. Кеннана в Вашингтоне, который предоставлял гранты от 3 до 6 месяцев стажерам и специалистам из России: филологам, экономистам, юристам, историкам, социологам и представителям других гуманитарных специальностей, тем самым внося свой неоспоримый вклад в укрепление взаимопонимания между двумя нашими странами – Россией и Америкой.

Большой вклад в распространение русской литературы в США и сохранение литературного наследия русской эмиграции внесло и издательство имени А.П. Чехова, созданное в Нью-Йорке в 1952 г. при финансовой поддержке Фонда Форда и просуществовавшее четыре года. Оно выпустило 178 книг 129 авторов и 7 антологий, в частности: «На Западе» (антология русской зарубежной поэзии; под ред. Ю. Иваска), «На Перевале», «Опальные повести» (под ред. В. Александровой), «Пестрые рассказы» (под ред. В. Александровой), «Приглушенные голоса» (антология поэзии за железным занавесом под ред. В. Маркова), «Православие в жизни».

Наряду с произведениями русской классики: «Повести» Н.В. Гоголя, «Соборяне» Н.С. Лескова, «Девять повестей» В.Ф. Одоевского, «Избранные стихи» Ф.И. Тютчева и др., – издавались произведения М.А. Алданова, рассказы М.А. Булгакова, сочинения И.А. Бунина, романы В.В. Набокова, Р. Гуля, Е.И. Замятина, Д.С. Мережковского, Н. Нарокова, А.М. Ремизова, Л. Ржевского, проза М. Цветаевой, Б.К. Зайцева, рассказы И.С. Шмелева, М. Зощенко, драматургия С. Малахова, стихи А. Ахматовой, И. Елагиной, Н. Гумилева, а также мемуарные и философские книги Г.В. Иванова, П.Н. Милюкова, Ф.А. Степуна, Ю. Терапиано, Р.В. Иванова-Разумника, историко-философские эссе и другие книги. Была отдана дань и зарубежной классике: в переводе на русский язык были изданы произведения У. Сарояна, А. Труайя, Г. Уайлдера, а также историко-публицистические произведения иностранных авторов, главным образом американских. Материалы XX Съезда КПСС, на котором был развенчан культ личности Сталина, были восприняты в США как весомый аргумент для закрытия издательства в 1956 г., по-

скольку в Москве «восторжествовала правда», и было решено больше не тратить деньги на издание книг и исследований подобного рода.

Однако в 1970–1980-е гг. ему на смену пришло не менее продуктивное мичиганское издательство «Ардис», которое просуществовало почти 20 лет (с 1971 по 1991 г.). Оно было основано в университетском городке Анн Арбор в Мичигане; им руководили специалисты по русской литературе Карл и Эллендейя Проффер, и вскоре оно стало ведущим издательством в США, ориентированным на мир русской литературы.

Исчерпывающую характеристику его направленности дал отечественный критик И. Толстой: «Не гадание на политической гуще, не сомнительной достоверности домыслы, – но прежде всего верность тексту, глубокое почитание авторской воли, стремление по возможности воссоздать для читателя забытый облик давнего или прижизненного издания», – вот что, на его взгляд, отличает книги издательства «Ардис» и, по его мнению, позволяет выделить их «в группу исследовательских первоисточников»¹.

Не случайно руководителем издательства «Ардис» в качестве его названия выбрали топоним из романа В. Набокова «Ада»: там все его четырнадцать книг, написанные в Европе до Второй мировой войны, были переизданы в 1970–1980-е гг., поскольку сам автор передал чете Профферов все права на свои русские издания. К сожалению, в них полностью отсутствует комментарий, но сохранены все поздние английские предисловия Набокова к текстам его русских романов уже в переводе на русский язык. Кроме того, в эти годы там публиковались интереснейшие научные труды и объективные исследования известных американских ученых о проблемах творчества Набокова. Так, была издана монография Б. Бойда, автора двухтомной энциклопедически полной и тщательно выверенной творческой биографии писателя. Это исследование о его романе «Ада» – «“Ада” Набокова. Место сознания», первоначальный вариант которой был написан в 1978 г. в виде диссертации, которую автор защитил в Торонто в 1979 г., а затем отправил К. Профферу, который предложил ее опубликовать в 1980 г.² Им также были опубликованы получившие большую известность книги набоковеда Б. Джонсона «Распадающиеся миры» и Г. Барабтарло «Фантом факта». Сам К. Проффер дополнил издательскую «набоковиану» своим исследованием – книгой «Ключи к Набокову», а также изданием сборника «Всякая всячина о Владимире Набокове» под своей редакцией.

Супруга К. Проффера, его бывшая аспирантка Э. Проффер, составила и издала солидную биографию М. Булгакова, Р. Хэгглюнд – библиографию и биографию Г. Адамовича периода эмиграции. Выходили и фотобиографии, посвященные М. Булгакову, М. Цветаевой, Б. Окуджаве, Н. Евреинову, в которых особое место

¹ Толстой И. Издательство «Ардис» // Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 187.

² Судьба блистательного набоковеда Б. Бойда захватывающе интересна. Он родился и вырос в Новой Зеландии. В юности, увлекшись творчеством Набокова, он отправился в библиотеку, чтобы прочесть «Лолиту», однако ее не было в наличии, и ему предложили взять роман «Бледное пламя», который его просто потряс как своей необычной формой, так и неожиданным пародийно-авантюрным содержанием и богатством поэтики. Б. Бойд решил заниматься творчеством Набокова. По рекомендации К. Проффера он встретился с вдовой писателя Верой Евсеевной, которая, ознакомившись с его проникновенным исследованием об «Аде» и оценив его «приверженность фактам», разрешила ему работать с полным архивом В. Набокова и создать не только библиографию, которую тот планировал, но и новую биографию писателя, «которая могла бы опровергнуть и вытеснить из научного употребления» скандально известную биографию Э. Филда, опубликованную в 1977 г. (см. об этом: Бойд Б. Предисловие к русскому изданию // Бойд Б. «Ада» Набокова: место сознания. СПб.: Симпозиум, 2012. С. 10).

занимали фотоматериалы. Выходили и первые в мире исследовательские работы: книга Г. Кэма о «Серрапионовых братьях», монография У. Брауна «История русской литературы эпохи романтизма», исследование Г. Браунинга о Б. Пильняке сподзаголовком «Скиф за пишущей машинкой», первая книга об О. Сомове Дж. Мерсеро и др. Многие произведения русских классиков: Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Чернышевского, Островского, Писемского, Сологуба, Погорельского – и даже «Записки кавалерист-девицы» Н. Дуровой и др. были изданы в переводах на английский язык, хотя некоторые из них публиковались в оригинале, например «Записки из подполья» Достоевского, не вышедшие в советское время отдельным изданием, факсимильный сборник дореволюционного издания двухтомника Киреевского и фотокопия «Путешествия в Арзрум» Пушкина, выпущенного в Париже под редакцией М.Л. Гофмана и с предисловием С. Лифаря.

В переводах на английский язык была издана проза М. Цветаевой, А. Ахматовой, А. Ремизова, произведения М. Зощенко, Б. Пильняка, Ю. Олеси, Е. Замятина, О. Мандельштама, А. Грина, М. Шагинян, многочисленные антологии произведений писателей второго ряда и воспоминания Н. Мандельштам, Л. Брик и Л. Белозерской, объединенные в сборнике «Вдовы России».

Отдельными изданиями была выпущена современная проза А. Битова, Ф. Искандера, В. Аксенова, Ю. Нагибина, А. Гладилина, Ф. Абрамова и др.; также там вышли сборники рассказов «Современная русская проза» (Ю. Трифонов, В. Распутин, В. Шукшин), «Гласность. Новая советская проза» (Л. Петрушевская, Вик. Ерофеев, Т. Толстая, В. Попов и др.), интервью с поэтами-шестидесятниками: А. Вознесенским, Б. Ахмадулиной и др. Были переведены на английский язык даже историко-литературные исследования отечественных авторов, ставшие классическими: М. Бахтина, Б. Эйхенбаума, Вас. Гиппиуса, Ю. Лотмана, К. Рудницкого, а также выпущены антологии критических и теоретических работ о Гоголе, русских символистах, истории развития западной русистики и т. д.¹

Важным начинанием издательства «Ардис» стала публикация в 1970–1980-е гг. «Русского литературного трехквартальника» (“Russian Literature Triquarterly”) – весьма объемного журнала-альманаха, «уникального в своем роде издания во всем Западном мире», поскольку он целиком был посвящен русской литературе, с популяризаторской целью «предложить вниманию широкого читателя непере переведенные русские тексты», как пишет Э. Проффер, подводя итоги в последнем, 24-м его номере в феврале 1991 г. Также она отмечает: «Журнал этот старался представить промежуточное поколение славистов, тех, кто не относился ни к марксистам, ни к поклонникам холодной войны. Их внимание было сосредоточено на литературе, а не на политике – и не потому, что политика стремилась целиком вытеснить литературу даже в спорах о литературе. Сейчас положение счастливым образом изменилось, и поскольку картина русской литературы полна многочисленных переводов в отдельных изданиях, потребность в таком журнале уже отпадает»².

К этому времени советология, как и «новая критика», во многом утратили свои позиции: пришло время объективных научных трудов, которые начали выходить уже в 1970–1980-е гг. благодаря объединению научных усилий англо-американских исследователей и лучших представителей отечественной филологии.

¹ Более подробно об этом см.: *Толстой И.* Издательство «Ардис» // Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд. 1993. С. 187–190.

² См.: *Proffer E.* Russian Literature Triquarterly. 1991. № 24. February (цит. по: *Толстой И.* Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд. 1993. С. 187).

Их отличает стремление к глубине и объективности изложения, интерес к малоизученным проблемам русской литературы, введение в научный оборот новых для западной академической аудитории имен, а также опора на достижения известных российских ученых-филологов. С другой стороны, лучшие достижения англоязычных ученых на ниве славистики, как и русистики, также широко издаются на русском языке в нашей стране: это энциклопедические труды о В. Набокове Б. Бойда, монография В. Александрова «Набоков и потусторонность», глубокие исследования о прозе Пушкина П. Дебрецени, творческая биография Чехова Д. Рейфилда, монография о проблемах творчества Толстого Д. Орвина, о психологии творчества русских писателей О. Меерсон, уникальная книга Дж. Глэда «Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье», вобравшая в себя его интервью с представителями трех волн русской эмиграции; рассмотренные нами мемуары известного русиста И. Вайля о его становлении как специалиста по русской литературе и культуре России и о его многочисленных творческих контактах с русскими эмигрантами в США и известными писателями и учеными в России и т. д.

Таким образом, современные англоязычные исследователи в своем большинстве, используя свой жизненный опыт и творческие контакты с российскими учеными, с большой долей объективности стремятся донести до западного читателя не только художественное совершенство русской литературы XIX–XX вв., но также морально-этические и эстетические взгляды великих русских писателей, а также культурно-исторический фон описываемой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамов Ф. На ком земля держится. Из архива // Литературная газета. 1985. № 10. 6 марта. С. 7.

Александров В.Е. Набоков и потусторонность. Метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. СПб.: Алетейя, 1999. 318 с.

Андреев Ю.А. Массовая культура и культура масс // Звезда. 1982. № 7. С. 151–166.

Barooshian V.D. Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism. 2nd print. The Hague, Paris-Mouton, 1976. 176 p.

Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2001. 695 с.

Бойд Б. Владимир Набоков: американские годы: Биография / Пер. с англ. М.: Независимая газета; СПб.: Симпозиум, 2004. 928 с.

Бойд Б. «Ада» Набокова: Место сознания / Пер. с англ. СПб.: Symposium, 2012. 480 с.

Борщук В. Поле битвы идей М.: Сов. писатель, 1983. 415 с.

Bowman E. Postscript on Pasternak // Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford, N.Y., 1973. P. 138–145.

Brown C. On Reading Mandelstam // Major Soviet Writers. Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford, N.Y., 1973. P. 145–152.

Brown D. Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y., 1979. 394 p.

Brown E. Mayakovsky. A Poet in Revolution. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press. 386 p.

Brown E. Brave New World, 1984, and We: An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1976. 61 p.

- Brown E.* Rec. on: Charters A. and S. I Love // *The Russian Review*. April. 1980. Vol. 39. № 2. P. 267–268.
- Browning G.* Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 259 p.
- Буасьер Р. де.* Письмо в ред. «Литературной газеты» // *Литературная газета*. 1982. № 7. 17 февр. С. 2.
- Burgess A.* 1985. London: Hutchinson, 1978. 272 p.
- Быков В.* Знак беды // *Дружба народов*. 1983. № 4. С. 38–126.
- Вайль И.* От берегов Огайо до берегов Москвы-реки. От красных Цинциннати до красных Москвы. Мемуары Ирвина Вайля. М.: ИД Менская, 2016. 224 с.
- Charters A. and S. I Love:* The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. N.Y.: Farrar, Straus Giroux, 1979. 398 p.
- Дебрецени П.* Блудная дочь. Анализ художественной прозы Пушкина / Пер. с англ. СПб., 1995. 398 с.
- Eimermacher K.* War Literature // *Marxism, Communism and Western Society: A Comparative Encyclopedia* / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y., 1972–1973. P. 326–329.
- Frankel T.* The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y., 1972. 198 p.
- Friedberg V.* Soviet Letters under Brezhnev // *Problems of Communism*. 1983. May – June. P. 51–58.
- Gibian G.* Soviet Writers of the “Little World”. Hamilton, Ontario, 1972. 29 p.
- Глэд Дж.* Беседы в изгнании: Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.
- Glad J.* Russia Abroad. N.Y.: Hermitage, 1999. 760 p.
- Harjan G.* Leonid Leonov. A Critical Study. Toronto: Arowhene Publ. Co., 1979. 233 p.
- Hingley R.* Preface: Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y., 1979. P. I–XVIII.
- Hosking J.* Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London, Elek: Granada publ., 1980. 260 p.
- Ильин И.П., Соколова Е.В.* Уэллек Рене // *Западное литературоведение XX века: Энциклопедия*. М.: Intrada, 2004. С. 415–416.
- James V.* Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. Lndon, 1973. 146 p.
- Козлов А.С.* Мифологическая критика // *Западное литературоведение XX века: Энциклопедия*. М.: Intrada, 2004. С. 258–262.
- Lewis Ph.* Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature // *Soviet Studies*. Univ. of Glasgo. Vol. XXVIII, October. № 4. P. 548–569.
- Lönquist B.* Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 1979. 127 p.
- Mandelstam O.* Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Struve and B.A. Filippov. N.Y., 1967.
- Марков Г.* Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI Съезда КПСС // *Вопросы литературы*. 1981. № 8. С. 3–21.
- Mathewson R.B.* The Positive Hero in Russian Literature. N.Y.: Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed., rev. & enl.: 1978. 364 p.
- McVay A.* Esenin: A Life. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1976. 352 p.
- McVay A.* Isadora & Esenin. Ann Arbor (Mich.): Ardis Publ., 1980. 335 p.

- Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London: Oxford Univ. Press, 1973. 439 p.
- Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y., 1973. 649 p.
- Меерсон О. Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. СПб., 2009. 432 с.
- Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970s // Russian Review. 1974. Vol. 33. October. № 4. P. 357–371.
- Oats J.C. A Letter to C. Proffer // The New Republic. 1981. 14 February. P. 32.
- Орвин Д.Т. Искусство и мысль Толстого. 1847–1880. СПб., 2006. 303 с.
- Овчаренко А. Основные типы социалистического реализма // Социалистическая литература и современный литературный процесс. М.: Современник, 1975. С. 199–212.
- Proffer C.R. The Widows of Russia and Other Writings. Ann Arbor (Mich.): Ardis. 1987. XIV, 159 p.
- Proffer E. Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1984. XIV, 670 p.
- Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова / Пер. с англ. Б.Г.С.-Пресс, 2010. 781 с.
- Ransom S.C. New Criticism. Norfolk, 1941. XIII, 339 p.
- Russia: The Spirit of Nationalism. Review of National Literatures. N.Y., 1972. Vol. 33. № 1.
- Shneidman N.N. Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington (Mass.), 1973. 209 p.
- Tate A. Reactionary Essays in Poetry Ideas. N.Y., 1936. XII, 240 p.
- Толстой И. Курсив эпохи. Литературные заметки. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. 204 с.
- Трифонов Ю.В. Повести. М., 1978. 542 с.
- Tsvetaeva M. Fotobiographia / Tsvetaeva. A Pictorial Biography / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor (Mich.): Ardis. 143 p.
- Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
- Цурганова Е.А. Новая критика // Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. М.: Intrada, 2004. С. 287–291.
- Understanding Poetry / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren N.Y., 1938: XXIV, 680 p.
- Understanding Fiction / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren: N.Y., 1943: XX, 608 p.
- Vitins V. Rec. on: Tsvetaeva M. A Pictorial Biography, ed. by Proffer E. Introduction by Proffer C. Ann Arbor (Mich.): Ardis, 1980 // Slavonic Review. Spring. 1982. P. 176–177.
- Vroon R. Velimir Chlebnikov's "Chadži Tarchan" and the Lomonosovian Tradition // Russ. Lit. Amsterdam, 1981. P. 107–131.
- Wellek R., Warren A.P. Theory of Literature. N.Y.; London, 1949. X, 403 p.
- West D.M. Mandelstam: The Egyptian Stamp. Birmingham Slavonic Monographs. № 10. 1980. 154 p.
- Wimsatt W.K. The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry (with M.C. Beardsley). Lexington, 1954. XVIII, 299 p.
- Wimsatt W.K. Literary Criticism: A Short Story (with Cl. Brooks). N.Y., 1957. 755 p.

REFERENCES

- Abramov F. By Whom the Earth Is Held. From Archives. *Literaturnaya Gazeta*. 1985. No 10. 6 March, p. 7.
- Aleksandrov V.E. (1999) Nabokov's Otherworld. St.-Petersburg. Aleteja Publ. 320 p.
- Andreev Yu. A. Mass Culture and Culture of the People. *Zvezda*. 1982. No 7, pp. 151–166.
- Barooshian V.D. (1976) Russian Cubo-futurism, 1910–1930: A Study in Avantgardism. 2nd ed. The Hague, Paris – Mouton. 176 p.
- Borstchukov V. (1983) The Field of and Ideological Battle. Moscow. 415 p.
- Bowman E. Postscript on Pasternak. In: Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. Ljndon; Oxford; N.Y. 1973, pp. 138–145.
- Boyd B. (1990) Vladimir Nabokov: The Russian Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press. 696 p.
- Boyd B. (2004) Vladimir Nabokov: The American Years. Biography. Princeton: Princeton Univ. Press. 928 p.
- Boyd B. (2012) Nabokov's Ada. The Place of Consciousness. St.-Petersburg. Symposium Publ. 480 p.
- Brown C. (1973) On Reading Mandelstam. In: Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London; Oxford; N.Y., pp. 145–152.
- Brown D. (1979) Soviet Russian Literature since Stalin. N.Y. 394 p.
- Brown E. (1973) Mayakovsky. A Poet in Revolution. Princeton, New Jersey. Princeton Univ. Press. 386 p.
- Brown E. (1976) Brave New World, 1984, and We. An Essay on Antiutopia. Zamyatin and English Literature. Ann Arbor (Mich.). Ardis. 61 p.
- Brown E. Rec. on: Charters A. and S. I Love. *The Russian Review*. April. 1980. Vol. 39. No 2, pp. 267–268.
- Browning G. (1985) Boris Pilniak: Scythian at a Typewriter. Ann Arbor (Mich.). Ardis. 259 p.
- Boissière R. de A Letter to "Literaturnaya Gazeta". *Literaturnaya Gazeta*. 1982. No 7. 17 February, p. 2.
- Burgess A. (1978) 1985. London, Hutchinson. 272 p.
- Bykov V. A Sign of Trouble. *Druzhba Narodov*. 1983. No 4, pp. 38–126.
- Charters A. and S. (1979) I Love: The Story of Vladimir Mayakovsky and Lili Brik. N.Y. Farrar, Straus Giroux. 398 p.
- Debreczeny P. (1995) The Other Pushkin: A Study of Alexander Pushkin's Prose Fiction. 398 p.
- Eimermacher K. War Literature. In: Marxism, Communism and Western Society. A Comparative Encyclopedia / Ed. by C. Kernig. Vol. 8. N.Y. 1972–1973, pp. 326–329.
- Frankel T. (1972) The Russian Artist. The Creative Person in Russian Culture. N.Y. 198 p.
- Friedberg V. Soviet Letters under Brezhnev. *Problems of Communism*. 1983. May-June, pp. 51–58.
- Gibian G. (1972) Soviet Writers of the "Little World". Hamilton, Ontario. 29 p.
- Glad J. (1991) Conversations in Exile: Russian Literature Abroad. Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 320 p.
- Glad J. (1999) Russia Abroad. N.Y. Hermitage. 760 p.

- Harjan G. (1979) Leonid Leonov. A Critical Study. Toronto. Arowhere Publ. Co. 233 p.
- Hingley R. Preface. In: Russian Writers and Soviet Society. 1917–1978. N.Y. 1979, pp. I–XVIII.
- Hosking J. (1980) Beyond Socialist Realism: Soviet Fiction since Ivan Denisovich. London, Elek. Granada Publ. 260 p.
- Ilyin I.P., Sokolova E.V. (2004) Wellek Rene. In: Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia. Moscow. Intrada Publ., pp. 415–416.
- James V. (1973) Soviet Socialist Realism. Origins and Theory. London. 146 p.
- Kozlov A.S. Myth Criticism. In: Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia. Moscow. Intrada Publ. 2004, pp. 258–262.
- Lewis Ph. Peasant Nostalgia in Contemporary Russian Literature. *Soviet Studies. Univ. of Glasgo*. 1976. Vol. XXVIII. October. No 4, pp. 548–569.
- Lönquist B. (1979) Chlebnikov and Carnival: An Analysis of the Poem “Poet”. Stockholm. Almqvist & Wiksell International. 127 p.
- Mandelstam O. (1967) Collected Works: In 3 vols. / Ed. by G.P. Struve and B.A. Filippov. N.Y.
- Markov G. Soviet Literature in its Struggle for Communism and Its Problems in the Right of the XXVI Congress of KPSU’s Decisions. *Problems of Literature*. 1981. No 8, pp. 3–21.
- Mathewson R.B. (1958) The Positive Hero in Russian Literature. N.Y. Columbia Univ. Press, 1958; 2nd ed., rev. & enl.: 1978. 364 p.
- McVay A. (1976) Esenin: A Life. Ann Arbor (Mich.). Ardis Publ. 352 p.
- McVay A. (1980) Isadora & Esenin. Ann Arbor (Mich.). Ardis Publ. 335 p.
- Major Soviet Writers: Essays in Criticism / Ed. by E. Brown. London. Oxford Univ. Press. 1973. 439 p.
- Marxism and Art / Ed. by M. Solomon. N.Y. 1973. 649 p.
- Meerson O. (2009) Personalism as Poetics: The World of Literature in the Eyes of Its Inhabitants. St.-Petersburg. 432 p.
- Natov N. Daily Life and Individual Psychology in Soviet-Russian Prose of the 1970s. *Russian Review*. 1974. Vol. 33. October. No 4, pp. 357–371.
- Oats J.C. A Letter to C. Proffer. *The New Republic*. 1981. 14 February, p. 32.
- Orwin D.T. (2006) The Art and Thought of Tolstoy. 1847–1880. St.-Petersburg. 303 p.
- Ovcharenko A. The Main Kinds of Socialist Realism. In: Socialist Literature and the Modern Literary Process. Moscow. Sovremennik Publ. 1975, pp. 199–212.
- Proffer C.R. (1987) The Widows of Russia and Other Writings. Ann Arbor (Mich.). Ardis. XIV, 159 p.
- Proffer E. (1984) Bulgakov: Life and Work. Ann Arbor (Mich.). Ardis. XIV, 670 p.
- Rayfield D. (2010) A Life of Anton Chekhov. B.G.C.-Press. 781 p.
- Ransom S.C. (1941) New Criticism. Norfolk. XIII, 339 p.
- Russia: The Spirit of Nationalism. *Review of National Literatures*. N.Y. 1972. Vol. 33. No 1.
- Shneidman N.N. (1973) Literature and Ideology in Soviet Education. Lexington (Mass.). 209 p.
- Tate A. (1936) Reactionary Essays in Poetry Ideas. N.Y. XII, 240 p.

- Tolstoy I. (1993) *Italics of the Epoch*. Literary Notes. St.-Petersburg. Pushkin Fund Publ. 204 p.
- Trifonov Yu.V. (1978) *Long-short Stories*. Moscow. 542 p.
- Tsvetaeva M. (1980) *Fotobiographia / Tsvetaeva. A Pictorial Biography* / Ed. by E. Proffer; Introduction by C. Proffer. Ann Arbor (Mich.). Ardis. 143 p.
- Tynyanov Yu.N. (1977) *Poetics. History of Literature. Cinema*. Moscow. 576 p.
- Tsurganova E.A. *New Criticism. Western Literary Criticism of the 20th Century: Encyclopedia*. Moscow. Intrada Publ. 2004, pp. 287–291.
- Understanding Poetry* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y. 1938. XXIV, 680 p.
- Understanding Fiction* / Ed. by C. Brooks, R.P. Warren. N.Y. 1943. XX, 608 p.
- Vitins V. Rec. on: Tsvetaeva M. *A Pictorial Biography*, ed. by Proffer E. Introduction by Proffer C. Ann Arbor (Mich.): Ardis. *Slavonic Review*. Spring. 1982, pp. 176–177.
- Vroon R. Velimir Chlebnikov's "Chadži Tarchan" and the Lomonosovian Tradition. *Russ. Lit.* Amsterdam. 1981, pp. 107–131.
- Weil I. (2016) *From the Cincinnati Reds to the Moscow Reds. Memories*. Moscow. 224 p.
- Wellek R., Warren A.P. (1949) *Theory of Literature*. N.Y.; London. X, 403 p.
- West D.M. (1980) *Mandelstam: The Egyptian Stamp*. Birmingham Slavonic Monographs. No 10. 154 p.
- Wimsatt W.K. (1954) *The Verbal Icon: Studies in the Meaning of Poetry* (with Beardsley M.C.). Lexington. XVIII, 299 p.
- Wimsatt W.K. (1957) *Literary Criticism: A Short Story* (with Brooks Cl.). N.Y. 755 p.

Сведения об авторе:

Татьяна Николаевна Белова,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana N. Belova,
PhD
Senior Researcher
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
tnbelova@yandex.ru

Материалы и сообщения

Communications and Materials

**Материалы Научной конференции
к 200-летию со дня рождения Ф.И. Буслаева
(17 апреля 2018 года, филологический факультет,
МГУ имени М.В. Ломоносова)**

**Materials of the Scientific Conference
to the 200th Anniversary of the Birth of F.I. Buslaev
(April 17, 2018, Philological Faculty,
Lomonosov Moscow State University)**

А.А. Пауткин (Москва, Россия)

Ф.И. Буслаев и Э.Э. Виолле-ле-Дюк¹

Аннотация: В статье рассматривается критический отклик Ф.И. Буслаева на книгу французского ученого-реставратора Э.Э. Виолле-ле-Дюка «Русское искусство, его источники, составные элементы, высшее развитие и будущее», явившуюся примером раннего обращения европейской науки к искусству допетровской Руси.

Ключевые слова: Ф.И. Буслаев, Э.Э.Виолле-ле-Дюк, «L'art russe», допетровская Русь, иконография, орнаментика

А.А. Pautkin (Moscow, Russia)

Fyodor Buslaev and Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc

Abstract: The article discusses the critical response of the 19th-century Russian linguist Fyodor Buslaev to the book 'L'art russe: ses origines, ses éléments constructifs, son apogée, son avenir' by the French architect and restorer Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc. That was one of the early works in European science devoted to the art of pre-Petrine Russia.

Key words: Fedor Buslaev, Eugène Emmanuel Viollet-le-Duc, 'L'art russe: ses origines, ses éléments constructifs, son apogée, son avenir', pre-Petrine Russia, infographics, ornamentation

---

¹ В основе статьи доклад, прочитанный на конференции, посвященной 200-летию Ф.И. Буслаева (филологический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, апрель 2018).

Интерес к русскому искусству допетровской поры в России и на Западе возник сравнительно недавно. Лишь во второй половине XIX в. всерьез заговорили о необходимости его всестороннего изучения. В 1879 г. Ф.И. Буслаев писал о том, что не только для европейцев, но и для соотечественников, «надобно сказать правду, русское искусство – дело темное, спорное, малоизвестное, а для большинства – и вовсе не имеющее ни значения, ни интереса»¹. Это начало статьи «Русское искусство в оценке французского ученого», состоящей из двух частей² и представляющей собой развернутую рецензию на книгу Э.Э. Виолле-ле-Дюка «Русское искусство, его источники, составные элементы, высшее развитие и будущность», напечатанную в Париже³. На русском языке книга вышла в Петербурге в 1879 г.⁴ В своей работе Буслаев пользовался французским изданием. По его замечанию, «книга имела невероятный успех и во Франции, и у нас... Ее превозносят и порицают» (стр. 1). Кто же был автором труда, вызвавшего столь противоречивые оценки – от интереса и глубокой симпатии до сарказма по отношению к поверхностным суждениям иностранца, и почему наш маститый ученый уделил этому исследованию столько внимания?

Следует отметить, что имя Эжена Эммануэля Виолле-ле-Дюка (1814–1879) не столь широко известно у нас. С отдельными фрагментами его работ обычно сталкиваются те, кто обращается к различным аспектам франкофонной культуры. Российский отклик на книгу прозвучал в год смерти французского ученого, труды которого столь же монументальны и разнообразны, как и наследие самого Буслаева. Фигуры двух ученых-подвижников сопоставимы по их вкладу в национальную науку и культуру, по энциклопедичности их познаний.

Виолле-ле-Дюк не был славистом. Его книга «L'art russe» – скорее эпизод в его долгой и кропотливой деятельности, направленной на изучение, сохранение и систематизацию фактов средневековой культуры Франции. Он не принадлежал к числу кабинетных ученых. История виделась ему через предметный мир, архитектуру, обычаи, бытовое поведение предков. Обладая инженерными познаниями архитектора и талантом художника, Виолле-ле-Дюк долгие годы занимался реставрационными работами и археологическими изысканиями. И хотя методы его реконструкции объектов старины подчас вызывали критику, многие соборы и замки Франции были сохранены и восстановлены из руинированного состояния стараниями этого человека. Во время франко-прусской войны он как военный инженер строил фортификационные сооружения, участвовал в обороне Парижа. Впечатляет список реставрационных работ Виолле-ле-Дюка начиная с 1840-х гг. Он приступил к этой деятельности под руководством Проспера Мериме, который ведал историческими сооружениями и памятниками тогдашней Франции. Не вдаваясь в подробности, назовем лишь реставрацию собора Парижской Богоматери, Амьенского и Реймского соборов или, например, проект памятника Наполеону и четверем его братьям в Аяччо.

Выдающийся знаток и ценитель готики, Виолле-ле-Дюк обобщил свои исследования и практический опыт в целом ряде энциклопедических трудов, с которыми наш читатель долгое время не мог детально ознакомиться. На протяжении XX

¹ Буслаев Ф.И. Соч. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. Л., 1930. С. 2. Здесь и далее цитируется по этому изданию, страницы указаны в скобках.

² Впервые напечатана в журнале «Критическое обозрение» за 1879 г. (№ 2. С. 2–20; № 5. С. 1–24).

³ *Viollet-le-Duc E. L'art russe: ses origines, ses éléments constructifs, son apogée, son avenir* Paris, 1877.

⁴ *Виолле-ле-Дюк Э.Э. Русское искусство: его источники, составные элементы, высшее развитие и будущность*. СПб., 1879. Перевел книгу историк архитектуры и реставратор Н.В. Султанов, который восстанавливал ряд исторических построек (напр., крыльцо царевича Димитрия в Угличе, усадьба Кусково), а также был автором проектов нескольких церковных построек в России и за границей.

столетия его труды не переводились на русский язык. Лишь в 1999 г. появилась тематическая подборка «Жизнь и развлечения в средние века»¹, составленная на основе шеститомного «Толкового словаря французской утвари от эпохи Каролингов до Возрождения» (1858–1875), а в 2013 был опубликован аналогичный сборник, использовавший тексты десяти томного «Толкового словаря французской архитектуры XI – XVI веков» (1854–1868), получивший название «Энциклопедия готической архитектуры»². Эти пусть и сокращенные, но весьма ценные для представителей различных специальностей издания снабжены богатейшим иллюстративным материалом.

Считается, что интерес к русскому искусству проявился на Западе после художественно-промышленных выставок. В 1867 г., по прошествии десяти лет после окончания Крымской войны, в Париже были показаны художественные и ремесленные изделия русских мастеров (деревянная резьба и архитектура, кузнечное дело, резьба по камню, копии фресок, меха и проч.) Буслаев входил в комиссию по организации русского отдела выставки. Восторги французов по поводу экзотического отражения Востока, судя по всему, затронули и знатока культуры европейского средневековья.

Буслаев писал, что «сейчас в науке водворилось господство сравнительного метода. Чтобы определить национальность в русском искусстве, надобно решить, чем отличается оно от искусства других народностей Запада и Востока» (стр. 2). Это и попытался сделать французский ученый. Его внимание обращено не только на архитектуру, но и на искусство рукописной книги и, конечно, на иконопись. Брошен лишь первоначальный взгляд на культуру далекой России. Недаром, подводя итог своим рассуждениям, Буслаев писал: «Наука о русском искусстве еще в том периоде своих малых успехов, когда могут двинуть ее вперед не широковещательные назидания об азиатском величии России и ее постыдном подчинении цивилизации европейской, а собирание материалов и самое тщательное их изучение во всех мельчайших подробностях» (стр. 74). Действительно, Запад увидел азиатские элементы и мотивы в русском искусстве. Но сравнительный метод, по мысли Буслаева, «состоит не из набора различных клочков того и сего... а в точном аналитическом разборе действительных фактов» (стр. 40). Француз забывает о значении сербо-болгарской традиции. В связи с этим Буслаев акцентирует внимание читателей на искусстве южных славян, которые были «постоянными посредниками между Россией и Византией» (стр. 44).

Прежде чем обратиться к искусству допетровской поры, Буслаев занимался древнерусской книжностью. Поэтому он начинает с разбора суждений по орнаментике рукописных книг. Пожалуй, это самая подробная и самоценная часть его работы. Рецензия превращается в самостоятельное детальное исследование заставок и букв. В ней осуществляется систематизация орнаментов. Проведя сравнение с романским стилем, ученый исходит из положения, что «на Западе рукопись не имеет такого первенствующего значения в истории художества, как у нас» (стр. 9). Предлагая таблицы и рисунки, Буслаев использует множество рукописных памятников (напр.: Остромирово, Добрилово, Юрьевское Евангелия; Геннадиевскую Библию). В формировании «самостоятельного русского стиля» к XIV в., времени высшего расцвета, Буслаев подчеркивает роль южнославянских орнаментов. Для изучения этого стиля, по мысли исследователя, особую важность приобретает наследие новгородской книжности.

¹ Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1999.

² Виолле-ле-Дюк Э.Э. Энциклопедия готической архитектуры. М., 2013.

Тема лицевых рукописей будет в центре внимания ученого и в дальнейшем. Через пять лет увидит свет его труд «Русский лицевой Апокалипсис. Свод изображений из лицевых апокалипсисов по русским рукописям с XVI века по XIX» (1884), также в «Журнале министерства народного просвещения» выйдет подробная рецензия на книгу В.В. Стасова «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени».

Сколь бы резкой ни была конкретная критика суждений французского «архитектора», Виолле-ле-Дюк верно оценивал потенциал наследия допетровской России: «Россия владеет чрезвычайно богатым запасом искусства; в течение двух столетий она его держала под ключом. Теперь ей остается только открыть его и черпать из него полными пригоршнями»¹. По его мнению, «русское искусство, шедшее своим путем, было круто отброшено в сторону и заменено подделками, заимствованными у Италии, Франции и Германии» (стр. 3). Рассуждая о пагубности подражания западному искусству, ученый справедливо говорил о том, что «русское искусство было искусством преимущественно религиозным: оно развивалось и распространялось вместе с религиозным чувством... Патриотизм и вера сливались воедино в представлении древнерусского человека» (стр. 115). С этим трудно поспорить. Подобный взгляд не противоречит оценкам Буслаева, высказывавшимся еще в 1860-е гг. в «Общих понятиях о русской иконописи», когда он писал о том, что превосходство нашей иконописи над западной состоит в ее ярко выраженном религиозном содержании, которому подчинены строгие изобразительные средства: «Все, что было сделано западным искусством, с половины XVI века, может иметь неоспоримые достоинства во всех других отношениях, кроме религиозного»².

Отклик на книгу Виолле-ле-Дюка написан ученым, за плечами которого сорокалетняя научно-педагогическая деятельность. Поэтому неудивительно, что две статьи содержат ряд обобщающих положений, аккумулирующих исследовательский опыт в различных областях. Ряд из них обрел характер постулатов, многократно тиражируясь последующими поколениями специалистов. Вот лишь некоторые утверждения о древнерусской иконописи, произведения которой «теснейшим образом» связаны с текстом, обладают «известной стереотипностью приемов» и «символическим стилем». Назначение иконописи, по мысли Буслаева, – «быть грамотою для безграмотных, – первоначально общее всему христианству, у нас господствовало на практике до последних времен, тогда как на Западе рано потеряло свой смысл, вследствие развития творческой фантазии, которая, не довольствуясь пределами текста, живописала не то или больше того, что говорит текст» (стр. 47). При этом ученый полагал, что ремесленность у нас не вступала в противоречие с сутью древнего письма, а, напротив, только сохранила старину.

Особенно нелюбезны Буслаев, критикуя поверхностность и «бессодержательную пустоту по вопросу русской иконописи» (стр. 45–46). В связи с этими упреками вспомним о своеобразной литературной проекции искусствоведческих споров второй половины XIX в. Полемика с западной религиозной живописью, мотив непонимания иностранцами древнерусской иконописи – показательная черта лесковской прозы. И не столь важно, что в «Запечатленном ангеле» недоумения выражает англичанин. В «Сошествии во ад» писатель утверждает мысль:

¹ Виолле-ле-Дюк Э.Э. Русское искусство: его источники, составные элементы, высшее развитие и будущность. СПб., 1879. С. 180. Здесь и далее цитируется по этому изданию, страницы указаны в скобках.

² Буслаев Ф.И. Общие понятия о русской иконописи. М., 1866. С. 19.

«Любимая на Руси икона пишется не по “фантазии художника”, как это полагают друзья наши французы»¹. Вспомним рассуждения Буслаева о важности иконописного Подлинника в работе изографов, «оберегающего их от произвола личной фантазии» (стр. 46). Лесков художественно исследует старину параллельно с фундаментальными изысканиями Буслаева². Ему известны основные труды ученого, и в первую очередь «Общие понятия о русской иконописи». Лесков лично общается с Буслаевым, в частности, во время второй поездки во Францию (1875). Для Буслаева это было уже четвертое путешествие по Европе. Не случайно ученому будет посвящена повесть «Некрещеный поп» (1877).

Русское издание книги Виолле-ле-Дюка появилось уже после его смерти (цензурное разрешение – ноябрь 1879 г.) Книге предпослана вступительная статья В. Бутовского³, в которой сообщается о том, что во время подготовки издания пришло известие о скоропостижной кончине французского ученого. Автор предисловия называет его «неутомимым писателем»⁴ и «другом России»⁵ и отмечает, что Виолле-ле-Дюк в 1877 г. был удостоен российского ордена Св. Станислава II степени со звездой. Научный диалог, инициированный появлением «L'art russe» и полемически поддержанный Ф.И. Буслаевым, к сожалению, прервался.

ЛИТЕРАТУРА

Бобылев Б.Г., Комова М.А. О принципах изучения и описания произведений иконописи Ф.И. Буслаевым и Н.С. Лесковым // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Вып. 1. С. 52–61.

Буслаев Ф.И. Соч. Т. 3: Сочинения по археологии и истории искусства. Л., 1930. [4], 239 с.: ил.

Буслаев Ф.И. Общие понятия о русской иконописи. М., 1866. [2], 106 с., 15 л. ил.: ил.

Бутовский В. Предисловие // Виолле-ле-Дюк Э.Э. Русское искусство: его источники, составные элементы, высшее развитие и будущность. СПб., 1879. С. I–VIII.

Виолле-ле-Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 1999. 383 с.: ил.

Виолле-ле-Дюк Э.Э. Энциклопедия готической архитектуры. М., 2013. 512 с.

Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М., 1989. 448 с.

Пауткин А.А. Апокриф и древнерусская иконопись в художественной интерпретации Н.С. Лескова («Сошествие во ад») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. С. 54–59.

Русское искусство: Его источники, его составные элементы, его высшее развитие, его будущность / Е. Виолле-ле-Дюк; Перевел с французского Н. Султанов. Москва: Издание Художественно-промышленного музеума, 1879. [6], VIII, 319 с., 32 л. ил.

¹ Лесков Н.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М., 1989. С. 344.

² См. об этом: Пауткин А.А. Апокриф и древнерусская иконопись в художественной интерпретации Н.С. Лескова («Сошествие во ад») // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 4. С. 54–59; Бобылев Б.Г., Комова М.А. О принципах изучения и описания произведений иконописи Ф.И. Буслаевым и Н.С. Лесковым // Вестник Псковского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2015. Вып. 1. С. 52–61.

³ В.И. Бутовский, исследователь русского орнамента, опубликовал работу «Русское искусство и мнение о нем Е. Виолле-ле-Дюка, французского ученого архитектора, и Ф.И. Буслаева, русского ученого археолога: Критический обзор» (М., 1879), в которой высоко оценил новаторство французского ученого, подвергнувшегося критике со стороны его русского коллеги.

⁴ Бутовский В. Предисловие // Виолле-ле-Дюк Э.Э. Русское искусство: его источники, составные элементы, высшее развитие и будущность. СПб., 1879. С. III.

⁵ Бутовский В. Предисловие. С. VIII.

Viollet-le-Duc E. L'art russe: ses origines, ses éléments constructifs, son apogée, son avenir Paris, 1877. viii, 261 p.: ill.

REFERENCES

Bobylev B.G., Komova M.A. On Fedor Buslaev's and Nikolay Leskov's Principles of Studying and Describing the Works of Iconography. *Pskov State University Bulletin. Ser. Social and Human Sciences*. 2015. No 1, pp. 52–61.

Buslaev F.I. Works. Vol. 3: Works on Archeology and Art History. Leningrad, 1930. [4], 239 p.: ill.

Buslaev F.I. Russian Iconography's General Concepts. Moscow. 1866. [2], 106 p., 15 lists of ill.: ill.

Butovsky V. Foreword. In: *Russian Art: Its Sources, Its Constituent Elements, Its Higher Development, Its Future* / E. Violle-le-Duc; Translated from the French N. Sultanov. Moscow. Publishing of an Artistic and Industrial Museum Publ. 1879, pp. I–VIII.

Leskov N.S. The Complete Works: In 12 vols. Vol. 12. Moscow. 1989. 448 p.

Pautkin A.A. Apocrypha and Old Russian Icon Painting in the Artistic Interpretation of N.S. Leskov ("Soshestvie vo Ad"). *Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology*. 1995. No 4, pp. 54–59.

Russian Art: Its Sources, Its Constituent Elements, Its Higher Development, Its Future / E. Violle-le-Duc; Translated from the French N. Sultanov. Moscow. Publishing of an Artistic and Industrial Museum, 1879. [6], VIII, 319 p., 32 lists of ill.

Viollet-le-Duc E. *Life and Entertainment in the Middle Ages*. St.-Petersburg. 1999. 383 p.: ill.

Viollet-le-Duc E. *Encyclopedia of Gothic Architecture*. Moscow. 2013. 512 p.

Viollet-le-Duc E. L'art russe: ses origines, ses éléments constructifs, son apogée, son avenir Paris, 1877. viii, 261 p.: ill.

Сведения об авторе:

Алексей Аркадьевич Пауткин,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alexey A. Pautkin,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
apautkin@yandex.ru

Е.А. Кузьмина (Москва, Россия)

Ф.И. Буслаев и история славянской грамматической традиции

Аннотация: В статье рассматриваются воззрения Ф.И. Буслаева на метаязыковую рефлексию, отраженные в его фундаментальной «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» (М., 1861), которая может служить введением в изучение ранней славяно-русской грамматической традиции. Опубликованные и прокомментированные в ней фрагменты из сочинений филологической проблематики позволяют вполне адекватно представить себе интересы славянских книжников и процесс развития их грамматического мышления от конца IX в. до первой трети XVIII в. Идеи Ф.И. Буслаева о болгарском происхождении сказания черноризца Храбра, о роли орфографии как ведущего направления развития грамматического знания до 1630–1640-х гг., о нетождественности второго, московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. ее первому, евьевскому изданию 1619 г. и др., имели определяющее значения для становления современной научной концепции развития грамматической мысли России.

Ключевые слова: славянская грамматическая традиция, церковнославянский язык

Е.А. Kuzminova (Moscow, Russia)

Fyodor Buslaev and A History of Slavic-Russian Grammatical Tradition

Abstract: The article discusses Fyodor Buslaev's viewpoint on the metalinguistic reflection in his fundamental 'Historical Anthology of Church Slavonic and Old Russian' (Moscow, 1861). The anthology can serve as an introduction to the study of the early Slavic-Russian grammatical tradition. Excerpts from philology-related works described and commented on by Buslaev vividly show what interested Slavic scribes and what helped to evolve their grammatical thinking between the late 9th century and the first third of the 18th century. It is argued that Buslaev played a vital role in the formation of today's concept of how grammatical thought in Russia evolved. The paper discusses what Buslaev thought about the Bulgarian origin of the tales by Chernorizets Chrabr and the role of spelling as a major trend in the development of grammatical knowledge up to the 1630–1640s. Of special interest is Buslaev's idea that the second, Moscow, edition of grammar by Melety Smotritsky published in 1648 is not identical to the first edition published in 1619.

Key words: Slavic grammatical tradition, Church Slavonic language

Казалось бы, о вкладе Федора Ивановича Буслаева в становление и развитие исторической русистики и палеославистики сегодня должно быть известно почти все. Однако каждое обращение к его трудам, пристальный анализ его наследия под определенным узконаправленным углом зрения позволяет обнаружить, насколько современно и актуально звучат в наши дни идеи, выдвинутые им более полутора веков назад.

Данная статья посвящена роли Ф.И. Буслаева в изучении памятников ранней славянской грамматической традиции, которые являются первостепенной важности источниками для истории языка, позволяющими одновременно исследовать и язык эпохи, и ее языковые представления.

Воззрения Ф.И. Буслаева на метаязыковую рефлексию, которые предвосхитили многие положения современной концепции развития лингвистической мысли славян, получили отражение в его фундаментальной «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» [Буслаев 1861]. В ней представлены фрагменты из 135 памятников церковнославянской и древнерусской книжности XI–XVII вв., большая часть из которых (69) опубликована впервые. Призванная служить, как указано в подзаголовке, «учебным руководством для военно-учебных заведений», «Хрестоматия» Ф.И. Буслаева по сути своей представляет собой не что иное, как фундаментальное научное издание типа издание-сборник. Тексты воспроизведены в полном соответствии с теми требованиями, которым должны соответствовать издания памятников письменности, адресованные лингвистам, воссозданы все графико-орфографические особенности источников, подведены важнейшие различия. А послетекстовые разделы, которые Ф.И. Буслаев в соответствии с жанровым канонem учебного пособия, скромно именует примечаниями историческими и грамматическими, являются полноценным научным комментарием.

Несомненная научная ценность хрестоматии, помимо всего прочего, определяется и тем, что она может служить своего рода введением в изучение памятников славянской грамматической мысли. Опубликованные и прокомментированные в ней фрагменты из 9 филологических трактатов позволяют вполне адекватно представить себе интересы славянских книжников и процесс развития их грамматического мышления от конца IX в. до первой трети XVIII в., проследить филиацию их идей.

Основным объектом славянской лингвистической мысли в первые годы после создания славянской письменности была новая система письма, реализованная в глаголице и кириллице: ее обоснование, утверждение и распространение. Этот древнейший период представлен в «Хрестоматии» фрагментами из Жития Константина-Кирилла и Жития Мефодия [Буслаев 1861: стлб. 774–778], в которых освещается моравская миссия святых братьев и история создания славянской азбуки, и из первого собственного научного трактата – сказания «О письменах» черноризца Храбра [Буслаев 1861: стлб. 425–430]. В своем комментарии Ф.И. Буслаев подчеркивает значение этого трактата как апологии боговдохновенной славянской письменности и указывает на его болгарское происхождение. Наблюдения Ф.И. Буслаева были впоследствии убедительно доказаны палеославистами и получили дальнейшее развитие, в частности, в трудах К.М. Куева, Б.Н. Флори, А.А. Турилова и др. [Куев 1967; Флоря 1981; Турилов 2006]. Установлено, что сказание «О письменах» было создано на территории Первого Болгарского царства в конце IX в., его текст был написан на глаголице и в нем отстаивалось не славянское письмо вообще, а именно глаголическая азбука. Храбр детально разъяснил и продемонстрировал совершенство глаголицы как алфавита, специально созданного Константином для передачи славянской

речи, и тем самым смог убедить своих болгарских оппонентов приспособить греческое письмо к особенностям славянского языка, в результате чего и была разработана кириллица.

После утверждения новой системы письма славянских книжников прежде всего волнует правильность воспроизведения канонических текстов и обусловленная этим необходимость обучения для стабилизации рукописной традиции, что закономерно выдвигает на первый план проблемы регламентации и нормализации орфографии. Из множества орфографических руководств, разбросанных по рукописным сборникам, Ф.И. Буслаев избирает для своей хрестоматии текст, который позволят получить исчерпывающее представление как об актуальной орфографической проблематике, так и о распространенном тогда способе презентации языковой нормы: «**Наказаніе ко Ѹчителемъ, какъ имъ оучити дѣтѣй грамотѣ, и какъ дѣтемъ оучитиса вѣстѣномѸ писанію и разѸмѣнію**» [Буслаев 1861: стлб. 1083–1089]. В этом теоретическом обобщении учения грамоте систематизация основных элементов кода церковнославянского письма (букв, надстрочных знаков, знаков препинания) и описание процедуры обучения чтению по складам направлены на предотвращение типичных ошибок. См., например, правило, предупреждающее от смешения букв **ѣ** и **ѥ** «**Паче же ѿтъ съ ѣстемъ рѸзнити, ѣже вы не рещи вѸмѣсто пѣніа пѣніе, и вѸмѣсто пѣти пѣти, и въ мѣсто сѣсти сѣсти, и вѸмѣсто нѣсть нѣсть, и вѸмѣсто лѣто лѣто, и въ мѣсто рѣчи рѣчь, и прочаа таковаа. Сіе бо вельми заборно и оукорно, еже ѿтъ в мѣсто ѣсти глаголати, такоже и ѣсть въ мѣсто ѿти. Ѿ сегѸ быватъ вѣле несмыслство Ѹченію**»; предписание различать омографы **доуше** и **дѸше** (формы вокатива существительных **доухъ** и **дѸша**): «**црю нѣныи, оутѣшителю доуше истинныи, и прочаа, а не говорити и не оучити вѸмѣсто доуше дѸше ѿкоже нейскоусни словѸ оучатъ и говорѸ. зѣло сіе и вельми вѣ в трѣѣ славномѸ бранно, ѿко вѸмѣсто дѸа стѸго глаголю доушѸ, и не вѣмы какоу**» и т. п. Таким образом, «**Наказаніе ко Ѹчителемъ...**» не ограничивается описанием нормы, а демонстрирует механизм ее действия в проблемных зонах.

В комментарии к этому руководству Ф.И. Буслаев отмечает: «...грамматическое учение ограничивалось преимущественно правописанием» [Буслаев 1861: стлб. 1088]. Эти слова убедительно подтверждают находки последнего времени. О том, что орфография была основным объектом изучения вплоть до 1630–1640-х гг., свидетельствует, в частности, понимание сущности грамматического искусства в Московской Руси. Грамматика в буквальном соответствии с этимологией (греч. **γραμματικῆ** от **γράμμα** ‘буква’, ‘написание’) трактовалась как ‘наука о письме, графическая и орфографическая «премудрость»’ [Кузьминова 2012: 45]. Так, в азбучниках XVII в. грамматика определяется учение о буквах (азбучныхъхы писменахы), надстрочных знаках (силахы) и правилах их употребления: «**Грамматичесство естъ се, разѸмѣти како и коими словѸми азбучными, каждо рѣчь писати и каа сила надъ коеюждо рѣчию поставлати... и еже разѸмѣти на колико потребѸ азбучнаа писмена раздѣлаютса и еже колико ѿ них согласныхъ письменъ, и колико ѿ нихъ двогласныхъ, и паки разѸмѣне каа сѸть во азбѸцѣ нарицаютса краткіа слоги и каа ли долгиа слоги, и еже которое просодіе приемлетъ долгиа слогъ, кое же краткий**» [цит. по Карпов 1878: 184–185]. Аналогичное определение, содержащееся в рукописном орфографическом сочинении «Грамматичесство», дополнено конкретизацией областей грамматического знания: «**Грамматичесство**», дополнено конкретизацией

областей грамматического знания: *грамати́чество ес̑, ѣж же разѸмѣти* [1] *ѡрфогра́фие ѿ* [2] *просѡднѣ* [т. е. учение о надстрочных знаках], *ѿ соѡди́нѣннѣнѣ ѿ раздѣлѣннѣнѣ водѡбражѣннѣ, ѿ полага́ннѣ ѿ* [т. е. учение о знаках препинания и переноса]» [цит. по Ягич 1885–1895: 993]. «Грамматичесество» и «оученіе грамматичное» употребляются в качестве синонимов словосочетания «оученіе въквици» в орфографической статье «Оученіе въквици вкратцѣ» [Ягич 1885–1895: 1001–1002].

О том, что именно орфография определяла ведущее направление развития грамматического знания свидетельствуют и те трансформации, которым была подвергнута великорусскими книжниками пришедшая из Руси Юго-Западной одна из первых аналитических грамматик церковнославянского языка – «Грамматика Словенска Съвершѣнна ѿскуства ѡсми частій слова, ѿ ѿныхъ нѡуждныхъ» Лаврентия Зизания (Вильна, 1596). Ее рукописные версии, созданные в Московской Руси в начале XVII в. (РГБ, ф. 299, № 336, л. 1–23; РГБ, ф. 299, № 336, л. 82–95; РГБ, ф. 236, № 182, л. 1–8 об.), демонстрируют абсолютное неприятие самой идеи грамматики как описания многоуровневой системы языка. Создатели этих версий, отстаивая усвоенные ими традиционные представления о грамматике как об орфографии, преобразуют грамматику Лаврентия Зизания в орфографическое руководство. Развернутое описание грамматического строя языка, данное Лаврентием Зизанием, либо полностью исключается ими из текста грамматики, либо подвергается значительному усечению [Кузьминова 2012: 44–52].

Появление первых аналитических грамматик – «Адельфотес», грамматик Лаврентия Зизания и Мелетия Смотрицкого – в Юго-Западной Руси было закономерной и естественной научной и педагогической «защитной реакцией» на положение там церковнославянского языка. В разделах «Хрестоматии», посвященных этим авторитетным югозападнорусским грамматикам [Буслаев 1861: стлб. 981–984, 1287–1292, 1295–1296], Ф.И. Буслаевым были сделаны, пожалуй, наиболее яркие открытия в области изучения памятников грамматической мысли, которые самым удивительным образом оказались не востребованными в течение последующих полутора столетий и смогли получить адекватную научную интерпретацию только в наши дни.

Ф.И. Буслаев был первым, кто указал на нетождественность второго, московского издания грамматики Мелетия Смотрицкого 1648 г. ее первому изданию в Евье в 1619 г. и предпринял попытку установить источники нового предисловия к московскому изданию [Буслаев 1861: стлб. 1202]. Исследование обоих изданий позволило доказать, что московской издание грамматики было не только не тождественно, а принципиально и целенаправленно противопоставлено первому, евьевскому как на концептуальном, так и на формальном уровне [Кузьминова 2012: 268]. Справщики Московского Печатного двора Михаил Рогов и Иван Наседка готовили это издание в качестве теоретической основы и инструмента для решения задач книжной sprawy. Они отстаивали теологическую концепцию грамматики как раздела богословия и ее развернутому обоснованию посвятили новое предисловие, которое представляет собой обширное «цитатное пространство», что и предугадывал Ф.И. Буслаев. Как цепочка доказательств теологического значения грамматики в нем выстраиваются блоки цитат из Священного Писания, творений отцов церкви и их интерпретаторов, житий святых, а также из сочинений авторитетных переводчиков, знатоков греческого и славянского языков [Кузьминова 2011; Кузьминова 2012: 115–137].

Первый блок ветхозветных и новозаветных цитат [Ин. 12: 50; Прит. 1: 2–3, 7; Пс. 110: 10; Ек. 8: 1, 9: 17; Сирах. 1: 15; 1 Тим. 4: 13] (л. 1–1 об.) в начале expositio является библейским «тематическим ключом» (Р. Пиккио), в котором заданы основные, т. е. «высшие», темы предисловия – прославление мудрости, необходимость изучения Священного Писания как залога вечной жизни, утверждение значимости книжного учения.

В соответствии со Словом Бога, явленным в исходных библейских цитатах, созидают свою жизнь «дѣхонѡснїи стїи ѡцїи», которые «грамматїки, ѡ прѡчиухъ книгѣхъ фїлософскагѡ учєна, во учєнїи оупражнѡхъса» (л. 1). Их «ѡбра³ любовмрїа» раскрывается во втором, *агиографическом* цитатном блоке (л. 1 об.–17 об.), включающем фрагменты 11 житий, которые цитируются по двум основным источникам – Прологу, изданному на Московском Печатном дворе незадолго до публикации грамматики в 1642–1643 гг. (Пролог (IХ–II). М.: Печ. двор. 16.XII.1642; Пролог (III–VIII). М.: Печ. двор. 6.XII.1643), и Великим Минеям Четьим митрополита Макария.

Третий цитатный блок может быть определен как *пропедевтический*. Фрагменты из сочинений, принадлежащих или приписываемых Иоанну Дамаскину, догматического свода «Источник знания» и трактата «Ѡ ѡсмнїухъ частїехъ слѡва») (л. 17 об.–19) служат «вводными курсами» двух дисциплин, которые, согласно цитируемым житиям, были основными учеными занятиями святых отцов – грамматики и философии.

Овладение этими гуманитарными дисциплинами и, в первую очередь, грамматикой является залогом совершенного знания славянского языка и успешной профессиональной книжно-языковой деятельности. Это основная тема четвертого цитатного блока (л. 19 об.–33 об.), состоящего из фрагментов сочинений Максима Грека («Исповедание православной веры», «Слово обличительно, вкупе и развращательно, лживаго писания Афродитиана», «Слово отвещательно о исправлении книг русских», «Слово отвещательно о книжном исправлении»).

В пятом, патристическом блоке цитат (л. 35–39 об.) владение грамматикой признается делом богоугодным; это необходимое условие адекватного понимания и интерпретации Священного Писания, что, в свою очередь, является залогом спасения души верующего. Патристический блок содержит фрагменты творений отцов церкви Иоанна Златоуста, Василия Великого и Анастасия Синайского, которые цитируются по Пандектам Никона Черногорца, изданным в Вильне в 1591 г. (Пандекты Никона Черногорца. Вильна: Тип. Мамоничей, 1591. Л. 4–4 об., 14–15, 59 об.).

Справщиками была подвергнута коррекции и система грамматических норм первого издания, которая отражает не только различие двух изводов церковнославянского языка – великорусского и юго-западнорусского, но и различие лингвистических установок Мелетия Смотрицкого и московских издателей [Кузьминова 2012: 225–227]. В своих кодификаторских решениях Мелетий Смотрицкий руководствовался двумя базовыми принципами: принципом вариативности, реализованным в фиксации вариантных форм как в пределах одного словоизменительного типа (подтипа), так и в пределах парадигмы одного слова [Ремнёва 1983; Мечковская 1984: 74], и принципом дифференциации омонимичных форм, реализованным преимущественно на графико-орфографическом уровне как принцип антистиха [Horbatsch 1964: 15–16; Кузьминова 2001; Кузьминова 2011]. Заданная в его грамматике широкая вариативность словоизменительных форм становится объектом критического переосмысления Михаилом Роговым и Иваном Наседкой,

поскольку она противоречит одному из критериев истинности «писаніа», выдвинутых Максимом Греком, слова которого московские редакторы цитируют в своем предисловии: «са́мо к себѣ согласоуѣтъ, а нигдѣ́же разноуѣтъ» (л. 21 об.). Унификация, ограничивающая немотивированную вариативность, является одной из ведущих тенденций осуществленной ими справы. См. таблицу:

И. ед. ч.	-и → -а	Самараньни → самаранна	как землѧ
З. ед. ч.	-и → -е	Самараньни → самаранне	как Мреже, Ладіе
И. (З.) мн. ч.	-е → -и	Пастыре → пастыри	как клевети, дѣти
Р. мн. ч.	введение флексии -ей	лодей	как пастырей, матежей
Р. мн. ч.	введение флексии -вѣ	братѣ	как дрѣвѣ, домѣ
М. мн. ч.	-ехъ → -ѣхъ	чванцехъ → чванцѣхъ, словесехъ → словесѣхъ	как воинѣхъ
местоим. Р. и В. ед. ч. м. р.	-агъ → -огъ	самѧгъ → самогѧ	как тогѧ
причастия И. мн. ч. ж. р.	-а → -е	читающа → читающе	как И. мн. ч. м. р. читающе
числит. Д. = Т. м., с. р.		двома → двѣма	как Д. = Т. ж. р. двѣма
Д.		платѣ илѣ плати тѣсца ^м → плати тѣсцамъ	как седми тѣсцамъ
наречия	-е → -ѣ	мѣдре → моудрѣ	как добрѣ

Принцип дифференциации омонимичных форм, определявший нормализацию Мелетия Смотрицкого, получил в московском издании свое дальнейшее развитие. С одной стороны, в отличие от Мелетия Смотрицкого, решавшего проблему грамматической омонимии главным образом графико-орфографическим способом, Михаил Рогов и Иван Наседка наряду с принципом антистиха преодолевают омонимию и другим способом – грамматическим, предполагающим дистрибуцию разных флексий. С другой стороны, московские книжники экстраполируют использованные Мелетием Смотрицким орфографические средства на те грамматические позиции, которые не были противопоставлены в его грамматике. В результате состав грамматических позиций, вовлеченных в противопоставление, во втором издании по сравнению с первым расширен. См. таблицу:

Грамматика Мелетия Смотрицкого 1619 г.	Грамматика 1648 г.
И. (З.) мн. ч. = В. мн. ч. Мрѣжѧ = Мрѣжѧ	И. (З.) мн. ч. // В. мн. ч. мрѣжи // мрѣжи
Р. (В.) ед. ч. = В. мн. ч. пѧстырѧ = пѧстырѧ	Р. (В.) ед. ч. // В. мн. ч. пѧстырѧ // пѧстыри
Т. ед. ч. = Д. мн. ч. м., с. р. нѣцимѧ = нѣцимѧ	Т. ед. ч. // Д. мн. ч. м., с. р. нѣцимѧ // нѣцимѧ
И. ед. ч. м. р. прич. = 1 л. мн. ч. наст. вр. читѧемѧ = читѧемѧ	И. ед. ч. м. р. прич. // 1 л. мн. ч. наст. вр. читѧемѧ // читѧемѧ

Наконец, Ф.И. Буслаеву принадлежит заслуга открытия нового памятника грамматической мысли – рукописной «Грамматики беседословной» Ивана Иконника 1733 г. В свою «Хрестоматию» Ф.И. Буслаев включил два фрагмента из этой грамматики [Буслаев 1861: стлб. 1295–1296], которую ему предоставил для изучения тогдашний владелец рукописи известный историк, заведующий Государственным древлехранилищем хартий, рукописей и печатей при московской Оружейной палате князь Михаил Андреевич Оболенский. В конце 1850-х гг. М.А. Оболенский передал рукопись грамматики для экспонирования в Кремль, в палаты бояр Романовых, где она служила образцом типичного учебного пособия XVIII в. [Кузьминова, Николенкова 2009; Кузьминова 2012: 272–274]. Именно в силу того, что в XIX в. и первой четверти XX в. грамматика Ивана Иконника являлась элементом экспозиции музея, она оставалась вне поля зрения исследователей. Менее 10 лет назад рукопись этого ценнейшего памятника грамматической мысли была случайно обнаружена в собрании рукописей Московского Кремля Н.В. Николенковой, которая и способствовала тому, чтобы я смогла получить к ней доступ.

Проведенное исследование «Грамматики беседословной» [Кузьминова 2012: 271–448] позволило установить, что она была создана в целях внедрения грамматической образованности как специальное учебно-методическое пособие, призванное сформировать процедуры изучения языка «по грамматике» и помочь освоить существующие грамматики церковнославянского языка, материал которых по содержанию и объему являлся непосильным и недоступным для обучающихся. Дидактические цели, в которых Иван Иконник обобщил и систематизировал предшествующие опыты описания и кодификации церковнославянского языка, определили способы организации и презентации учебного материала: диалогический формат, адаптацию метаязыка, унификацию моделей правил и определений, использование видеограмм и др. Иван Иконник одним из первых в истории славяно-русской грамматической традиции разработал и воплотил особый стандарт и особую стратегию лингвистического описания – обучающую (педагогическую, учебную) грамматику. Сам факт появления его труда является свидетельством кардинального изменения отношения к грамматической образованности в российском обществе 1720–1730-е гг.: грамматика утрачивает статус элитарного инструмента профессионального книжника, сфера ее действия постепенно расширяется и в нее начинают вовлекаться все православного христиане, проходящие формальное школьное обучение.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, открывая всё новые и новые грани в научном наследии Ф.И. Буслаева, мы уже на протяжении полутора столетий поражаемся широте научного поиска выдающегося русского филолога,

«основателя исторического изучения русского языка» [Шахматов 1898: 7]. Его идеи, реализованные в «Исторической хрестоматии церковнославянского и древнерусского языка» и сохранившие свою безусловную актуальность до настоящего времени, заложили основы для становления и развития современной научной концепции развития грамматической мысли России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Буслаев Ф.И.* Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М.: Унив. тип., 1861. Репринт: М.: Языки славянской культуры, 2004. 856 с.
2. *Карпов А.П.* Азбуковники или алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1878. 285 с.
3. *Кувев К.М.* Черноризец Храбър. София: Изд-во на БАН, 1967. 453 с.
4. *Кузьминова Е.А.* Антистих // Православная энциклопедия. Т. II. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. С. 549–552.
5. *Кузьминова Е.А.* «Цитатное пространство» предисловия к грамматике 1648 г.: концепция и структура // Сибирский филологический журнал. 2011. № 3. С. 64–73.
6. *Кузьминова Е.А.* Принцип антистиха в славянской грамматической традиции // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2011. № 5. С. 36–55.
7. *Кузьминова Е.А.* Развитие грамматической мысли России XVI–XVIII вв. М.: МАКС Пресс, 2012, 468 с.
8. *Кузьминова Е.А., Николенкова Н.В.* Грамматика церковнославянского языка Ивана Иконника: история создания // Вестник церковной истории. 2009. № 1. С. 148–172.
9. *Мечковская Н.Б.* Ранние восточнославянские грамматики / Под ред. А.Е. Супруна. Минск: Изд-во университетское, 1984, 159 с.
10. *Ремнёва М.Л.* О степени императивности грамматики М. Смотрицкого 1648 г. // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1983. № 3. С. 36–42.
11. *Турилов А.А.* Глаголица // Православная энциклопедия. Т. XI. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. С. 538–543.
12. *Флоря Б.Н.* Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981. 200 с.
13. *Шахматов А.А.* Буслаев как основатель исторического изучения русского языка // Четыре речи о Ф.И. Буслаеве. СПб.: Тип. Имп. АН, 1898. С. 7–16.
14. *Ягич И.В.* Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885–1895. С. 289–1023.
15. *Horbatsch O.* Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckij. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1964. 66 S.

REFERENCES

1. Buslaev F.I. (1861) Historical Anthology of the Church Slavonic and Old Russian Language. Moscow. University Press. Reprint: Moscow. Yazyki Slavyanskoy Kultury Publ. 2004. 856 p.
2. Florya B.N. (1981) Legends about the Beginning of Slavic Writing. Moscow. Nauka Publ. 200 p.
3. Horbatsch O. (1964) Die vier Ausgaben der kirchenslavischen Grammatik von M. Smotryckij. Wiesbaden. Otto Harrassowitz. 66 S.
4. Jagich I.V. The Reasoning of the South Slavic and Russian Antiquity about Church Slavonic Language. In: Research on the Russian Language. Vol. I. St.-Petersburg. Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1885–1895, pp. 289–1023.

5. Karpov A.P. (1878) *Azbukobniki or Alphabets of Foreign Speeches on the Lists of the Solovetsky Library*. Kazan. Imperial University Press. 285 p.
6. Kuev K.M. (1967) *Chernorizets Khrabr*. Sofia. BAN Publ. 453 p.
7. Kuzminova E.A. Anti-verse. In: *Orthodox Encyclopedia*. Vol. II. Moscow. Church Research Center "Orthodox Encyclopedia" Publ. 2001, pp. 549–552.
8. Kuzminova E.A. "Quote Space" of the Preface to the Grammar 1648: Concept and Structure. *Siberian Journal of Philology*. 2011. No 3, pp. 64–73.
9. Kuzminova E.A. The Principle of Anti-verse in the Slavic Grammatical Tradition. *Moscow State University Bulletin*. Ser. 9. Philology. 2011. No 5, pp. 36–55.
10. Kuzminova E.A. (2012) *The Development of Grammatical Thought in Russia of the 16–18th centuries*. Moscow. MAKS Press Publ. 468 p.
12. Kuzminova E.A., Nikolenkova N.V. Ivan Ikonnik's Church Slavonic Grammar: History of Creation. *Church History Bulletin*. 2009. No 1, pp. 148–172.
12. Mechkoskaya N.B. (1984) *Early East Slavic Grammars* / Ed. by A.E. Suprun. Minsk. Izdatelstvo Universitetskoye Publ. 159 p.
13. Remneva M.L. On the Degree of Imperative of M. Smotritskiy's Grammar 1648. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. 1983. No 3, pp. 36–42.
14. Shahmatov A.A. Buslaev as the Founder of the Historical Study of the Russian Language. In: *Four Speeches on F.I. Buslaev*. St.-Petersburg Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1898, pp. 7–16.
15. Turilov A.A. Glagolitic. In: *Orthodox Encyclopedia*. Vol. XI. Moscow. Church Research Center "Orthodox Encyclopedia" Publ. 2006, pp. 538–543.

Сведения об авторе:

Елена Александровна Кузьмина,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В.Ломоносова

Elena A. Kuzminova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

elenk2002@mail.ru

Т.В. Пентковская (Москва, Россия)

**Псалтырь как объект исследований Ф.И. Буслаева
(рукопись РГБ, ф. 304. I, № 308)**

Аннотация: В статье рассматривается рукопись Псалтыри Российской государственной библиотеки из собрания Троице-Сергиевой Лавры № 308, начало изучения которой было положено Ф.И. Буслаевым. Выводы относительно характера орфографии и оформления рукописи, к которым пришел Ф.И. Буслаев, получают поддержку на текстологическом уровне. Определяются источники литургической терминологии, а также редакции входящих в состав кодекса новозаветных чтений.

Ключевые слова: Ф.И. Буслаев, церковнославянская Псалтырь, литургическая терминология, Новый Завет, текстология

T.V. Pentkovskaya (Moscow, Russia)

**The Book of Psalms as a Research Subject with Fyodor I. Buslaev
(Manuscript 308 of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra Collection,
from the Russian National Library)**

Abstract: This article analyzes manuscript 308 of the Book of Psalms from the Holy Trinity-St. Sergius Lavra collection stored in the Russian National Library. It was first studied by the Russian linguist Fyodor Buslaev in the 19th century. His conclusions about the nature of the spelling patterns and ornamentation of the manuscript are confirmed at the textual level. The paper identifies the sources of the liturgical terminology and the versions of the New Testament readings in the manuscript.

Key words: Fiodor I. Buslaev, Church Slavonic Psalter, liturgical terminology, New Testament, textual study

Рукопись Псалтыри с воследованием посл. четв. XV в., хранящаяся в РГБ, ф. 304. I (фундаментальное собрание Троице-Сергиевой Лавры) под № 308¹, получила в науке название Буслаевская псалтырь. Эта рукопись состоит из 284 листов и написана пятью анонимными писцами [Борисова, Турилов 2009]².

---

¹ В оцифрованном виде памятник доступен на сайте РГБ: dlib.rsl.ru/01004704435 (дата обращения: 06.07.2018).

² www.pravenc.ru/text/153691.html (дата обращения: 06.07.2018).

Ф.И. Буслаев был одним из первых исследователей этого памятника. Знакомство с ним произошло в 1850-е гг. благодаря А.В. Горскому: «Троицкую рукопись... впервые оценил по достоинству Александр Васильевич Горский в отношении удивительного разнообразия и необычайной оригинальности и затейливости письма и столько же разнообразных, единственных в своем роде и замечательно изящных украшений в заглавных буквах и заставках. Он же познакомил с нею и меня еще в пятидесятых годах, когда в его келье в стенах Троицкой Лавры работал я над тамошними рукописями для своих филологических изданий» [Буслаев 1881: 1]. Буслаеву же принадлежит прочтение и публикация двух записей кодекса, которые позволяют его датировать (одна из них по-гречески) [Буслаев 1881: 3–4]. В записи на л. 202 упомянута полная титулатура Ивана Ивановича Молодого, старшего сына Ивана III. В настоящее время предполагается, что работа над рукописью велась с 1487 по 1489 г. в столичной мастерской. Заказчик рукописи остается неизвестным, однако Г.В. Попов предполагает, что она могла быть создана в великокняжеском окружении, возможно, по заказу Ивана Молодого [Борисова, Турилов 2009; Попов 2009: 87].

Внимание Ф.И. Буслаева было сосредоточено преимущественно на анализе орфографии, палеографических особенностей этого памятника и орнаментации. Он пришел к следующему выводу: «Если письмо носит на себе несомненные признаки южнославянского происхождения, с болгаризмами в языке, с искусственным правописанием и с погреченным почерком, то и самый стиль украшений должен принадлежать, вместе с письмом, одной и той же школе» [Буслаев 1881: 36].

Искусствоведческие аспекты исследования Ф.И. Буслаева развивали последующие работы. Так, Г.В. Попов писал о ней: [Буслаевская псалтырь. – *Т.П.*] «продолжает оставаться памятником до некоторой степени таинственным, отличаясь чрезвычайной сложностью, изощренностью орнаментального и сюжетного оформления и самого письма. Здесь в причудливом единстве слиты мотивы византийского и восточного искусства и каллиграфии, балканского орнамента, элементы и темы западноевропейской миниатюры и гравюры» [Попов 2009: 87]. Ряд исследований выявил рукописи, образующие так называемый «круг Буслаевской Псалтири», т. е. кодексы, в оформлении которых сочетаются вышеназванные элементы и мотивы (их перечень см. в [Борисова, Турилов 2009]).

Сложности оформления соответствует и сложный состав этого памятника. Так, в нем имеются новозаветные чтения, фрагменты аскетических сочинений и патериков, «Наказание к отрекшимся мира сего» преп. Илариона, а также службы, каноны, молитвы и ряд песнопений. При этом в Буслаевской псалтыри отсутствует Часослов и минейная часть тропарника; предполагается, что они были изъяты из рукописи не позднее времени последнего ее переплетения [Борисова, Турилов 2009].

Определение редакции новозаветных текстов, включенных в кодекс, представляет собой отдельную задачу. С этой же задачей соотносится и характеристика языка литургических указаний, их связь с определенной традицией перевода, зависящей от переводов Иерусалимского Типикона (далее – ИТ), появившихся в XIV в. Таких переводов было несколько у южных и восточных славян. Так, имеются два перевода болгарских перевода ИТ: более ранний из них (к. XIII – нач. XIV в.) связывают с именем афонского старца Иоанна, а второй перевод возводится к деятельности книжного круга болгарского патриарха Евфимия Тырновского (вторая половина XIV в.). В сербской языковой среде также появилось два перевода ИТ: старший из них был выполнен по инициативе архиепископа Никодима в 1319 г. Старейший

список второго перевода связан с Хиландарским монастырем – там он был переписан в 1331 г. писцом Романом [Пентковская 2018]. Существует также русский перевод ИТ, который в полном виде представлен в двух списках XIV в. из собрания ГИМ (Син. 328 и 329). И.Д. Мансветов подчеркивал его местный характер и определял его как переход от Студийского устава к Иерусалимскому [Мансветов 1885: 273]. Кроме того, в русской традиции с XV в. появляются своего рода «гибриды» – редакции, восходящие к евфимиевскому тырновскому переводу ИТ, которые по-разному сочетают литургическую терминологию, характерную для южнославянской традиции, с элементами, утвердившимися в русской традиции. Так, рукопись ГИМ, Усп. 5-перг. (XV в.) содержит редакцию ИТ, сформированную уже при митрополите Киприане [Пентковский 1993: 235].

С данными этих переводов и редакций ИТ может быть сопоставлен материал Буслаевской псалтыри. Например, здесь обнаруживается грецизм **стихологиѧ** в следующем контексте: **по ѡбынои стило. на ги возѡ** (л. 207). Этот грецизм употребляется в двух болгарских и в сербских переводах ИТ в соответствии с ἡ στιχολογία [Пентковская 2018: 29, 37]. В русском переводе ИТ в соответствии с этим используется только вариант **стихословник** [Пентковская 2018: 72]. В отличие от него, поздняя русская редакция ИТ на базе евфимиевского перевода (Усп. 5-перг.) усваивает характерную для него лексему **стихологиѧ** [Пентковская 2018: 91]. Таким образом, данный термин связывает литургические указания Буслаевской псалтыри с традицией, идущей от южнославянских переводов ИТ.

О той же ориентации свидетельствует и употребленный в Буслаевской псалтыри термин **вѣдѣник**: **тоѧ нѣли. по па. в сре на вѣрни. начинаѣм празновати възнесенію га и ба и спса наше іс хѧ. вѣдѣніе. трѡ гла д** (л. 185). В литургической традиции этот термин соответствует греческому ἡ ἀγυρτυα. В южнославянских переводах при его передаче конкурируют грецизм **агрипниѧ** и его славянский эквивалент **вѣдѣник**. Однако в русском переводе ИТ их место занимает вариант (**пѣниѣ**) **всенощнок** [Пентковская 2018: 70]. Поздняя русская редакция ИТ использует, как и южнославянские переводы, термин **вѣдѣник** [Пентковская 2018: 96].

Еще один грецизм литургических указаний Буслаевской псалтыри – **нефимонѡ** (< **мефимонѡ**) – встречается чаще всего, наоборот, именно в русской традиции: **молітва. іѡанна. злаустго. по нефимо** (л. 231). В качестве обозначения Великого повечерия (по начальным словам канона св. Андрея Критского, входящего в его состав) этот грецизм употребляется в русском переводе ИТ, а также не только в переводных, но и в оригинальных русских памятниках. В то же время он не отмечен в южнославянских переводах ИТ [Пентковская 2018: 75].

Примечательно и употребление в рассматриваемом памятнике лексемы **поклонѡ**, а не заимствования **метаниѣ** (греч. ἡ μετάνοια): **покло · еі · лі елико можеші** (л. 172 об.). Грецизм характерен и для болгарских, и для сербских переводов ИТ, однако в русском переводе ИТ встречается только **поклонѡ** и **поклонениѣ**. В поздней русской редакции ИТ (Усп. 5-перг.) употребление славянского термина преобладает, грецизм появляется лишь спорадически и при первом появлении сопровождается глоссой: **твори метлае рекше покло** [Пентковская 2018: 29, 37, 69–70, 89–90]. Отсутствие статистики, безусловно, существенно уменьшает надежность построений, однако можно предположить, что ситуация в данном случае в целом кодексе (до изъятия листов, содержащих Часослов и минейную часть тропарника) была сходна с ситуацией поздней русской редакции ИТ.

За пределами литургической терминологии обращает на себя внимание наречие **поскоро** в следующем контексте: **и глѣтса сїе въслѣвае ·г̃· въ мѣсто часовъ. и ·г̃· въ мѣсто павѣрна. и на полѣнощница^х единою. глѣтса поскоро д̃ни ра** (л. 186 об.).

Данный тип образования сравнительной степени (приставка **по**, присоединяемая к форме позитива) вообще характерен для балканского ареала [Цыхун 1981: 199–205]. Такие формы встречаются в списках как болгарских, так и сербских переводов ИТ, например, в списке второго сербского перевода РГБ, Сев. 27 **прѣже захода слнцоу мало, аще ꙗк келїнскыи мѡнастырь, оудираѣ^т поскоро канлабжигатель, желѣзнок мало** (16 об.) – ср. Sin. gr. 1098 *πρὸ τοῦ λυχνικοῦ εἰ ἔστιν ἡ μονὴ κελλιωτικὴ μικρὸν ταχύτερον κρούει ὁ κανδηλάπτης τὸ σιδηροῦν ἢ τὸ μικρὸν* (13 r); **вывакт̃ же, лѣргиа в стык нѣлк, поскоро за троудъ вѣнна. вернѣ^ж позно, къ ноши** (л. 15) – ЦИАИ 857 *ἔστω δὲ ἡ λειτουργία τῆς ἀγίας κυριακῆς ταχύτερον διὰ τὸν κόπον τῆς ἀγρυπνίας, τὸ δὲ λυχνικὸν βραδύτερον* (9 v) [Пентковская 2018: 41–42].

Для русского перевода ИТ они не характерны, их место занимают суффиксальные образования, в том числе и в сопровождении приставки. Ср. ГИМ, Син. 329 **ывакт̃ же литоргиа ранѣк трѣда ради всенощнаго вечерна же поздѣк** (22 в); в поздней русской редакции ГИМ, Усп. 5-перг. **да ывае^т же лѣтоургѣа нѣлнага поранѣе троуда ра^д вѣнна. вернѣ^ж же попознѣе** (л. 10) [Пентковская 2018: 116].

Примечательно также употребление формы мн. ч. глагола при дв. ч. счетного сочетания: **оба лика. вкѣ^у пою^т. ст̃^х. пасц̃^ѣ** (л. 193 об.). Хотя наиболее ранние случаи употребления мн. ч. глагола при такого рода сочетаниях известны со второй половины XIII в., в славянской традиции переводов ИТ они нормативны для младших ее представителей, в частности, для поздней русской редакции ИТ [Пентковская 2018: 122].

Таким образом, «диагностическая» литургическая терминология уставных указаний Буслаевской псалтыри и другие их лингвистические особенности демонстрируют преимущественную ориентацию на южнославянскую традицию употребления, восходящую по большей части к евфимиевскому переводу ИТ (исключение составляет только **нефимонъ**, однако и он не чужд южнославянской традиции – так, он находится в литургических указаниях Баницкого Евангелия XIII в. [Пентковская 2018: 79]). Соответственно, это с большой долей вероятности отражает следование какой-то разновидности гибридизированной киприановской редакции ИТ, однако не самому списку ГИМ, Усп. 5-перг. (XV в.), так как в нем не употребляется вариант **поскоро**. Такая ситуация хорошо сочетается с установленным еще Буслаевым фактом южнославянской ориентации в орфографии и оформлении рукописи.

С этим же состоянием согласуются и редакционные особенности самих псалмов. Приведем здесь начальную часть 20-ого псалма: **г̃и силою твоею възвеселитса ц̃рь, ѡ сп̃сенїи твоемъ възраѣтса с̃ѣлѡ. желанїе ср̃ца его далъ еси ем̃ж. и хотенїа оустн̃ж его нѣси лишилъ его. яко прѣварилъ еси его влвенїемъ бл̃гостын̃нымъ, положилъ еси на главѣ его вѣнецъ ѡ камени чт̃на. живѡта просилъ ти есть далъ еси емоу, дл̃готоу д̃ни въ вѣкъ вѣка** (л. 53).

Сопоставление с представителями редакций Псалтыри X–XIV вв., данные которых приводятся в издании [Норовская Псалтырь 1989, II: 283]¹ показывает

¹ Син. – Синайская псалтырь XI в. (архаическая редакция Псалтыри), Нор. – Норовская псалтырь

соответствие текста Буслаевской псалтыри редакции псалтыри митр. Киприана. Так, на данном отрезке выделяются группы чтения, по которым три так называемые правленные редакции XIV в. противопоставлены архаической редакции Синайской псалтыри: **далъ еси емж** К. Пл. Нор.: Син. **далъ емоу еси** – ἔδωκας αὐτῷ (дважды). В ряде случаев обособлены чтения Норовской псалтыри как наиболее буквальные (в этих случаях чтения Буслаевской псалтыри совпадают с тремя источниками): **силою твоею** Син. К. Пл.: Нор. [**въ**] **силѣ твоеи** – ἐν τῇ δυνάμει σου (калькирование предложно-падежной конструкции в Нор.); **оустнѣ** Син. К. Пл.: Нор. **оустенѣ** – τῶν χειλέων (отказ от употребления дв. ч. в Нор., как в греческом); **нѣси лишилъ его** Син. К. Пл.: Нор. **не лишилъ еси его** – οὐκ ἐστέρησας αὐτὸν (в Нор. отсутствие слитной отрицательной формы вспомогательного глагола, порядок следования слов, как в греческом). В одном случае чтение Буслаевской псалтыри и К совпадают с Нор. и содержат род. п. приименной, как в греческом тексте: **въ вѣкъ вѣка** К., Нор.: Пл. **въ вѣкы**: Син. **въ вѣкъ вѣкоу** – εἰς αἰῶνα αἰῶνος. Еще в одном случае чтение Буслаевской псалтыри и К совпадает с чтением афонской редакции (Пл.): **проси́ ти естѣ** К. Пл.: Нор. **проси тѣ**: Син. **проси оу тебе** – ἤτήσατό σε. Наконец, в двух случаях чтения Буслаевской псалтыри совпадают только с К: **прѣварилъ еси его** К.: Пл. **прѣварилъ его**: Син. **вариль і еси**: Нор. **вариль еси его** – προέφθασας αὐτὸν; **чтѣна** К., Нор. **четѣнаго** Пл.: Син. **драгаго** – τιμίον. Но и во всех остальных случаях чтения Буслаевской псалтыри находятся с К в одной группе, что свидетельствует о редакционном совпадении этих источников. Киприановская редакция псалтыри представляет собой дальнейшее развитие афонской ее редакции [Чешко 1982: 80; Афанасьева и др. 2015: 21–26]. Таким образом, данные литургических указаний Буслаевской псалтыри согласуются с данными самого псалтырного текста.

Тот же редакционный характер имеют и новозаветные чтения, находящиеся в составе Буслаевской псалтыри. В частности, на л. 187 дается фрагмент Ин. 1: 1–4, в двух первых стихах которого находятся чтения, характерные для поздних редакций евангельского текста: **В началѣ бѣ слово. и слово бѣ к бгѡу. и бгѣ бѣ слово. Се бѣ искони к бгѣ**. Так, чтение **в началѣ** ἐν ἀρχῇ засвидетельствовано в болгарском четвероевангелии царя Ивана-Александра XIV в. (эта редакционная разновидность сочетает в себе элементы древнего текста, преславской редакции и афонской редакции Евангелия [Евангелие от Иоанна 1998: 12]) и в афонской редакции В и Острожской Библии. Вариант **к бгѡу** πρὸς τὸν θεόν, зафиксированный дважды, характерен для Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, Чудовской редакции Нового Завета и афонских редакций А и В [Евангелие от Иоанна 1998: 3].

На том же л. 187 находится еще фрагмент чтений на Пасху Деян. 1:1–8. Сопоставление его данных с данными других редакций также показывает следование афонскому типу текста, в частности: Деян. 1:2 **до негоже днѣ заповѣда аплмѣ дхѡ стѣмь. нхже изъбра**. Чтение **нхже изъбра** – οὐς ἐξελέξατο, в котором форма анафорического местоимения вин. п. = род. п., совпадает с вариантом, представленным в болгарских списках афонской редакции Апостола, а также в Чудовском Новом Завете, Геннадиевской и Острожской Библии. Предшествующие редакции имеют здесь чтение **аже изъбра**. Такое же соотношение источников, при котором чтение Буслаевской псалтыри относится к афонской редакции, наблюдается и в сер. XIV в. (среднеболгарская редакция Псалтыри, представленная в единственном списке XIV в.), Пл. – Пловдивская псалтырь (XVI в., Пловдивская Народная библиотека имени И. Вазова, № 44, афонской редакции), К – псалтырь с воследованием митрополита Киприана (РГБ, ф. 173.1, № 142).

Деян. 1:3 **постави себѣ жива** – παρέστησεν ἑαυτὸν ζῶντα. Чтение предшествующих редакций – **ста живъ**. То же в продолжении Деян. 1:3 **по странѣи свое^м** – μετὰ τὸ παθεῖν. Предшествующий вариант – **по мѣни свое^м**. То же в Деян. 1:4 **не ѿлоу^счати^с** (Буслаевская псалтырь и другие источники афонской редакции): **не лжч^сити с^с** (предшествующие редакции) – μὴ χωρίζεσθαι. Как и в других источниках афонской редакции, в Буслаевской псалтыри в Деян. 1:5 представлен аналитический способ образования будущего времени: **вы же имате^с кр^стити^с: кр^стите с^с** – βαλτισθήσεσθε [Христова-Шомова 2004: 52–53]. Такого рода примеры могут быть умножены.

Таким образом, псалтырь РГБ, ф. 304. I, № 308, изучение которой было начато Ф.И. Буслаевым с палеографии и орфографии, представляет собой памятник, разделяющий черты второго южнославянского влияния не только в палеографическом, орфографическом, но и в текстологическом отношении, причем разные тексты, в него входящие, обладают редакционным единством, под которым подразумевается, впрочем, не редактирование при включении в кодекс, а использование характерных для данного периода редакций литургических текстов.

ЛИТЕРАТУРА

Афанасьева и др. 2015 – *Афанасьева Т.И., Козак В.В., Мольков Г.А., Соколов Е.Г., Шарихина М.Г.* Языковые инновации в переводах, связанных с именем Киприана // *Slověne*. 2015. № 1. С. 13–38.

Буслаев 1881 – Образцы письма и украшений из Псалтыри с воследованием по рукописи XV века, хранящейся в библиотеке Троицкой Сергиевой лавры под № 308(481) / Со введ. Ф. Буслаева. СПб.: тип. Добродеева, 1881 (= Общество любителей древней письменности. Т. LII–LXXIV). 60 с.

Борисова, Турилов 2009 – *Борисова Т.С., Турилов А.А.* Буслаевская Псалтырь // *Православная энциклопедия*. Т. VI. М.: Православная энциклопедия, 2009. С. 390–391.

www.pravenc.ru/text/153691.html

Мансветов 1885 – *Мансветов И.* Церковный Устав (Типик), его образование и судьба в греческой и русской церкви. М.: тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1885. 449 с.

Норовская псалтырь 1989 – *Чешко Е.В., Бунина И.К., Дыбо В.А., Князевская О.А., Науменко Л.А.* Норовская Псалтырь. Среднеболгарская рукопись XIV в.: В 2 т. София: Изд-во БАН, 1989. Т. 1. 206 с.; Т. 2. 743 с.

Пентковская 2018 – *Пентковская Т.В.* Переводы Иерусалимского Типикона в славянской традиции. Лингвистический аспект. М.: МАКС Пресс, 2018. 160 с.

Пентковский 1993 – *Пентковский А.М.* Из истории литургических преобразований в Русской церкви в третьей четверти XIV столетия // *Символ*. 1993. № 29. С. 217–238.

Попов 2009 – *Попов Г.В.* Новый памятник круга Буслаевской Псалтыри. Из истории деятельности великокняжеской рукописной мастерской 1480-х гг. // Попов Г.В. *Рукописная книга Москвы. Миниатюра и орнамент второй половины XV–XVI столетия*. М.: Индрик, 2009. С. 85–94.

Христова-Шомова 2004 – *Христова-Шомова И.* Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. Т. I. Изследване на библейския текст. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2004. 832 с.

Цыхун 1981 – *Цыхун Г.А.* Типологические проблемы балканославянского ареала. Минск: Наука и техника, 1981. 230 с.

Чешко 1982 – Чешко Е.В. Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри в ее отношении к другим редакциям // Е.И. Демина, Е.В. Чешко, Д. Иванова-Мирчева, А. Минчева. Язык и письменность среднеболгарского периода. М.: Наука, 1982. С. 60–93.

REFERENCES

Afanasyeva et al. 2015 – Afanasyeva Tatiana I., Kozak Viacheslav V., Molkov Georgii A., Sokolov Evgenii G., Sharikhina Miliausha G. Language Innovations in Manuscripts Attributed to Cyprian the Metropolitan. *Slověne*. 2015. No 1, pp. 13–38.

Buslaev 1881 – Writing and Decorations Patterns from Psalter according to the ms. of the 15th century from the library of the Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 308 (481); with introduction of F. Buslaev. St.-Petersburg. Dobrodeev's Printing House, 1881. 60 p.

Borisova, Turilov 2009 – Borisova T.S., Turilov A.A. Buslaev Psalter. In: Orthodox Encyclopedia. Vol. VI. Moscow. Orthodox Encyclopedia Publ. 2009, pp. 390–391.

www.pravenc.ru/text/153691.html

Mansvetov 1885 – Mansvetov I. (1885) Typikon, its Origin and Fate in the Greek and Russian Church. Moscow. Printing House of E. Lissner and J. Roman. 449 p.

Norov Psalter 1989 – Cheshko E.V., Bunina I.K., Dybo V.A., Knâzevskaya O.A., Naumenko L.A. Norov Psalter. The Middle Bulgarian Manuscript of the 14th century: In 2 vols. / Bulgarian Academy of Sciences. Sofia. 1989. Vol. 1. 206 p.; Vol. 2. 743 p.

Pentkovskaya 2018 – Pentkovskaya T.V. (2018) The Translations of the Jerusalem Typikon in Slavic Tradition: The Linguistic Aspect. Moscow. MAKS Press. 160 p.

Pentkovskiy 1993 – Pentkovskiy A.M. From the History of Liturgical Transformations in the Russian Church in the third quarter of the XIV century. *Symbol*. 1993. No 29, pp. 217–238.

Popov 2009 – Popov G.V. The New Source of the Buslaev Psalter. From the History of Activities of a Princely Manuscript Workshop of the 80th of the 15th. In: Popov G.V. The Art of Hand-Written Book in Moscow. Miniature and Ornament Pattern of the Latter Half of the 15–16th century. Moscow. Indrik Publ. 2009, pp. 85–94.

Hristova-Shomova 2004 – Hristova-Shomova I. (2004) Liturgical Apostle in the Slavic Manuscript Tradition. Vol. I. The Study of the Biblical Text. Sofia. University Printing House “St. Clement Of Ohrid”. 832 p.

Tsykhun 1981 – Tsykhun G.A. (1981) Typological Problems of the Balkan Area. Minsk. Nauka i Tekhnika Publ. 230 p.

Cheshko 1982 – Cheshko E.V. The Athonite Version of the Church Slavonic Translation of the Psalter and Its Relation to the Other Versions. In: Dyomina E.I., Cheshko E.V., Ivanova-Mircheva D., Mincheva A. The Language and Literature of the Middle Bulgarian Period. Moscow. Nauka Publ., 1982. pp. 60–93.

Сведения об авторе:

Татьяна Викторовна Пентковская,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana V. Pentkovskaya,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pentkovskaia@gmail.com

А.В. Уржа (Москва, Россия)

Представление о кратности в грамматике Ф.И. Буслаева и в современных функциональных исследованиях

Аннотация: Отправная точка исследования, результаты которого представлены в статье, – наблюдения Ф.И. Буслаева над сохранением «признака вида в отглагольных именах», связанного с реализацией семантики кратности в существительных (типа «завывание») и прилагательных (типа «бывалый»), которые современная коммуникативная грамматика называет неизосемическими, т. е. семантически «не равными» частеречному прототипу. Оригинальные наблюдения ученого рассматриваются в статье в контексте современного представления о кратности как о функционально-семантической категории, воплощаемой при помощи разнотипных средств на уровне морфологии, синтаксиса, словообразования, лексики и текста. На фоне обобщения и структурирования изученных средств реализации семантики кратности в русском языке в статье предлагаются необходимые дополнения к списку таких средств. В качестве иллюстративного материала привлечены варианты русского перевода неоднозначных в плане семантики кратности фрагментов англоязычного нарратива, и этот подход также созвучен исследованиям Ф.И. Буслаева, отмечавшего необходимость анализа переводов в ракурсе «сравнительного синтаксиса».

Ключевые слова: Буслаев, кратность, итеративность, отглагольные существительные, девербативы, перевод

A. V. Urzha (Moscow, Russia)

The Concept of Multiplicity in F.I. Buslajev's Grammar and in Modern Functional Language Studies

Abstract: The starting point for discussion in the article is the claim made by the 19th-century Russian linguist F.I. Buslajev that deverbatives preserve the category of aspect for nouns like 'zavyvanije' (howling) and adjectives like 'byvalyj' (old salt) have semantics of multiplicity. The modern Russian functional communicative grammar defines such words as non-izosemic (non-prototypical), or not equal to their part-of-speech semantic prototype. The article focuses on how multiplicity and repetition are expressed in Russian at the levels of morphology, word-formation, lexis, syntax and text. Accumulating and structuring the already studied means of expressing multiplicity in Russian,

the author adds some other means to the list. The illustrative case for comparative analysis includes fragments of Russian translations, offering different interpretations of the English narrative which is semantically ambiguous as far as multiplicity is concerned. The choice of research material was prompted by F.I. Buslajev's ideas of using "comparative syntax" in the analysis of translations.

Key words: Buslajev, multiplicity, repetition, verbal nouns, translation

Принято считать, что кратность, или итеративность событий в грамматике XVIII–XIX вв. исследовалась исключительно на морфологическом уровне, в сфере реализации так называемого «многократного вида». Например, у В.В. Виноградова в подробном обзоре истории исследования видов-временных форм глагола находим замечание: «Был период, когда форма “многократного вида” (типа *давывал, двигивал*) ставилась грамматистами в центре всей системы прошедших времен русского глагола» [Виноградов 1947: 546].

Однако внимательное чтение работ Федора Ивановича Буслаева показывает, что его подход к изучению кратности и ее реализации в языке был более сложным, комплексным, и это обусловлено двумя специфическими особенностями научного метода ученого.

Во-первых, Ф.И. Буслаев в рассмотрении лингвистических объектов не ограничивался материалом современного ему русского литературного языка, он учитывал свойства систем древнерусского и церковнославянского языков, анализируя языковое явление в диахроническом контексте, учитывая изменение его места в системе языка, сужение / расширение / видоизменение его функций. Не менее широко Ф.И. Буслаев привлекал данные современных говоров, так называемого «областного просторечия», сопоставляя реализацию той или иной грамматической категории или формы в разных сферах синхронного бытования языка. Сам он говорил об этом подходе так: «Мертвящее начало... останется в ней (грамматике. – А.У.) до тех пор, пока она не обратится к родному языку как к живому слову, вечно юному и неистощимо богатому, в его видоизменениях исторических и местных» [Буслаев 1858: V].

Во-вторых, внимание к категориальной семантике слов позволяло Ф.И. Буслаеву сопоставлять явления, формально разделяемые традиционной морфологией его времени, например, отслеживать сохранение или видоизменение семантико-грамматических характеристик в группе родственных слов, даже если они относятся к разным частям речи. И это умение преодолеть границы жесткого формального подхода в грамматике приводило ученого к нетривиальным, интересным и для нас сейчас наблюдениям и выводам.

Перечисленные выше особенности подхода хорошо видны на примере описания Ф.И. Буслаевым реализации семантики кратности – к этому вопросу он обращался в обоих основных разделах «Опыта исторической грамматики русского языка»: в «Этимологии» и в «Синтаксисе», а также в рецензиях на работы других ученых (Константина Сергеевича Аксакова, Измаила Ивановича Срезневского).

Сравнивая русский язык с церковнославянским, Ф.И. Буслаев отмечал, что первый развил так называемые однократные и многократные глагольные формы. Однократными он называл «особенные усеченные формы, которые даже внешним видом своим соответствуют мгновению действия, ими выражаемого: *глядь, хватъ*». Многократные формы типа *хаживал, говаривал, давывал, купливал* в большом ко-

личестве встречаются, по наблюдениям ученого, и в древнерусских памятниках, и в областном просторечии, «которое в этом отношении ближе к древнерусскому, чем к нашему книжному языку» [Буслаев 1858: 88]. Интересно, что и для однократных форм характерно то же распределение: слова типа *верть, сов (от совать)* ушли из книжного языка, оставшись в просторечии и в старинных памятниках. Ф.И. Буслаев выдвигает гипотезу о том, что «образуясь в своем составе», современный книжный язык уже «избегал многократных форм из стремления усвоить себе склад церковнославянской речи, в которой малоупотребительны эти формы» [Буслаев 1858: 88].

В разделе «Синтаксис» ученый объединяет однократные формы с другими, обозначающими совершение, однократность и мгновенность действия, например, *дуно, стану, приду*, а обозначение многократности относит туда же, куда и обозначение отдаленности действия (*бывал, говаривал, знавал*), возвращаясь к канонической для того времени видовой триаде: продолженному, совершенному и многократному виду.

Однако обратим внимание на следующий фрагмент из этой его работы: «Залогии и виды могут происходить от первообразных форм через существительные отглагольные (напр, *везти – воз – возить*); признак вида остается иногда в именах отглагольных; напр., *вы-ть за-вы-ва-ть за-вы-ва-ние, бы-ть бы-ва-ть бы-ва-лый пре-бы-ва-ние*) [Буслаев 1858: 84].

Здесь мы наблюдаем весьма нетривиальный для формальной грамматики ход: обнаруживая то, что он называет «признаком вида в отглагольных именах», Ф.И. Буслаев по сути демонстрирует реализацию семантики кратности в существительных (типа *завывание*) и прилагательных (типа *бывалый*), которые современная коммуникативная грамматика называет неизосемическими, или непрототипическими. Категориальная семантика неизосемических слов не совпадает с категориальной семантикой части речи, к которой они принадлежат (отсюда внутренняя форма современного термина – неизосемические, т. е. семантически «не равные» частеречному прототипу), именно поэтому слова такого типа сближаются по некоторым характеристикам с представителями другой части речи, в данном случае – с глаголами. В частности, такова характеристика способа протекания действия, одним из параметров которой является кратность. Так Ф.И. Буслаев выявляет возможность рассмотреть семантику отглагольных существительных в новом ракурсе.

В первой половине XX в. многократный вид как составляющая соответствующей категории ушел со страниц русских грамматик, убедительные обоснования для этого решения были изложены А.А. Шахматовым, Л.А. Булаховским, В.В. Виноградовым и далее.

Однако интерес к кратности (или итеративности¹) как к семантико-грамматической, а затем и функциональной категории, сформировавшей в языке соответствующее поле средств (ФСР) [Теория функциональной грамматики 1987: 126], продолжал расти, лингвистические исследования такого рода вышли на уровень синтаксиса текста [Золотова и др. 1998: 420], и в данной статье мы кратко рассмотрим трактовку кратности как функциональной категории, очертив круг средств ее воплощения, а также прокомментируем явления, наблюдаемые при реализации (или при деформации) итеративной семантики в переводе.

¹ Термины «итеративность» и «кратность» чаще всего используются в качестве обобщающих для группы значений хабитуальности, собственно итеративности, мультипликативности и дистрибутивности [см. Храковский 1989: 5–53; Плунгян 2000: 295].

Материалом нашего исследования стал корпус русских переводов англоязычных текстов. Ф.И. Буслаев писал об использовании переводного материала в изучении русского языка в книге «О преподавании отечественного языка»: «Сравнительная этимология и особенно сравнительный синтаксис постоянно применяется к переводам» [Буслаев 1844: 207]. Говоря о том, какие значения в первую очередь передаются при переводе, он сопоставлял общие понятия с «частными воззрениями и представлениями» отдельных языков, из которых переводчик извлекает универсальную семантическую составляющую и передает ее «в духе воззрений и представлений своего собственного языка» [Буслаев 1850: 48].

Обратимся и мы к такому материалу, выбрав в качестве универсальной семантической составляющей («общего понятия») кратность.

Средства выражения семантики кратности и в русском языке, и в английском языке (о переводах с которого на русский ниже пойдет речь) неоднородны. На уровне слова, предложения и текста (в обоих языках) подобные значения выражаются разнообразно, и притом нерегулярно, что становится причиной возникновения неоднозначных контекстов.

На уровне морфологии глагольные словоформы и в русском, и в английском языке нередко оказываются немаркированными относительно длительности / многократности (*Он работал на веранде. He travelled alone*), однократности / многократности (*Он приходил сюда. He called me*). Помимо ряда частных значений НСВ, которые Теория функциональной грамматики Бондарко называет итеративными способами действия [Теория функциональной грамматики 1987: 144–146], а Русская корпусная грамматика определяет как ограниченно-кратное (оно же итеративное: *Я трижды запрашивал у китайцев эту информацию*) и узуальное (оно же хабитуальное: *Олег каждый день провожает Снежану*) значения НСВ [Сичинава 2013], существуют специфические средства, например, переносное употребление формы будущего времени СВ в русском: *Выйду на улицу – мороз, зайду в дом – тоже холодно*, которые сообщают значение повторяемости предикатам с перфективной семантикой.

В ситуации, когда грамматическая форма неоднозначна, семантика итеративности в обоих языках нередко организуется и поддерживается на синтаксическом уровне при помощи сирконстантов – показателей повторяемости (*вечерами, часто, по четвергам, каждый день, often, usually, many times и т. д.*), которые классифицируются как обстоятельства цикличности, интервала, узуальности и счетного комплекса [Теория функциональной грамматики 1987: 129], а также модификаторов предиката (*бывало, ср. would, used to*). Отметим, что трактовка действия как однократного или многократного зависит также от количества и характера актантов при предикате (*Она рожала сына. – Она рожала сыновей; Она дала им банку варенья. – Она дала им по банке варенья*). Итеративное значение на синтаксическом уровне могут воплощать повторы конструкций с событийной семантикой (*Что ни повернет – все блин да пирог, блин да пирог!*).

Обширная лексическая группа слов (а именно – глаголов), в которых указание на многократность является одним из компонентов значения слова, описана в составе ФСП кратности [Теория функциональной грамматики 1987: 133–152], особое внимание ученые уделяют словообразовательным средствам, формирующим такие глаголы (например, *перезнакомиться, переписываться, повыскакивать, изломать*). Представляется, что существительные и прилагательные, реализующие семантику многократности в сочетании с событийными существительными (*ряд*

опытов, серия явлений, очередь залпов; регулярный уход, неоднократные попытки и т. п.) также могут быть рассмотрены в составе данного ФСП.

На уровне текста семантика итеративности, вербализованная как минимум один раз любым из вышеперечисленных способов, может охватывать фрагмент гораздо больший, чем одно предложение: «*Она **не раз** приходила к нам, пила чай. Смотрела в окно, играла с кошкой, рассказывала о юге...*» или «***Приму** ее под руку и волочусь, что жука. И чего сказать – не знаю, и перед народом совестно*» (М. Зощенко). Убедительным представляется замечание исследователей грамматики текста о том, что «справедливее видеть в итеративности и повторяемости не столько аспектологическую, сколько композиционно-текстовую категорию» [Золотова и др. 1998: 420].

Неоднозначность грамматических форм в отношении семантики повторяемости, а также дискретность показателей кратности, организующих текст, оказывается серьезным испытанием для переводчиков [Уржа 2016: 126–132]. Итеративные фрагменты – зона «повышенного риска», именно здесь версии интерпретаторов часто расходятся. Опираясь на неоднозначный языковой контекст, переводчик либо дополнительно вербализует, либо устраняет итеративное значение из создаваемого текста, и его решение оказывается напрямую связано с другими характеристиками нарратива, в частности, с его регистровым строением.

Рассмотрим один из подобных случаев, соотносимый с материалом, разобранным Ф.И. Буслаевым, а именно – с глагольными и неглагольными способами реализации событийной семантики в тексте. Это фрагмент из притчи Ричарда Баха «Jonathan Livingston Seagull» («Чайка по имени Джонатан Ливингстон»).

Проанализируем вначале не оригинальный текст, а самый известный русский перевод притчи, выполненный Ю. Родман:

*Подъем на тысячу футов. Мощный **рывок** вперед, **переход в пики**, напряженные **взмахи** крыльев и отвесное **паденье** вниз. А потом **каждый раз** его левое крыло **вдруг замирало** при взмахе вверх, он резко кренился влево, **переставал** махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое плечо **входил в штопор**.*

В начале фрагмента девербативы представляют нам динамичную смену событий сюжета. Безглагольные конструкции в совокупности с семантикой глаголов, обозначающих физические действия, допускают потенциальную трактовку всех событий как наблюдаемых – перед читателем проносится череда ярких «картинок». Лишь в середине фрагмента читатель понимает, что перед ним не изображение одного полета, а характеристика серии неудачных полетов Джонатана, главного героя притчи.оборот *каждый раз* действует не только проспективно, но и ретроспективно, мультиплицируя то, что уже было сказано выше, то, что изначально появилось в тексте в качестве наглядно изображенной ситуации, а затем прибавляя к ней новые, по большей части инволютивные действия героя, оформленные уже в прошедшем времени.

Сравним проанализированный фрагмент с переводческой версией М. Шишкина:

*Подъем до тысячи футов. **Вначале** предельно **разогнаться** по прямой, **потом**, продолжая работать крыльями, **нырнуть** круто вниз. **Затем, и это повторялось каждый раз**, его левое крыло **выгибалось** на взмахе, и он **начинал** быстро **вращаться** влево. **Чтобы выровняться, он выгибал** правое крыло, и тут же **начиналось** неустойчивое беспорядочное **вращение** вправо».*

В этом варианте перевода мы с самого начала имеем дело с инструкцией, планом предполагаемого полета, реализованным при помощи инфинитивов. Глаголы,

описывающие запланированные действия, еще не формируют перед глазами читателя воображаемую картину происходящего. Кроме того, любая инструкция потенциально мультиплицируема, поэтому для читателя не будет сюрпризом появление комментария «и это повторилось каждый раз» в середине абзаца.

Какие же конструкции оригинального текста вызвали подобные расхождения в русских переводах?

Climb to a thousand feet. Full power straight ahead first, then push over, flapping, to a vertical dive. Then, every time, his left wing stalled on an upstroke, he'd roll violently left, stall his right wing recovering, and flick like fire into a wild tumbling spin to the right. (R. Bach)

При отсутствии финитных форм английские конверсивы *climb, push, dive* – слова, которые могут быть переведены и как существительные, обозначающие наблюдаемые события, и как глаголы в форме инструктивного императива, в соединении с неизосемическим оборотом *full power*; позволяют интерпретировать начало этого отрывка и как серию зрительно воспринимаемых действий, и как предполагаемый план полета, даже как инструкцию.

Интерпретация события как повторяющегося или однократного напрямую связана с его регистровым оформлением [Золотова и др. 1998: 29]. Сообщая о многократности действия, говорящий суммирует и обобщает опыт наблюдения, представляет событие отстраненно, панорамно – это характерно для информативного регистра. Однократное действие (мгновенное или протяженное) может быть воплощено не только как известное (информативный регистр), но и как реально или гипотетически наблюдаемое (репродуктивный регистр). Результат выбора переводчиков – различная регистровая композиция текста, включающая или не включающая в начало фрагмента наблюдаемую «картинку».

Наряду с девербативами, неоднозначные контексты в английском языке создают конструкции с модификатором предиката *would*, который может прочитываться как показатель многократности действия (*He would go to the park*) либо как показатель оптативной или эпистемической модальности (*I would have coffee; We would come if you were at home*). Если других указаний на повторяемость события во фрагменте нет, переводчики могут испытывать затруднения с его интерпретацией. Вот пример из рассказа Р. Брэдли «The Cistern» («Водосток»), где сумасшедшая героиня рассказывает о своем детстве: *“Like when you were a child and played hide-and-seek and nobody found you, and there you were in their midst all the time, all sheltered and hidden and warm and excited. I'd like that. That's what it must be like to live in the cistern”*.

С. Анисимов в своем переводе предлагает итеративное прочтение этого фрагмента: *«Как в детстве, когда мы играли в прятки: бывало, спрячешься, и никто тебя не может найти, а ты все время сидишь совсем рядом с ними в укромном уголке, в безопасности, и тебе тепло и весело. Мне это ужасно нравилось. Должно быть, если живешь в водостоке, чувствуешь себя так же»*. М. Дронов интерпретирует тот же фрагмент, опираясь на оптативное значение *would*: *«Как в детстве, когда играешь в прятки, и никто тебя не может найти. А ты все время среди них и все видишь, знаешь все, что происходит. Вот и в трубе так же. Я бы хотела...»* Многоочие в конце фразы героини (так же как и перестановка двух последних предложений) использованы вторым переводчиком не случайно: действие, модифицированное показателем *would*, относится к будущему героини, а не к ее прошлому, как в первом переводе. И если первый перевод подчеркивает инфан-

тельность Анны, которая продолжает вспоминать о детстве, то во втором переводе речь идет о сокровенном желании героини пережить подобное еще раз в будущем, что формирует соответствующие читательские ожидания и прозрачно намекает на финал рассказа, в котором девушка «исчезнет» в водостоке. Отметим, что четыре русских переводчика разделились поровну (2:2) в выборе интерпретации.

Необычная комбинация грамматических и лексических темпоральных показателей в конструкции с *would* привела к расхождениям в переводах фрагмента романа Э. Берджеса “The Clockwork Orange” («Заводной апельсин»), при этом одно из предложенных прочтений оказалось итеративным:

A. Burgess	Pee and em in their bedroom next door had learnt now not to knock on the wall with complaints of what they called noise. I had taught them. Now they would take sleep-pills. Perhaps, knowing the joy I had in my night music, they had already taken them.
Пер. В. Бошняка	Па и ма в своей спальне по соседству уже привыкли и отучились стучать мне в стенку, жалуясь на то, что у них называлось «шум». Я их хорошо вымуштровал . Сейчас они примут снотворное. А может, зная о моем пристрастии к музыке по ночам, они его уже приняли.
Пер. А. Газова-Гинзберга	Пэ и Эм в своей спальне, в соседней комнате, уже научились не стучать в стену, жалуясь на то, что называли шумом. Я их отучил . Теперь они принимают сонные порошки.
Пер. Е. Синельщикова	Приученные предки не осмеливались стучать в стену моей рум. Пусть примут снотворное, если я им мешаю.

Оригинал романа Э. Берджеса интересен активным и необычным использованием дейктических показателей [Уржа 2013: 19], в частности, слово *now* может указывать как на момент воображаемой беседы с читателем, так и на любой момент или даже период в прошлом, к которому приковано внимание рассказчика. В данном фрагменте речь идет об эпизоде из прошлого: В данном фрагменте речь идет об эпизоде из прошлого: Алекс дома ночью слушает концерт для скрипки с оркестром. Глаголы в Past Perfect указывают на предшествующие события, а показатель *would* вводит действие прогнозируемое. Слово «сейчас» трактуется по отношению к моменту, о котором вспоминает герой. Именно такой вариант представляет нам перевод В. Бошняка (*Сейчас они примут снотворное*), тогда как А. Газов-Гинзберг трактует ситуацию с *would* как итеративную (*Теперь они принимают сонные порошки*), причем контекст (*Я их вымуштровал / отучил*) этому не противоречит. Е. Синельщикова в своей (достаточно вольной) интерпретации романа, напротив, заостряет внимание на конкретной ситуации.

Переводческие разночтения относительно итеративной или *не*-итеративной интерпретации предикатов могут касаться и нефинитных форм. Рассмотрим несколько примеров из переводов рассказа Э. По «Hop-Frog» («Прыг-Скок»):

*‘Your majesty cannot conceive the **effect produced**, at a masquerade, by eight chained orang-outangs, **imagined** to be real ones by most of the company; and **rushing** in with savage cries, among the crowd of delicately and gorgeously habited men and women’.*

Слово *effect* (эффект) может быть связано как с однократной, так и с многократной ситуацией (ср. *стойкий терапевтический эффект*). Ситуация, описанная в этом отрывке из рассказа «Прыг-Скок», может быть интерпретирована либо как повторяющаяся (карлик рассказывает о забаве, распространенной у него на родине), либо как однократная (герой призывает короля представить, как все

произойдет на будущем маскараде). В оригинале интересующие нас предикаты представлены причастиями II-ми (пассивными) и причастием I-м. Аналогичный русский перевод при помощи страдательных и действительного причастий создает громоздкую, неудобочитаемую конструкцию (ср. анонимный перевод в изд. «Вестника иностр. литературы»: «*Ваше величество не можете себе представить эффекта, вызванного появлением во время маскарада восьми закованных в цепи орангутангов, принимаемых большинством присутствующих за настоящих зверей и с диким ревом кидающихся в толпу нарядных мужчин и женщин*»). Используя личные формы глагола, переводчики, ориентируясь на ту или иную функцию предиката, выбирают либо настоящее время несовершенного вида (итеративная интерпретация), либо будущее время совершенного вида (однократная интерпретация предикатов), выделяя лишь одну подобную ситуацию. Ср.: «*Ваше величество может себе представить, какой эффект произведет появление на маскараде восьми орангутангов, которых публика примет за настоящих, когда они бросятся с диким визгом в толпу разряженных дам и кавалеров*» (пер. М. Энгельгардта). // «*Ваше величество не можете себе представить, какое впечатление производит во время маскарада появление восьми орангутангов в цепях, которых большинство принимает за настоящих животных и которые с дикими криками бросаются в толпу мужчин и женщин, кокетливо и роскошно одетых*» (Изд. В. Маракуева). Так же, как и в рассмотренных выше переводах притчи Ричарда Баха, первый вариант гипотетически представляет наглядную «картинку» в репродуктивном регистре, тогда как второй вариант абстрагирован от конкретной ситуации и реализует информативный регистр.

В целом, сопоставление русских переводов английского текста позволяет обнаруживать и анализировать контексты, в которых:

а) используются различные, но изофункциональные средства выражения кратности при переводе на русский язык;

б) предикат позволяет двоякую интерпретацию, и переводчики выбирают итеративное или неитеративное «прочтение» соответствующего фрагмента, задействуя средства разных коммуникативных регистров;

в) переводчики добавляют или устраняют итеративное значение, внося изменения в содержание повествования.

Анализ случаев всех трех типов подтверждает, что кратность реализуется при переводе именно как функционально-семантическая категория с обширным инвентарем разнотипных языковых средств, нередко «работающих» на уровне фрагмента текста, более крупного, чем предложение. Средством, вводящим мультипликативное прочтение фрагмента, может оказаться не только глагольная форма или сирконстант, но и девербатив, указывающий на повторяющееся действие (типа *завывание* или *бывалый*), существительное или прилагательное с итеративной семантикой (типа *серия, очередь, неоднократный, регулярный*), лексический повтор и т. п. Сопоставительный анализ вариантов перевода текста с одного языка на другой позволяет нам, с одной стороны, выявить типы средств, не включенных пока в ФСП кратности, а с другой – проследить, как семантика повторяемости интерпретируется переводчиком, взаимодействуя с контекстом.

ЛИТЕРАТУРА

Буслаев Ф.И. «Мысли об истории русского языка» И. Срезневского: [Рец.] // Отечественные записки. 1850. Т. 72. Отд. V. СПб., 1850. С. 31–58.

Буслаев Ф.И. О преподавании отечественного языка. Т. 1. М.: Университетская типография, 1844, 335 с.

Буслаев Ф.И. Опыт исторической грамматики русского языка. Т. 1. Этимология. М.: Университетская типография, 1858. 746 с.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.

Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. 524 с.

Плунгян В.А. Общая морфология. М.: УРСС, 2000. 384 с.

Сичинава Д.В. Несовершенный вид. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. М., 2013 (на правах рукописи; rusgram.ru).

Теория функциональной грамматики / Под ред. А.В. Бондарко Т. 1. Л.: Наука, 1987. 352 с.

Уржа А.В. Реализация дейктических категорий в оригинале и в русских переводах романа Э. Берджесса «Заводной апельсин» // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2013. № 3. С. 18–24.

Уржа А.В. Русский переводной художественный текст с позиций коммуникативной грамматики. М.: Спутник+, 2016. 352 с.

Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология итеративных конструкций / Ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.

REFERENCES

Buslaev F.I. (1858) Essay towards a Historical Grammar of Russian Language. Vol. 1: Etymology. Moscow. University Press. 746 p.

Buslaev F.I. (1844) On the Teaching of the National Language. Vol. 1. Moscow. University Press. 335 p.

Buslaev F.I. (1850) “Thoughts about History of Russian Language” by I. Sreznevsky: [Rev.] *Otechestvennyje Zapiski*. 1850. Vol. 75. Dep. V. St.-Petersburg, 1850, pp. 31–58.

Khrakovskij V.S. Semantic Types of the Sets of Situations and Their Natural Classification. In: *Typology of Iterative Constructions* / Ed. by V.S. Khrakovskij. Leningrad. Nauka Publ. 1989, pp. 5–53

Plungian V.A. (2000) *General Morphology*. Moscow. URSS Publ. 384 p.

Sichinava D.V. (2013) *The Imperfective Aspect. Materials for the Project of Corpus Description of Russian Grammar*. Moscow (manuscript; rusgram.ru).

Theory of Functional Grammar / Ed. by A.V. Bondarko. Vol. 1. Leningrad. Nauka Publ. 1987. 352 p.

Urzha A.V. Realization of Deictic Categories in the novel by A. Burgess “The Clockwork Orange” and Its Russian Translations. *The Bulletin of CIE MSU. Philology. Culturology. Pedagogics. Methodology*. 2013. No 3, pp. 18–24.

Urzha A.V. (2016) *Russian Literary Translation in the View of Communicative Grammar*. Moscow. Sputnik+ Publ. 352 p.

Vinogradov V.V. (1947) *Russian Language*. Moscow; Leningrad. Uchpedgiz Publ. 1947. 784 p.

Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.J. (1998) Communicative Grammar of the Russian Language. Moscow. 524 p.

Сведения об авторе:

Анастасия Викторовна Уржа,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Anastasia V. Urzha,
PhD
Assistant Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
English2@yandex.ru

И.А. Назаров (Москва, Россия)

Мотив поломки механизма в контексте литературной темы безумия

Аннотация: В статье рассматриваются особенности художественного воплощения феномена безумия в отечественной литературе первой трети XX века – в частности, различные вариации мотива поломки механизма в контексте исследуемой темы. В произведениях различных авторов обнаруживается многообразие представлений о разуме (как абстрактном или конкретном механизме) и безумии (как о явлении, способном повредить механизм частично или полностью). В повести Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме» автор акцентирует внимание как на поломке «механизма» отдельного человека (ситуации, когда жизнь тела продолжается после утраты разума), так и на конфликте между человеком и законами мироздания – «винтиком» и «мировой машиной». В произведениях Л.Н. Андреева («Дневник сатаны») и И.К. Быковского («Сто дней в сумасшедшем доме») ментальное здоровье героев сопоставляется с образом машины – паровоза, ситуации сумасшествия представлены как картины железнодорожной катастрофы. Ф.В. Гладков в повести «Пьяное солнце» на примере пациентов санатория для нервнобольных предлагает сравнение человека с механическим предметом, душевную болезнь – с механизмом, требующим починки. В романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» обезумевшему герою открывается истина о мировой системе: она представляется ему глобальным спектаклем, в котором происходит конфликт между кукловодом и марионетками. Е.И. Замятин в романе «Мы» обращается к смысловой оппозиции «разум / безумие», в рамках которой противопоставляет системе Единого Государства и системе «идеальных номеров» – безумие как способ ухода от давления тоталитарной системы.

Ключевые слова: феномен безумия, образ безумца, мотив поломки механизма, мотив прозрения в безумии

I.A. Nazarov (Moscow, Russia)

The Motif of a Broken-down Mechanism in the Context of the Literary Theme of Madness

Abstract: The article deals with the peculiarities of the artistic embodiment of the phenomenon of insanity in the literature of the first third of the 20th century – in particular, to various variations in the motive for breaking the mechanism in the context of the

topic under study. In the works of various authors, a variety of ideas about the mind (as an abstract or concrete mechanism) and insanity (as a phenomenon capable of damaging the mechanism partially or completely) is revealed. In the story of G.P. Beloretsky "In a madhouse" the author focuses attention both on the breakdown of the "mechanism" of an individual (the situation when the life of the body continues after the loss of the mind) and on the conflict between man and the laws of the universe – the "cog" and the "world machine". In the works of L.N. Andreyev and I.K. Bykovsky, one can see a comparison of the mental health of the characters with the image of the machine – the locomotive and the presentation of the situation of insanity as a picture of a railway accident, because of which the train turns over and continues to move out of the rail. F.V. Gladkov in the story "Drunken Sun" shows a comparison of a person with a mechanical object, and a mental illness with a mechanism requiring repair. In the novel G.N. Gaidovsky's "Cardboard Emperor" reveals to the disingenuous hero the truth about the world system – it seems to him a global spectacle in which there is a conflict between puppet master and puppets. E.I. Zamyatin in the novel "We" refers to the semantic opposition "mind / madness," in which he opposes the system of the United State – insanity as a way of escaping the pressure of the totalitarian system.

Key words: the phenomenon of madness, the image of a madman, motive of breakage of the mechanism, motive of insight in madness

Психическое заболевание, его физический и философский аспекты достаточно широко представлены в произведениях мировой литературы различных эпох. Художников в разное время интересовали как патогرافическая сторона темы (подробные описания деталей душевной болезни, ее физиологический аспект), так и попытка социально-философского рассмотрения целого ряда проблем: подвижность границ между нормой и безумием, формирование критериев инаковости, проблемы симуляции, аттестации и самоаттестации безумия, лечения психической болезни и многие другие. Особенность явления безумия, как отмечает М. Фуко, заключается в том, что, будучи сферой человеческого опыта, оно «никогда не исчерпывалось его возможным медицинским или парамедицинским познанием» [Фуко 144]. Психическая болезнь представляет собой многоаспектный феномен, привлекающий внимание целого ряда наук: литературоведения, философии, культурологии, социологии и других. В рамках междисциплинарного подхода к проблеме отметим, что в культуре различных стран и народов обнаруживаются речевые обороты, используемые для констатации психической болезни (или выхода за рамки принятой нормы, сопоставляемого с неразумным поведением); в отечественной культуре известны выражения «сойти с ума», «не все дома», «повредиться», «сойти с резьбы», «без царя в голове» и другие. Анализируя концептуализацию ментальных расстройств в русском языке, Е.П. Плива приводит несколько метафорических моделей, одна из которых: «Ум – это механизм, а нарушение ментальной деятельности – поломка механизма» [Плива 21]. В контексте исследуемой темы отметим значимость философских представлений о человеке и, в частности, его рассудке как о специфической системе (механизме, машине). Пример подобного восприятия можно увидеть в работах западноевропейских мыслителей XVII в., так или иначе обращавшихся к концепции механистического материализма (Г. Галилей, И. Ньютон, Ж.О. Ламетри, Т. Гоббс и др.). Указанная интерпретация касалась не только отдельного индивидуума, но

человечества в целом, что создавало картину «всемирного механизма», состоящего из множества деталей. Исходя из представлений о человеческом рассудке как о системе (космосе) авторы ряда литературных произведений на различных уровнях художественного выражения ситуацию психического заболевания связывали с мотивом поломки, дефекта, изъяна и т. п. Ниже мы рассмотрим указанный мотив на примере нескольких художественных произведений отечественной литературы первой трети XX в.

В 1903 г. в журнале «Русское богатство» была опубликована повесть Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме». Название повести отвечало интересам эпохи рубежа XIX–XX вв., представители которой часто обращались к теме безумия и различным ее воплощениям (И.А. Бунин, З.Н. Гиппиус, М. Горький, Ф. Сологуб и др.). В центре повести студент-медик Иванов, проходящий практику в земской больнице и в городской психиатрической лечебнице. В первой части повести представлена картина деревенского «семейного патронажа» и сопутствующие ему ужасы содержания больных, что соотносится с традиционным фольклорным восприятием психической болезни как одержимости бесами. Вторая часть повести посвящена положению безумцев, находящихся на лечении в специализированной клинике. Из-за переполненности пациентами и недостатка персонала лечебница превращается в тюрьму, где невозможно вылечить душевнобольных.

Дважды в повести предпринимается попытка философски осмыслить безумие личности и «безумие мира» (комплекс проблем онтологического и философского характера) как взаимосвязанных категорий. В первом случае земский доктор, осматривая помешавшегося крестьянина, говорит о сумасшествии отдельного человека как о поломке внутри него «драгоценной и сложной машины», о выведенной из строя детали: «...в глубине механизма выпал винтик или покривилось колесо, а движущая сила все еще работает... И колеса вертятся, машина работает, но бестолково, нескладно, нелепо... А поврежденное колесо все более и более выходит из нормального положения, тянет за собой другие части механизма – и машина работает все бестолковее, пока, наконец, не встанет» [Белорецкий 121]. В повести двойственно представлен мотив смерти: смерть физического тела и смерть психического здоровья (т. е. безумие). Трагедия героя-безумца, по Г.П. Белорецкому, заключается в том, что смерть разума наступает раньше смерти тела: персонаж почти полностью утрачивает человеческие черты и оказывается подобен животному.

Второе упоминание в повести о безумии как о поломке механизма принадлежит Загорскому, одному из пациентов клиники. Помешавшийся философ, последователь А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, убежден в том, что человечество погружено в естественно-историческое несчастье, при этом интересным образом изображен конфликт человека и мира, «машины» и «винтика»: «Мир представлялся мне сложной, раз навсегда заведенной машиной, которую приводят в действие неизвестные мне силы с неизвестными целями и по неизвестным законам. И каждый из нас играет роль неизмеримо маленького и ничтожного винтика в этой машине. Этот винтик скромно исполняет свою маленькую роль – и почему-то уверен, что он “одухотворен” и господин машины...» [Белорецкий 157]. Примечательно, что свою жизнь до обнаружения психического заболевания герой сравнивает со слепотой – с наступлением безумия он обретает характерный (для персонажа-безумца в искусстве) статус прозревшего и обличителя-маркера. Помешательство наделяет Загорского не только статусом пациента, но и врача, способного поставить диагноз обществу и определить причины поломки «мирового механизма».

Среди упомянутых ранее произведений рубежа XIX–XX вв. исследуемая тема представлена и в очерке И.К. Быковского «Сто дней в сумасшедшем доме» (1903), где об одном из обитателей «Канатчиковой дачи» рассказывается следующее: «Отсидел он за решеткой свой срок, и так на него это подействовало, что когда он вышел оттуда, то уже одного винта у него в голове не было. А как на свободу выкатился, опять напасть <...>. Он и съехал с рельсов» [Быковский 111]. В данном контексте значимость приобретает мотив сопоставления разума / безумия с механическим средством передвижения и его поломкой. Психическая болезнь представлена в очерке и как процесс (утрата механизмом детали – винта), и как результат – допустимо соотношение рельс с жизненным путем, а железнодорожного состава с ментальным здоровьем. Добавим, что в различных произведениях искусства подобная интерпретация темы отличается вариативностью: герой безумец может быть соотнесен с неуправляемым и/или попавшим в катастрофу поездом, с другой стороны, автор может сравнивать героя и саму психическую болезнь с обезумевшим машинистом – оператором, утратившим контроль над машиной.

В одном из интервью Л.Н. Андреев, размышляя о хрупкости человеческого разума, сравнил его с паровозом: «Безгранично сильный, как паровоз, когда по рельсам он мчит вагоны, отчаянно хрупкий, как тот же паровоз, когда на рельсы бросят только камень... разум требует, чтобы с ним обращались с осторожностью»¹. Данный мотив получил развитие в романе Л.Н. Андреева «Дневник сатаны» (1919), где вочеловечившийся сатана воспринимал обитателей психиатрических лечебниц как людей, обретших тайное знание и не способных выразить его человеческим языком. Трагическое положение пациентов клиники он сопоставляет с железнодорожной катастрофой: «Ты слышишь, как шипят и вертят в воздухе колесами эти свалившиеся паровозы, ты замечаешь, с каким трудом они удерживают на месте разбегающиеся черты своих изумленных и пораженных лиц?» [Андреев 118]. В данном контексте перевернувшийся поезд подразумевает внутренний надлом, определяющий дальнейшую жизнь как иллюзию движения, пребывание за границами сознания (вне проложенного пути). Символично, что впоследствии герои попадают в железнодорожную катастрофу («...поезд сошел с ума и сковырнулся» [Андреев 123]), после чего происходит роковая встреча сатаны с Магнусом.

В контексте исследования также допустимо рассмотрение одного из ранних произведений Л.Н. Андреева – рассказа «Исповедь умирающего» (1898), где тема сумасшествия интерпретировалась автором в философском аспекте. По сюжету рассказа утрачивающий рассудок старик пытается переосмыслить свой жизненный путь, который приобретает в его сознании образ конки. Чрезвычайная медлительность транспортного средства, с одной стороны, обнаруживает сатирический подтекст (время в пути может составить целую жизнь), с другой – может быть интерпретирована как угасающее сознание безумного старика. Исповедь героя-безумца оказывается частью потока сознания, что Андреев подчеркивает как на уровне элементов искаженной исторической действительности (первые конки появляются в Москве в начале 1870-х гг., а герой начинает свой путь в 1861 г.), так и в самой речи старика, которая носит фрагментарный характер: лишена логической последовательности, прерывается припадками болезни.

В советской литературе сопоставление нарастающей душевной болезни с вышедшим из строя механизмом есть в повести Ф.В. Гладкова «Пьяное солнце» (1927), в центре которой жизнь обитателей санатория для нервных больных. Пере-

¹ См.: Эпоха. 1908. № 1. (28 авг.).

полненность учреждения пациентами, по мнению автора, – результат трагического несоответствия обещанных во время Октябрьской революции преобразований и угнетающей действительности, то привело к массовой переутомленности молодых комсомольцев. Образы пациентов, близких к психической болезни, соотносятся в повести с требующими починки предметами – в данном контексте примечательна используемая автором заводская лексика: «ты меня вывела из строя», «производили большой душевный переворот», «многие требуют серьезного ремонта» и др. [Гладков 186].

Проблема массового появления «кандидатов на душевное расстройство» раскрывается в повести через смысловую оппозицию «природа / механизм». Указанный аспект отражается на различных уровнях: природным образам птицы и солнца противопоставлены образы корабля и порта как символы достижений новой эпохи. Другим воплощением обозначенной оппозиции оказывается столкновение между внешними формами приличия, которые соблюдают комсомольцы (партийность как новая социальная норма) и внутренним бунтом: сосуществование разума и инстинкта, интеллектуальной сущности и животной стихии, – и в результате герои переживают острый внутренний конфликт. Обозначенная смысловая оппозиция распространяется в повести и на мотив лечения душевной болезни: воздействие направлено и на души героев (в беседах и в созерцании природы), и на тело (механические процедуры – электричество, вода).

Отчасти схожее развитие исследуемой темы находим в романе В.Я. Шишкова «Угрюм-река» (1932). С одной стороны, социализм здесь представлен как колоссальный механизм, как великий коллектив – данная идея получает воплощение в образе завода, где каждый работник – «колесо в механизме». С другой стороны, колоссальный механизм соотносится в романе с психической системой «меньших механизмов», чему уделяется значительное внимание в диалоге психиатра Апперцепциуса со священником. Каждый человек, по заключению врача, обладает нервной системой и психической организацией, зависящей как от изученных факторов, так и от других, все еще не исследованных: «Во-первых, представление о свободе воли ограничивается самой физиологией головного мозга, как субстрата душевной деятельности! Во-вторых, от нашего сознания скрыты все истинные мотивы и весь механизм процесса...» [Шишков 790]. Отметим, что актуальность феномена безумия в искусстве исследуемого периода обусловлена историческими предпосылками, открытиями в области медицины, психологии, социальной психологии, психиатрии (переосмысление опыта Ч. Ломброзо, развитие учений В.М. Бехтерева, И.П. Павлова, З. Фрейда и других). В данном контексте изучение человеческой психики представлено двойственно: с одной стороны, новая эпоха отмечена попытками досконально изучить человеческое тело и сознание, а с другой – несмотря на развитие науки и обилие исследований, человеческая психика (и природа психического заболевания) оказывается недоступна для абсолютного понимания.

Исследуемая тема оригинально представлена в романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» (1924). По сюжету произведения «поэт в отставке» Трибогов оказывается в 1920-х гг. на службе у оставшегося в живых императора Николая II. Происходящие события оказываются плодом большой фантазии героя, а кульминация – сон, в котором Николай II свергает власть в СССР и устанавливает свой собственный еще более жестокий режим. В данном контексте безумие Трибогова оказывается реакцией на дисгармонию окружающей действительности и следствием внутреннего конфликта: герой становится не только жертвой, но ре-

цептором «безумия мира» и человеком, способным поставить диагноз мировому Разуму. Прозрение в душевной болезни позволяет Трибогову осознать глубину историко-социальной катастрофы: смена государственного строя не делает лучше жизнь человечества. Герой осознает, что людьми управляет всемогущий кукловод, приводящий в действие особый «механизм» – сцену с марионетками. Впрочем, механизм оказывается несовершенным, и значимую роль в «спектакле» могут сыграть и сами куклы, часть которых «начинает делать не то, что хочет мастер, – то ли механизм испортился, то ли мастер пьяным берет ниточки в свои руки, только марионетки делают то, что никак не может попасть в предназначенное им высшим сценарием русло» [Гайдовский 160]. В финале романа Трибогов избирает для себя иной путь – побег от «безумия мира» с помощью самоубийства.

Интерес представляет не только сопоставление ментального здоровья с механизмом, но и мотив сознательного деструктивного воздействия на него, иными словами – связь исследуемой темы с мотивом доведения до сумасшествия. Указанный аспект темы представлен в романе А.Р. Беляева «Голова профессора Доуэля» (1925), где психиатрическая лечебница доктора Равино специализируется на целенаправленном доведении здоровых людей до сумасшествия и/или суицида. Главврач соотносит ментальное здоровье с механизмом, для повреждения которого необходимо использование комплекса определенных действий. В данном контексте образ больницы получает «изнаночную» интерпретацию: процедуры, применяемые для достижения обозначенных целей, названы в романе сложной системой «психического отравления» [Беляев 285]. Специфика системы представлена в романе на примере героини Мари Лоран. Помимо личных бесед с Равино (во время которых психиатр цинично признается в своих планах), героиня ощущает разностороннее воздействие: в палате Лоран постоянно горит яркий свет (так «лежат» от бессонницы), по ночам героиня слышит минорную музыку, исполняемую на виолончели и скрипке («эффект» достигается особым настроением мелодии и ее постоянным механическим повторением). Главная задача в доведении человека до безумия, по Равино, заключается в постоянном внушении пациентам двух типов мысли: о смерти (это достигается за счет особенностей местоположения лечебницы) и сомнений в своем здоровье и адекватности (окружающая действительность должна казаться им проекцией собственного больного воображения).

В романе Е.И. Замятина «Мы» (1920), наряду с целым рядом смысловых оппозиций, одной из центральных оказывается противостояние Разума (как идеологической и нравственной основы Единого Государства) и безумия (как способа противостояния тоталитарной системе). Мир Единого Государства представляет собой механизм, состоящий из значимых частей: в романе представлены образы Интеграла, Музыкального Завода, Машины Благодетеля. Сам человек оказывается «тончайшим из механизмов»: образ совершенного человека – это номер, отказавшийся от фантазии в пользу «однообразного ритма маятника». «Разумная механичность» героя Д-503 меняется (повреждается) под впечатлением от общения с I-330: сначала он начинает видеть сны («сны – это серьезная психическая болезнь <...>, мой мозг был хронометрически выверенным, сверкающим, без единой соринки механизмом, а теперь <...> в мозгу, какое-то инородное тело» [Замятин 232]), а впоследствии Медицинское Бюро обнаруживает у героя «образование души». В данном контексте душа оказывается своеобразным антиподом Разума, демонстрируя способность воспринимать действительность и игнорируя доведенную до абсурда разумность и математический расчет. Примечательно,

что в одном из эпизодов состояние героя характеризуется так: «в голове – сумасшедшая кузница», – и противопоставление окружающей действительности представлено на нескольких уровнях: помимо нехарактерного заведения для «идеального мира» Единого Государства, акцентируется и уход героя от государственного контроля над своим сознанием (Хаос вместо Порядка). Сумасшедшая кузница «внутри» головы Д-503 противопоставлена Единому государству, которое пронизан организованной тишиной – исключение составляют механический гимн, исполняемый Музыкальным Заводом, и строевые песни марширующих номеров. Характерно, что «обнаруженная душа» позволяет Д-503 внезапно услышать шум капающей из крана воды, т. е. ощутить изъян в математически выверенном мире. Отметим, что развитие «болезни» герой сопоставляет с нарастанием окружающего и внутреннего шума: «Я еще весь дрожу от пережитых волнений, как мост, по которому только что прогрохотал древний железный поезд. Я чувствую себя» [Замятин 297]; «Я – как машина, пущенная на слишком большое число оборотов; подшипники накалились, еще минута – закапает расплавленный металл, и все – в ничто. Скорее – холодной воды, логики» [Замятин 301]. Подчеркнем, что помешательство героя имеет в романе не медицинское, а нравственное содержание: бунт в условиях тоталитарной системы оказывается символом инаковости, ухода от нормы Единого Государства. В данном контексте характерно то, что для борьбы с системой Д-503 призывает окружающих двигаться от механизма в сторону безумия: «Надо всем сойти с ума, необходимо всем сойти с ума – как можно скорее!» [Замятин 320], – вступая в полемику с идеей Единого Государства с его идеальными номерами, лишенными фантазии.

Таким образом, в литературных произведениях первой трети XX в. обнаруживаются различные вариации воплощения мотива поломки механизма в контексте темы безумия. В повести Г.П. Белорецкого «В сумасшедшем доме» автор акцентирует внимание как на поломке механизма отдельного человека (ситуации, когда жизнь тела продолжается после смерти разума – безумия), так и на конфликте между «мировой машиной» и «винтиком». В произведениях Л.Н. Андреева и И.К. Быковского ментальное здоровье героев сопоставлено с паровозом, а ситуация сумасшествия – с картиной железнодорожной катастрофы, когда поезд сходит с рельсов и продолжает движение вне пути. Ф.В. Гладков в повести «Пьяное солнце» сравнивал человека с механизмом, а душевную болезнь – с механизмом, требующим починки. В романе Г.Н. Гайдовского «Картонный император» безумевшему герою открывается истина о мировой системе-спектакле, в котором происходит конфликт между кукловодом и марионетками. Е.И. Замятин в романе «Мы» обращается к смысловой оппозиции «разум / безумие», в рамках которой противопоставляет системе Единого Государства и системе «идеальных номеров» безумие как способ ухода от давления тоталитарной системы.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев Л.Н.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1996. 720 с.
- Белорецкий Г.П.* В сумасшедшем доме // Русское богатство. 1903. № 3. С. 109–162.
- Беляев А.Р.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1: Остров погибших кораблей; Голова профессора Доуэля. М.: Молодая гвардия, 1963. 336 с.
- Быковский И.К.* Сто дней в сумасшедшем доме: впечатления автора. М.: Тип. Добрышева, 1903. 223 с.

Гайдовский Г.Н. Картонный император: [необыкновенная история]. М.: Новые вехи, 1924. 173 с.

Гладков Ф.В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.; Л.: ЗИФ, 1928. 364 с.

Замятин Е.И. Собр. соч.: В 5 т. Т. 2: Русь / Сост., подгот. текста и коммент. Ст.С. Никоненко и А.Н. Тюрина. М.: Русская книга, 2003. 592 с.

Плива Е.П. Концептуализация ментальных актов и состояний в русском языке: Автореферат дис. ... канд. филол. наук / Рос. гос. ун-т им. Иммануила Канта. Калининград, 2005. 24 с.

Эпоха. 1908. № 1. (28 авг.).

Фуко М. История безумия в классическую эпоху / [Пер. с фр. И.К. Стаф]. М.: АСТ, 2010. 698 с.

Шишков В.Я. Угрюм-река. М.: РИПОЛ; Современник, 1993. 893 с.

REFERENCES

Andreyev L.N. Collected Works: In 6 vols. Vol. 6. Moscow. Khudozhestvennaya Literatura Publ. 1996. 720 p.

Belorecky G.P. In a Madhouse. Russkoe Bogatstvo. 1903. No 3, pp. 109–162.

Belyaev A.R. Collected Works: In 8 vols. Vol. 1. Moscow. Molodaya Gvardiya Publ. 1963. 336 p.

Bykovsky I.K. A Hundred Days in a Madhouse: The Author's Impressions. Moscow. 1903. 223 p.

Gajdovsky G.N. The Cardboard Emperor: [An Extraordinary Story]. Moscow. Novye Vekhi Publ. 1924. 173 p.

Gladkov F.V. Collected Works: In 4 vols. Vol. 3. Moscow: Leningrad. ZIF Publ. 1928. 364 p.

Zamyatin E.I. Collected Works: In 5 vols. Vol. 2. Moscow. Russkaya Kniga Publ. 2003. 592 p.

Pliva E.P. (2005) Conceptualization of Mental Acts and States in Russian: synopsis / Immanuel Kant Baltic Federal University. Kaliningrad. 24 p.

Epokha. 1908. No 1. August 28.

Foucault M. (1988) Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason. N.Y. 300 p.

Shishkov V.Ya. (1993) Ugryum-Reka. Moscow. RIPOL; Sovremennik Publ. 893 p.

Сведения об авторе:

Иван Александрович Назаров,
канд. филол. наук
ст. научный сотрудник
ГБУК г. Москвы «Музей М.А. Булгакова».

Ivan Aleksandrovich Nazarov,
PhD
Senior Researcher
M.A. Bulgakov Museum. Russia, Moscow.
Nazarov.postbox@gmail.com

О.Б. Боброва (Москва, Россия)

К вопросу о роли метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» Н. Казандзакиса

Аннотация: В статье анализируются полученные методом сплошной выборки языковые метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ, употребляемые греческим писателем и журналистом XX в. Никосом Казандзакисом в тексте сборника путевых заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία». Теоретическую основу исследования составляет когнитивная теория метафоры. Анализ построен на рассмотрении семантики лексики, представляющей сферу-источник метафор в тексте. Такой подход позволяет выявить виды метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в тексте, а также их роль в изображении автором картины мира и в выявлении его отношения к описываемой им русской действительности. Как показывают результаты исследования, метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ в рамках текста делятся на следующие категории: 1) собственно «мортальные», т. е. описывающие человека как неодушевленный предмет и употребляемые для его отрицательной характеристики; 2) метафоры «вместилища», описывающие человека через наполненность его внутреннего мира; 3) метафоры, описывающие человека как предмет, но при этом употребляемые для его положительной характеристики.

Ключевые слова: Никос Казандзакис, «Ταξιδεύοντας. Ρουσία», лексическая семантика, когнитивная метафора, языковая метафора, языковая картина мира

O.V. Bobrova (Moscow, Russia)

The MAN-OBJECT metaphor in “Ταξιδεύοντας. Ρουσία” by Nikos Kazantzakis

Abstract: This article analyses the specifics of the MAN-OBJECT metaphor in “Ταξιδεύοντας. Ρουσία» written by the 20th-century Greek writer and journalist Nikos Kazantzakis. The analysis is based on cognitive metaphor theory, with a focus on the semantics of the source domain lexeme used in the metaphor. The MAN-OBJECT metaphorical shifts reveal the categories: 1) ‘mortal’ metaphors used for a negative characterization of the man describing him as an object: 2) container metaphors which are used to characterize the man for the fullness of his inner world; 3) metaphors used for a positive characterization of the man though the object meaning he possesses.

Key words: “Ταξιδεύοντας. Ρουσία”, Nikos Kazantzakis, conceptual metaphor, lexical semantics, linguistic world image

Определяя метафору как «необходимое орудие мышления, форму научной мысли» [Ortega-i-Gasset 1990: 68], современная наука признает ее универсальным и вездесущим инструментом познания мышления через язык [Lakoff, Johnson 2004: 25].

В трактатах Аристотеля «Поэтика» и «Риторика» метафора определяется как «перенесение необычного имени или с рода на вид, или с вида на вид, или по аналогии» [Aristotel 2007: 191] и представляется обязательным атрибутом поэтического слова, происходит «от слов прекрасных по звуку, или по значению, или для зрительного или для другого восприятия», а потому является показателем эстетической ценности речевого произведения [Aristotel, 2005: 130]¹.

Вехой в исследовании метафоры становится труд швейцарского лингвиста Шарля Балли «Французская стилистика». Опираясь на сосюрговскую диалектику, Балли разделяет стиль речи индивида и литературный стиль того или иного автора. Метафора при этом мыслится как органическое свойство мышления, обусловленное неспособностью человеческого ума к абсолютной абстракции².

Окончательно завершился перенос метафоры из сферы языковой в сферу когнитивную публикацией книги «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где указывается, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Lakoff, Johnson 2004: 25].

Так метафора с течением времени получила статус универсального способа исследования действительности [Richards 1990: 46]. В то же время метафорический процесс всегда субъективен [Teliya 1988: 42], что дает основания утверждать, что употребленные в каком-либо тексте метафоры являются отражением сугубо авторской картины мира [Arutyunova 1990: 16], поскольку «картина мира по сути есть отражение окружающего мира в голове человека» [Krasnykh 2003: 17] и в силу этого непосредственно связана с его мышлением.

Предполагается, что семантический анализ лексем того или иного текста, употребленных метафорически, позволит выделить основные типы метафор, которые, в свою очередь, напрямую отражают стиль мышления автора, поскольку словоупотребление и выбор лексического материала «идет через сферу мыслительной деятельности человека (или, иначе, через концепт)» [Koshevaya 2015: 6].

Предметом анализа в настоящей статье являются метафоры в тексте сборника путевых заметок «Ταξιδεύοντας. Ρουσία» греческого писателя XX в Никоса Казандзакиса. Метафора при этом рассматривается как построенное на сопоставлении двукомпонентное семантическое образование, один из компонентов которого обозначает сферу-источник, а второй – сферу-цель [Brown, Miller 2013: 284].

Список анализируемого материала ограничен метафорами, семантические элементы которых образуют схему А-В, где А и В – лексемы, способные обозначать и субъекты сравнения, и результаты компаративного анализа [Moskvin 2012: 86], т. е.

¹ Таким образом, как отмечает А.Ф. Лосев, несмотря на свою антропоцентричность, античное сознание не характеризуется персонификацией и метафоризацией природы, поскольку она «объективно мифична»: «Метафора всегда есть продукт личного произвольного фантазирования поэта. Употребляющий метафору поэт *не верит* в объективность своей метафоры, она имеет лишь субъективно-эстетический смысл» (курсив наш. – О.Б.) [Losev 2000 : 91].

² «Мы уподобляем абстрактные понятия предметам чувственного мира, ибо для нас это единственный способ познать их и ознакомить с ними других. Таково происхождение метафоры; метафора – это не что иное, как сравнение, в котором разум под влиянием тенденции сближать абстрактное понятие и конкретный предмет сочетает их в одном слове» [Balli 2001: 214].

имена существительные. Предполагается, что именно такого типа метафоры, а конкретнее – выбор поля-источника для них, лучше всего описывают внутренний мир автора, его убеждения и идеологические установки, поскольку отражают способы концептуализации автором собственного опыта [Lakoff, Johnson 2004: 49].

Рассмотреть все примеры метафор такого типа в рамках данной статьи не представляется возможным, поэтому ограничимся лишь теми, сфера-источник и сфера-цель которых представлены лексемами с семантикой предмета и человека соответственно. Такие метафоры обозначаются как относящиеся к семантической группе ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ.

Перенос ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ является одним из самых распространенных типов метафоры в языке. Именно в метафорических переносах такого типа ярче всего проявляется такое свойство метафоры, как антропометричность, т. е. «соизмеримость сопоставляемых в метафоризации объектов именно в человеческом сознании» [Телия 1988: 7], которая объясняется в первую очередь тем, что «человек познает мир через осознание своей предметной и теоретической деятельности в нем» [там же].

Определяя такие метафоры как «антропоцентрические», Г.Н. Скляревская отмечает: «Едва ли не любое свойство любого предмета... может быть употреблено для характеристики тех или иных человеческих качеств в самом широком диапазоне» [Скляревская 1993: 82]. При этом, по ее мнению, «функция характеристики является для ЯМ (языковой метафоры) первичной: метафора не столько указывает на предмет речи, сколько характеризует его» [Скляревская 1993: 19], в силу чего слово, употребляемое в тексте метафорически, «генерирует в сознании читателя соответствующие смыслы, апеллирует к его чувственному и эмоциональному опыту» [Коньков, Митрофанова 2016: 55].

В рамках настоящего исследования выделенные путем сплошной выборки метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ распределены по группам на основании семантики сферы-источника (ПРЕДМЕТ), поскольку представляется, что «частичное воспроизведение структуры источника в структуре цели» указывает на вторичность последней [Lakoff, Johnson 2004: 28]. Понятие «предмет» при этом рассматривается широко и включает «всё бесконечное многообразие материальных объектов, доступных чувственному восприятию, имеющих пространственную локализацию, форму, способность двигаться, а также объекты невидимого мира (*атом, вакуум*) (курсив наш. – О.Б.) и объекты, логически вычлняемые человеком» [Скляревская 1993: 67–68].

Сфера-цель, в свою очередь, представлена не только лексемой, включающей сему 'человек', но и лексемами с семантикой частей тела или состояния человека, поскольку представляется логичным и те, и другие отнести к семантической сфере ЧЕЛОВЕК.

В тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» нами было обнаружено 9 метафор типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ. Лексемы сферы-источника формируют следующие семантические группы: 1) «метафоры вместилища» (*ράφι* 'полка', *κορνίζα* 'рамка', *αργαστήριο* 'лаборатория', *κουβάρι* 'клубок'); 2) предметы, связанные с повседневной хозяйственной деятельностью (*όργανο* 'инструмент', *ζύμη* 'тесто'); 3) предметы, выделяемые в силу их особой ценности для человека (*άρτος* 'хлеб', *άνθος* 'цветок'); 4) акустическое явление (*σύνθημα* 'лозунг').

К первой группе метафор наиболее удачно применимо определение «метафоры вместилища», употребляемое Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson

2004: 55], поскольку все они обозначают некоторое пространство, предназначенное для размещения чего-либо.

Например, в метафоре «*αραχνιασμένο ράφι του κεφαλιού σου*»¹ голова человека сопоставляется с устаревшими, отжившими свое буржуазными идеями и описывается как пространство (полка), забитое ненужным хламом и потому покрывшееся паутиной. Еще один пример такого рода представлен в метафоре «*η κορνίζα μένει – η καρδιά του ανθρώπου – το κόνησμα μονάχα αλλάζει*»², где сердце человека представляется как рамка для иконы. Обе лексемы, употребляющиеся в тексте метафорически, *ράφι* ‘полка’ и *κορνίζα* ‘рамка’, ‘карниз’, объединены общей семей ‘быть предназначенным для размещения чего-либо’.

Тематически близка к упомянутой и метафора «*αργαστήρια της σάρκας*» («лаборатории плоти»), употребляющаяся для описания советских людей. Лексема *εργαστήριο* ‘лаборатория, лабораторная работа’ обозначает в новогреческом языке в широком смысле любое помещение, предназначенное для правильной подготовки и тренировки в какой-либо области знаний [МП: 668]. Таким образом, при всей кажущейся механистичности этой метафоры (сопоставление человека с лабораторией) смысл ее таков: в душе людей идет напряженная работа. Приняв во внимание контекст, мы обнаружим, что эта работа состоит в выработке «новых мечтаний» («*νέα οράματα*»), что сводит на нет всякое подозрение об овеществлении описываемых с помощью подобной метафоры людей.

К этой же группе, по нашему мнению, можно отнести и метафору «клубок надежд и разочарований» («*ένα κουβάρι ελπίδες και απογοητεύες*»), описывающую человека. Лексема *κουβάρι* ‘клубок’, помимо обозначения шарообразного мотка ниток, употребляется и в наречном значении: расположение разнородных вещей кучей, грудой. Как видим, сема размещения чего-либо где-либо актуальна и здесь, что дает нам основание отнести данную метафору к группе «метафор вместилища». Обратим, однако, внимание на то, что в мире Н. Казандзакиса настоящий человек всегда ищет и сомневается, в силу чего такое хитросплетение чувств и переживаний («клубок») становится его постоянным спутником («*τώρα είσαι αληθινός άνθρωπος – ζεστός, γιομάτος αντιφάσεις, ένα κουβάρι ελπίδες κι απογοητεύες*»³).

Как следует из анализа, перечисленные выше «метафоры вместилища» не имеют целью «овеществление» человека, а употребляются автором скорее для того, чтобы подчеркнуть приоритет внутреннего мира человека над внешним: в одних случаях – подчеркнуть напряженность его внутренней жизни, в других – показать, что отсутствие такой жизни ведет к плачевным последствиям.

Метафоры, построенные на переносе свойств с неодушевленного предмета или объекта, осознаваемого как предмет, на человека, обычно имеют целью дать отрицательную характеристику того или иного героя, подчеркивая в нем неживые качества, свойственные предмету. В силу этого обстоятельства в некоторых исследованиях метафоры такого типа обозначаются как «мортальные» [Tsinkovskaya 2010: 154], поскольку сопоставление человека с предметом указывает на некоторую «неодушевленность», «безжизненность» первого.

Примерами такой «овеществляющей» метафоры в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» являются следующие переносы: ЧЕЛОВЕК-ИНСТРУМЕНТ («*ο πολυσεβικισμός δεν*

¹ «Покрытая паутиной полка твоей головы».

² «Рамка – сердце человека – остается, только изображение меняется».

³ «Ты сейчас настоящий человек – горячий, полный противоречий, клубок надежд и разочарований».

αναγνωρίσει το άτομο ως σκοπό, παρά μονάχα ως όργανο και μέσο»¹) и МУЖИК-ТЕСТО («τη σκοτεινή ζύμη που ζύμωσε – το μουζίκο»²).

Лексема *όργανο* ‘орган’, ‘инструмент’, обозначая метафорически любой предмет или лицо, используемое для достижения какой-либо цели [МП: 1268], показывает, что человеку в большевистском мире отведена роль орудия, слепо повинующегося чужой воле. Личность, таким образом, лишается всего дифференцирующего и персонального и становится лишь средством в достижении общей цели.

Лексема *ζύμη* ‘тесто’, ‘закваска’ определяется в словаре как ‘смесь муки и воды’ или ‘вещество, вызывающее заквашивание и увеличение теста в объеме’ [МП: 714] и употребляется Н. Казандзакисом метафорически для описания крестьянства как слепой (*σκοτεινή* ‘темная’) и пассивной массы. В то же время у лексемы *ζύμη* ‘тесто’ присутствует семантический компонент ‘брожение’, ‘увеличение в объеме’, что показывает, что в данном случае автор имеет целью не «умертвить» крестьянство, изобразив его как предмет, а, напротив, подчеркнуть изменения, происходящие в среде крестьянства и его медленное преображение под влиянием новой советской идеологии.

Относясь, на первый взгляд, к категории «мортальных» в тексте «Ταξιδεύοντας. Ρουσία», обе указанные метафоры тем не менее имеют одну важную общую особенность: описывая человека как предмет, они в то же время помещают его в более широкий контекст. Как закваска, так и любой инструмент не представляют собой «вещи в себе», а ценны с точки зрения результата их применения. Так и личность в эпоху победившего социализма подчиняется обществу во имя его блага и целостности («κάθε ατομικό δικαίωμα υποτάσσεται στο συμφέρο της ολότητας»³), а брожение в крестьянской среде необходимо, чтобы коренным образом изменить социально-политическое устройство государства и привычный способ мышления народных масс.

Метафоры типа ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ, вопреки приписываемой им функции «овеществления» человека, могут играть в тексте прямо противоположную роль, о чем свидетельствуют переносы, относящиеся к 3-й и 4-й группам. Так, А.С. Пушкин, Н.В. Гоголь, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский сопоставляются автором с хлебом («ο Πούσκιν, ο Γκόγκολ, ο Τολστόι, ο Δοστογιέφски, οι μεγάλοι άρτοι»⁴). Отметим, что автор использует здесь не стилистически нейтральное и разговорное слово *ψωμί* ‘хлеб’, а библейское *άρτος* ‘хлеб’, таким образом оставляя в тексте своеобразную гиперссылку именно на цитату из Второзакония: «...не одним хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек [Втор., 8:3]. Перенос является двойным по своей сути: имена авторов в результате метонимического переноса употребляются для обозначения их произведений, которые, в свою очередь, описываются как духовная пища для человека.

Если хлеб ценен благодаря его способности поддерживать жизнь (в данном случае духовную), то цветок, с которым сопоставляется маленькая девочка-танцовщица, увиденная автором в Баку («το φλεγόμενο άνθος του πετρελαίου»⁵), имеет для человека эстетическую ценность. Танцующая девочка воплощает, с одной стороны, красоту молодости, так как слово *άνθος* ‘цветок, цвет’ по-гречески обозначает собственно цветок, а потому в сознании среднего носителя языка имеет коннотации

¹ «Большевизм рассматривает человека не как цель, а как инструмент и средство».

² «Темное тесто, которое он замесил, – мужика».

³ «Любой личный интерес подчиняется интересу целого».

⁴ «Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, огромные караваи хлеба».

⁵ «Пылающий цветок нефти».

‘прекрасное’, ‘нежное’, ‘благоухающее’, ‘свежее’. С другой стороны, та же лексема в греческом языке обозначает момент наивысшего развития или лучшую часть чего-либо (ср. *цвет нации* в русском языке). Возможно, в метафоре реализуется именно это значение лексемы, так как контекст ее употребления показывает, что для автора танец является наилучшим способом преодоления мелкого и единичного в человеке и моментом его наивысшего духовного подъема: «*Ο χορός κι ο έναστρος ουρανός είναι, θαρρώ, τα δύο ανώτατα θεάματα που μπορούν να χαρούν τα μάτια του ανθρώπου. Όταν, πριν από κάμποσα χρόνια, είδα τις δύο μεγάλες χορεύτρες... ένιωσα... πώς μπορεί ο χωματένιος άνθρωπος να ξεπεράσει τα σύνορα της ζωής και του Θανάτου*»¹.

Сфера-цель в метафорах ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ текста «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» может быть представлена и лексемой, обозначающей не пространственное, а звуковое явление: «*ο Λένιν έγινε σύνθημα*»². В новогреческом языке лексема *σύνθημα* ‘лозунг’ определяется как краткая, часто рифмованная фраза, с помощью которой группа людей выражает свои стремления, желания, поддержку или разочарование в ком-либо или чем-либо [МП: 1707]. Таким образом, эта метафора показывает, что персоналия вождя советского государства перестает ассоциироваться с конкретным человеком, а приобретает всеобщие и универсальные черты, становится символом и полюсом притяжения для его сторонников, поскольку в идеологии марксизма великий человек не является просто отдельной личностью, а, подобно лозунгу, «формулирует... сознательно силы и желания народа и своей эпохи» («*διατυλώνει... συνειδητά τις δυνάμεις και τις πεθυμίες του λαού και της εποχής του*»).

Как видим, метафора семантической группы ЧЕЛОВЕК-ПРЕДМЕТ не только выполняет в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» функцию отрицательной характеристики описываемого персонажа, сопоставляя его с тестом (*ζύμη*) или инструментом (*όργανο*), но и, напротив, используется автором с прямо противоположной целью, например, при сравнении русских писателей с караваем хлеба (*άρτοι*), питающими человека.

Даже в случаях, когда для описания человека используются наименования орудий и других предметов (напр., *ράφι* ‘полка’), семантический анализ лексемы сферы-источника показывает, что авторский замысел идет гораздо дальше, чем просто обезличивание описываемых героев, наделяя их, как следствие, отрицательной характеристикой. Как следует из приведенных примеров, такая метафора не имеет целью лишить описываемого человека его «человечности». Напротив, ее функция – обозначить в нем самое главное, выделяющее его среди остальных, одну черту, воплощающую его целиком, показать, «вместилищем» чего именно является человек вообще и советский человек в частности в картине мира автора. Таким образом, человек вообще для Казандзакиса определяется через наполненность его внутреннего мира (*laboratorio мечтаний, клубок надежд и разочарований, голова-полка, сердце-рама*), Ленин – через его «сверхчеловечность» и объединяющую силу его имени (лозунг), а великие русские писатели – через способность давать пищу для души и ума.

В то же время сопоставление человека с неодушевленным предметом в тексте «*Ταξιδεύοντας. Ρουσία*» (в нашем случае это лексемы *ψωμί* ‘хлеб’ и *άνθος* ‘цветок’) может выполнять и функции, прямо противоположные «овеществляющим», если сфера-источник представлена лексемой, обладающей определенным набором положительных коннотаций.

¹ «Я думаю, что танец и звездное небо – два самых высоких зрелища, которыми могут насладиться глаза человека. Когда я несколько лет назад увидел двух великих танцовщиц, я почувствовал, как обычный земной человек может преодолеть границы жизни и смерти».

² «Ленин – это лозунг».

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990 – *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Професс, 1990. С. 8–32.
- Балли 2001 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 392 с.
- Кошевая 2015 – *Кошевая И.Г.* Язык как микрокосмос сознания: Уровни языкового абстрагирования. М.: ЛЕНАНД, 2015. 216 с.
- Красных 2003 – *Красных В.В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТ-ДГК «Гнозис», 2003. 375 с.
- Лакофф, Джонсон 2004 – *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004. 256 с.
- Лосев 2000 – *Лосев А.Ф.* История античной эстетики. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
- Москвин 2012 – *Москвин В.П.* Русская метафора: Очерк семиотической теории. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
- МП 2002 – *Μπαμπινιώτης Γ.* Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα: Κέντρο λεξικολογίας Ε.Π.Ε., 2002. 2033 σ.
- Ричардс 1990 – *Ричардс А.* Философия метафоры // Теория метафоры: Сборник / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153–171.
- Телия 1988 – *Телия В.Н.* Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. 176 с.
- Ортега-и-Гассет 1990 – *Ортега-и-Гассет Х.* Две великие метафоры // Теория метафоры: Сборник / Под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 68–80.
- Цинковская Ю.В.* Виды художественных метафор в современной русской прозе // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2010. № 3. С. 153–158.
- Brown, Miller 2013 – *Brown K., Miller J.* The Cambridge Dictionary of Linguistics. New York: Cambridge University Press, 2013. 481 p.

REFERENCES

- Arutyunova 1990 – Arutyunova N.D. Metaphor and Discourse. In: Metaphor Theory. Moscow. Profess Publ. 1990, pp. 8–32.
- Bally 2001 – Bally C. French Stylistics. Moscow. Editorial URSSPubl. 2001. 392 p.
- Koshevaya 2015 – Koshevaya I.G. Language as Microcosm of Conscious: Levels of Language Abstraction. Moscow. LENAND Publ. 2015. 216 p.
- Krasnykh 2016 – Krasnykh V.V. (2016) Dictionary and Grammar of Linguoculture; Bases of Psycho-linguo-culturology. Moscow. Gnozis Publ. 496 p.
- Lakoff, Johnson 2004 – Lakoff G., Johnson M. (2004) Metaphors Me Live By. Moscow. URSS Editorial Publ. 256 p.
- Losev 2000 – Losev A.F. (2000) The History of Ancient Aesthetics. Early Classic. Moscow. AST Publ. 624 p.
- Mosckvin 2012 – Mosckvin V.P. (2012) Russian Metaphor: An Essay of Semiotic Theory. Moscow. LKI Publ. 200 p.
- Richards 1990 – Richards A. The Philosophy of Metaphor. In: Metaphor Theory. Collection / Ed. by N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow. Progress Publ. 1990, pp. 153–171.
- Teliya 1988 – Teliya V.N. (1988) Metaphor in Language and Text. Moscow. Nauka Publ. 176 p.

Ortega-i-Gasset 1990 – Ortega-i-Gasset X. Two Great Metaphors. In: *Metaphor Theory. Collection* / Ed. by N.D. Arutyunova, M.A. Zhurinskaya. Moscow. Progress Publ. 1990, pp 68–80.

Tsinkovskaya 2010 –Tsinkovskaya Y.V. Types of Artistic Metaphors in Contemporary Russian Prose. *Scholarly Notes of Transbaikal State University (Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta)*. Series: *Philology, History, Oriental Studies*. 2010. No 3, pp. 153–158.

Brown, Miller 2013 – Brown K., Miller J. (2013) *The Cambridge Dictionary of Linguistics*. N.Y. Cambridge University Press. 481 p.

ΜΠ 2002 – Μπαμπινιώτης Γ. Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Αθήνα. Κέντρο λεξικολογίας Ε.Π.Ε. 2002. 2033 σ.

Сведения об авторе:

Ольга Борисовна Боброва,
аспирант
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga B. Bobrova,
Postgraduate Student
Faculty of Philology
Lomonosov Moscow State University
boberdober88@mail.ru

И.В. Клименко (Москва, Россия)

Неоромантические приемы в творчестве Дж. Лондона

Аннотация: В статье творчество Дж. Лондона рассматривается как явление неоромантизма. Автор анализирует процесс формирования индивидуального метода писателя, работу в тексте конкретных авторских приемов на примере образа пространства и характеристики героев двух рассказов: «Любовь к жизни» и «Мужество женщины».

Ключевые слова: Дж. Лондон, неоромантизм, романтизм, реализм, антитеза, пространство, образ героя

I.V. Klimenko (Moscow, Russia)

Jack London's Neo-romantic Techniques

Abstract: This article discusses the essence of neoromanticism in Jack London's stories, how the individual method of the writer is made and how the author's specific techniques work in the text. The paper seeks to analyze images of space and characters in two stories "Love of Life" and "The Courage of Woman". It is argued that antithesis is one of the most productive techniques in the texts. It is noteworthy that he author finds his own method, irrespective of the existing traditions and various literary trends.

Key words: J. London, neoromanticism, romanticism, realism, antithesis, space, character

Термин «неоромантизм» возник и вошел в употребление в конце XIX в. В разные годы исследователи трактовали его по-разному. «В общем смысле слова он может быть определен как возрождение в конце XIX и начале XX века литературных настроений первой четверти и половины XIX века в Европе»¹. В исследованиях конца XX – начала XXI в. утверждается, что это «“тень” романтизма, реакция на натурализм и крайности декадентства»². Н.Т. Пахсарьян отмечает употребление термина в трех значениях: от общекультурного до узкого, описывающего тенденции в музыке 1970–1980 гг.³ В.М. Толмачев в статье, посвященной неоромантизму, предлагает, во-первых, рассматривать его в соотношении с «другими литературными наименованиями культурологического сдвига», а во-вторых, по-

¹ Словарь литературных терминов. Неоромантизм. feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm

² Луков Вл.А. Французский неоромантизм. М., 2009. С. 6.

³ Пахсарьян Н.Т. Неоромантизм // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЕН, 2007. С. 37.

казывает, что «несмотря на распространение его в ряде стран <...> неоромантизм не стал устойчивым термином, так как обозначал не столько конкретные стилистические модификации, сколько их общее свойство <...>, в результате чего был поглощен другими <...> концептами»¹. Неоромантизм получил широкое распространение как в Европе, так и в Америке и нашел применение во всех трех родах литературы.

Одним из представителей американского неоромантизма, помимо А. Бирса, считается Джек Лондон, автор многочисленных рассказов, повестей и новелл, открывших читателю суровую красоту Юкона и новый, экзотичный мир Гавайев. Лучшими героями Лондона становятся натуры целостные, гармонирующие с окружающим миром, характеризующиеся огромной волей к жизни. М. Горький, на творчестве которого тоже лежит отпечаток неоромантизма, отмечал: «Джек Лондон – писатель, который хорошо видел, глубоко чувствовал творческую силу воли и умел изображать волевых людей»²; «Герои лучших новелл Лондона оказывались в необычных драматических жизненных ситуациях, когда отступает всё наносное и неистинное в человеке и с беспощадной четкостью выявляется его суть»³. Это наблюдение имеет огромное значение в силу своей близости к «идеологии» неоромантизма. В Америке это направление не имело ярко выраженных специфических черт, как это было в английской или немецкой литературе, и тем не менее американский исследователь В.Л. Паррингтон называл «“новый романтизм” одним из трех главных литературных направлений в американской литературе после 1919 г.»⁴. Джек Лондон, таким образом, стоит у истоков формирования неоромантизма в Соединенных Штатах, однако четко определить, какими художественными особенностями обладают его новеллы в свете неоромантического течения, не так просто (как раз в силу того, что оно еще не было достаточно сформировано в начале XX в.). Произведения Лондона не по формальным, а скорее по внутрисюжетным особенностям можно отнести к неоромантизму. Человеческая воля, «высокая романтика», переплетенная с ажиотажем золотой лихорадки, идея человеческого братства – вот те столпы, на которые опираются сюжеты Лондоновских новелл. И герои – люди обыкновенные, которых сама жизнь заставляет быть сильными, совершать поразительные поступки, ведь в условиях Севера, которому посвящены многие рассказы Дж. Лондона, закон суров: человек жив, пока борется за свою жизнь. Зависимость от обстоятельств – черта, сближающая рассказы автора и английский неоромантизм. Обстоятельства «не только не подавляют героя, но позволяют ему полнее раскрыться»⁵. Однако это одна из неоромантических особенностей произведений Лондона. Более подробно рассмотреть вопрос о неоромантизме попытаемся на материале двух известных рассказов: «Мужество женщины» и «Любовь к жизни».

Первый был опубликован в 1901 г. и вошел в сборник «Бог его отцов». Другой вышел в свет в 1907 г. Наряду с «Белым безмолвием», «Дочерью северного сияния», «Мудростью снежной тропы» они становятся ярчайшим примером не-

¹ Толмачев В.М. Неоромантизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 640.

² Горький М. О литературе (литературно-критические статьи). М.: Советский писатель, 1953. С. 358.

³ Зверев А.М. Джек Лондон: величие таланта и парадоксы судьбы // Джек Лондон. Рассказы / Под ред. Г.П. Злобина. М.: Правда, 1984. С. 6.

⁴ Луков Вл.А. Французский неоромантизм. М., 2009. С. 97.

⁵ Луков Вл.А. Французский неоромантизм. С. 96.

оромантического направления в творчестве Дж. Лондона. Образ пространства и образы героев создают единую неоромантическую картину.

Говоря о пространстве как о художественной единице, следует помнить, что многие авторы-неоромантики, такие, например, как А. Грин, избегали формирования конкретного образа. Немногочисленные детали только намечали фон происходящих событий, не акцентируя при этом внимания на самом пространстве вокруг персонажей. Создавалось «место», где герой должен был проявить себя. Если всё же необходимость была, автор намеренно подчеркивал какой-то отдельный факт: вводил конкретные даты, названия местностей, усиливал контраст между деталью и общим фоном и т. д., но акцентируя внимание читателей на окружающем героем мире, писатель не ставил перед собой цели тем самым сделать его более реалистичным, напротив, такие «выделенные» детали служили средством, с помощью которого автору удавалось увеличивать условность этого мира. (А. Грин в таких случаях, например, помещал действие в вымышленное место или смешивал временные пласты.)

С рассказами Джека Лондона дело обстоит иначе. Юкон, Гавайские острова были для большинства американцев того времени местом экзотическим и романтическим, но совершенно конкретным, отмеченным на географической карте (в отличие от вымышленных миров того же А. Грина). Чтобы читатель мог понять характеры героев, автору приходится в подробностях описывать не только быт и нравы жителей, но и с большой точностью воссоздавать пейзажи этих земель, ведь характер неоромантических Лондоновских персонажей раскрывается под влиянием определенных природных условий. Особенно отчетливо это проступает в цикле «северных» новелл.

Образ пространства в целом и пейзажные зарисовки в частности имеют первостепенное значение в рассказе «Любовь к жизни». В отличие от авторов – представителей английского неоромантизма Лондон по уже упомянутым причинам создает максимально реалистичные картины природы, а местность, по которой его безымянный герой совершает свою «северную одиссею», выписывает с топографической точностью.

«Он взглянул на юг, соображая, что где-то там, за этими мрачными холмами, лежит Большое Медвежье озеро и что в том же направлении проходит по канадской равнине страшный путь Полярного круга. Речка, посреди которой он стоял, была притоком реки Коппермайн, а Коппермайн течет также на север и впадает в залив Коронации, в Северный Ледовитый океан. Сам он никогда не бывал там, но видел эти места на карте Компании Гудзонова залива».

Лондон разворачивает перед читателем карту реальной местности. Автор пользуется классическим романтическим приемом, ведь именно романтики впервые проявили глубокий интерес к «экзотическим странам». Вспомним, как формируется пространство в романах Дж.Ф. Купера. Писатель, подобно Куперу, вплетает в описания экзотичные топонимы, воссоздавая дух тех мест, где жили бок о бок люди разных культур.

«Он знал, что еще немного – и он подойдет к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: “Страна Маленьких Палок”».

Одной из серьезных проблем, поднятых Дж. Лондоном, являлась проблема равенства людей разных рас и национальностей. И новый романтизм заключается не столько в интересе к другой, экзотической, культуре, сколько в желании показать,

что любого человека определяют его личные качества, будь то белый или краснокожий, женщина или мужчина (что наглядно представлено в «Мужестве женщины»). Отсюда и проистекает стремление автора как можно крепче соединить в одном пространстве факты культуры коренных жителей и американской нации.

Пейзаж тесно связан с героем повествования, но не той связью, которая формировалась в романтических произведениях: природа не становится отражением душевного состояния героя. Практически не выражена здесь и точка зрения персонажа на окружающий мир, как это было в неоромантизме Старого Света. Природа в рассказе живет самостоятельной жизнью. По своим художественным особенностям образ пространства строится по принципам реалистическим, а не романтическим. На создание реалистического образа и направлены многочисленные детали в описаниях. Не величие природы Севера привлекает автора на этот раз, а ее суровость. Пейзаж позволяет раскрыть силу человеческого характера. Таким образом, перед читателем возникает образ реалистического пространства в неоромантической функции.

В рассказе «Мужество женщины» картина несколько иная. Функция пейзажа, как и в «Любви к жизни», истинно неоромантическая, и она преобладает над функцией реалистического описания. Пейзаж так же формирует образ пространства, автор так же внимателен к деталям, но на этот раз окружающий мир занимает писателя как фон к разворачивающейся драме, как двигатель основных событий. Образ пространства, не становясь менее выписанным в художественном плане, увеличивает при этом свое сюжетоформирующее значение.

«Река была безмолвна под своим белым покровом. Даже сок застыл в деревьях. И мороз был такой, как сейчас. <...> Кругом не было ни костра, ни звука – только холод и Белое Безмолвие».

Окружающее героев пространство, в котором автор уделяет внимание не только физическим объектам, но и явлениям природы, функционирует как «место», где действующим лицам придется пройти испытания. Обстоятельства заставляют раскрыться их истинные характеры, ведь на фоне суровой природы герои не в состоянии спрятать свои слабости, как это было бы возможно в обществе людей. (Показателен эпизод, когда Джефф хвастается перед многочисленными товарищами своей силой и выносливостью. Эта небольшая сцена контрастирует затем со всем описанием долгого перехода героев через снега, где они один на один со стихией.) Как уже было отмечено, природа убирает всё «наносное и неистинное в человеке и с беспощадной четкостью выявляется его суть»¹. И противопоставление «общество – стихия», и наделение пейзажа функцией «очищения» человеческой сущности от всего ложного являются приемами истинно неоромантическими. Для авторов-неоромантиков важно было постепенно раскрыть характеры своих героев, показать процесс трансформации. Их, так же как и романтиков, более всего интересовал душевный мир человека, но выдающиеся качества они искали не в заведомо героических личностях, а в обыкновенных, маленьких людях.

В рассказе «Мужество женщины» три главных действующих лица, двое из которых образуют неоромантическую антитезу. С одной стороны Пассук – жена повествователя Ситки Чарли. Именно она является идеальным неоромантическим характером. В первое свое появление на страницах произведения героиня «казалась робкой и боязливой».

¹ *Зверев А.М.* Джек Лондон: величие таланта и парадоксы судьбы. С. 6.

Здесь и далее читатель воспринимает Пассук через точку зрения Ситки Чарли (вводить точку зрения разных персонажей на события – излюбленный прием неоромантиков). Ее характер раскрывается читающему постепенно, как постепенно узнает героиню ее муж. И точно так же постепенно проявляется истинная сущность Длинного Джеффа, которому Пассук противопоставлена.

«Джефф вел себя, как ребенок; мучения в пути и то, что ты назвал лишним жиром, сделали его ребенком. А Пассук? В то время как мужчина лежал у костра и плакал, она стряпала, по утрам помогала мне запрягать собак, а вечером распрягать их. Это Пассук спасала наших собак. Она всегда шагала на лыжах впереди, утаптывая им дорогу. Пассук... что вам сказать!»

Развитие образов этих двух персонажей движется в противоположных направлениях. Автор трансформирует образ героини из «робкой и боязливой» девушки в женщину, которая мужественно перенесла тяжелые испытания, самоотверженно заботясь о своем муже, и в конце концов пожертвовала своей жизнью ради него. Длинный Джефф, напротив, оказывается слабым человеком. Писатель намеренно несколько раз подряд подчеркивает его физическую мощь в противовес, с одной стороны, качествам его характера, а с другой стороны, телесной слабости Пассук. Как известно, неоромантики ценили в человеке его внутренний потенциал, душевные силы, которые способны проявиться не в любой ситуации. Для этого и понадобилось Лондону отправить своих героев в такое опасное путешествие. По сути дела, весь сюжет рассказа и направлен на выявление этих скрытых качеств персонажей.

Финал произведения окончательно разводит линии Пассук и Длинного Джеффа. Автор убивает героя, так как свою функцию он выполнил: Ситка Чарли, а вместе с ним и читатель, теперь отлично видят, кто из противопоставленных героев обладал истинно неоромантическим характером. Образ Пассук венчают последние слова Ситки Чарли о ней:

«Это была большая любовь! Ведь женщина пожертвовала своим братом ради мужчины, который тяжелым путем вел ее к горькому концу. Любовь ее была так сильна, что она пожертвовала собой. <...> Я нашупал у ее пояса туго набитый мешочек – и понял всё. День за днем мы поровну делили наши припасы до последнего куса, но она съела только половину. Вторую половину она прятала в этот мешочек для меня!»

Если бы не сложные обстоятельства, в которые Дж. Лондон поместил героев, Ситка Чарли никогда бы не узнал, какая у него была жена.

Формирование зависимости персонажей от обстоятельств является одной из важнейших черт неоромантизма. Лондон использует этот прием и в «Мужестве женщины», и в «Любви к жизни».

Герой последнего рассказа раскрывает силу своего характера в борьбе за жизнь. Однако несмотря на то, что сама сюжетобразующая ситуация похожа на ту, что была в предыдущем рассказе, автор использует здесь иной подход к своему персонажу. В «Мужестве женщины» важно было показать в деталях, кто была главная героиня, как ее воспринимали и какой она была на самом деле. Важно, что она хрупкая женщина, что она индианка (об отношении в произведениях Лондона к представителям коренного населения уже говорилось), – важно, как строились ее взаимоотношения с мужем.

В «Любви к жизни» герой лишен какой бы то ни было биографии, у него даже нет имени. Автор не дает его характер в развитии, и тем не менее этот персонаж – прекрасный пример персонажа неоромантического. Писатель множество раз под-

черкивает его обычность, наделяя его слабостью и страхами. Затем он заставляет героя преодолеть свою слабость, и в этом воплощается один из основных неоромантических принципов. Дж. Лондон стремится показать, что любой человек способен на выдающиеся поступки (что существенно отличает его как писателя-неоромантика от романтиков, персонажи которых заведомо не могли обладать какими бы то ни было слабостями). Потому у героя нет имени, потому читателям так и не ясно, откуда и с какой целью идут он и его товарищ Билл (имя которого так же лишает его индивидуальности). Важно исключительно то, что на их месте мог оказаться любой, и любой мог оказаться или героем, или предателем.

Автор создает сложную цепочку перевоплощений. Герой сопоставляется то со зверем, то с человеком в высоком понимании этого слова. Столкнувшись с медведем и волком, он предстает перед читателем в дикой, звериной сущности:

«Он выпрямился во весь рост как можно внушительнее, выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза. Зверь <...> зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с ее самыми глубокими корнями».

Однако даже в такие моменты герой не полностью лишается своего «человеческого» естества. Более того, по сравнению с Биллом, который бросил товарища на верную смерть, он всегда остается настоящим человеком:

«Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости – всё, что осталось от Билла? <...> Да, Билл его бросил, но он не возьмет золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте».

Таким образом, выделяются несколько значительных особенностей. Лондон, как и в предыдущем рассказе, пользуется приемом противопоставления, вводя антитезу «человек – зверь». Автор намеренно лишает главного героя идентичности, делая акцент на его душевном состоянии и характере (причем внутренний мир показан через внешние проявления). Писатель соединяет реалистические пейзажи с чисто романтическими коллизиями (встреча с медведем и схватка с волком сопоставимы с аналогичными примерами в романтической литературе). Всё это позволяет говорить о неоромантической направленности творчества Дж. Лондона.

Метод писателя интересен в силу своей индивидуальности. Лондон, пользуясь и романтическими, и реалистическими приемами и несомненно являясь приверженцем неоромантизма, сам конструирует его в своих произведениях. Он вырабатывает свои собственные приемы, свободно сочетая находки разных течений, что делает его известным не только на территории Соединенных Штатов, но и во всем мире.

ЛИТЕРАТУРА

Васильева И.В. www.dissercat.com/content/fenomen-neoromantizma-v-khudozhestvennoikulture-rossii-xx-veka

Горький М. О литературе (литературно-критические статьи). М.: Советский писатель, 1953. 868 с.

Зверев А.М. Джек Лондон: величие таланта и парадоксы судьбы // Джек Лондон. Рассказы / Под ред. Г.П. Злобина. М.: Правда, 1984. С. 3–15.

Луков Вл.А. Неоромантизм. m.cyberleninka.ru/article/n/neoromantizm

Луков Вл. А. Французский неоромантизм. М., 2009. 102 с.

Пахсарьян Н.Т. Неоромантизм // Культурология. Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЕН, 2007. С. 37–38.

Словарь литературных терминов. Неоромантизм. feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm

Толмачев В.М. Неоромантизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: НПК «Интелвак», 2001. С. 640–647.

REFERENCES

Vasilyeva I.V. www.dissercat.com/content/fenomen-neoromantizma-v-khudozhestvennoikulture-rossii-xx-veka

Gorkiy M. (1953) About Literature. Moscow. Sovetskiy Pisatel Publ. 868 p.

Zverev A.M. Jack London: The Greatness of Talent and The Vicissitudes of Destiny. In: Jack London. Stories / Ed. by. G.P. Zlobin. Moscow. PravdaPubl. 1984, pp. 3–15.

Lukov. VI.A. Neoromanticism. m.cyberleninka.ru/article/n/neoromantizm

Lukov VI.A. (2009) French Neoromaticism. Moscow. 102 p.

Pakhsarian N.T. Neoromanticism. In: Kulturologia. Enciclopedia: In 2 vols. Vol. 2. Moscow ROSSPEN Publ. 2007, pp. 37–38.

Dictionary of Literary Terms. Neoromanticism. feb-web.ru/feb/slt/abc/0.htm

Tolmachev V.M. Neoromanticism. In: Encyclopedia of Literary Terms and Concepts / Ed. by A.N. Nikolukin. Moscow. NPK “Intelvak” Publ. 2001, pp. 640–647.

Сведения об авторе:

Ирина Владимировна Клименко,
студент
филологический факультет
кафедра теории литературы
МГУ имени М.В. Ломоносова

Irina V. Klimenko,
Student
Faculty of Philology
Department of Theory of Literature
Lomonosov Moscow State University
klim.irishka4797@rambler.ru

Е.Д. Лысенко (Москва, Россия)

Структурно-семантический анализ паремиологических единиц, репрезентирующих концепт «работа» в каталанском языке

Аннотация: В статье на материале паремиологических единиц рассматривается концепт «работа» в каталанском языке. Исследуется значимость данного концепта в сознании каталонцев. Частотность употребления и большая распространенность понятия «работа», его соседство с множеством других областей жизни способствует раскрытию и других тем, таких как межличностные отношения, отношение к Богу, к деньгам. В работе приводятся основные семантические группы паремий с опорными словами концепта, а также наиболее частотные синтаксические структуры, по которым строятся паремии. На основе анализа паремиологических единиц выделяются основные особенности менталитета каталонцев, отличительные черты национального сознания.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, паремиология, каталанский язык

E.D. Lysenko (Moscow, Russia)

A Structural Semantic Analysis of Proverbs and Sayings Representing the Concept WORK in Catalan

Abstract: The article examines the concept WORK in Catalan, stressing its significance in the minds of Catalans. National proverbs and sayings describing the concept are grouped semantically and syntactically. Research reveals distinctive features of Catalan consciousness.

Key words: concept, language and culture studies, paremiology, Catalan

Исследование связи языка и культуры является одной из важнейших областей современной лингвистики. Это объясняет возникновение и развитие таких пограничных дисциплин, как лингвокультурология, психолингвистика, этнолингвистика и когнитивная лингвистика.

Непосредственно аспектом связи языка и культуры, их влияния друг на друга, а также формирования языковой картины мира народа занимается наука лингвокультурология. Базовым понятием лингвокультурологии, наряду с понятиями культуры и языка, является концепт. На данный момент границы этого термина остаются размытыми. В качестве рабочего определения под концептом, вслед за такими исследователями, как Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др., мы понимаем еди-

ницу языковой картины мира, включающую в себя понятийные, образные, оценочные и ассоциативные характеристики.

Нами был рассмотрен концепт «feina» («работа») в каталанском языке. Изучение концептов данного языка представляется актуальным, поскольку каталанский, миноритарный романский язык, имеет богатую историю, является основным языком юридических документов, административного управления и межличностного общения в Каталонии, а также официальным языком в Андорре.

Концепт «работа» заслуживает внимания, поскольку является наиболее разработанным в большинстве культур. Само понятие «работа» обладает высокой частотностью употребления во всех языковых сферах, может функционировать нейтрально, с эмоциональной окраской или в контексте моральных суждений. Частотность употребления и большая распространенность понятия «работа», его соседство с множеством других областей жизни способствует раскрытию и других тем, таких как межличностные отношения, отношение к Богу, к деньгам. Также исследование данного концепта позволит выяснить, верен ли существующий стереотип о том, что каталонцы достаточно практичны, экономны и скупы.

Наиболее полно значимость данного концепта отражается во фразеологизмах и паремиях. Именно они, вместе с метафорами и символами, по В.А. Масловой, являются «наиболее яркой языковой особенностью, в которой отражена культура народа»¹. К тому же паремии часто имеют назидательный характер, а это значит, что они могут проиллюстрировать ценностные установки, идеалы и стремления каталонцев, их понимание «хорошего» и «плохого».

Мы сосредоточили свое внимание на паремиологических единицах, поиск которых (в словарях и интернет-ресурсах) производился по **опорным словам концепта** – «fer» ('делать'), «feina» ('работа'), «treball» ('работа') и «treballar» ('работать'). Опорными словами были выбраны наиболее представительные элементы концепта, однако помимо них концепт «работа» может включать и такие лексемы, как labor, Paugar, tasca, obra. На основе перевода фразеологизмы и паремии были распределены на группы – объединения единиц с общим компонентом значения. При переводе по мере возможности подбирались эквиваленты и аналоги из русского языка, если же с этим возникали затруднения, то паремии переводились дословно или же описательным методом (сохраняющим общий смысл, но не передающим стилистических оттенков оригинала). Также были выделены наиболее частотные синтаксические модели, по которым строятся единицы.

Паремиология может рассматриваться как раздел фразеологии или же быть частью науки, изучающей народное творчество, – фольклористики.

Академик В.В. Виноградов в своей известной классификации фразеологизмов не выделяет для пословиц и поговорок отдельных классов; иногда они являются примерами фразеологических единств (*на вкус и на цвет мастера нет, не твоя печаль чужих детей качать*)².

В книге «Аспекты теории фразеологии» А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский пишут о концепции фразеолога И.Е. Аничкова, который также не отделял пословицы и поговорки от фразеологического фонда. По его классификации фразеологических единиц, существуют коллокации (соответствующие фразеологическим сочетаниям по В.В. Виноградову) и идиомы, пословицы и речевые формулы³.

¹ Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. С. 112.

² Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.

³ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. С. 12.

Отнести пословицы и поговорки к фразеологическим единицам позволяют их общие свойства, такие как, например, устойчивость и воспроизводимость в речи. Однако некоторые другие признаки позволяют отделить их от фразеологизмов. О них пишут А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский:

- 1) наличие значения всеобщности (посредством обобщенно-личных форм);
- 2) большая дискурсивная независимость по сравнению с идиомами-высказываниями;
- 3) наличие в семантике пословиц «рекомендательной силы»¹;
- 4) синтаксическая оформленность, завершенность, самостоятельность.

По мнению Г.Л. Пермякова, паремии также являются особыми единицами, требующими отдельного изучения и классификации. Так, в работе «Основы структурной паремиологии» он говорит о пословичных клише, которые причисляет к пословицам и поговоркам².

Особую природу паремиологических единиц отмечали и зарубежные лингвисты. Так, Мария Конка называет пословицу и фразеологической единицей, и поэтическим произведением³.

Таким образом, особые признаки и уникальность пословиц и поговорок позволяет отнести их к особому разделу лингвистики. Однако и в русской, и в зарубежной лингвистике отсутствует единство в изучении паремиологических единиц, и пока остается вопросом, являются ли паремии частью фразеологического фонда языка или же должны изучаться самостоятельной дисциплиной со своими особыми методами.

Для исследования нами были отобраны единицы, обладающие свойствами паремиологических единиц (по А.Н. Баранову, Д.О. Добровольскому, Г.Л. Пермякову).

Паремиологические единицы с опорными словами концепта можно разделить на следующие семантические группы.

- 1) Представление о работе как об основной деятельности, дающей человеку средства для существования, в частности еду и дом. Присутствует связь между работой и хлебом как основным средством выживания, идея зарабатывания себе на хлеб. Интересно повторяющееся упоминание «хлеба и соломы» – «*pa i palla*», то символизирующих благополучие в доме (“*A la casa on es treballa, mai hi falta pa ni palla*” – ‘В доме, где работают, всегда есть хлеб и солома’), то имеющих негативную окраску (“*Qui no treballa, dorm a la palla*” – ‘Кто не работает, спит на соломе’). На основе этого можно предположить, что «*palla*» в пословицах служит лишь для рифмы, однако рифма на безударный -*lla* является очень продуктивной, поэтому вероятнее, что образ «*palla*» имеет смысл и обладает определенными характеристиками, понятными для каталонцев. Хлеб и солома могут символизировать пищу и кров в целом, но, чтобы сохранить специфику каталонских паремий, а также поскольку в русском языке не было найдено конкретного смыслового эквивалента образу «соломы», пословицы с этим компонентом были переведены дословно.

¹ Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. С. 69.

² Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988. С. 17.

³ «una unitat fraseològica i una obra poètica» (Conca M. Paremiologia. Universitat de València, 1987. P. 7).

Оригинал	Перевод
“Qui treballa, té pa i palla”	У того, кто работает, есть хлеб и солома (пища и кров)
“Qui no fa feina, no menja”	Кто не работает, тот не ест
“Qui no fa feineta, no menja coqueta”	
“Qui treballa, menja, i va bonic el diumenge»	
“Qui no treballa, no menja”	
“El qui no treballa, badalla”	Кто не работает, умирает от голода
“Qui no treballa, de fam badalla”	
“Qui jeu i no treballa, molts cops badalla”	
“A la casa on es treballa, mai hi falta pa ni palla”	В доме, где работают, всегда есть хлеб и солома
“Qui no treballa, dorm a la palla”	Кто не работает, спит на соломе
“Si treballes, menjaràs i si no, dejunaras”	Если работаешь, будешь сытым, а если нет – голодным

2) Необходимость в работе для каждого. Работа как предназначение и обязанность человека. Также работа понимается как способ обеспечить себя в будущем. Необходимость работать ради благополучной жизни в дальнейшем.

“Cadascú cerca feina del seu ofici” o “del seu art”	Каждый ищет себе подходящую работу
“Tot vol el seu treball”	Каждый хочет найти свое занятие
“El treball és la salut del cos i de l’ànima”	Работа – это здоровье тела и души
“La feina és salut”	Труд – здоровье
“El treballar és virtut, si es té salut”	Работа – добродетель
“Pertot hi ha treballs”	Везде есть работа
“Dues mans treballant fan més que mil resant”	Две работающие руки делают больше, чем тысяча молящихся
“Menjar i treballar és vida de bon cristià”	Есть и работать – залог жизни доброго христианина
“Qui treballa, a Déu prega”	Кто работает, тот Богу молится
“A qui no té feina, Déu l’hi’n dona”	Бог даст работу тому, у кого ее нет
“L’home neix per treballar i l’ocell per volar”	Человек рожден для труда, птица – для полета
“La persona neix per treballar, com l’au per volar i el peix per nadar”	

Встречается разграничение молодости и старости, где молодость представляется временем, когда нужно трудиться, чтобы обеспечить себе спокойное будущее:

“Qui treballa en la joventut, en la vellesa té salut”	Кто в молодости работает, у того старость будет благополучной
“Qui de jove no treballa, quan és vell dorm a la palla”	Кто в молодости не работает, тот в старости спит на соломе
“El jove a treballar i el vell a descansar”	Работать в молодости, а в старости отдыхать
“Qui no treballa la terra a l’hivern, a l’estiu passa la mà per la paret”	Кто зимой не обрабатывает землю, летом остается без ничего

3) Нежелание работать. Пословицы данной группы содержат порицание лени и жалоб, а также негативную характеристику неработающего человека. Также в них подчеркивается невозможность быть сытым, не имея работы.

“Dilluns és el diumenge dels ganduls”	Понедельник – это воскресенье для лентяев (Лодырь да бездельник – им праздник и в понедельник)
“Qui fuig del treball, fuig del descans”	Кто отлынивает от работы, лишается и отдыха
“Qui molt parla, poc treballa”	Кто много болтает, мало работает
“Per a treballar i no guanyar, val més descansar”	Чтобы работать и не зарабатывать, надо больше отдыхать
“A un mal treballador cap eina no li va bé”	У плохого работника ни один инструмент не работает
“Qui fuig de sa feina, se tira dins sa fam”	Кто отлынивает от работы, будет голодным
“Qui menja sense treballar, o és molt ric, o ha de robar”	Кто ест, не работая, или очень богат, или вынужден воровать
“Bon viure i no treballar, no pot durar”	Хорошая жизнь без работы не длится долго
“La que no vol treballar, no pot fer sinó gastar”	Кто не хочет работать, может только тратить
“El treball és virtut, però a mi em put”	Работа – добродетель, но мне всё равно
“No fa sinó una feina i encara mal feta”	Работает мало, к тому же и плохо
“Faena, gira esquena”	Данные пословицы порицают образ лентяя и имеют схожие значения. Тяжело тому жить, кто от работы бежит
“Faena fuig, taverna acosta”	
“Feina fuig, i pa vine”	
“Feina fuig, i mandra no em deixis”	
“Feina fuig, i ranxo vine”	

4) Важность качества сделанной работы. Идея о том, что невозможно хорошо выполнить работу в короткий срок и без усилий. Также важность распределения времени для выполнения работы.

“Feina feta de nits, fa vergonya de dia”	За работу, сделанную ночью, будет стыдно днем
“Feina feta de nit, pel matí seran els crits”	Работа, сделанная ночью, насмешит днем
“A la faena torta, tanca-li la porta”	Кривую работу гони прочь
“Bona feina no necessita nunci”	Хорошая работа не требует объяснений
“Feina comencada és mig acabada”	Начатая работа – уже наполовину законченная
“Qui treballa malament, enganya la gent”	Кто плохо работает, обманывает людей
“Feina feta no corre pressa”	Хорошая работа не терпит спешки

5) Работа и дни недели. Почти во всех пословицах данной группы присутствует запрет на работу в воскресенье. Идея о том, что работа, сделанная в воскресенье, не принесет хороших результатов; воскресный день, по мнению каталонцев, должен быть посвящен исключительно Богу и отдыху.

“Feina feta en diumenge, el dimoni se la menja”	Работа, сделанная в воскресенье, – напрасный труд
“El qui treballa en diumenge, el rei que el pengi”	
“El qui treballa en diumenge, el dimoni el penja”	
“Feina de diumenge no arriba a bon terme”	Воскресная работа не приносит плоды
“Feina en dimarts començada no serà ben acabada”	Работа, начатая во вторник, не будет хорошо выполнена
“En diumenge treballar, més s’hi perd que hi va a guanyar”	Работать в воскресенье – больше терять, чем приобретать
“Qui bé vol treballar, el dia de festa déu descansar”	Кто хочет хорошо работать, тот в выходной день должен отдыхать
“Qui no treballa en tot l’any, treballa el dia de cap d’any”	Кто не работает весь год, работает в конце года

6) Тема прибыли, дохода. Соотношение труда и прибыли. По мнению каталонцев, доход всегда должен соответствовать качеству сделанной работы. Появляется и тема выгоды, полученной другими людьми. Порицание тех, кто ищет выгоду и пытается нажиться на других людях.

“De sa feina surt es profit”	Работа приносит прибыль
“Del treball surt el profit”	
“Qui té el treball, que tingui el profit”	Прибыль тому, кто работает
“Segons la paga, la feina”	Какая работа, такая и оплата
“Tal feina, tal paga”	
“Tal faràs, tal trobaràs”	Что посеешь, то и пожнешь
“Molt treball i poc cabal”	Много работы и мало прока/пользы
“Uns treballen, i altres en tenen el profit”, “Uns se prenen el treball, i altres en treuen el profit”, “A qui treballa, una sardina; i a qui no treballa, una gallina”	Одни работают, а другие получают выгоду / прибыль
“El qui molt treballa, poc menja”	Кто много работает, тот мало ест
“El bon amo fa el bon treballador”	Хороший хозяин – хорошие работники
“Diners mal guanyats, mal profit fan”	Нечестные деньги пользы / счастья не принесут

7) Отдых, его связь с работой. В представлении каталонцев отдых должен следовать только после работы. Идея о том, что не надо откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Пословицы данной группы можно перевести, сопоставив с подобными русскими пословицами, например: «сделал дело, гуляй смело», «делу время, потехе час»:

“Feina feta, consell dat”	Сделал дело, гуляй смело
“Feina feta té bon aire”	Делу время, потехе час
“Feina feta té bon tranc”	
“Després del treball, ve el descans”	Отдых – после работы
“Feina feta, no té destorb” o “no porta destorb”	Сделал дело, нет проблем

Среди синтаксических конструкций, по которым строятся пословицы с опорными словами концепта, можно выделить следующие.

1) Инверсия, инвертированные предложные конструкции, где предлог выносится на первое место. Такие пословицы могут выражать рекомендацию, совет или просто констатировать факт, описывать ситуацию. Например:

“De sa feina surt es profit”	Работа приносит прибыль
“Després d’una feina en ve una altra”	После одной работы – другая
“A la casa on es treballa, mai hi falta pa ni palla”	В доме, где работают, всегда есть хлеб и солома
“Després del treball, ve el descans”	Отдых – после работы
“Per a treballar i no guanyar, val més descansar”	Чтобы работать и не зарабатывать, надо больше отдыхать

2) Конструкции *артикл + que, артикл + существительное + que*. Часто служат для порицания или одобрения какого-либо социального типа поведения или качества. Наличие артикла конкретизирует пословицу.

“La senyora que treballa, no gasta diner ni malla”	Работающая женщина не тратит деньги
“La que no vol treballar, no pot fer sinó gastar”	Кто не хочет работать, может только тратить
“El qui molt treballa, poc menja”	Кто много работает, мало ест

3) Фразы, начинаемые местоимением *qui*. Данная структура составляет очень многочисленную группу пословиц и служит для критики или одобрения какого-либо типа поведения.

“Qui no treballa en tota la setmana, treballa el dia de festa”	Кто всю неделю не работает, работает в праздничные дни
“Qui no treballa en tot l’any, treballa el dia de cap d’any”	Кто не работает весь год, работает в конце года
“Qui mal fa, mal pensa”	Кто плохо делает, плохо и думает
“Qui treballa en la joventut, en la vellesa té salut”	Кто в молодости работает, у того старость будет благополучной
“Qui de jove no treballa, quan és vell dorm a la palla”	Кто в молодости не работает, тот в старости спит на соломе
“Qui no treballa la terra a l’hivern, a l’estiu passa la mà per la paret”	Кто зимой не обрабатывает землю, летом остается без ничего
“Qui menja sense treballar, o és molt ric, o ha de robar”	Кто ест, не работая, или очень богат, или вынужден воровать
“Qui treballa, a Déu prega”	Кто работает, тот Богу молится
“Qui no fa feina, no menja”	Кто не работает, тот не ест

4) Номинальная конструкция – *сущ + определитель* (причастие):

“Feina comencada és mig acabada”	Начатая работа – уже наполовину законченная
“Feina feta de nits, fa vergonya de dia”	За работу, сделанную ночью, будет стыдно днем
“Feina feta de nit, pel matí seran els crits”	Работа, сделанная ночью, насмешит днем
“Feina feta en diumenge, el dimoni se la menja”	Работа, сделанная в воскресенье, – напрасный труд

Типичной характеристикой пословиц (но не обязательной) является рифма и ритм. Данные характеристики мы встречаем во многих пословицах с опорными словами концепта, например:

“Qui no fa feineteta, no menja coqueta”	Кто не работает, тот не ест
“El qui no treballa, badalla”	Кто не работает, тот голодает
“Si treballes, menjaràs i si no, dejunaras”	Если работаешь, будешь сытым, а если нет – голодным
“Tal faràs, tal trobaràs”	Что посеешь, то и пожнешь
“El jove a treballar i el vell a descansar”	Работать в молодости, а в старости отдыхать

Итак, в результате анализа семантических групп пословиц концепта «feina» можно выделить основные представления о работе у каталонцев. Во-первых, работа предстает как главный и единственный способ обретения финансового благополучия, которое, в свою очередь, ассоциируется у каталонцев с понятием хлеба («ра»). Зарабатывание денег означает, в первую очередь, зарабатывание себе на пропитание, «на хлеб», на основной продукт, без которого сложно представить жизнь. По мнению каталонцев, тот, кто работает, всегда сыт: “Qui treballa, té ra i palla” (У того, кто работает, есть пища и кров), “Qui no fa feina, no menja” (Кто не работает, тот не ест), “Si treballes, menjaràs i si no, dejunaras” (Если работаешь, будешь сытым, а если нет – голодным).

Прослеживаются также такие черты каталонцев, как ответственность и трудолюбие. Они проявляются в представлении о труде как об обязанности, добродетели и даже здоровье: “El treballar és virtut, si es té salut” (Работа – добродетель), “L’home neix per treballar i l’ocell per volar” (Человек рожден для труда, птица – для полета), “El treball és la salut del cos i de l’ànima” (Работа – это здоровье тела и души).

Также существует связь с Богом, труд предстает залогом праведной жизни: “Menjar i treballar és vida de bon cristià” (Есть и работать – залог жизни доброго христианина), “Qui treballa, a Déu prega” (Кто работает, тот Богу молится), “A qui no té feina, Déu l’hi’n dona” (Бог даст работу тому, у кого ее нет).

Но даже у трудолюбивых каталонцев есть выходные, которые четко оговариваются в пословицах. Так, праздничные и воскресные дни надо проводить в отдыхе: “Diumenge, com que no es treballa, es menja” (В воскресенье не работают, а едят), “En diumenge treballar, més s’hi perd que hi va a guanyar” (Работать в воскресенье – больше терять, чем приобретать), “Qui bé vol treballar, el dia de festa déu descansar” (Кто хочет хорошо работать, тот в выходной день должен отдыхать), “El qui treballa en diumenge, el dimoni el penja” (Работа, сделанная в воскресенье, – напрасный труд).

Нами были выделены основные **особенности менталитета** каталонцев, которые можно назвать отличительными чертами национального сознания. Во-первых, особое отношение к деньгам как к тому, что нельзя тратить впустую, а надо хранить и беречь, причем с самой молодости. Это проявляется в сравнении с русским языком,

где в ходу выражения «сорить деньгами» и «бросать деньги на ветер». Можно предположить, что с желанием достигнуть финансового благополучия и уверенности в завтрашнем дне у каталонцев граничит страх остаться без средств к существованию. Пословицы в назидательной манере предупреждают о плачевных последствиях отказа от труда – стыд, бедность, голодная старость. Отсюда и необходимость в постоянной деятельности, активности, прикладывании усилий. Отказ от труда опасен тем, что лишает человека всех жизненных благ и неминуемо ведет к голоду или воровству, поэтому лень не принимается и серьезно порицается. Также для каталонцев оказывается очень важным выполнить работу в срок (или даже заранее) и качественно, ведь «что посеешь, то и пожнешь». Расслабиться и отдохнуть же представляется возможным только после сделанной работы.

Наряду с особой бережливостью и скупостью мы видим такие черты каталонцев, как повышенная ответственность, порядочность. Несмотря на важность материальных ценностей и поиск выгоды, попытки нажиться на других и поступить нечестно ради денег критикуются. Также работа рассматривается в контексте отношения к Богу. Труд предстает залогом праведной жизни, обязанностью человека не только перед собой, но и перед Богом.

Таким образом, каталанская языковая картина мира – особый способ мировидения, во многом отличный от других. В пословицах и поговорках отражаются важнейшие установки каталонцев, для которых работа – это и обязанность, и добродетель, и здоровье, а деньги – то, что обязательно нужно беречь.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А.Н., Добровольский Д.О. *Аспекты теории фразеологии*. М.: Знак, 2008. 656 с.
Виноградов В.В. *Избранные труды. Лексикология и лексикография*. М.: Наука, 1977. 312 с.
Маслова В.А. *Лингвокультурология*. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
Пермяков Г.Л. *Основы структурной паремиологии*. М.: Наука, 1988. 236 с.
Conca M. *Paremiologia*. Universitat de València, 1987. 122 p.

REFERENCES

- Baranov A.N., Dobrovolsky D.O. (2008) *Aspects of the Theory of Phraseology*. Moscow. Znak Publ. 656 p.
Vinogradov V.V. (1977) *Lexicology and Lexicography*. Moscow. Nauka Publ. 312 p.
Maslova V.A. (2001) *language and Culture Studies*. Moscow. Akademia Publ. 208 p.
Permyakov G.L. (1988) *The Basics of S-structural Paremiology*. Moscow. Nauka Publ. 263 p.
Conca M. (1987) *Paremiologia*. Universitat de València. 122 p.

Сведения об авторе:

Елизавета Дмитриевна Лысенко,
бакалавр
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elizaveta D. Lysenko,
Graduate Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
liza110895@gmail.com

В.В. Писарева (Донецкий национальный университет)

Собственно-рефлексивные глаголы в сопоставительном аспекте

Аннотация: В настоящей статье был рассмотрен такой смысловой класс глаголов, как собственно-рефлексивные глаголы (далее – РГ) на материале английского, немецкого, русского и украинского языков. РГ были рассмотрены как производные единицы и анализируются в оппозиции к их производящим основам, т. е. к нерефлексивным глаголам (далее – НГ). НГ и РГ исследуются в составе образуемых ими конструкций. РГ были описаны с позиции теории диатез и рассмотрены на двух уровнях – семантическом и референтном. Был выявлен тип диатезы для смыслового класса собственно-рефлексивных глаголов, установлены типы референтов на семантическом и референтном уровне.

Ключевые слова: собственно-рефлексивный глагол, неререфлексивный глагол, диатеза, семантический уровень, референтный уровень, референт, актанта

V.V. Pisareva (Donetsk National University)

Personal Reflexive Verbs in Contrast

Abstract: This article discusses personal reflexive verbs (hereinafter referred to as the PRVs) in English, German, Russian and Ukrainian. The PRVs are regarded as derived units and analyzed in the opposition to their compound stems, non-reflexive verbs (hereinafter – the NRVs). Both NRVs and PRVs are researched within the constructions they form. The PRVs are described in terms of the theory of diathesis at two levels, semantic and referential. The article establishes a type of diathesis peculiar to this notional class of verbs and types of reference at both semantic and referential levels.

Key words: a personal reflexive verb, a non-reflexive verb, semantic level, referential level, reference, actant

1. Вводные замечания. Категория рефлексивности занимает исключительное положение в системе глаголов каждого языка, так как отличается тесной связью с различными явлениями морфологии, синтаксиса, лексики и словообразования, что представляет сложность для исследователя [Генюшене 1983: 168].

2. Цель и задачи исследования. Целью исследования является комплексное и системное описание собственно-рефлексивных РГ с позиций теории диатез.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

сформировать корпус РГ и их исходных НГ в английском, немецком, русском и украинском языках;

установить основные признаки РГ в исследуемых языках;

установить понятие диатезы и диатезные типы РГ;

определить особенности диатезных преобразований НГ/РГ на референтном и семантическом уровнях.

3. Материал исследования. Эмпирическим материалом исследования послужили РГ, извлеченные из одноязычных толковых словарей, а именно:

1. Oxford English Dictionary (OED);

2. Cambridge Dictionary;

3. Merriam-Webster Dictionary;

4. Duden Online Wörterbuch;

5. DWDS – Das Wortauskunftssystem zur deutschen Sprache in Geschichte und Gegenwart;

6. «Толковый словарь русских глаголов» Л.Г. Бабенко;

7. «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой;

8. «Словарь современного русского литературного языка в 17 томах»

В.И. Чернышева;

9. «Словник української мови: в 11 тт.» за ред. І. К. Білодіда.

Примеры употребления РГ, т. е. рефлексивные конструкции (РК), были взяты из выше перечисленных словарей, а также из национальных корпусов сопоставляемых языков:

1. Национальный корпус русского языка RusCorpora;

2. Национальный корпус украинского языка Mova Info.

4. Терминологический аппарат и методика исследования собственно-рефлексивных глаголов.

Под рефлексивными глаголами (далее – РГ) понимаются глаголы, содержащие в своей структуре рефлексивный элемент (далее – РЭ), а именно: постфикс -ся в русском языке (рус. *мыться*, укр. *митися*) и рефлексивное местоимение *sich* в немецком (*sich waschen* ‘мыться’).

В работе, вслед за В.П. Недеялковым, различаются формальная и смысловая рефлексивность [Недеялков 1985: 3]. Формально рефлексивными являются глаголы, содержащие в своей структуре РЭ, независимо от своего значения; рефлексивными по смыслу являются глаголы, содержащие в своей структуре РЭ и поддающиеся толкованию через основу глагола и смысла ‘себя’.

Иными словами, рефлексивный смысл подразумевает значение однореферентности двух семантических актанта: субъекта и объекта действия типа рус. *Я моюсь*, т. е. ‘Я мою себя’.

Рефлексивный элемент в структуре глагола рассматривается как словообразовательный элемент, одним из значений которого является значение однореферентности субъекта и объекта действия. Ср.:

рус. *застрелиться*, т. е. ‘застрелить себя’; аналогично: нем. *sich erschießen*;

рус. *порезаться*, т. е. порезать палец, руку и т. п., аналогично: нем. *sich in etw. schneiden* ‘порезать что-л.’

В настоящей статье РГ рассматриваются как производные единицы и анализируются в оппозиции к их производящим основам, т. е. к нерефлексивным глаго-

лам (далее – НГ). НГ и РГ исследуются в составе образуемых ими конструкций, т. е. нерелексивной и релексивной (далее – НК и РК).

В основу описания собственно-релексивных глаголов положено понятие диатезы, которое понимается как схема отношения между единицами синтаксического и семантического уровней. Согласно теории диатезы информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется ее словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

Е.В. Падучева отмечает, что диатеза – набор участников ситуации, обозначаемой глаголом, с их семантическими ролями и коммуникативными рангами [Падучева 2004: 536], к последним относятся субъект и объект действия как центр предложения, занимающие наивысший ранг. А.А. Холодович, В.С. Храковский и Б.А. Успенский рассматривают диатезу как соответствие определенных ролей (партиципантов) лексемы и актантов предикативной словоформы, представляющей лексему [Храковский 1981: 5–38]. Э.Ш. Генюшене выделяет у глагола референтную, семантическую и синтаксическую структуры. Таким образом, это позволяет выделить трехуровневые диатезы. Согласно теории диатезы информация, которая содержится в конструкции глагола, равна информации, закодированной в лексикографическом толковании слова. Набор семантических валентностей глагольной лексемы определяется ее словарным толкованием и остается неизменным во всех случаях употребления данного глагола.

На **референтном уровне** НГ и РГ учитывается тип семантических референтов, имплицитруемых лексическим значением глагола, т. е. участников называемой им типовой ситуации. Вслед за У. Чейфом выделяются следующие основные семантические типы референтов [Чейф 1975: 432]:

1) *потенты* (Pot), т. е. референты, имеющие собственную внутреннюю энергию и способные самостоятельно совершать действия или каузировать выполнение кем-либо / чем-либо определенного действия. Этот класс референтов охватывает одушевленные потенты, в частности человека (Pers);

2) *предметы* (NonP), неспособные выполнять действие или каузировать действие (= референты без собственной внутренней энергии);

3) *партиципные референты* (Part), называющие обычно часть тела человека или его свойство, объединяемые признаком неотчуждаемой принадлежности.

Для описания **семантического уровня** у участников ситуации (или партиципантов) выделяются семантические роли, в частности: Агенса (Ag), Пациенса (Pt), экспериенцер (Exp), бенефициант (Ben) и др.

При описании РГ в настоящей статье будут учитываться референтный и семантический уровни. На синтаксическом уровне участники ситуации описываются в терминах традиционной грамматики – подлежащее, дополнение и т. д., что в данной статье рассматриваться не будет.

5. Смысловые классы РГ. В настоящей работе исследование РГ и их НГ в английском, немецком, русском и украинском языках опирается на типологическую классификацию релексивов, разработанную известным типологом В.П. Недялковым [Недялков 1985: 3–19], который выделяет пять семантических классов субъектных РГ, а именно – семантически релексивные РГ, которые подразделяются на а) собственно-релексивные РГ с полной однореферентностью актантов;

б) посессивно-рефлексивные с частичной, метонимической однореферентностью актантов; в) автокаузативные РГ, где субъект приобретает и признаки объекта; г) реципрокальные РГ с перекрестной референтностью и абсолютные РГ, у которых РП имеет только структурную функцию маркирования запрета на выражение объекта, но не имеет семантической функции. Таким образом, В.П. Недялков выделяет смысловые классы субъектных РГ по типу референтности актантов.

В рамках данной статьи будут рассмотрены лишь собственно-рефлексивные глаголы.

6. Собственно-рефлексивные РГ.

Собственно-рефлексивные РГ характеризуются полной однореферентностью актантов, обозначающих субъекта и объекта действия. Иными словами, в собственно-рефлексивных РГ действие производится субъектом, который одновременно является и объектом действия. Например:

(1) а. англ. *Auntie Lou* (Pers/Sb/Подл) *had washed* (НК) *all their clothes* (NonPers/Pt/Обвин/Дпр) ‘Тетушка Лу постирала [вымыла] всю их одежду’ → б. *She* (Pers/Pot//Sb) *may wash herself* (ПК) *thoroughly if she did not do it earlier in the morning*. ‘Она может тщательно вымыться, если не сделала этого ранее утром’, где Pers – одушевленный референт, Pot – потент, Exp – экспериенцер, Ag – агенс, Обвин – грамматический объект в винительном падеже, Sb – субъект.

В исходной НК (1а) подлежащее (*Auntie Lou*) выступает в роли инициатора действия, обладающего собственной энергией и совершающего действие над неодушевленным предметом (‘clothes’), выраженным прямым дополнением в косвенном падеже и выступающем в роли пациенса (NonPers/Pt/Обвин/).

В производной РК (1б) элиминируются синтаксическая валентность исходного прямого дополнения, а одушевленное подлежащее (*She* ‘она’) является инициатором действия.

Пример можно наблюдать и в следующих парах НГ и РГ:

(2) а. Мать *прижала* ребенка → б. Мать *прижалась* к ребенку.

Элиминация прямого дополнения в данном классе РГ кодирует элиминацию второго референта, значение однореферентности возникает именно вследствие его элиминации, в то время как оба семантических актанта-роли сохраняются, напр.

(3) а. Он *застраховал* свою жизнь → б. Он *застраховался*.

Данные РГ включают значение НГ и смысл «себя», например:

(4) а. Она *зажмурила* глаза → б. Она *зажмурилась*;

(5) а. *Sie kämmt ihr goldenes Haar* ‘Она расчесывает свои золотые волосы’ (“Die Lorelei”, Heinrich Heine) → б. *Sie kämmt sich* ‘Она расчесывается’.

В исходных НК первый референт – обычно лицо, реже – животное:

(6) а. Собака *оскалила* зубы → б. Собака *оскалилась*,

второй референт – либо неотчуждаемая принадлежность, т. е. часть тела или свойство (психики) человека.

(7) а. Он *сдерживал* слезы / ярость / порыв / крик → ‘Он *сдерживался*’), либо квазиотчуждаемая принадлежность (одежда).

7. Выводы. В настоящей статье был рассмотрен такой смысловый класс рефлексивных глаголов, как собственно-рефлексивные глаголы. РГ были рассмотрены с позиции теории диатез и описаны на двух уровнях – референтном и семантическом. Среди собственно-рефлексивных РГ был выделен такой тип диатезы, как ‘элиминация прямого дополнения НК в РГ’. На референтном уровне были установлены как

одушевленные, так неодушевленные потенты (Pot), непотенты (NonP) и партитивные референты. На семантическом уровне при диатезном преобразовании НК в РГ было установлено появление таких семантических ролей, как бенефициант (Ben) и посессивный объект (Obposs). В качестве первого референта в собственно-рефлексивных глаголах может выступать как человек, так и животное, в качестве второго референта – отчуждаемая либо квазинеотчуждаемая принадлежность первого референта.

ЛИТЕРАТУРА

Басыров Ш.Р. Немецкие рефлексивные глаголы: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук / АН СССР, Институт языкознания, Ленинградское отделение. Л.: [б. и.], 1988. 20 с.

Генюшене Э.Ш. К теории описания рефлексивных глаголов (на материале литовского языка) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1981. С. 160–184.

Генюшене Э.Ш. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов: Учебное пособие. Вильнюс, 1983. 168 с.

Недялков В.П., Генюшене Э.Д. Рефлексивные конструкции в балтийских языках и типологическая анкета // Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин: Изд-во Калининского ун-та, 1985. С. 3–19.

Падучева Е.В. Диатеза как метонимический сдвиг // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе / В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.). М.: Знак, 2004. С. 424–443.

Храковский В.С. Диатеза и референтность (К вопросу о соотношении активных, пассивных, рефлексивных и реципрокных конструкций) // Залоговые конструкции в разноструктурных языках / Ред. В.С. Храковский. Л.: Наука, 1981. С. 5–38.

Чейф У. Значение и структура языка. М.: Прогресс, 1975. 432 с.

REFERENCES

Basyrov Sh.R. (1988) German Reflexive Verbs: Synopsis PhD. Leningrad. 20 p.

Genyushene E.Sh. On a Theory of Describing Reflexive Verbs in Lithuanian Language. In: Voice Constructions in Languages with Different Structures. Leningrad. Nauka Publ. 1981, pp. 160–184.

Genyushene E.Sh. (1984) Reflexive Verbs in Baltic Languages and the Typology of Reflexive Verbs. Vilnius. 168 p.

Nedyalkov V.P., Genyushene E.Sh. Reflexive Constructions in Baltic Languages and a Typological Form. In: Reflexive Verbs in Indo-European Languages. Kalinin: Kalinin State University Press. 1985, pp. 3–19.

Paducheva E.V. Diathesis as a Metonymical Shift. In: 40 years of Saint-Petersburg School of Typology / Ed. by V.S. Hrakovkiy, A.L.Malchukov, S.Yu. Dmitrenko. Moscow. Znak Publ. 2004, pp. 424–443.

Hrakovkiy V.S. Diathesis and Referentiality (On the Question of Active, Passive, Reflexive and Reciprocal Constructions). In: Voice Constructions in Languages with Different Structures. Leningrad. Nauka Publ. 1981, pp. 5–38.

Chafe W. (1975) Language and Consciousness. Moscow. Progress Publ. 432 p

Сведения об авторе:

Писарева Виктория Вадимовна,
аспирант
факультет иностранных языков
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

Vikoriia V. Pisareva,
Postgraduate Student
Faculty of Foreign Languages
State Educational Institution of Higher Professional
Education “Donetsk National University”

victorija.pisareva@yandex.ru

А.А. Цыганкова (Москва, Россия)

**Сергей Довлатов в Италии:
опыт лингвостилистического анализа перевода рассказа «Представление»**

Аннотация: В статье анализируется перевод рассказа «Представление» на итальянский язык, выполненный славистом и исследователем довлатовской прозы Лаурой Сальмон. Наиболее подробно рассмотрены способы передачи четырех основных стилей рассказа: социолект военных, лагерно-тюремно-блатное аргю, стиль литературы соцреализма и индивидуальный стиль героя-рассказчика Довлатова. Наибольший интерес представляет воспроизведение в итальянском тексте уникального явления русской культуры, так называемого лагерно-тюремно-блатного аргю. Специфика довлатовской прозы – установка на подчеркнуто нейтральный текст. За счет чередования предельно нейтральных отрывков со стилистически окрашенными достигается юмористический эффект. Особенностью данного конкретного рассказа являются ритмизованные фрагменты речи персонажей. В сочетании с большим количеством реалий, описанных и упомянутых в рассказе, всё это затрудняет работу переводчика и, как следствие, препятствует адекватному восприятию рассказа итальянским читателем.

Ключевые слова: лингвостилистика, Довлатов, Сальмон, лагерно-тюремно-блатное аргю, ирония, стиль, переводоведение

A.A. Tsygankova (Moscow, Russia)

**Sergei Dovlatov in Italy:
A Stylistic Analysis of the Translation of the Short Story “The Show”**

Abstract: The article analyzes the Italian translation of Dovlatov’s short story “The Show” by the slavist and Dovlatov researcher Laura Salmon. Of particular interest is how the translator puts across the four main styles in the short story: the military sociolect, the camp and prison argot, the social realism literature style and the individual style of the narrator. Special emphasis is laid on how the translator struggles to render the camp and prison argot, a phenomenon of Russian culture. Dovlatov’s prose is characterized by the ultimate neutrality of the text. Alternating neutral and stylistically marked pieces of text enables the author to get a comic effect. A distinguishing feature of this short story is rhythmically organized pieces of the characters’ communications. Coupled with the

many facts of Russian reality, all this makes the translator's work backbreaking and as a result, obstruct the adequate perception of the text by the Italian reader.

Key words: stylistics, Dovlatov, Salmon, camp and prison argot, irony, style, translation studies

Внимание литературоведов к творчеству Довлатова обусловлено жанровой спецификой его рассказа, соотношением автора и героя-рассказчика, а также стилистическими особенностями довлатовской прозы. «Я пытаюсь вызвать у читателя ощущение нормы. Одним из серьезных ощущений, связанных с нашим временем, стало ощущение надвигающегося абсурда, когда безумие становится более или менее нормальным явлением», – говорил Довлатов в интервью американскому исследователю русской литературы Джону Глэду¹.

Первый перевод Довлатова на итальянский язык вышел в 1991 г. Филолог-славист, автор многочисленных работ по теории и практике перевода, Лаура Сальмон перевела повесть «Иностранка». Начиная с 1991 г. Сальмон остается единственным итальянским переводчиком Довлатова.

Предметом данной статьи стал перевод на итальянский язык рассказа Довлатова «Представление», выполненный Лаурой Сальмон.

Рассказ «Представление» впервые опубликован в 1987 г. в нью-йоркском издании Russica Publishing.

Сергей Довлатов служил три года во внутренних войсках в охране исправительных колоний в Республике Коми (поселок Чиньяворык). По воспоминаниям Бродского, Довлатов вернулся из армии, «как Толстой из Крыма, со свитком рассказов и некоторой ошеломленностью во взгляде»².

В рассказе описывается подготовка к октябрьским праздникам в устьевымском лагунке. В лагере репетируют пьесу «Кремлевские звезды», рекомендованную к постановке культурным отделом УВД. Роли Дзержинского, Ленина и мещанина Тимофея исполняют заключенные. Роль Полины, невесты Тимофея, отводится работнице административно-хозяйственной части, по менталитету близкой к заключенным.

Нас интересует перевод рассказа с лингвостилистической точки зрения, поскольку в нем представлен широкий спектр речевых стилей.

В качестве рабочего определения понятия «стиль» будем использовать определение из Словаря лингвистических терминов Ахмановой: «Стиль – одна из дифференциальных разновидностей языка, языковая подсистема с своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других разновидностей в основном экспрессивно-оценочными свойствами составляющих ее элементов и обычно связанная с определенными сферами употребления речи»³.

Наиболее яркими стилистическими доминантами рассказа являются социолект военных, лагерно-тюремно-блатное арго, стиль литературы соцреализма и индивидуальный стиль героя-рассказчика Довлатова. Каждая из этих доминант будет рассмотрена отдельно.

¹ Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. С. 93

² Бродский И.А. О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2. С. 5.

³ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 444.

1. СОЦИОЛЕКТ ВОЕННЫХ

Социолект военных – это социально-речевой стиль с лексическими элементами и конструкциями, заимствованными из военного устава. Автор передает стиль общения военных при помощи специфической лексики, синтаксического параллелизма, делает фразы краткими, лаконичными:

- Минуточку, не расходитесь. В шесть тридцать – общее собрание. После торжественной части – концерт. Явка обязательна, отказчики пойдут в изолятор. Есть вопросы?
- Вопросов навалом, – подали голос из шеренги, – сказать? <..>
- Тихо! Тихо! – закричал Хуриев. – Жалобы в установленном порядке, через бригадиров! А теперь расходитесь.

Переводчица успешно воспроизводит эти черты, насколько это можно сделать средствами итальянского языка:

- Un momento, non andatevene. Alle sei e trenta c'è una riunione generale. Dopo la manifestazione solenne, c'è uno spettacolo. La presenza è obbligatoria. Chi diserta andrà in isolamento. Ci sono domande?
- Ce n'è un sacco – si udirono delle voci dalle file – dobbiamo farle? <...>
- Buoni! Buoni! – urlò Churiev. – I reclami vanno inoltrati secondo il regolamento, per il tramite del caposquadra! E ora, andate...

Максимальная краткость и емкость достигается в фразе «Chi diserta andrà in isolamento». Точно воспроизведен и бюрократизм последней фразы «жалобы в установленном порядке».

Рассмотрим стратегии, которые использовала переводчица для передачи лексических единиц, свойственных социолекту военных.

Лексические единицы, свойственные уставному общению военных и лишенные национального колорита, переведены с использованием итальянских эквивалентов:

- гауптвахта – camera di punizione;*
- заключенный – detenuto;*
- конвойные бригады – squadre di sorveglianza;*
- койка – branda;*
- дневальный – piantone;*
- следователь – giudice istruttore;*
- составление малолетних – abuso dei minori;*
- казарма – caserma;*
- КПП – posto di controllo.*

Лексические единицы, обладающие национальным колоритом, переведены буквально, в соответствии с принципом «отчуждения» (советские реалии, соответствующие некоторым итальянским, не заменяются на последние, чтобы сохранить культурную дистанцию)¹:

- товарищ капитан – compagno capitano;*
- устьевский лагпункт – campi di rieducazione di Ust'-Vym.'*

¹ Salmon L. Nota alla traduzione. Sellerio editore Palermo, 2002. P. 237.

2. ЛАГЕРНО-ТЮРЕМНО-БЛАТНОЕ АРГО

В статье Грачева «Блатная музыка»¹ говорится, что уголовный жаргон (так называемая «блатная феня») зародился на Руси еще в эпоху Средневековья и изначально использовался бродячими торговцами (офенями).

Лагерно-тюремно-блатное арг – это социолект криминалитета, т. е. строгая система стилистически окрашенных лексических единиц². Поскольку это прежде всего стиль устного общения, в нем сохраняются черты, присущие разговорному стилю: эллипсис, оценочные суффиксы:

Молчавший до этого зек повторял:

– Вот так дачка – чистая бацилла! Начальник, гужанемся от души...

Ему мешали наручники. Он попросил:

– Сблочил бы манжеты. Или боишься, что винта нарежу?

Следует заострить внимание на переводе лексических единиц блатного арг.

Русский криминальный жаргон един по всему постсоветскому пространству. Это связано со спецификой устройства исправительно-трудовой системы в СССР и в особенности с менталитетом криминальных единиц. Многочисленность заключенных в советское время только способствовала развитию тюремной культуры и арга. В связи с многочисленными амнистиями последних лет многие единицы лагерно-тюремно-блатного арга органично влились в лексикон людей, не имеющих ничего общего с лагерями. Многие из них сегодня даже не считаются как язык криминалитета. Кроме того, русское лагерно-тюремно-блатное арг довольно хорошо изучено, существует не один словарь, кодифицирующий соответствующую лексику. Помимо отдельных лексических единиц есть целые лозунги, которые были так же хорошо понятны заключенному в любой тюрьме на территории СССР.

В Италии же дела обстоят иначе: там не только нет единого арестантского жаргона, но он даже представлен не во всех регионах и состоит преимущественно из диалектизмов. Лексемы криминального жаргона не зарегистрированы ни в одном словаре. Итальянское тюремное арг остается тайным языком и по сей день, и если оно существует, то в первую очередь остается принадлежностью мафиозных групп, а не лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Эти обстоятельства сильно затрудняют перевод соответствующего пласта лексики. Лаура Сальмон пишет: «Sul gergo carcerario di Dovlatov, ho usato conoscenze personali, corpora di confronto e, soprattutto, consulenze di nativi esperti. Il problema non è mai capire il TP, ma trovare un'equivalenza nel TA italiano, cioè in una lingua che è artificiale e recente (l'italiano «standard», infatti, è spaventosamente povero). Infatti, il gergo carcerario è dialettale in Italia e ha valore solo per le singole regioni»³.

С точки зрения получившихся результатов, единицы можно разделить на несколько групп.

¹ Грачев М.А. Блатная музыка // Мусарт. 2006. № 3. С. 18.

² Балдаев Д.С., Белко В.К., Исунов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. М.: Края Москвы, 1992. С. 3.

³ «Что касается тюремного жаргона у Довлатова, я использовала личные связи, параллельный корпус и преимущественно консультации местных экспертов. Проблема не в том, чтобы понять оригинал, а в том, чтобы найти эквивалент в переводящем языке, в итальянском, т. е. в языке искусственном и молодом (итальяно стандарт пугающе беден). На самом деле тюремный жаргон в Италии имеет диалектальную природу и ценен только для некоторых регионов».

1. Перевод стилистически адекватен (сохранен сниженный стиль):

манжеты – polsini;
икура – troietta;
будка – grugno;
мент – sbirro;
фрайер – pivello.

2. Переведено нейтральным эквивалентом:

ксива – documento;
щипач – borsaiolo;
шнырь – ausiliario;
фарцовщица – speculante;
фартовый – che ha fortuna.

3. Переведено экзотизмом:

чифир – ċifir;
чифирист – ċifrice;
самовар – samovar (в значении ‘емкость для заварки чифиря’).

4. Утрачено:

кликуха – un piccolo soprannome (суффикс -ух- не является уменьшительным);
похабный – orribile¹.

Еще бóльшие трудности представляет перевод криминальных лозунгов, поскольку они не только содержат специфическую лексику, но и имеют особую синтаксическую и ритмическую структуру: «*День кантовки – месяц жизни*» – «*Un giorno di ozio è come un mese di vita*»

К сожалению, при переводе утратилась емкость, лапидарность лозунга, который годами шлифовался тысячами арестантов. Однако смысл фразы передан довольно точно.

В тексте иронически переосмыслена воровская присказка «Век свободы не видать»:

<i>– Вот уже шестьдесят лет... Слышно?</i> <i>Вместо ответа из зала донеслось:</i> <i>– Шестьдесят лет свободы не видать...</i>	<i>– Sono ormai sessant'anni... Sentite?</i> <i>Invece della risposta si udì dalla platea:</i> <i>– Sono ormai sessant'anni che manca la libertà...</i>
---	---

Несмотря на то что смысл фразы передан точно, сама фраза воспринимается без должной иронии и приобретает глубоко трагический смысл. Такой эффект вызван отсутствием в итальянском языковом сознании подобных формулировок.

Отдельно следует остановиться на эпизоде фонетического подражания русско-му тюремно-лагерно-блатному аргю.

¹ Похабный – непристойный, бесстыдный; грубо сексуальный (Источник: Словарь сексуальных терминов).

– Не знаю, как быть, Феликс Эдмундович... Полинка моя совсем одичала. Ревнует меня к службе, понял? (У Геши выходило – поэт.) ...Скучаю, говорит... а ведь люблю я ее, Полинку-то... Невеста она мне, поэт? Сердцем моим завладела, поэт?..	– Non so che fare, Feliks Edmundovič... La mia Polina è completamente fuori di testa. È gelosa del mio lavoro, capito? – (A Geša era venuto «‘pito») – ...Dice che è triste... Ma io la amo, la Polina... È la mia fidanzata, ‘pito? Ha conquistato il mio cuore, ‘pito?
---	--

Редуцированное «сарито» в целом отвечает необходимому запросу: создает речевой портрет говорящего как человека из низких социальных слоев.

Пристальный анализ русского текста в сопоставлении с итальянским позволил выявить, что спецификой речи заключенных в рассказе является ритмическая организация спонтанной речи:

– Замри, картавый, перед беспредельщиной!..	(U/)(U/)(UU)(UU)(U/)(UU)
– Линяй отсюда, дядя, подгорели кренделя!..	(U/)(U/)(U/)(UU)(U/)(UU)(U/)
– Дослушайте же, псы! Осталось с гулькин хер!	(U/)(UU)(U/)(U/)(U/)(U/)
– Кончайте базарить!	(U/U)(U/U)
– Вот так дачка – чистая бацилла!	(UU)(/U)(/U)(UU)(/U)
– Начальник, гужанемся от души!	(U/)(UU)(U/)(UU)(U/)

Существуют исследования, указывающие на склонность автора ритмизовать некоторые участки прозаического текста для достижения лирического эффекта. Так, на это указывает Каргашин в работе «Освобожденное слово. Поэтика прозы Сергея Довлатова»: «Особо следует сказать о ритме довлатовского повествования. Сознательно избегая случайного повтора, совпадений языковых элементов (на фонетическом, лексическом уровнях), писатель в то же время активно использует повторяемость речевых единиц в качестве поэтического принципа. В целом примеры ритмизации повествования у Довлатова чрезвычайно многочисленны»¹. Также Иосиф Бродский указывал на то, что «двигало им [Довлатовым] вполне бессознательное ощущение, что проза должна мериться стихом»². Высказанное Бахтиным положение о том, что «мир поэзии, сколько бы противоречий и безысходных конфликтов ни раскрывалось в нем поэтом, всегда освещен единым и бесспорным словом»³, Каргашин счел⁴ организующим принципом довлатовской прозы.

В работах подобного толка не встречается тезисов о том, что Довлатов ритмизует спонтанную речь персонажей. Однако анализ текста рассказа позволяет высказать гипотезу, что одиночные выкрики зеков организованы ритмически.

В итальянском переводе ритмическая организация спонтанной речи зеков отсутствует:

¹ Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова // О Довлатове: Статьи, рецензии, воспоминания / Сост. Е. Довлатова. Тверь, 2001. С. 56.

² Бродский И.А. О Сереже Довлатове. С. 5.

³ Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Теория романа. М.: Русские словари, 1997. С. 39.

⁴ Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова. Тверь, 2001. С. 75.

– Ma smettila, erre moscia, sei davanti ai fuorilegge!	U/UU/U/U/U/U/UUU/U
– Smamma, barbeta, che mamma ha fatto i gnocchi.	/UU/UU/UU/UU/U
– E lasciatemi finire, cani che non siete altro! C'è rimasto meno di una sega!	UU/UUU/U/UUU/U/U/UU/U/UU/U/U
– Questo sì che mi sta bene, autentiche proteine!	/U/UU//UUUU/UUU/U
– Capo, qui ce la spassiamo davvero...	/U/UUU/U/UU

Однако мы не можем поставить в упрек переводчице отсутствие ритма. Во-первых, это всего лишь гипотеза, а во-вторых, носитель итальянского языка не считает силлабо-тонические размеры, следовательно, он не распознал бы и ритм прозы рассказа.

3. СТИЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ СОЦРЕАЛИЗМА

Краткая литературная энциклопедия определяет соцреализм следующим образом: «...художественный метод литературы и искусства, сложившийся на рубеже XX века, утвердившийся в годы начавшегося социалистического переустройства мира, ставший основным методом советской литературы; отражение современного исторического процесса в свете идеалов социализма определяет и содержание и художественно-структурные принципы С. р.»¹. Главные художественные принципы соцреализма: народность, идейность, конкретность.

Как пример литературы соцреализма в рассказе представлены отрывки из несуществующей пьесы «Кремлевские звезды» несуществующего писателя Якова Чичельницкого.

– <i>Главное достояние революции – люди. Беречь их – дело архиважное... Так что собирайтесь, и в Крым, батенька, в Крым!</i>	– <i>Il patrimonio fondamentale della rivoluzione sono le persone. Proteggerle è cosa della massima importanza... Dunque faccia la valigia e vada in Crimea, caro amico, in Crimea!</i>
– <i>Рано, Владимир Ильич, рано... Вот покончим с меньшевиками...</i>	– <i>È presto, Vladimir Il'ič, è presto... Quando avremo sistemato le cose coi menscevichi...</i>

В связи с пьесой возникают трудные для перевода советизмы, т. е. слова, словосочетания или значение многозначного слова, появившиеся после 1917 г. и, как правило, связанные с реалиями советского времени².

Следует отдельно остановиться на стратегии перевода словообразовательных конструктов типа «предсовнарком», «замполит», «эсер». Искомые единицы не обозначаются в переводящем языке сложносокращенными словами, поэтому переводчице пришлось переводить эти единицы перифрастически:

замполит – *istruttore politico*;

эсер – *socialista rivoluzionario*;

предсовнарком – *presidente del soviet dei commissari del popolo*.

¹ Краткая литературная энциклопедия: [В 9 т.] / Гл. ред. А.А. Сурков. Т. 7. М.: Сов. энцикл., 1972. С. 243.

² Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Сост.: Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН. М., 1998. С. 165.

По возможности эти единицы опускаются:

на колхозном рынке – al mercato;

сберкасса – banca.

Прочие единицы переводятся буквально:

Дом культуры – Casa della cultura;

60-летие советской власти – i sessant'anni del potere sovietico;

ленинская комната – il centro educazione leninista;

контрреволюция – contrrivoluzione.

Для некоторых единиц используются уже существующие в итальянском заимствования из русского языка:

меньшевики – menscevichi;

ЧК – Āeka;

чекист – ĉekista.

Особый стиль литературы соцреализма и социалистического дискурса вообще создают укоренившиеся в русском языке формулы. Некоторые из них известны и итальянскому языку:

железный Феликс – il ferreo Feliks.

Однако большая часть отсутствует в переводящем языке, поэтому их приходится переводить буквально, что неминуемо ведет к утрате характерных черт социалистического дискурса:

вождь мирового пролетариата – la guida del proletario mondiale;

омут мещанства – tunnel piccolo-borghese;

капиталистические джунгли – giungla capitalista;

совесть революции – la coscienza della rivoluzione.

В соответствии с принципом народности литература соцреализма использует не только формулы социалистического дискурса, но и элементы фольклора, которые переводчица заменяет смысловыми эквивалентами:

голубь мой сизокрылый – angelo mio ardito;

как во поле рябину – come un cespuglio in un campo.

Помимо несуществующей пьесы в тексте рассказа цитируются первые строки Интернационала:

<...> ...Вставай, проклятьем заклеянный...	<...> Lèvati, marchiato d'infamia
<...> ...Весь мир голодных и рабов...	<...> mondo di schiavi ed affamati...
<...> ...Кипит наш разум возмущенный, / На смертный бой идти готов...	<...> Ribolle indignata la nostra ragione pronta a lottar fino alla morte...
<...>...Весь мир насилия мы разрушим / До основанья, а затем...	<...> Distruggeremo il mondo violento fino alle fondamenta e...

Переводчица отказывается от уже существующих переводов Интернационала на итальянский язык и предлагает свой вариант, поскольку существующий перевод далек по смыслу от русского текста.

4. ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ СТИЛЬ ГЕРОЯ-РАССКАЗЧИКА ДОВЛАТОВА

Согласно Словарю лингвистических терминов Ахмановой, «стиль индивидуальный – совокупность основных стилистических элементов, неизменно присутствующих в произведениях данного автора в определенный период его творчества или распространяющихся на все его творчество в целом»¹.

В статье «Освобожденное слово» И. Каргашин пишет, что «стилевой доминантой повествования в прозе Довлатова становится установка на предельно лаконичную, лишённую “украшений” фразу. Повествование организовано прежде всего при помощи стилистически “нейтрального” слова. Обычно автор намеренно избегает каких-либо форм диалектной, просторечной, даже разговорной лексики и вообще – повышенной эмоциональности, выделенности слова; в этом смысле следует подчеркнуть демонстративно “нейтральный” характер его речевого поведения»². Художественная позиция Довлатова высказана в «Заповеднике»: «Я шел и думал – мир охвачен безумием. Безумие становится нормой. Норма вызывает ощущение чужда»³.

О «норме» как о ключевом понятии литературного наследия Довлатова пишет и сама Сальмон в книге «Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова», сплетая воедино норму и безумие: «...герои Довлатова проявляют то родство с “нормальным” и поэтому страшным безумием, о котором говорит Джоанола как о специфике творчества Пиранделло (Gioanola, 1983, 117–163): это не конкретная, осуществившаяся патология, а душевный потенциал, который объединяет все описанное в картину “аномальной нормальности”»⁴.

Немаловажным элементом довлатовской прозы является ирония. Однако довлатовский тип иронии – особенный. Герой-рассказчик Довлатова не смотрит на объект иронии сверху вниз, а осознает свою неразделимость с ним, поэтому довлатовская ирония всегда горькая, эмпатичная.

Ирония выражается, например, стилистическими средствами: в данном конкретном примере используется резкий переход от нейтрального повествования к риторике комсомольских собраний:

Я шел через зону, хотя мог бы обойти ее по тропе нарядов. Вот уже год я специально хожу по зоне ночью. Всё надеюсь привыкнуть к ощущению страха. Проблема личной храбрости у нас стоит довольно остро. Рекордсменами в этом деле считаются литовцы и татары.	Passai per il campo, anche se avrei potuto aggirarlo lungo il sentiero di sorveglianza. Era già un anno che passavo di proposito, di notte, attraverso il campo. Sempre nella speranza di abituarli alla sensazione di paura. Il problema del coraggio personale per noi è il più sentito. In quest'ambito si ritiene che il record spetti ai lituani e ai tatarì
--	---

Переводчица сохранила нейтральность речи довлатовского героя-рассказчика, однако эквивалента для риторики комсомольских собраний найти не удалось, поскольку итальянское языковое сознание не знает, что это такое. К сожалению, это приводит к утрате уникального довлатовского юмора, который достигается контрастом между нейтральной речью «простого человека» и безумием речевых оборотов пропаганды.

Вот еще один пример довлатовской иронии:

¹ Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. С. 445.

² Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова. С. 118.

³ Довлатов С.Д. Зона: Записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. М.: ПИК, 1991. С. 345.

⁴ Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008. С. 113.

<p>Сначала незнакомый зек прочитал две басни Крылова. Изображая стрекозу, он разворачивал бумажный веер. Переключаясь на муравья, размахивал воображаемой лопатой</p>	<p>Dapprima un detenuto sconosciuto recitò due favole di Krylov. Per raffigurare la cicala, agitava un ventaglio di carta. Per trasformarsi in formica, zappava con una vanga immaginaria.</p>
---	--

Трудно понять, почему этот отрывок кажется смешным. Однако в предисловии к «Механизмам юмора» есть слова, которые помогают это понять: «Читая Довлатова, – пишет Лаура Сальмон, – смеешься не оттого, что “смешно”, а потому, что на твоих глазах происходит раскрытие абсурдного, парадоксального состояния, в котором пребывает мир»¹.

Проанализировав перевод рассказа С.Д. Довлатова «Представление», мы позволим себе сделать ряд выводов.

Переводчица очень бережно отнеслась к тексту оригинала и постаралась сохранить стилистическую окрашенность текста там, где это было возможно. Стилистически низкая речь зеков, наиболее колоритная часть рассказа, передана стилистически низкими единицами. Однако итальянский язык и культурное и историческое наследие Италии не позволяют перевести текст точно. По этой причине перевод сильно теряет в колорите, выпуклости образов, живости речи и уникальности прозы Довлатова.

Немногочисленные ошибки при переводе связаны с тем, что автор – носитель другой культуры и не всегда может верно распознать реалию.

Одним из достоинств перевода можно назвать данный автором текст «Интернационала», который ближе к русскому варианту, чем итальянский классический текст.

Как ученый, пристально изучающий творчество Довлатова, автор многочисленных работ о специфике его творчества, Сальмон не могла не сохранить общую тональность повествования, контраст между нейтральным стилем героя-рассказчика и тремя другими стилями.

Выполненный перевод, вероятно, без затруднений считывается итальянским читателем и дает ему более-менее полное представление о специфике Довлатова как писателя, т. е. выполняет все необходимые функции перевода.

ЛИТЕРАТУРА

Арьев А. Блаженный смех (О книге Лауры Сальмон) // Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008. С. 3–15.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 576 с.

Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

Бахтин М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 3. Теория романа. М.: Русские словари, 1997. 880 с.

Бродский И.А. О Сереже Довлатове // Звезда. 1992. № 2. С. 35–51.

Глэд Д. Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М.: Книжная палата, 1991. 320 с.

Грачев М.А. Блатная музыка // Мусарт. 2006. № 3. С. 143–151.

Довлатов С.Д. Зона: Записки надзирателя; Компромисс; Заповедник. М.: ПИК, 1991. 380 с.

¹ *Арьев А.* Блаженный смех (О книге Лауры Сальмон) // Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова. М., 2008. С. 6.

Каргашин И. Освобожденное слово: поэтика прозы Сергея Довлатова // О Довлатове: Статьи, рецензии, воспоминания / Сост. Е. Довлатова. Тверь, 2001. С. 102–124.

Краткая литературная энциклопедия: [В 9 т.]. Т. 7 / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1972. 1008 с.

Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии / Сост.: Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев; Институт русского языка им. В.В. Виноградова, РАН. М., 1998. 354 с.

Сальмон Л. Механизмы юмора. О творчестве Сергея Довлатова / ИМЛИ РАН им. А.М. Горького. М., 2008. 150 с.

Salmon L. Nota alla traduzione. Sellerio editore Palermo, 2002. P. 237–249.

REFERENCES

A Brief Conceptual-Terminological Reference Book on Etymology and Historical Lexicology / Eds.: Zh.Zh. Varbot, A.F. Zhuravlev; V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences. Moscow. 1998. 354 p.

Akhmanova O.S. (1966) Linguistic Dictionary. Moscow. Sovetskaya Enciklopedia Publ. 276 p.

Arev A. Blessed Laughter (Note about Laura Salmon's Book). In: The Mechanisms of Humour. Note about Sergei Dovlatov's Prose. Moscow. 2008, pp. 3–15.

Bakhtin M. Collected Works: In 7 vols. Vol. 3. Teory of Novel. Moscow. Russkie Slovarei Publ. 1997. 880 p.

Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. (1992) Criminal Slang Dictionary: Speech and Grafic Portrait of a Soviet Prison. Moscow. Kraya Moskvyy Publ. 526 p.

Brodskiy I.A. About Serezha Dovlatov. *Zvezda*. 1992. No 2, pp. 35–51.

Concise Literary Encyclopedia: [In 9 vols.]. Vol. 7 / Ed.: A.A. Surkov. Moscow. Sovetskaya Enciklopedia Publ. 1972. 1008 p.

Dovlatov S.D. (1991) Zone; Notes of a Warden; Kompromiss; Zapovednik. Moscow. PIK Publ. 380 p.

Grachev M.A. Thief Music. *Musart*. 2006. No 3, pp. 143–151.

Gled D. (1991) Conversations in Exile. Russian Literature Abroad. Moscow. Knizhnaya Palata Publ. 320 p.

Kargashin I. Deliberated Word: Poetics of Sergei Dovlatov's Prose. In: About Dovlatov: Articles, Comments, Memories / Comp.: E. Dovlatova. Tver. 2001, pp. 102–124.

Salmon L. (2002) Nota alla traduzione. Sellerio editore Palermo, pp. 237–249.

Salmon L. (2008) The Mechanisms of Humour. Note about Sergei Dovlatov's Prose. Moscow. 150 p.

Сведения об авторе:

Алиса Андреевна Цыганкова,
студент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Alisa A. Tsygankova,
Student
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
osip.polskiy@mail.ru

Библиографии

Bibliography

В.А. Воропаев (Москва, Россия)

**Библиография произведений
Н.В. Гоголя и литературы о нем на русском языке (1940–1954)**

V.A. Voropaev (Moscow, Russia)

**The Bibliography of N.V. Gogol's Works
and Literature about Him in Russian. 1940–1954**

1940

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма. Рига: Латвийское гос. изд-во [Латгосиздат], 1940.

Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 1: Ганц Кюхельgarten. Вечера на хуторе близ Диканьки / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, Н.П. Андреев, А.И. Белецкий, Г.С. Виноградов, В.В. Гиппиус, М.К. Клеман, Н.К. Пиксанов, Н.Л. Степанов, П.Т. Щипунов; ред. тома М.К. Клеман; вступ. статья В.В. Гиппиуса. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1940. 555 с.: ил. 15175 экз.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. С. 21–58.

Содерж.:

От редакции. С. 5–20.

Ганц Кюхельgarten: идиллия в картинах. С. 59–100.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком. С. 101–316.

Приложение:

Опечатки. С. 317–318.

Другие редакции. С. 319–456.

Варианты. С. 457–490.

Коммент. С. 491–552.

Перечень иллюстраций. С. 553.

Т. 10: Письма 1820–1835 / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, Г.А. Бялый, Г.С. Виноградов, Ц.С. Вольпе, В.В. Гиппиус, Б.П. Городецкий, А.И. Грушкин, А.Г. Дементьев, С.Н. Дурылин, А.И. Комаров, Л.В. Крестова, А.Н. Михайлова, Л.Б. Модзалевский, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, Л.А. Плоткин, И.Г. Ямпольский; хронологическая канва (даты жизни Гоголя) сост. Г.С. Виноградовым; ред. тома В.В. Гиппиус. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1940. 539 с.: ил. 15175 экз.

Содерж.:

От редакции. С. 5–7.

Даты жизни Н.В. Гоголя <1777–1835>. С. 9–28.

Письма 1820–1835. С. 29–380.

Деловые бумаги. 1828–1835. С. 381–384.

Коммент. С. 385–501.

Указ. писем по адресатам.

Указ. имен.

Перечень иллюстраций. С. 530.

[Рец.: *Борщевский С. Н. В.* Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. X. Письма // Литературное обозрение. М., 1941. № 6. С. 63–66.]

ЛИТЕРАТУРА

Александров Р. Н. Гоголь и Белинский. Тезисы к диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ленинградский гос. ун-т. Л., 1940. 4 с.

Анисимова А. И., Шевченко П. А. Повесть «Тарас Бульба» в VII классе // Литература в школе. М., 1940. № 4. С. 54–60.

Георгиевский Г. Среди рукописей // Известия. М., 1940. 29 сентября. № 227.

[В частности, предание, как скульптор Н. А. Андреев, автор памятника Гоголю в Москве, слышал рассказы о том, как Гоголь в церкви кутался в шинель. К истории творческого замысла.]

Георгиевский Г. и Ром<о>дановская А. Рукописи Н. В. Гоголя. Каталог / Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина. М.: Соцэргиз [Гос. изд-во социально-экономической литературы], 1940. 128 с.

[Изложение содержания писем Д. К. Малиновского к Гоголю (1–12 апреля 1847 г.). С. 107.]

Данилов В. В. Украинские реминисценции в «Мертвых душах» Гоголя // Наукові записки Ніжинського пед. ін-ту. Ніжин, 1940. Т. I. С. 77–91.

Классики русской драмы: научно-популярные очерки / Под общ. ред. В. А. Десницкого. М.; Л.: Искусство, 1940. 388 с.

Из содерж.:

Гиппиус В. Н. В. Гоголь. 1809–1852.

Клитин С. В. Массовая инсценировка по произведениям Н. В. Гоголя (Из опыта работы в 1-й школе Куйбышевского района // Ленинградский городской ин-т усовершенствования учителей. Научно-методические записки. Т. 3: Факультет языка и литературы / Под ред. Н. М. Верзилина. Вып. 1. Л., 1940. С. 195–213.

Локс К. Р. Комедия в творчестве Гоголя // Литературная учеба. М., 1940. № 8–9. С. 62–75.

Масанов Ю. И. Литературные мистификации // Советская библиография: сб. / Всесоюзная книжная палата. М., 1940. № 1(18). С. 126–144.

[О «Мертвых душах» Гоголя: С. 135–137.]

[Отд. оттиск: М., 1940. 19 с.]

Машинский С. Историческая повесть Гоголя. М.: Советский писатель, 1940. 248 с. – (Творческий опыт классиков).

[Монография о «Тарасе Бульбе».]

Пухтинский В. К. Гоголь и античность // Наукові записки Ніжинського держ. пед. ін-та. Т. 1. Ніжин 1940. С. 92–125.

Рогов М. «Вий» // Кочегарка. [Горловка,] 1940. 29 декабря.

[Рец. на постановку Горловского городского драматического театра.]

Тимофеев Л. И. Основы теории литературы: Учебное пособие для вузов. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во НКПроса РСФСР [Учпедгиз], 1940. 191 с.

[О Гоголе: С. 127–128, 132–133 и др.]

Цейтлин А.Г. Русская литература первой половины XIX века: Учебник для высших учебных заведений. М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во НКПроса РСФСР [Учпедгиз], 1940. 608 с.: ил.

[О Гоголе: С. 317–345 и др.]

Чапленко В.К. Украинизмы в языке Гоголя // Литературная учеба. М., 1940. № 2. С. 53–69.

1941

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Рис. Кукрыниксы. М.; Л.: Изд-во детской литературы, 1941. 207 с. – (Школьная библиотека). 100000 экз.

Примеч. С. 199–200.

Словарь. С. 201–206.

Мертвые души: поэма. Т. 1–2 / Рис. А.А. Агина. Махачкала: Дагестанское гос. изд-во [Даггиз], 1941. 296 с.: ил. 10 000 экз.

[В тексте 17 иллюстраций.]

Ночь перед Рождеством / Рис. Е. Сахновской. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1941. 46 с.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / Рис. Кукрыниксы. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1941. 80 с. – (Библиотечка школьника). 100000 экз.

Собрание сочинений: В 6 т. / Под ред. Н.С. Ашукина, В.Ф. Переверзева и М.Б. Храпченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1937–1941.

Т. 5: Мертвые души: поэма. М.: ГИХЛ, 1941. 582 с. 5000 экз.

Т. 6. Арабески. Статьи 1829–1839. Выбранные места из переписки с друзьями. М.: ГИХЛ, 1941. 516 с. 5000 экз.

Статьи: Женщина; О поэзии Козлова; Москва и Петербург; Ночи на вилле.

Приложение:

Письмо Гоголя к Аркадию Осиповичу Россетти. С. 495–499.

Письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю. С. 500–512.

Примеч. С. 513–514.

ЛИТЕРАТУРА

Борщевский С. Н.В. Гоголь. Полное собрание сочинений. Т. X. Письма [Рецензия] // Литературное обозрение. М., 1941. № 6. С. 63–66.

[Рец. на кн.: *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений: [В 14 т.] Т. 10. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1940.]

Булаховский А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Т. 1: Лексика и общие замечания о слове. Киев: Радянська школа, 1941. 452 с.

[О Гоголе: С. 127 и др.]

Гиппиус В.В. Заметки о Гоголе // Ученые записки Ленинградского гос. ун-та. Серия филологических наук. Вып. 11. Л., 1941. С. 3–21.

VI. Листок из «пепла» второго тома Мертвых душ. С. 18–21.

[Утверждение автора, что отрывок «Со всех сторон Чагровому...» (напечатанный в издании 1896 г., т. VII) является фрагментом 2-го тома «Мертвых душ».]

Гуковский Г.А., Клитин С.В. К вопросу о преподавании литературы в школе / Ленинградский городской ин-т усовершенствования учителей. Л., 1941. 124 с.

Иоффе Ф.М. Тема «маленького человека» и повесть Гоголя «Шинель» // Литература в школе. М., 1941. № 1. С. 12–20.

Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм. М.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1941. 371 с.

[О Гоголе: С. 37–38, 50, 52, 65, 130, 184, 186–188, 193–196, 250, 253, 267, 281–282, 306.]

[Рец.: *Тихомиров Г.С.* Вопросы теории литературы // Советская книга. М., 1951. № 1. С. 90–91; *Эльсберг Я.Е.* Об одном ошибочном противопоставлении // Литературная газета. М., 1950. 2 декабря.]

Машинский С.О. Заметки об исторической прозе Н.В. Гоголя // Литературная учеба. М., 1941. № 1. С. 40–56.

Сценуро Д.А. Ход изучения литературных произведений в старших классах средней школы (Разбор поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»). Одесса, 1941. 34 с. – (Обмен педагогическим опытом).

1942

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ночь перед Рождеством / Рис. Е. Сахновской. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1942. 46 с.: ил.

ЛИТЕРАТУРА

Дурылин С.Н. Гоголь о народном героизме // Литература и искусство. М., 1942. 8 марта. № 10.

Дурылин С.Н. Идея и образ родины в русской литературе (от Ломоносова до Гоголя) // Октябрь. М., 1942. № 3–4. С. 162–167.

Пахомов Н. «Мертвые души» Гоголя (К 100-летию первого издания) // Огонек. М., 1942. № 15. С. 15.

Туроверов Н. Стихи. Книга четвертая. Париж: Кружок казаков-литераторов, 1942. 63 с. Гоголь (1939).

[См. также: *Туроверов Н.* Гоголь: [стихотворение] // Русская Мысль. Париж, 1952. 5 марта. № 429. Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 139–140.]

1943

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Рис. Кукрыниксы. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1943. 192 с.: ил. – (Школьная библиотека). 100000 экз.

[Примеч. в тексте.]

Избранное / Подгот. текста и вступ. статья С.Н. Дурылина; под ред. А.М. Еголина, Е.Н. Михайловой, И.Н. Розанова. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1943. 116 с. – (Писатели-патриоты великой родины). 25000 экз.

Загл. вступ. статьи: Гоголь и Родина. С. 3–14.

Содерж.:

Тарас Бульба (отрывки). С. 15–55.

Страшная месть (отрывок). С. 55–58.

Кровавый бандурист (Глава из романа). С. 58–65.
О малороссийских песнях. С. 65–69.
Мертвые души: поэма. Т. 1 (отрывки). С. 69–78.
Мертвые души: поэма. Т. 2 (отрывки). С. 78–81.
Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» (отрывок). С. 81–83.
Из писем на родину (1836–1850). С. 83–95.
[С.Т. Аксакову, М.П. Балабиной, П.А. Вяземскому, М.И. Гоголь, А.С. Данилевскому, В.А. Жуковскому, А.Ф. Орлову, М.П. Погодину, А.О. Смирновой, А.С. Стурдзе.]
Нужно любить Россию (отрывок). С. 95–96.
О лиризме наших поэтов (отрывок). С. 97–99.
Предметы для лирического поэта в нынешнее время (отрывок). С. 99–100.
Несколько слов о Пушкине. С. 100–104.
В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность (отрывки). С. 105–116.
Тарас Бульба: повесть / Рис. Кукрыниксы. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1943. 119 с.: ил. – (Школьная библиотека). 50000 экз.
[Примеч. в тексте.]

ЛИТЕРАТУРА

Иоффе И.И. «Мертвые души» и русский реализм (1842–1942) // Ученые записки Ленинградского ун-та. № 87. Л., 1943. С. 173–203.

1944

ЛИТЕРАТУРА

Данилов С.С. История русского драматического театра: очерки: [курс, читанный в Ленинградском гос. театральном институте, в Молотовском гос. пед. институте и в Молотовской областной театральной студии; напечатано на правах рукописи в качестве пособия для учащихся Молотовской областной театральной студии при Молотовском драматическом театре] / Молотовский драматический театр; [отв. ред. К. Державин]. Молотов: [Типография областного изд-ва «Звезда»], 1944. 612 с.
[В частности, Гоголь и театр.]

Дементьев А. Великие идеи патриотизма в творчестве русских классиков. Л.: Военное изд-во. Отделение при Ленинградском фронте, 1944. 77 с.
[Русские писатели (Гоголь, Ф.М. Достоевский, Д.И. Писарев, А.И. Герцен) о немцах.]

Первомайский Л. Тарас Бульба // Правда Украины. Киев, 1944.

Симонов К. Тарас Бульба: [стихотворение] // За честь Родины. 1944.

Федотов Г. О книге В. Набокова «Nicolai Gogol» (Norfolk, Conn., New Directions, 1944) // Новый Журнал. Нью-Йорк, 1944. № 9. С. 368–370.
[Перепечатано: Литературная Россия. М., 1989. 31 марта. № 13. С. 21; Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 185–187.]

1945

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ревизор: комедия. 2nd ed. London: Sir Isaak Pitman&Sons, Ltd., 1945. 156 с. – (Bondar's Russian Readers; 5). На рус. и англ. яз.

ЛИТЕРАТУРА

Водовозов Н.В. Николай Васильевич Гоголь. М.: Молодая гвардия, 1945. 120 с. – (Великие русские люди).

Мордовченко Н.И. Первая редакция «Театрального разезда» Гоголя // Научный бюллетень Ленинградского ун-та. Л., 1945. С. 27–29.

1946

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ревизор / Послесл. и примеч. Н.С. Ашукина; ил. Д.Н. Кардовского. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1946. 128 с. – (Библиотека школьника).

Загл. послесл.: Комедия «Ревизор». С. 122–123.

Объяснение отдельных слов и выражений. С. 124–128.

Тарас Бульба / Автолитографии Е. Кибрика. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1946. 154 с.

ЛИТЕРАТУРА

Адамс В. Идиллия Н.В. Гоголя «Ганц Кюхельгартен» в свете его природоописаний. Тарту: Научная литература, 1946. 50 с. – (Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 1).

Еголин А.Е. Освободительные и патриотические идеи русской литературы XIX века. [Л.:] Советский писатель, 1946. 413 с.

[Гоголь: С. 82–103.]

Лазаревский И. Александр Алексеевич Агин. 1817–1875. М.; Л.: Гос. изд-во Искусство, 1946. 27 с.

[А.А. Агин – иллюстратор «Мертвых душ». С. 16–24.]

Нейман Б.В. Лермонтов и Гоголь // Ученые записки Московского ун-та. Труды кафедры русской литературы. Вып. 118. Кн. 2. М., 1946. С. 124–138.

Пруцков Н.И. Этапы развития гоголевского направления в русской литературе // Ученые записки Грозненского пед. ин-та. Вып. 2. Грозный, 1946. С. 63–149.

Ревякин А.И. Художественная проза раннего Островского // Ученые записки Московского городского пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Т. 7. Кафедра русской литературы. Вып. 1. М., 1946. С. 75–98.

[А.Н. Островский и Гоголь.]

Чехов М. О технике актера [Издание автора.] 1946. 288 с.

[Книга издана в США. То же: М.: Изд-во АСТ, 2018. – (Сер. Эксклюзив: Русская классика.)]

[О Гоголе: С. 111.]

Шик А. Гоголь в Ницце // Новый журнал. Нью-Йорк, 1946. № 12. С. 179–192.

[Отд. изд.: *Шик А.А.* Гоголь в Ницце. Париж, 1946. 60 с.: ил. (Paris, O Zeluck, 1946)].

1947

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Избранные произведения / Ред. и примеч. А.Л. Слонимского. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1947. 551 с.: 16 л. ил.: ил.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести; Драматические произведения; Мертвые души.

Мертвые души: поэма. Ч. 1 / Ил. П. Соколова; общ. ред. проф. Ф.М. Головенченко. М.: Огиз: Гослитиздат [Гос. изд-во художественной литературы], 1947. 180 с.: ил. – (Серия Русская классическая литература). 10000 экз.

[Печ. по тексту, подготовленному для VI тома Полного собрания сочинений Н.В. Гоголя изд-вом Академии наук СССР.]

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Письма к Гоголю / Ред., послесл. и примеч. Ф.М. Головенченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1947. 32 с.

<Гоголь Н.В.> Николай Васильевич Гоголь: Рекомендательный указатель литературы / Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина; сост. Е.С. Смирнова-Чикина; под общ. ред. проф. Н.Л. Бродского. М., 1947. 165 с. – (Великие русские писатели. Вып. 7).

[Систематический аннотированный указатель (около 150 номеров).]

Поспелов Г.Н. Н.В. Гоголь (1809–1852): Жизнь и творчество / Политуправление военно-морских сил. В помощь работнику флотской печати. М., 1947. 22 с.

Пруцков Н.И. Историко-литературные очерки / Под ред. А.Г. Цейтлина. Грозный: Грозненское областное изд-во, 1947. 206 с.

Слонимский А.Л. История создания «Женитьбы» Гоголя // Русские классики и театр / Научно-исследовательский институт театра и музыки. М.; Л.: Искусство, 1947. С. 307–335.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпотина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1939–1953.

Т. 3: Очерки гоголевского периода русской литературы. Статьи и рецензии 1856 года. М., Гослитиздат, 1947. 884 с.

Записки о жизни Н.В. Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. СПб., 1856. С. 524–536.

[Впервые: Современник. 1856. Т. LVII. № 5.]

[Указ. имен.]

1948

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Избранные произведения / Ред., вступ. статья и примеч. С. Машинского. М.: Московский рабочий, 1948. 980 с. – (Библиотека русских писателей).

Загл. вступ. статьи: Гоголь. С. 3–38.

Примеч. С. 961–977.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести: Невский проспект, Записки сумасшедшего, Шинель; Драматические произведения: Ревизор, Женитьба. Мертвые души (Т. 1–2).

Избранные произведения. М.: ОГИЗ. Гослитиздат [Гос. изд-во художественной литературы], 1948. 498 с.

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Повести; комедии; Мертвые души.

Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством / Ил. М. Дерегуса. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1948. 130 с.: ил.

[Примеч. в тексте.]

Мертвые души / [Ил. В. Маковского]. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1948. 367 с.: ил.

Ревизор / Рис. К. Рудакова. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1948. 155 с.: ил.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев М.П. И.С. Тургенев – пропагандист русской литературы на Западе // Труды Отдела новой русской литературы / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР; отв. ред. Б.С. Мейлах. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 39–80. [И.С. Тургенев как переводчик Гоголя и других русских писателей.]

Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 3 т. / Под общ. ред. Ф.М. Головенченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1948.

Т. 1: Статьи и рецензии: 1834–1841. М.: Гослитиздат, 1948. 802 с.

О русской повести и повестях Гоголя («Арабески» и «Миргород»). С. 100–147.

«Горе от ума». С. 453–517.

Т. 2: Статьи и рецензии: 1841–1846. М.: Гослитиздат, 1948. 932 с.

«Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 280–293.

Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 294–301.

Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». С. 320–343.

Т. 3: Статьи и рецензии: 1843–1848. М.: Гослитиздат, 1948. 928 с.

«Похождения Чичикова, или Мертвые души». Изд. 2-е. С. 684–686.

«Выбранные места из переписки с друзьями». С. 687–706.

Письмо к Гоголю. С. 707–715.

[Указ. имен.]

Бицилли П.М. Проблема человека у Гоголя // Годишник на Софийския Университет. Историко-филологически факултет. Т. 44. Ч. 4. София, 1948. С. 1–32.

[Перепечатано: *Бицилли П.М.* Избранные труды по филологии / Отв. ред. член-кор. РАН В.Н. Ярцева; сост., подгот. текстов и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. С. 550–578; *Бицилли П.М.* Трагедия русской культуры. Исследования. Статьи. Рецензии. М.: Русский путь, 2000. С. 145–176.]

Велчев В.П. Любен Караведов и Гоголь (К истории русского литературного влияния в Болгарии) // Ученые записки Московского ун-та. Вып. 127. Кн. 3. М., 1948. С. 91–126.

Гиппиус В.В. «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя // Труды Отдела новой русской литературы. Т. 1. М.; Л.: АН СССР, 1948. С. 9–38. – (Институт русской литературы).

Данилов С.С. Очерки по истории русского драматического театра / Гос. научно-исследовательский институт театра и музыки. М.; Л.: Искусство, 1948. 588 с.: 30 л. ил.: ил. [В частности, Гоголь и театр.]

Зеньковский В.В., протопресвитер. История русской философии: В 2 т. Т. 1. Париж: YMCA-Press, 1948.

Н.В. Гоголь.

[2-е изд., испр. и доп. Париж, 1989. Т. 1. Ч. 2. гл. 3. п. 2–4. С. 181–188. Переиздано: Л.: МП «Эго», 1991. Т. 1. Ч. 1. С. 186–194.]

Иофа Л.Е. Работа Н.В. Гоголя над географией России // География в школе. М., 1948. № 2. С. 38–42.

Михельсон В.А. Об однородных идейных тенденциях в творчестве Лермонтова и Гоголя // Ученые записки Краснодарского пед. и учительского ин-та. Краснодар, 1948. Вып. 9. С. 33–64.

<*Москвин И.М.*> И.М. Москвин: статьи и материалы / Всероссийское театральное общество; ред. и вступ. статья И. Крути. М.: ВТО, 1948. 380, [2] с.: ил. – (Кабинет актера и режиссера).

Павлов Л.В. Литературно-эстетические взгляды Тургенева 40-х годов // Ученые записки Карело-Финского гос. ун-та. Т. 3. Вып. 1: Исторические и филологические науки. Петрозаводск, 1948. С. 62–84.

[В частности, отношение И.С. Тургенева к творчеству Гоголя.]

Поляков М. Белинский в Москве (1829–1839). [М.:] Московский рабочий, 1948. 314 с.
Белинский в борьбе за Гоголя. С. 208–230.

Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений: В 15 т. / Под общ. ред. В.Я. Кирпичина, Б.П. Козьмина, П.И. Лебедева-Полянского и др. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1939–1953.

Т. 4: Статьи и рецензии. 1856–1857. М., Гослитиздат, 1948. 983 с.

Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша. С. 626–665.

[Впервые: Современник. 1857. № 8. С. 87–132.]

«Мертвые души». Окончание поэмы Н.В. Гоголя. «Похождение Чичикова». Киев: Ващенко-Захарченко, 1857. С. 665–670.

[Впервые: Современник. 1857. Т. LXIV. № 8. Отд. IV. С. 1–7.]

Заметки о журналах. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Из воспоминаний А. Тарасенкова. С. 686–691.

[Впервые: Современник. 1857. Т. LXI. № 1.]

[Указ. имен.]

1949

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Мертвые души: поэма [Т. 1–2] / Ред. В.А. Жданова, Э.Е. Зайденшнур, В.А. Комаровича; вступ. статья Л. Тимофеева; ил. А. Агина. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1949. 424 с.: ил. – (Школьная библиотека). 50000 экз.

Загл. вступ. статьи: Поэма «Мертвые души». С. 3–14.

[Приложение:]

Ашукин Н. Объяснение непонятных слов и выражений. С. 405–423.

Мертвые души: поэма. Иркутск: Иркутское областное гос. изд-во, 1949. 328 с.: 6 л. ил.: ил.

Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1949. 64 с.

Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1937–1952.

Т. 5: Женидьба. Драматические отрывки и отдельные сцены / Тексты и коммент. подгот. М.П. Алексеев, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, А.Л. Слонимский; ред. тома А.Л. Слонимский. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1949. 512 с.: ил. 7000 экз.

Содерж.:

Женидьба: совершенно невероятное событие в двух действиях (писано в 1833 году). С. 5–61.

Драматические отрывки и отдельные сцены:

Игроки. С. 63–101.

Утро делового человека. С. 102–108.

Тяжба. С. 109–115.

Лакейская. С. 116–122.

Отрывок. С. 123–136.

Театральный разезд после представления новой комедии. С. 137–171.

Черновые наброски:

Альфред. С. 175–194.

<Отрывки из неизвестной драмы.> С. 195–198.

<Наброски драмы из украинской истории.> С. 199–202.

Приложение:

Дядька в затруднительном положении. Комедия Джиованни Жиро под редакцией Гоголя. С. 203–241.

Другие редакции. С. 243–392.

Варианты. С. 393–439.

Коммент. С. 441–509.

Перечень иллюстраций. С. 510.

Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. Ф.М. Головенченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1949–1950.

Т. 2. Миргород: [повести, служащие продолжением Вечеров на хуторе близ Диканьки] / Подгот. текста и примеч. С.О. Машинского. М.: Гослитиздат, 1949. 248 с.: ил.

Содерж.

Старосветские помещики; Тарас Бульба; Вий; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем.

Примеч. С. 233–245.

Т. 3. Повести / Подгот. текста и примеч. Н.Л. Степанова. М.: Гослитиздат, 1949. 252 с.: 19 л. ил. ил.

Содерж.

Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска, Записки сумасшедшего; Рим (отрывок).

Примеч. С. 229–251.

Т. 4. Драматические произведения / Подгот. текста и примеч. А.Л. Слонимского. М.: Гослитиздат, 1949. 351 с.: ил.

Примеч.: С. 325–347.

Содерж.

Ревизор; Женитьба.

Драматические отрывки и отдельные сцены: Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Театральный разъезд после представления новой комедии.

Приложения:

Приложения к «Ревизору»; Черновые наброски: Альфред; Наброски драмы из украинской истории.

Т. 5: Мертвые души [поэма: В 2 т.] / Подгот. текста и примеч. В.А. Жданова и Э.Е. Зайденшнур. М.: Гослитиздат, 1949. 431 с.: ил.

Примеч. С. 415–427.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине (редакция, разрешенная цензурой). С. 375–380.

Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 381–384.

Отрывки из первоначальной редакции второго тома «Мертвых душ». С. 385–412.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.Л. Народная мысль в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя // Ученые записки Московского областного пед. ин-та. Труды кафедры русской литературы. Т. 13. Вып. 1. М., 1949. С. 3–53.

Аксаков С.Т. Избранные сочинения / Вступ. статья К. Пигарева; [ред. и примеч. В. Абрамкина.] М.; Л.: Гослитиздат, 1949. XII, 596 с.

История моего знакомства с Гоголем. С. 499–557.

<*Белинский В.Г.*> В.Г. Белинский о Гоголе: Статьи, рецензии, письма / Ред., вступ. статья и коммент. С. Машинского. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1949. 512 с.

Загл. вступ. статьи: Белинский о Гоголе. С. 3–25.

От редактора. С. 26.

Коммент. С. 451–494.

Биск А. Загадка «Ревизора» // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1949. 20 ноября.

Воровский В.В. Литературно-критические статьи / Подгот. текста, вступ. статья. и примеч. И.В. Сергиевского. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1948. 256 с.

Загл. вступ. статьи: В.В. Воровский – литературный критик. С. 3–18.

[Указ. имен.]

Михайловский Б.В. Горький и Гоголь // Горьковские чтения. 1947–1948. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им А.М. Горького. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 280–322.

Мордовченко Н. Белинский и русская литература его времени. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1949. 284 с.

Белинский в борьбе за Гоголя. С. 143–181.

Белинский – историк и теоретик литературы: сб. статей / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. Н.Л. Бродский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. 451 с.

Из содерж.:

Степанов Н. Белинский и Гоголь. С. 272–322.

Успенский И. Письмо Белинского к Гоголю и Л.Н. Толстой. С. 343–384.

Топорков В.О. К.С. Станиславский на репетиции: Воспоминания / Предисл. Н. Чушкина. М.; Л.: Искусство, 1949. 192 с.: ил.

«Мертвые души» [в МХАТе]. С. 59–123.

Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 11 т. / Под ред. Н.Л. Бродского [и др.]. Т. 11: Речи. Заметки. Письма. М.: Правда, 1949. – (Библиотека «Огонек»).

Письма. С. 93–95.

[Указ. имен.]

Филиппов В. Щепкин и Гоголь // Огонек. М., 1949. № 43.

Щипунов П.Т. Николай Васильевич Гоголь. 1809–1852. Л.; М.: Искусство, 1949. 188 с. – (Русские драматурги. Научно-популярные очерки).

1950

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / [Ил. Р. Резникова. Кострома: Костромское областное изд-во, 1950 (типография «Красный Перекоп» в Нерехте). 224 с.: ил.

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Ил. Е.Я. Хигер]. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1950. 296 с.: ил.

Повести / Примеч. Н. Степанова; рис. А. Каневского. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1950. 127 с.: ил. – (Школьная библиотека. Для семилетней школы).

Собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. Ф.М. Головенченко. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1949–1950.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Подгот. текста, вступ. статья и примеч. Н.Л. Степанова. М.: Гослитиздат, 1950. 328 с.: ил.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь: Критико-биографический очерк. С. VII–XLVIII.

Примеч. С. 309–325.

От редакции. С. V.

Т. 6. Избранные статьи и письма / [Подгот. текста и примеч. А.Н. Дубовикового.] М.: Гослитиздат, 1950. 360 с.: ил.

Примеч. С. 313–357.

Содерж.:

Из ранних опытов:

Борис Годунов: поэма Пушкина. С. 7–11.

1834. С. 12–13.

Статьи из сборника «Арабески»:
Скульптура, живопись и музыка. С. 17–21.
Взгляд на составление Малороссии. С. 22–32.
Несколько слов о Пушкине. С. 33–38.
Об архитектуре нынешнего времени. С. 39–59.
Ал-Мамун (Историческая характеристика). С. 60–66.
О малороссийских песнях. С. 67–74.
Последний день Помпеи (Картина Брюллова). С. 75–82.
Статьи, напечатанные в «Современнике» 1836–1837 гг.:
О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. С. 85–106.
Петербургские записки 1836 года. С. 107–120.
Статьи, напечатанные в книге «Выбранные места из переписки с друзьями»:
Чтения русских поэтов перед публикою. С. 123–124.
Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». С. 125–139.
В чем же наконец существо русской поэзии в чем ее особенность. С. 140–183.
Из статей 1846–1847 гг., не напечатанных при жизни Гоголя:
О Современнике (Письмо к П.А. Плетневу). С. 187–197.
Избранные письма. С. 199–310.

Старосветские помещики [повесть]; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1950 (типография «Красный пролетарий»). 72 с. – (Массовая серия).

Тарас Бульба: [повесть.] [Молотов:] Молотовское областное гос. изд-во, 1950 (типография № 8 Главполиграфиздата). 104 с.

Тарас Бульба: [повесть] / [Послесл. П. Бученкова]. Тула: Областное книжное изд-во, 1950 (типография газеты «Коммунар»). 175 с. – (Библиотечка школьника).

Шинель: [повесть.] М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1950 (Типография «Печатный двор»). 32 с. – (Массовая серия).

ЛИТЕРАТУРА

Демидов В., протоиерей. Наставник и руководитель Н.В. Гоголя // Православная Русь. 1950. № 11. С. 463.

Литературное наследство. Т. 56: В.Г. Белинский. Т. 2 / Академия наук СССР. Отд. лит. и яз.; редкол.: А.М. Еголин (гл. ред.), Н.Ф. Бельчиков, И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 625 с.: ил.

Из содерж.:

Письмо Белинского к Гоголю / Статья и публ. К. Богаевской; коммент. Я.З. Черняка. С. 513–605. [Указ. имен.]

Мельниченко О.Г. Гоголь и Белинский (К вопросу о влиянии Белинского на Гоголя) // Ученые записки / Вологодский пед. ин-т. Т. 7. Вологда, 1950. С. 5–43.

Методические указания к хрестоматии «Родная литература» для 7 класса / Е. Ахутина, Н. Гердзей-Капица и др.; под ред. М.Н. Салтыковой. Л.; М.: Гос. учебно-педагогическое изд-во, 1950. 294 с.

Н.В. Гоголь

Ревизор. С. 85–112.

Русь-тройка. С. 112–115.

Мордовченко Н.И. Белинский и русская литература его времени. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1950. 282, [2] с.

Из содерж.:

Белинский в борьбе за Гоголя в 40-е годы. С. 143–181.

Неруда Ян. Избранное. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1950. 526 с.

Из содерж.:

Н.В. Гоголь. «Ревизор». С. 514–515.

[Отзыв о комедии (1865 г.).]

Оцуп Н. // Дневник в стихах [1935–1950]. Париж, 1950. 366 с.

Апокалипсис и Гоголь. С. 211.

Очерки по истории русской журналистики и критики. / Ленинградский гос. ун-т им. А.А. Жданова; [редкол.: В.Е. Евгеньев-Максимов и др.]. Т. 1. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1950. 607 с.

Из содерж.:

Степанов Н.Л. «Современник». С. 402–414.

[Гоголь в журнале А.С. Пушкина «Современник».]

Панаев И.И. Литературные воспоминания. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1950. 472 с. – (Серия литературных мемуаров).

О Гоголе: С. 120–122, 170–176.

[Указ. имен.]

Тургенев И.С. Собрание сочинений: В 11 т. / Под ред. Н.Л. Бродского [и др.] Т. 10: Стихотворения в прозе. Литературные и житейские воспоминания. М.: Правда, 1949. 494 с. – (Библиотека «Огонек»).

Литературные и житейские воспоминания. Гоголь. С. 237–245.

Цявловский М.А. Отголоски рассказов Пушкина в творчестве Гоголя // Звенья. Т. 8. М.: Госкультпросветиздат, 1950. С. 16–23.

[То же: *Цявловский М.А.* Статьи о Пушкине. М., 1962. С. 252–259.]

1951

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / [Ил. А.К. Свищева]. Ставрополь: Крайиздат, 1951. 218 с.: ил.

Вечера на хуторе близ Диканьки: [повести, изданные пасичником Рудым Паньком]. Рига: Латгосиздат, 1951. 207 с.

Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1951. 72 с.

Мертвые души: поэма. [Кострома:] Костромское областное гос. изд-во, 1951. 408 с.

Избранные произведения. [М.:] Московский рабочий, 1951. 572 с. – (Библиотека колхозника).

Содерж.: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород; Невский проспект; Шинель; Ревизор.

Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 4: Ревизор / Тексты и коммент. подгот. В.В. Гиппиус, В.Л. Комарович; ред. тома Б.В. Томашевский. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1951. 552 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.:

Ревизор: [комедия]. С. 5–95.

Приложения к «Ревизору»:

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 99–104.

- Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы. С. 105–108.
- Позднейшие приложения:
- Предупреждение <к предполагавшимся изданиям «Ревизора с Развязкой» в пользу бедных>. С. 109–111.
- Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 112–120.
- Развязка «Ревизора». С. 121–132.
- Вторая редакция окончания «Развязки Ревизора». С. 133–138.
- Другие редакции. С. 139–472.
- Варианты. С. 473–515.
- Коммент. С. 517–550.
- Перечень иллюстраций. С. 551.
- Т. 6: Мертвые души: [поэма]. Т. 1 / Тексты и коммент. подгот. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур; [Л.:] Изд-во АН СССР, 1951. 924 с.: ил. 6000 экз.
- Содерж.:**
- Мертвые души: [поэма]. Т. 1. С. 5–247.
- Другие редакции:
- <Первая сохранившаяся редакция.> С. 251–332.
- <Вторая редакция.> С. 333–580.
- Повесть о капитане Копейкине. <Цензурная редакция.> С. 581–586.
- <Предисловие ко второму изданию.> К читателю от сочинителя. С. 587–590.
- <Сохранившиеся разрозненные черновые отрывки к отдельным главам.> С. 591–693.
- Варианты. С. 695–878.
- Коммент. С. 879–908.
- Исправления, внесенные в первопечатный текст по рукописи. С. 909–921.
- Перечень иллюстраций. С. 922.
- Т. 7: Мертвые души: [поэма]. Т. 2. Записные книжки / Тексты и коммент. подгот. В.А. Жданов, Э.Е. Зайденшнур, В.Л. Комарович. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1951. 435 с.: ил. 6000 экз.
- Содерж.:**
- Мертвые души. Т. 2. С. 5–127.
- Другие редакции:
- <Ранняя редакция. Первоначальный слой автографа.> С. 131–270.
- <Отрывки.> С. 271–280.
- Варианты. С. 281–313.
- Записные книжки:
- Записная книжка 1841–1844. С. 317–358.
- Записная книжка 1846–1851. С. 359–390.
- Коммент. С. 391–432.
- Перечень иллюстраций. С. 433.
- Мертвые души: поэма. [Кострома:] Костромское областное гос. изд-во, 1951. 408 с.
- Петербургские повести / [Ил. П. Тукина]. [Куйбышев]: Куйбышевское областное гос. изд-во, 1951. 136 с.: 4 л. ил.: ил.
- Ревизор: комедия в пяти действиях. М.: Гослитиздат, 1951. 88 с. – (Массовая серия).
- Собрание художественных произведений: В 5 т. / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.: Изд-во АН СССР, 1951–1952.
- [Печ. на основе Полного собрания сочинений Гоголя, изданного Академией наук СССР.]
- Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / [Текст проверен и примеч. сост. К.Д. Муратовой; под ред. проф. Б.В. Томашевского.] М.: Изд-во АН СССР, 1951. 375 с.: ил.
- Примеч. С. 361–372.
- Приложение:**
- Ганц Кюхельгарген: идиллия в картинах. С. 305–351.
- Из ранних редакций. С. 353–372.
- Перечень иллюстраций. С. 373.

Т. 2: Миргород / [Текст проверен и примеч. сост. А.С. Бушминым; под ред. проф. Б.В. Томашевского.] М.: Изд-во АН СССР, 1951. 439 с.: ил.

Примеч. С. 421–436.

Из ранних редакций. С. 333–420.

Перечень иллюстраций. С. 437.

Т. 3: Повести / [Текст проверен и примеч. сост. К.Д. Мураговой; под ред. проф. Б.В. Томашевского.] М.: Изд-во АН СССР, 1951. 504 с.: ил.

Примеч. С. 479–501.

Содерж.:

Повести:

Невский проспект. С. 7–57.

Нос. С. 58–93.

Портрет. С. 94–173.

Шинель. С. 174–218.

Коляска. С. 219–235.

Записки сумасшедшего. С. 236–264.

Рим. С. 265–323.

Отрывки:

Две главы из малороссийской повести «Страшный кабан». С. 325–343.

Гетьман. С. 344–406.

Ночи на вилле. С. 407–410.

Мелкие отрывки:

Страшная рука. С. 411.

Фонарь умирал. С. 411–413.

Дождь был продолжительным. С. 413–415.

Семен Семенович Батюшек. С. 416–417.

Девушки Чабловы. С. 418–419.

Что это? С. 419.

Из ранних редакций. С. 421–477.

Перечень иллюстраций. С. 502.

Т. 5: Мертвые души: поэма / [Текст проверен и примеч. сост. И.Н. Медведевой; под ред. проф. В.Г. Базанова.] 568 с.: ил.

Примеч. С. 547–565.

Из ранних редакций. С. 531–546.

Перечень иллюстраций. С. 502.

Тарас Бульба: повесть / Рис. Е. Кибрика. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1951. 192 с.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ. Для семилетней и средней школы).

Тарас Бульба: [повесть.] Хабаровск: Дальневосточное гос. изд-во, 1951. 112 с.

Тарас Бульба: [повесть.] М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1951. 112 с. – (Массовая серия).

Шинель: [повесть.] М.: Художественная литература, 1951. 36 с.

Шинель: [повесть.] М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1951. 32 с. – (Массовая серия).

Шинель: [повесть.] / Снабдил словарем И. Танвель. Таллин: Эстонское гос. изд-во, 1951. 58 с. – (Русские классики. Для эстонских школ).

ЛИТЕРАТУРА

Абрамович Г.Л. Пути развития русской литературы XIX века (Материал для обзорных лекций) // Литература в школе. М., 1951. № 2. С. 18–32.

[В частности, о Гоголе.]

Боголепов П.К. Вечер, посвященный 100-летию со дня смерти Гоголя // Литература в школе. М., 1951. № 6. С. 41–47.

Бочаров Г.К. Как изучать комедию Н.В. Гоголя «Ревизор» // Из опыта работы учителя литературы: сб. статей. М.: Учпедгиз, 1951. С. 88–93.

Бурсов Б.И. Чернышевский как литературный критик / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом). М.: Л.: Изд-во АН СССР; 1951. 132 с.

[В частности, Н.Г. Чернышевский о Гоголе.]

Виноградов В.В. О языке ранней прозы Гоголя // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951. Т. 2. С. 94–138. – (Институт языкознания).

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в русской критике и воспоминаниях современников / Подгот. текста, предисл. и примеч. С. Машинского. М.; Л.: Гос. изд-во Детской литературы [Детгиз], 1951. 368 с.: ил. – (Школьная библиотека).

Загл. предисл.: Н.В. Гоголь в оценке русской критики. С. 3–32.

Примеч. С. 331–365.

Содерж.:

Н.В. Гоголь в русской критике:

Пушкин А.С.

Письмо А.Ф. Воейкову. С. 35–36.

[Впервые: Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». 1831. 3 октября. № 79. С. 625 (в статье Л. Якубовича в форме письма к редактору А.Ф. Воейкову.)

Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 36.

[Впервые: Современник. 1836. Т. 1. С. 311–312.]

Белинский В.Г.

О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»). С. 37–67.

[Впервые: Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 7. С. 392–417; № 8. С. 536–603.]

[Печ. в сокращении.]

О комедии «Ревизор». Из статьи «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, сочинение А.С. Грибоедова. 2-е изд. СПб., 1839. С. 68–79.

[Впервые: Отечественные Записки. 1840. Т. 8. № 1. Отд. V. С. 1–56.]

О поэме «Мертвые души»

I. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. С. 79–90.

[Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 23. № 7. Отд. VI. С. 1–12.]

II. Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». С. 90–94.

[Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 23. № 8. Отд. VI. С. 46–51.]

[Автор брошюры К.С. Аксаков.]

III. Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». С. 94–106.

[Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 25. № 11. Отд. V. С. 13–30.]

IV. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Изд. 2-е. М., 1846. С. 106–109.

[Впервые: Современник. 1847. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 56–59.]

Женитьба. Оригинальная комедия в двух действиях, сочинение Н.В. Гоголя. С. 109–112.

[Впервые: Отечественные Записки. 1843. Т. 26. № 1. Отд. VIII. С. 46–48.]

Письмо к Гоголю [15 июля (н. ст.) 1847 г. Зельцбрунн]. С. 112–122.

[Впервые: Полярная Звезда. Лондон, 1855. Кн. 1. С. 66–75.]

Ответ «Москвитянину». С. 123–145.

[Впервые: Современник. 1847. Т. 6. № 11. Отд. III. С. 29–75.]

- Взгляд на русскую литературу 1847 года. С. 146–163.
 [Впервые: Современник. 1848. Т. 7. № 1. Отд. III. С. 1–39.]
 А. Б. В. <Надеждин Н.И.> Театральная хроника. С. 164–170.
 [Впервые: Молва. 1836. № 9. С. 250–264.]
 Герцен А.И. Из дневников, мемуаров и статей. С. 171–177.
 Чернышевский Н.Г.
 Из «Очерков гоголевского периода русской литературы». Статья первая. С. 178–197.
 [Впервые: Современник. 1855. № 12. С. 21–66.]
 [Печ. в сокращении.]
 Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша. С. 197–220.
 [Впервые: Современник. 1857. № 8. С. 87–132.]
 [Печ. в сокращении.]
 Добролюбов Н.А. Из статей и рецензий. С. 221–227.
 Некрасов Н.А.
 Заметки о журналах за октябрь 1855 года. С. 227–231.
 [Впервые: Современник. 1855. № 11. Отд. V. С. 71–87.]
 [Печ. в сокращении.]
 Письмо И.С. Тургеневу [от 12 августа 1855 г. Москва.] С. 231.
 Немирович-Данченко Вл. И. Тайна сценического обаяния Гоголя. С. 232–237.
 [Речь, прочитанная на заседании Общества любителей российской словесности в Москве 28 апреля 1909 г.]
 [Впервые: Ежегодник Императорских театров. СПб., 1909. Вып. 2. С. 28–35.]
 Луначарский А.В. Н.В. Гоголь. С. 238–246.
 [Впервые: Красная Новь. М., 1924. № 12. С. 248–284.]
 [Печ. в сокращении.]
Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников:
 Кулиш П.А. Из «Записок о жизни Гоголя. С. 249–252.
 Пащенко Т.Г. Черты из жизни Гоголя. Рассказ современника и соученика Гоголя. С. 253–255.
 Мундт Н.П. Попытка Гоголя. С. 256–259.
 Аксаков С.Т. Из «Истории моего знакомства с Гоголем». С. 260–275.
 Панаев И.И. Из «Литературных воспоминаний». С. 276–281.
 Стасов В.В. Гоголь в восприятии русской молодежи 30–40-х годов. С. 282–288.
 Анненков П.В. Из воспоминаний «Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года». С. 289–302.
 Толченев А.П. Гоголь в Одессе. 1850–1851 годы (Из воспоминаний провинциального актера). С. 303–312.
 [Печ. в сокращении.]
 Щепкин М.А. Из «Воспоминаний о М.С. Щепкине». С. 313–316.
 Тургенев И.С.
 Гоголь. С. 317–327.
 Из писем И.С. Тургенева.
 П. Виардо (21 февраля 1852 г. Санкт-Петербург). С. 327.
 Е.М. Феокистову (26 февраля 1852 г. Санкт-Петербург). С. 328–329.
 И.С. Аксакову (3 марта 1852 г. Санкт-Петербург). С. 330.
 [Изд. 2-е. М.: Детгиз, 1959.]
 <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь. Репертуарный сборник: [пьесы, инсценировки и отрывки для художественного чтения]. М.: Госкультпросветиздат, 1951. 208 с.: ил. – (Библиотечка «Художественная самодеятельность». № 23).
- Гоголь Николай Васильевич (1809–1852): Опись документальных материалов личного фонда № 139 / Центральный гос. литературный архив СССР; под ред. Н.И. Прокофьева. Крайние даты документальных материалов: 1773–1931 гг. М., 1951. 20 с.
- Иванова М.М. Урок на тему «Народ в поэме Гоголя «Мертвые души» // Литература в школе. М., 1951. № 4. С. 44–47.

Иофанов Д. Н.В. Гоголь: Детские и юношеские годы / Академия наук УССР; Гос. публичная библиотека УССР; отв. ред. А.И. Белецкий. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 432 с.
[Рец.: *Турбин В.Н.* Факты и «фактики» // Литературная газета. М., 1952. 22 мая. № 62. С. 3.]

Литературное чтение в школе: Методическое пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / Академия пед. наук РСФСР. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1951. 704 с.: ил. – (Педагогическая библиотека учителя).
[О Гоголе: С. 349–369, 540–563.]

[3-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1952. 712 с.: ил.]

Мальцев М.И. Гоголь в средней школе: В помощь учителю / Томский областной ин-т усовершенствования учителей. Томск, 1951. 168 с.: 16 с. ил.

Машинский С.О. Гоголь (1852–1952). М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы [Госкультпросветиздат], 1951. 272 с.
[К столетию со дня смерти.]

Мейлах Б.С. В.И. Ленин и вопросы литературы. 2-е изд. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1951. 417 с.
[Гоголь у В.И. Ленина.]

Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома. Т. I: Н.В. Гоголь / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); сост. Е.А. Ковалевская, Е.В. Фрейдель, Е.М. Хмелевская, Б.В. Шапошников; ред. Б.В. Томашевский. М.; Л.: АН СССР, 1951. 137 с.
[744 номера.]

Саакян П.Т. Образ «кроткого маленького человека» в повести Гоголя «Шинель» // Сборник трудов Ереванского пед. ин-та. Ереван, 1951. № 3. С. 231–262.

Ставров П. Гоголь и Запад // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1951. 20 мая.

Стражев В.И. Н.В. Гоголь: Добавление к учебнику «Русская литература» для 8 класса средней школы. М.: Учпедгиз, 1951. 64 с.

Чижевский Д. Неизвестный Гоголь // Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. № 27. С. 126–158.
[Перепечатано: Гоголь: Материалы и исследования. М., 1995. С. 199–229; Русские философы (конец XIX – середина XX века): Антология. Вып. 3 / Сост. Л.Г. Филонова. М.: Изд-во Книжная палата, 1996. С. 296–324; Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 188–230.]

1952

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Ил. А.М. Каневского. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы, 1952. 211 с.: ил.

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь о литературе. Избранные статьи и письма / Вступ. статья и примеч. Н. Богословского. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1952. 331 с.
Загл. вступ. статьи: «Гоголь о литературе». С. 3–22.

Примеч. С. 287–316.

Приложение:

Театральный разезд после представления новой комедии. С. 252–286.

[Указ. имен.]

Женитьба / Ил. А. Константиновского. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 64 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

- Женитьба: совершенно невероятное событие в 2-х действиях. М.; Л.: Искусство, 1952. 94 с.
- Избранные произведения: В 2 т. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952.
Т. 1: Повести / Вступ. статья, подгот. текста и примеч. А. Слонимского. М.; Л.: Детгиз, 1952.
584 с.: 18 л. ил.
Загл. вступ. статьи: Жизнь и творчество Гоголя: С. 3–66.
Содерж.: Сорочинская ярмарка; Майская ночь или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Старосветские помещики; Тарас Бульба; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Коляска; Нос; Шинель.]
Т. 2: Ревизор; Мертвые души. 1952. 472 с.: 12 л. ил.
- Майская ночь, или Утопленница: [повесть: с русско-узбекским словарем.] Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1952. 68 с.: ил. – (Библиотека для узбекских школ).
- Майская ночь, или Утопленница: [повесть.] Магадан: Советская Колыма, 1952. 39 с.
- Майская ночь или Утопленница / [Ил. В. Ладягина]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 32 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).
- Мертвые души: поэма / Ил. П. Боклевского. М.; Вильнюс: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 363 с.: 34 л. ил.
- Мертвые души: поэма [Т. 1–2] / Послесл. Н. Онуфриева. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 384 с.
Послесл. С. 367–382.
- Мертвые души: поэма: В 2 т. / Ил. П. Боклевского. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 316 с.: ил.
- Миргород. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 255 с.
- Нос; Коляска / [Ил. В. Власова]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 64 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).
- Ночь перед Рождеством: [повесть] / [Ил. М. Родионова]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 64 с.: ил. – (Гоголевская библиотека. 1852–1952).
- Ночь перед Рождеством: [повесть.] Магадан: Советская Колыма, 1952. 57 с.
- Петербургские повести / Послесл. Л. Быстровой; ил. Л. Подлясской. М.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 176 с.: 9 л. ил.: ил.
- Повести. М.; Л.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 190 с. – (Массовая серия).
- Повести / [Вступ. статья А. Дубовикова]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 448 с.: 11 л. ил.: ил. – (Школьная библиотека для нерусских школ. Для семилетней и средней школы).
- Повести / Предисл. В.В. Набокова-Сирина. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1952 (Rausen Bros.). VII, 256, [1] с.
- Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. Магадан: Советская Колыма, 1952. 65 с.
- Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем / [Ил. Н. Кузьмина]. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 110 с.: ил.

Повесть о том, как поссорился Иван Ивановичем с Иваном Никифоровичем / [Ил. А. Бубнова]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 64 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); гл. ред. Н.Л. Мещеряков. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8: Статьи / Тексты и коммент. подгот. О.Б. Билинкис, Л.М. Лотман, Б.В. Томашевский, Г.М. Фридлиндер; [Л.:] Изд-во АН СССР, 1952. 816 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.

Статьи из «Арабесок». С. 5–140.

Статьи и рецензии 1831–1842. С. 141–211.

Выбранные места из переписки с друзьями. С. 213–418.

О «Современнике» (письмо к П.А. Плетневу). С. 421–431.

<Авторская исповедь.> С. 432–467.

Учебная книга словесности для русского юношества. Начертание Н. Гоголя. С. 468–488.

О условиях в государстве. С. 489–494.

Приложения:

I.

Оглавление <V тома Собрания сочинений>. С. 497.

<Предисловие к V тому Собрания сочинений.> С. 498.

Приписываемое Гоголю. С. 498–499.

II.

Письмо В.Г. Белинского к Н.В. Гоголю от 15/3 июля 1847 г. С. 500–510.

[Печ. по изд.: Литературное наследство. Т. 56: В.Г. Белинский. Т. 2 / Академия наук СССР. Отд. лит. и яз. М.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 571–581.]

Другие редакции. С. 511–569.

Варианты. С. 571–738.

Коммент. С. 739–810.

Перечень иллюстраций. С. 811.

Т. 9: Наброски. Конспекты. Планы. Записные книжки / Тексты и коммент. подгот. И.Я. Айзеншток, А.А. Назаревский, Г.М. Фридлиндер; ред. тома Г.М. Фридлиндер. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1952. 684 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.

Стихотворения. Наброски. Альбомные записи:

Новоселье. С. 7–8.

Приписываемое Гоголю

<Акrostих.> С. 9.

<Из поэмы «Россия под игом татар».> С. 9.

Италия. С. 9–10.

Коллективные шуточные стихотворения. С. 11–12.

<Классные сочинения.> С. 13–15.

<Отрывки, наброски, планы.> С. 16–24.

<Альбомные записи.> С. 25–26.

Исторические наброски, материалы, лекции. С. 27–272.

Материалы по географии, этнографии и сельскому хозяйству. С. 273–438.

Материалы для словаря русского языка. С. 439–485.

Мелочи. Биографическое. Записные книжки. С. 487–578.

Варианты. С. 579–608.

Коммент. С. 609–663.

Перечень иллюстраций. С. 665.

Алфавитный указатель произведений и писем Н.В. Гоголя (сост. Е.М. Хмелевской). С. 666–677. Т. 11: Письма 1836–1841 / Тексты и коммент. подгот. М.К. Азадовский, Ц.С. Вольпе, В.В. Гиппиус, Б.П. Городецкий, А.Г. Дементьев, С.Н. Дурылин, Л.В. Крестова, Н.Г. Машковцев, Н.И. Мордовченко, А.А. Назаревский, М.А. Панченко; хронологическая канва (даты жизни Гоголя) сост. Б.П. Городецким; ред. тома Б.П. Городецкий. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1952. 484 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.:

От редакции. С. 5–7.

Даты жизни Н.В. Гоголя 1836–1841. С. 9–28.

Письма 1836–1841. С. 29–356.

Деловые бумаги:

I. <Прошение наследнику, писанное Гоголем для А.А. Иванова. 20 сентября (н. ст.) 1841.> С. 359–360.

II. <Доверенность А.А. Иванову. Около 27 октября (н. ст.) 1841. Москва.> С. 360.

Примеч. С. 361–455.

Указ. писем по адресатам.

Указ. имен.

Перечень иллюстраций. С. 477.

Т. 12: Письма 1842–1845 / Тексты и коммент. подгот. Р.Б. Заборова, А.Н. Михайлова, А.А. Назаревский, Г.М. Фридендер; хронологическая канва (даты жизни Гоголя) сост. Г.М. Фридендером, А.Н. Михайловой; ред. тома Г.М. Фридендер. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1952. 720 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.:

От редакции. С. 5–6.

Даты жизни Н.В. Гоголя 1842–1845. С. 7–24.

Письма 1842–1845. С. 25–551.

Другие редакции. С. 553–580.

Примеч. С. 581–689.

Указ. писем по адресатам.

Указ. имен.

Перечень иллюстраций. С. 711.

Т. 13: Письма 1846–1847 / Тексты и коммент. подгот. А.Н. Михайлова, Г.М. Фридендер; хронологическая канва (даты жизни Гоголя) сост. А.Н. Михайловой; ред. тома А.Н. Михайлова. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1952. 564 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.:

От редакции. С. 5–6.

Даты жизни Н.В. Гоголя 1846–1847. С. 7–20.

Письма 1846–1847. С. 21–420.

Деловые бумаги:

1. <Официальное письмо Николаю I. Начало декабря (н. ст.) 1846. Неаполь.> С. 423–424.

2. <Официальное письмо Николаю I. Около 16 января (н. ст.) 1847. Неаполь.> С. 424–425.

Другие редакции. С. 427–446.

Примеч. С. 447–536.

Указ. писем по адресатам.

Указ. имен.

Перечень иллюстраций. С. 556.

Т. 14: Письма 1848–1852 / Тексты и коммент. подгот. А.Н. Михайлова; хронологическая канва (даты жизни Гоголя) сост. А.Н. Михайловой; ред. тома А.Н. Михайлова. [Л.:] Изд-во АН СССР, 1952. 487 с.: ил. 6000 экз.

Содерж.:

От редакции. С. 5–6.

Даты жизни Н.В. Гоголя 1848–1852. С. 7–30.

Письма 1848–1852. С. 31–273.

Деловые бумаги:

1. <Официальное письмо гр. Л.А. Перовскому или кн. П.А. Ширинскому-Шихматову или гр. А.Ф. Орлову. 10–18 июля 1850. Васильевка.> С. 277–281.

2. <Официальное письмо наследнику Александру Николаевичу. Конец августа – сентябрь 1850. Васильевка.> С. 281–283.

3. <Официальное письмо В.Д. Олсуфьеву. Конец августа – сентябрь 1850. Васильевка.> С. 283–284.

Дополнения:

Дополнение первое (К томам писем). С. 287–293.

Дополнение второе (К первому тому):

Вечера на хуторе близ Диканьки

1. Отрывок предисловия к первой части (Черновой автограф). С. 295–296.

2. Предисловие ко второй части (Черновой автограф). С. 296–299.

Примечания к повести «Ночь перед Рождеством» (Отрывок из чернового автографа). С. 299.

<Страшная месть> (Черновой автограф). С. 299–334.

<Иван Федорович Шпонька и его тетушка> (Черновой автограф). С. 334–362.

Примеч. С. 363–452.

Указ. писем по адресатам.

Указ. имен.

Перечень иллюстраций. С. 477.

Пропавшая грамота: [повесть]. Магадан: Советская Колыма, 1952. 18 с.

Размышления о Божественной Литургии. Джорданвилль: Изд-во Свято-Троицкого монастыря [Jordanville: Holy Trinity Monastery], 1952. 47 с.

Ревизор: комедия в пяти действиях. М.; Л.: Искусство, 1952. 148 с.

Ревизор: комедия в пяти действиях / Худ. Ю.Д. Коровин. М.: Гос. изд-во художественной литературы [ГИХЛ], 1952. 104 с.: ил.

Ревизор: комедия в пяти действиях / [Ил. А. Константиновского]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 96 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

Ревизор: комедия в пяти действиях / Примеч. А. Слонимского; ил. А. Константиновского. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 128 с.: 12 л. ил.: ил.

Собрание сочинений: [В 4 т.] М.: Правда, 1952. – (Библиотека «Огонек»).

[Печ. по изд.: Собрание сочинений: В 6 т. М.: Гослитиздат], 1949–1950.]

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки; Миргород / Вступ. статья Н.Л. Степанова; примеч. Н.Л. Степанова, С.И. Машинского. М.: Правда, 1952. 376 с.: 11 л. ил.: ил.

Вступ. статья. С. III–XLVIII.

Т. 2: Повести; Драматические произведения; Драматические отрывки и отдельные сцены (с 1832 по 1837 год) / Примеч. А. Слонимского. М.: Правда, 1952. 446 с.: ил.

Т. 3: Мертвые души: поэма / Примеч. В. Жданова, Э. Зайденшнур. М.: Правда, 1952. 343 с.: 8 л. ил.: ил.

Т. 4: Избранные статьи; Избранные письма / [Примеч. А. Слонимского]. М.: Правда, 1952. 421 с.: ил.: ил.

Собрание сочинений: В 6 т. М.: Молодая гвардия, 1952. – (Приложение к журналу «Молодой колхозник»).

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья С.М. Петрова; Примеч. Е.В. Стариковой. М.: Молодая гвардия, 1952. 335 с.

Вступ. статья. С. 3–44.

Т. 2: Миргород / Примеч. Е. В. Стариковой. М.: Молодая гвардия, 1952. 320 с.

Т. 3: Повести / Примеч. Е. В. Стариковой. М.: Молодая гвардия, 1952. 320 с.

Содерж.: Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска: Записки сумасшедшего; Рим.

Т. 4: Драматические произведения; Драматические отрывки и отдельные сцены / Примеч. Е.В. Стариковой. М.: Молодая гвардия, 1952. 372 с.

Содерж.: Ревизор; Женидьба. Драматические отрывки и отдельные сцены: Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Театральный разезд после представления новой комедии.

Приложения:

Приложения к «Ревизору»; Владимир третьей степени; Альфред; Наброски драмы из украинской истории.

Т. 5: Мертвые души / Справочный материал подгот. Е.В. Стариковой. М.: Молодая гвардия, 1952. 520 с.

Приложение:

Повесть о капитане Копейкине (Редакция, разрешенная цензурой). С. 499–506.

Примечания. С. 507–519.

Т. 6: Избранные статьи и письма / Примеч. Е. В. Стариковой. М.: Молодая гвардия, 1952. 432 с.

Содерж.: Из ранних опытов: `Борис Годунов; 1834. Статьи из сборника «Арабески». Статьи, напечатанные в «Современнике» 1836–1837 гг. Статьи, напечатанные в книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Из статей 1846–1847 гг., не напечатанных при жизни Гоголя. Избранные письма.

Собрание сочинений: В 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952–1953.

Т. 1: Вечера на хуторе близ Диканьки / Вступ. статья и примеч. Н.Л. Степанова. М.: Гослитиздат, 1952. 352 с. 300000 экз.

Загл. вступ. статьи: Н.В. Гоголь. Критико-биографический очерк. С. VII-LXXII.

Примеч. С. 327–349.

Приложения:

Ганц Кюхельгартен: идиллия в картинах, С. 225–262.

Две главы из повести «Страшный кабан». С. 263–276.

Т. 2: Миргород / Примеч. С.О. Машинского. М.: Гослитиздат, 1952. 340 с. 300000 экз.

Примеч. С. 321–337.

Т. 3: Повести / Вступ. статья и примеч. Н.Л. Степанова. М.: Гослитиздат, 1952. 320 с.: ил. 300000 экз.

Вступ. статья. С. VII-LXXII.

Примеч. С. 287–317.

Содерж.

Невский проспект; Нос; Портрет; Шинель; Коляска; Записки сумасшедшего; Рим: отрывок.

Приложение:

Портрет (редакция «Арабесок»). С. 241–284.

Т. 4: Драматические произведения; Драматические отрывки и отдельные сцены / Примеч. А. Слонимского. М.: Гослитиздат, 1952. 464 с.: ил. 300000 экз.

Примеч. С. 437–463.

Содерж.: Ревизор; Женитьба. Драматические отрывки и отдельные сцены: Игроки; Утро делового человека; Тяжба; Лакейская; Отрывок; Театральный разъезд после представления новой комедии.

Приложения:

Приложения к «Ревизору»:

«Ревизор» (Редакция первого издания, 1836 г.). С. 279–363.

Две сцены, выключенные как замедлявшие течение пьесы. С. 364–367.

Сцена, не внесенная автором в печатные издания «Ревизора». С. 367–368.

Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления «Ревизора» к одному литератору. С. 369–374.

Предупреждение для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора». С. 374–382.

Развязка «Ревизора». С. 383–395.

Вторая редакция окончания «Развязки Ревизора». С. 395–400.

Владимир третьей степени. С. 401–408.

Альфред. С. 409–429.

Наброски драмы из украинской истории. С. 430–433.

Сорочинская ярмарка: [повесть] / [Ил. А. Пластова]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 32 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

Сорочинская ярмарка: [повесть]. Киев: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат] Украины, 1952. 32 с.

Сорочинская ярмарка: [повесть]. Магадан: Советская Колыма, 1952. 38 с.

Сорочинская ярмарка / [Ил. И. Богдеско]. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 71 с.: 9 л. ил.: ил.

Сочинения / Вступ. статья В. Ермилова; примеч. А. Слонимского. Гос. изд-во художественной литературы, 1952. 580 с.

Загл. вступ. статьи: Великий русский писатель Н.В. Гоголь (1809–1852). С. V–XXIV.

Примеч. С. 569–578.

Старосветские помещики: [повесть] / Гравюры на дереве С.М. Мочалова. [Псков:] газета «Псковская правда», 1952. 64 с.: ил.

Старосветские помещики: [повесть: с русско-узбекским словарем.] Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1952. 59 с.: ил. – (Библиотека для узбекских школ).

Старосветские помещики: [повесть.] Магадан: Советская Колыма, 1952. 33 с.

Старосветские помещики / [Ил. М. Родионова]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 32 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

Страшная месть: [повесть.] Магадан: Советская Колыма, 1952. 53 с. Шинель / Копии с рисунков Б. Кустодиева. Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1952. 80 с.: ил.

Тарас Бульба: [повесть.] Минск: Гос. изд-во БССР, редакция художественной литературы, 1952. 120 с.

Тарас Бульба: [повесть: с русско-узбекским словарем.] Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1952. 124 с.: ил. – (Библиотека для узбекских школ).

Тарас Бульба: [повесть] / [Ил. Е. Кибрика]. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 159 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

Шинель: [повесть] / [Ил.: Кукрыниксы]. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 33 с.: 10 л. ил.

Шинель / [Ил. Т. Шишмарева.] М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 32 с.: ил. – (Гоголевская библиотечка. 1852–1952).

Шинель / Копии с рис. Б. Кустодиева. Ташкент: Учпедгиз УзССР, 1952. 80 с.: ил. – (Библиотека для узбекских школ).

ЛИТЕРАТУРА

Адамович Г. Мысли о Гоголе // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 2 марта.

Айзешток И. Н.В. Гоголь и Петербургский университет // Вестник Ленинградского гос. ун-та. Серия общественных наук. Л., 1952. № 3. С. 17–38.

[Исторические взгляды Гоголя.]

Алиева А. Великая школа реализма (Гоголь и Мамед-Кули-заде) // Дружба народов. М., 1952. № 2. С. 149–153.

Андреев И.М. [Андреевский И.М.], проф. Религиозное лицо Гоголя (К 100-летию со дня его кончины: 1852–1952 гг.): Посвящается светлой памяти большого русского педагога-словесника, проф. М.А. Горчукова // Православный путь. Jordanville, 1952. С. 156–182.

[См. также: *Андреев И.М.* Религиозное лицо Гоголя // Андреев И.М., проф. Очерки по истории русской литературы XIX века (Краткое конспективное изложение некоторых лекций, читанных в Свято-Троицкой Духовной семинарии): сб. 1. Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y., 1968. С. 118–143; Переиздано: *Андреев И.М.*, проф. Русские писатели XIX века. Очерки по истории русской литературы XIX века. М.: Издательский Дом Русский Паломник. Валаамское Общество Америки, 2009. С. 209–250.]

- Андроников И.Л.* Гоголь и русская реалистическая традиция // Огонек. М., 1952. № 10. С. 3–6.
- Аникст А.* Гоголь о реализме в драме // Театр. М., 1952. № 3. С. 41–53.
- Бабаевский С.* Слово о Гоголе // Литературная газета. М., 1952. 12 февраля. № 19. С. 1.
- Бабушкин Н.Ф.* Н.В. Гоголь – великий русский писатель-патриот: стенограмма публичной лекции / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Томское областное отделение. Томская областная литературная группа. Томск, 1952. 30 с.
- Беднов А.* Великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь: к 100-летию со дня смерти / Отдел культурно-просветительской работы Архангельского облисполкома. Архангельск: Архангельское областное гос. изд-во, 1952. 30 с.
- Бейсов П.* Гоголь в Симбирске // Ульяновский комсомолец. Ульяновск, 1952. 5 марта.
- Бельчиков Н.* Гоголь и Белинский // Смена. Л., 1952 № 5. С. 9–10.
- Берков В.* Гоголь о музыке. М.: Музгиз, 1952. 32 с.
- Боголепов П.* Язык поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». М.: Учпедгиз, 1952. 144 с.
- Богословский Н.В.* Гоголь – поборник реализма и народности // Новый мир. М., 1952. № 3. С. 233–244.
- Бразоль В.Л.* Душевная драма Гоголя: Речь, произнесенная, председателем Общества им. А.С. Пушкина в Америке Б.Л. Бразолем 10-го мая 1952 г. в г. Нью-Йорке в торжественном заседании, посвященном памяти Н.В. Гоголя по случаю сотой годовщины его смерти. Нью-Йорк: Изд. Общества им. А.С. Пушкина, 1952. 16 с.
- Бурсов Б.И.* Белинский о реализме Гоголя // Звезда. Л., 1952. № 3. С. 122–131.
- Бухникашвили Г.В.* Н.В. Гоголь на грузинской сцене. Тбилиси: Заря Востока, 1952. 80 с.: ил.
- Василенко Ю.* Н.В. Гоголь и передовая украинская литература // Большевик Украины. Киев, 1952. № 2. С. 25–37.
- Вейдле В.* Римлянин Гоголь // Вейдле В. Рим. Из бесед о городах Италии. <Париж, 1952>. [То же: *Вейдле В.* Рим. Из бесед о городах Италии. Париж, 1967; Переиздано: *Вейдле В.* Умирание искусства. М.: Республика, 2001. С. 105–108.]
- Вишневский Вен.* Гоголевские образы в киноискусстве // Искусство кино. 1952. № 3. С. 99–103.
- Владич Л., Раевский С.* Шевченко – иллюстратор Гоголя // Искусство. М., 1952. № 2. С. 54–56.
- Галкина-Федорук Е.М.* О языке ранних произведений Н.В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Серия общественных наук. № 4. Вып. 2. М., 1952. С. 35–53.
- Гладков Ф.В.* Бессмертие Гоголя // Литературная газета. М., 1952. 4 марта. № 26. С. 1. [То же *Гладков Ф.В.* Собрание сочинений. Т 8. М.: Гослитиздат, 1959. С. 458–461.]
- <Гоголь Н.В.> Николай Васильевич Гоголь (к 100 летию со дня смерти) // Стахановец полиграфии. М., 1952. 1. марта.

Гоголь и театр / Сост. и коммент М.Б. Загорского; общ. ред. Н.Л. Степанова. М.: Искусство, 1952. 568 с.:36 л. ил.: ил.

[К столетию со дня смерти.]

Содерж.:

Степанов Н.Л. Драматургия Гоголя. С. 3–56.

Горбунов Е. Гоголь на сцене советского драматического театра.

Щепкин М.С. Письма к Гоголю (3). 1836–1847.

Писатели и критики о Н.В. Гоголе и его драматургии: В.Г. Белинский, А.И. Герцен, И.А. Гончаров, А.М. Горький, Н.А. Добролюбов, В.Г. Короленко, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, А.С. Пушкин, М.Е. Салтыков-Щедрин, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.Г. Чернышевский, А.П. Чехов.

Деятели сцены о театре Н.В. Гоголя: А.П. Ленский, Вл. И. Немирович-Данченко, К.С. Станиславский, А.И. Южин.

Гоголь в воспоминаниях современников / Под общ. ред. Н.Л. Бродского, Ф.В. Гладкова, Ф.М. Головенченко, Н.К. Гудзия; ред. текста, предисл. и коммент. С. Машинского. <М.:> Гос. изд-во художественной литературы, 1952. 719 с. – (Серия Литературных мемуаров).

Предисл. С. 5–39.

Коммент. С. 585–684.

Содерж.:

Пащенко Т.Г. Черты из жизни Гоголя. С. 41–47.

Стороженко А.П. Воспоминание. С. 48–64.

Мундт Н.П. Попытка Гоголя. С. 65–69.

Лонгинов М.Н. Воспоминание о Гоголе. С. 70–74.

Соллогуб В.А. <Первая встреча с Гоголем.> С. 75–78.

Пушкин А.С. Письмо к издателю «Литературных прибавлений к Русскому Инвалиду» <Конец августа 1831 г., Царское Село.> С. 79–80.

Горленко В.П. <Рассказ Якимя Нимченко о Гоголе.> С. 81–82.

Иваницкий Н.И. <Гоголь – адъюнкт-профессор.> С. 83–86.

Аксаков С.Т. История моего знакомства с Гоголем. С. 87–208.

Панаев И.И.

Из «Литературных воспоминаний». С. 209–217.

Из «Воспоминаний о Белинском». С. 217–219.

Иордан Ф.И. Из «Записок». С. 220–222.

Бус лаев Ф.И. Из «Моих воспоминаний» С. 223–224.

Чижов Ф.В. <Встречи с Гоголем.> С. 225–239.

Анненков П.В.

Н.В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 230–316.

Из «Замечательного десятилетия». С. 316–339.

Белинский В.Г. Из статей и писем. С. 340–388.

Герцен А.И. Из дневников, мемуаров и статей. С. 389–395.

Стасов В.В. <Гоголь в восприятии русской молодежи 30–40-х гг.> С. 396–402.

Галахов А.Д. Из «Сороковых годов». С. 403–406.

Погодин Д.М. Пребывание Н.В. Гоголя в доме моего отца. С. 407–413.

Грот Я.К. Воспоминание о Гоголе. С. 414–415.

Толченев А.П. Гоголь в Одессе. С. 416–427.

Бодянский О.М. Из Дневников. С. 428–433.

Данилевский Г.П. Знакомство с Гоголем. С. 434–463.

Смирнова-Россет А.О. Из «Воспоминаний о Гоголе». С. 464–471.

Арнольди Л.И. Мое знакомство с Гоголем. С. 472–498.

Берг Н.В. Воспоминания о Н.В. Гоголе. С. 499–510.

Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. С. 511–525.

Щепкин А.М. Из «Рассказов о М.С. Щепкине». С. 526.

Щепкин М.А. Из «Воспоминаний о М.С. Щепкине». С. 527–530.

Тургенев И.С.

Гоголь. С. 531–540.

Из писем.

П. Виардо (21 февраля 1852 г. Санкт-Петербург). С. 541.

Е.М. Феоктистову (26 февраля 1852 г. Санкт-Петербург). С. 541–542.

И.С. Аксакову (3 марта 1852 г. Санкт-Петербург). С. 542–543.

Оболенский Д.А. О первом издании посмертных сочинений Гоголя. С. 544–556.

Чернышевский Н.Г. Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша. Шесть томов. СПб., 1857. С. 557–582.

[Впервые: Современник. 1857. № 8. С. 87–132.]

[Указ. имен.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь. 1809–1852. К столетию со дня смерти: Материалы в помощь библиотекам / Гос. библиотека СССР им. В.И. Ленина. М., 1952. 40 с.

Голубков В.В. Художественное мастерство Н.В. Гоголя // Литература в школе. М., 1952. № 1. С. 24–38.

Гринкова Н.П. Из наблюдений над языком комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» // Русский язык в школе. М., 1952. № 2. С. 7–17.

Даты жизни и творчества Н.В. Гоголя. Памятка читателю. Пенза, 1952. 18 с. – (К 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя).

Добрынин М. Гоголь – великий русский писатель // Московский пропагандист. М., 1952. № 2. С. 14–20.

[К 100-летию со дня смерти.]

Доланский Юлиус. Гоголь и чехословацкая культура // Славяне. М., 1952. № 3. С. 41–44.

Дурылин С.Н. Гоголь и театр. К 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя // Известия АН СССР. М., 1952. Т. 9. № 2. С. 144–164.

Дурылин С.Н. Н.В. Гоголь об искусстве // Вопросы философии. М., 1952. № 3. С. 65–79.

Еголин А. Чем дорог нам Гоголь // Смена. Л., 1952. № 5. С. 2–3.

Емельянова О. По следам гоголевского юбилея // Грани. Париж, 1952. № 15. С. 87–89.

Ермилов В.В. Н.В. Гоголь. М.: Советский писатель, 1952. 296 с.

[Изд. 2-е, доп. М., 1953. 448 с. То же: *Ермилов В.* Избранные работы. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. 396 с.]

[Рец.: *Чижевский Д.* Три книги о Гоголе // Новый журнал. Нью-Йорк, 1955. № 41. С. 277–288.]

[Обзор кн.: *Ермилов В.* Н.В. Гоголь. М., 1952; *Setschkareff V.* N.V. Gogol. Leben und Schaffen. Berlin, 1953; *Ремизов А.М.* Огонь вещей. Париж, 1954.]

Ермилов В. «Тарас Бульба» и «Петербургские повести» Н.В. Гоголя // Знамя. М., 1952. № 3. С. 150–175.

Ершов П. О Гоголе (Некоторые грани его психологии и мастерства) // Возрождение. Париж, 1952. № 20. С. 145–150.

Ефимов А.И. Значение Н.В. Гоголя в истории русского литературного языка // Русский язык в школе. М., 1952. № 1. С. 1–12.

Жданов В. Великий русский писатель-реалист // Знамя. М., 1952. № 2. С. 140–156.

[К 100-летию со дня смерти Гоголя.]

Жданов В. Революционные демократы в борьбе за Гоголя // Новый мир. М., 1952. № 3. С. 245–253.

Жигулев А.М. Литературные образы Гоголя в произведениях В.И. Ленина и И.В. Сталина: стенограмма публичной лекции / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. М.: Знание, 1952. 24 с.

Жизнь и творчество Н.В. Гоголя: Материалы для выставки в школе и детской библиотеке к 100-летию со дня смерти писателя / Сост. О.А. Кудрявцева. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1952. 8 с.: 36 л. ил.: ил. – (Школьная библиотека. Для семилетней и средней школы / Дом детской книги Детгиза).

За рубежом: сб. статей советских композиторов и музыковедов. М.: Гос. музыкальное изд-во, 1953. 196 с.

Из содерж.:

Хубов Г. Болгарские очерки.

[С. 9: О популярности «Тараса Бульбы» Гоголя в Болгарии в годы борьбы с фашизмом.]

Заборова Р.Б. Рукописи Н.В. Гоголя: Описание / Гос. публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Труды Отдела рукописей. Л., 1952. 60 с.

Зайцев Б. Гоголь // Русская Мысль. Париж, 1952. 5 марта.

Заславский Д. Слово разящее // Огонек. М., 1952. № 10. С. 9–10.

[О сатире Гоголя.]

Зеелер В. Два «Ревизора» // Русская Мысль. Париж, 1952. 5 марта.

Злотникова И.Д. Музыка в жизни и творчестве Гоголя // Советская музыка. М., 1952. № 3. С. 38–42.

Зотов А. Памятник Н.В. Гоголю в Москве // Искусство. М., 1952. № 2. С. 49–53.

Зызыкин М.В., проф. Гоголь и царская власть // Наша страна. Буэнос-Айрес, 1952. № 106–110, 113.

[То же: Сборник статей, посвященных памяти Н.В. Гоголя (1852–1952) / Комитет Российской колонии в Аргентине. Буэнос-Айрес, 1952. С. 90–117. Переиздано: *Зызыкин М.* Царская власть в России. М.: Москва, 2004. С. 595–618. – (Серия Наследие Русского Зарубежья).]

Иваск Ю. Мифы о Гоголе // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 2 марта.

Издания произведений Н.В. Гоголя (1917 – 1 марта 1952): Статистические таблицы // Советская библиография: сб. статей и материалов. Вып. 1(32). М.: Всесоюзная книжная палата, 1952. С. 137–145.

Ильин В. День гнева (К юбилею Гоголя) // Вестник РСХД [Русское христианское движение]. Париж, 1952. № 1. С. 14–17.

Ильинский И. Драматург-режиссер // Октябрь 1952. №3. С. 141–145.

[Комедия Гоголя «Ревизор» и образ Хлестакова. Заметки актера.]

Иоанн (Шаховской), епископ. Душа Гоголя (К 100-летию со дня его кончины) // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 30 марта.

[То же: Россия. Нью-Йорк, 1952. 7 июня. № 4890.]

[В основу статьи положено выступление владыки Иоанна в программе радиостанции «Голос Америки», вещавшей на СССР.]

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 246–249.]

Канунова Ф.З. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: стенограмма публичной лекции / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Томск, 1952. 32 с.

Кастальский А.Д. Песни к Родине: для смешанного хора без сопровождения / Музыка А. Кастальского; слова Н.В. Гоголя. М.: Музгиз, 1952. 9 с.

Киласония К.А. К вопросу о взглядах Н.В. Гоголя на искусство (По повести «Портрет») // Труды Кутаисского пед. ин-та. Кутаиси, 1952–1953. Т. XI. С. 305–313.

Киришман В.В. Калуга в жизни и творчестве Н.В. Гоголя. Калуга: Изд-во газеты «Знамя», 1952. 40 с.

Ключарев Ю. Статья Гоголя «Об архитектуре нынешнего времени» // Архитектура СССР. М., 1952. № 2. С. 20–21.

Колас Я. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1951–1952.

Т. 4: Повести. Война войне. Статьи и речи М.: Гослитиздат, 1952. 708 с.

Из содерж.:

Беспощадный обличитель. С. 639–641.

[Гоголь.]

[Впервые: Правда. М., 1952. 4 марта. № 64(12266).]

Краткие сообщения Института славяноведения / Академия наук СССР, Институт славяноведения. № 8: Из истории русско-славянских литературных связей. М.: Наука, 1952. С. 5–42.

Никольский С.В., Соловьева А.П. Гоголь и становление реализма в чешской литературе.

Кравцов Н.И. Гоголь и болгарская литература.

Кружков В. Великий русский писатель Н.В. Гоголь // Большевик. М., 1952. № 4. С. 24–38. [К 100-летию со дня смерти.]

Ларченко М.Г. Н.В. Гоголь и белорусская литература // Известия АН БССР. Минск, 1952. № 2. С. 63–78.

Лейтес А.М. Гоголь и его зарубежные «комментаторы» // Октябрь. М., 1952. № 3. С. 146–151.

[Ложная трактовка содержания произведений Гоголя в английских и французских переводах.]

Лейтес А. О мастерстве Гоголя // Дружба народов. М., 1952. № 2. С. 144–148.

Литературное наследство. Т. 58: Пушкин. Лермонтов. Гоголь / Редкол.: А.М. Еголин (гл. ред.), Н.Ф. Бельчиков, И.С. Зильберштейн, С.А. Макашин. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. [2] 1060 с.: ил.

Гоголь:

Машинский С. Гоголь и «дело о вольнодумстве». С. 495–532.

Гоголь в неизданной переписке современников (1833–1853) / Публ. и коммент. Л.Р. Ланского [Л.Р. Каплана]; предисл. И.В. Сергиевского. С. 533–772.

Предисл. С. 533–544.

[Выдержки из 219 писем: В.С., Г.С., И.С., К.С., Л.С., М.С., Н.С., О.С. и С.Т. Аксаковых, В.Г. Анастасевича, П.В. Анненкова, В.В. Апраксина, Ф. Аралова, Л.И. Арнольди, С.И. Астракова, Т.А. Бакуниной, Е.А. Боратынского, П.А. Бессонова, И.Е. Бецкого, М.П. Бибилова, А.А. Божко, В.П. и Н.П. Боткиных, Н.Г. Будьдоброго, И.Е. Великопольского, А.В. Веневитинова, графов Л.К. и М.Ю. Виельгорских, князей П.А. и П.П. Вяземских, князя И.С. Гагарина, Г.П. Галагана, И.П. Галахова, А.М. Геденова, Ф.Н. Глинки, А.В. и М.И. Гоголь, Е.В. Гоголь (Быковой), К.А. Горбунова, Н.И. Греча, А.А. и П.И. Григорьевых, В.Л., Ек. В., Ел. В. Давыдовых, В.И. Даля, А.С. Данилевского, Джюлии, А.П. Елагиной, П.Ф. Заикина, М.А. Зензинова, П.Ф. Зенькова, А.А. и А.И. Ивановых, Ф.И. Иордана, Н.К. Калайдовича, В.А. Каратыгина, М.Г. Карташевской, М.Н. Каткова, Д.М. Княжевича, И.Т. Кокорева, А.Н. Костылева, Н.И. Крылова, Н.И. Лобанова, М.А. Максимовича, С. Маркова, Н.А. Мельгунова, Ф.Б. Миллера, Ф.А. Моллера, Н.И. Надеждина, П.В. Нащокина, Я.М. Неверова, А.В. Никитенко, князя В.Ф. Одоевского, Б.И. Ордынского, В.А. Панова, П.И. Пейкера, П.А. Плетнева, М.П. Погодина, Я.П. Полонского, С.И. Пономарева, А.Н. Попова, Н.Я. Про-

коповича, Л.С. Пушкина, Н.А. Рамазанова, Д.С. Ржевского, Г. Рора, Д.Н., Е.А. и Н.Д. Свербеевых, Д.П.Северина, М.Н. Синельниковой, А.О. А.О. Смирновой, И.И. Сосницкого, А.В., И.В. и М.В. Станкевичей, А.Е. Студитского, графов А.П. и И.П. Толстых, Н.Я. Толстого, А.И. и И.С. Тургеневых, Е.М. Феоктистова, И.А. Фонвизина, Е.М. Хомяковой, Ф.В.Чижова, И.С. Шаповалова, С.П. Шевырева, М.С. Щепкина, Н.Ф. Щербины, А.М. и Н.М. Языковых, Е.И. Якушкина.]

Гоголь в неизданных воспоминаниях:

Записи П.И. Мартоса, Ф.В. Чижова, В.С. Аксаковой и М.П. Погодина / Публ. Н. Арнольда, Л. Карплана и Г. Фридендера.

I. Из воспоминаний школьного товарища Гоголя.

Отрывок из письма П.И. Мартоса к П.И. Бартеневу / Вступ. заметка и примеч. Н. Арнольда. С. 773–774.

II. Записи о Гоголе в дневниках Ф.В. Чижова / Вступ. заметка и примеч. Л. Каплана (Л.Р. Ланского). С. 776–785.

III. Из записных книжек В.С. Аксаковой / Вступ. заметка и примеч. Л. Каплана. С. 786–792.

IV. Заметка М.П. Погодина о Гоголе / Вступ. заметка и примеч. Г. Фридендера. С. 793–796.

Неизданные письма к Гоголю:

Письма К.С. и С.Т. Аксаковых, А.А. Иванова, И.Т. Лисенкова, Ф.А. Моллера, М.П. Погодина и С.П. Шевырева / Публ. и коммент. Л. Ланского; предисл. С. Машинского. С. 797–836.

Коростин А., Стернин Г. Герои Гоголя в русском изобразительном искусстве XIX века. С. 837–892.

Гозентуд А. Гоголь в музыке: С. 893–924.

Смирнов-Сокольский Н.П. Необыкновенные книги.

IV [Экземпляр «Ревизора» с автографом Гоголя.] С. 1006–1008.

[То же: *Смирнов-Сокольский Н.П.* Рассказы о книгах. М., 1959. С. 348–354.]

[Указ. имен.]

[Рец.: *Жданов В.В.* Новое о русских классиках // Новый мир. М., 1953. № 5. С. 261–265.]

Лифарь С. Гоголь – актер-реалист // Русская Мысль. Париж, 1952. 14 марта.

Маршак С. Гоголь, прочитанный впервые // Литературная газета. М., 1952. 4 марта. № 28. С. 2.

Машинский С.И. Н.В. Гоголь и В.Г. Белинский. М.: Изд-во Знание, 1952. 31 с.

Машковцев Н. Гоголь и изобразительное искусство // Искусство. М., 1952. № 12. С. 46–51.

Мейер Г.А. Трудный путь (Место Гоголя в метафизике российской литературы): К столетию со дня смерти (21 февраля 1852 г.) // Возрождение. Париж, 1952. Тетрадь 19 (Январь – февраль). С. 159–175.

[См. также: *Мейер Г.А.* Сборник литературных статей (Посмертное издание). Frankfurt/ М.: Посев, 1968. С. 211–240. Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мир, 2002. С. 250–277.]

Минчин Б. Два великих сатирика // Советская Украина. Киев, 1952. № 4. С. 115–125.

[Гоголь и М.Е. Салтыков-Щедрин.]

Мышковская Л.М. Работа Гоголя над образом и словом // Октябрь. М., 1952. № 2. С. 156–172.

Надененко Ф.Н. Три романа на слова Н. Гоголя: для голоса с фортепиано / Укр. пер. Д. Бобыря. Киев: Музфонд СССР. Украинское республиканское отделение, 1952. 20 с.

Наследие Белинского: сб. статей. М.: Советский писатель, 1952. 372 с.

Из содерж.:

Онуфриев Н. В.Г. Белинский и русская литература.

Гринберг И. В.Г. Белинский в борьбе за реалистическое направление русской литературы.

Покусаев Е.И. Белинский и русская журналистика.

Оганнисян Р.О. Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью. Ереван: Айпетрат, 1952. 298 с.

Из содерж.:

Переводы произведений Н.В. Гоголя на армянский язык и литература о нем. С. 239–241.

[Указ. имен.]

Огонек: общенациональный еженедельный иллюстрированный журнал. М., 1952. № 10.

[Номер посвящен 100-летию со дня смерти Гоголя.]

Содерж.:

Тихонов Н. Великий русский писатель.

Андроников И. Гоголь и русская реалистическая трагедия.

[Отрывки из произведений Н.В. Гоголя «Страшная месть» и «Мертвые души»].

Рыльский М. Гоголь и Шевченко.

Заславский Д. Слово разящее.

Никулин Л. Невский проспект.

Кравченко Ф. Потомки его героев.

Бао-Цюан Гэ. Гоголь в Китае.

Станицын В. «Мертвые души»: к истории постановки.

Три Хлестакова.

Земенков Б. По московским адресам.

Зильберштейн И. Встреча в Риме.

Глазами современников.

Лавренев Б. Иллюстраторы Гоголя.

Белокуров Л. 80000 рисунков.

На театральной сцене.

Народные картинки.

Иллюстрации:

[Н.В. Гоголь].

Здание Нежинского педагогического института имени Н.В. Гоголя: фото В. Приходько.

[Н.В. Гоголь].

Мамонов Э.А. Н.В. Гоголь, читающий «Мертвые души» (1839).

Моллер Ф.А. Н.В. Гоголь (Рим, 1841).

Кукрыниксы. Иллюстрации к произведениям Гоголя «Женитьба», «Нос», «Шинель».

Тарас Бульба: литография Е. Кибрика.

Портрет Н.В. Гоголя, приписываемый Т.Г. Шевченко.

Каневский А.М. «Сорочинская ярмарка».

Каневский А.М. «Майская ночь, или Утопленница».

Лаптев А. Иллюстрации к «Мертвым душам».

Перечитывая «Мертвые души»: рисунки Б. Ефимова.

Вид Невского от Гостиного двора [середина XX века]: фото Н. Фетисова; вид Невского проспекта с Полицейского моста в начале XIX века: со старинной гравюры.

Дом книги на Невском проспекте: фото Н. Науменкова; вид Невского проспекта от Аничкова моста в начале XIX века: по рисунку с натуры К. Гампельна; вид Невского проспекта от Аничкова моста [середина XX века].

Сцена из спектакля «Сорочинская ярмарка» в исполнении самодеятельного драматического коллектива Дома культуры; колхозный скульптор Леонид Ильченко у макета памятника Н.В. Гоголю.

Хор колхоза имени Куйбышева близ Диканьки.

Местный композитор Н. Чеботарев разучивает новую песню с солистками хора; Музей в Миргороде при керамическом техникуме.

Кибрик Е.А. «Тарас Бульба».

Коровин Ю.Д. «Ревизор».

Титульный лист к книге «Мертвые души»: работа художника А. Агина.

В роли Чичикова – народный артист СССР В. Топорков; в роли губернатора – народный артист СССР В. Станицын; в роли Манилова – народный артист СССР М. Кедров.

Хлестаков – народный артист СССР И. Ильинский; лауреат Сталинской премии А. Попов в роли Хлестакова.

Студент Ленинградского государственного университета имени А.А. Жданова Горбачев в роли Хлестакова; Казнь Тараса: гипс.

[По московским адресам:] рисунки Б. Земенкова.

Н.В. Гоголь в кругу русских художников в Риме (осень 1845 года): дагерротип.

Редкий экземпляр первой книги Гоголя с дарственной надписью автора М.П. Погодину; Н.В. Гоголь: шаржированный рисунок неизвестного художника (1840-е годы); Грибков, С.И. Обед Хлестакова (1868): масло. «Сорочинская ярмарка».

Иллюстрации Д.Н. Кардовского к «Ревизору».

Кукрыниксы. «Мертвые души»: Чичиков, Манилов.

Кукрыниксы. «Мертвые души»: Собакевич, Плюшкин.

Боклевский П. Чичиков; Агин А. Сцена у Плюшкина; Агин А. Сцена у Манилова.

Каневский А. Чаепитие Ивана Никифоровича; Кукрыниксы. Ноздрев; Лаптев А. Собакевич приступает к осетру; Лаптев А. Разговоры пошли по городу... («Мертвые души»); Лаптев А. Петрушка за книгой; Лаптев А. Пелагея («Мертвые души»).

Кадр из фильма «Ночь перед Рождеством». Кузнец Вакула в царском дворце; Солоха – народная артистка СССР В. Марецкая: фото Б. Котова.

Сцена из спектакля «Ревизор» театра имени Азизбекова; сцена из 4-го акта спектакля «Ревизор» Узбекского академического театра драмы имени Хамзы; сцена из 2-го акта спектакля «Ревизор» Тбилисского драматического театра им. К. Марджанишвили; сцена из 4-го акта спектакля «Ревизор» Московского Малого театра.

Сцена из 1-го акта спектакля «Ревизор» Тамбовского областного драматического театра им. Луначарского; сцена из 3-го действия спектакля «Женитьба» в Киевском государственном ТЮЗе; сцена из 1-го акта спектакля «Женитьба» в постановке Пражского национального театра; «Женитьба» в Казахском театре юного зрителя; «Женитьба» в постановке Будапештского театра Армии; сцена из спектакля «Ревизор» в Софийском народном театре.

«Ночь перед Рождеством»: издание А.В. Морозова (М., 1902); «Тарас Бульба»: издание В.В. Васильева (М., 1888).

«Гоголь слушает кобзаря»: барельеф Я. Усика по картине В. Волкова; кадр из индийского фильма «Афсар» по комедии Гоголя «Ревизор»; Александринский театр 1836 года, где был поставлен впервые «Ревизор»; портрет юного Гоголя, выполненный художником А. Ивановым; Первая афиша «Ревизора» с надписью чиновника.

«Кузнец Вакула на чорте»: дерево, работа П. Верна; вид города Нежина времен Н.В. Гоголя.

Оксман Ю.Г. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Ученые записки / Саратовский ун-т. Т. XXXI. Вып. филологический. Саратов, 1952. С. 131–204.

[То же: *Оксман Ю.Г.* От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев: Исследования и материалы. Саратов: Книжное изд-во, 1959. С. 203–245.]

Олидор О.Н. О переводах пьесы «Ревизор» [На языки народов Средней Азии] // Казахстан: альманах художественной литературы. Кн. 8. Алма-Ата: Казгослитиздат, 1952. С. 99–105.

Онуфриев Н. Гоголь и русская критика // Советская книга. М., 1952. № 3.

Онуфриев Н.М. Н.В. Гоголь: критико-биографический очерк. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 88 с.

Онуфриев Н.М. Реализм Н.В. Гоголя / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Сер. 1. М.: Знание, 1952. 22 с.

Описание автографов Н.В. Гоголя / Академия наук УССР. Гос. публичная библиотека. Отдел рукописей; сост. И.В. Шубинский; отв. ред. С.И. Петров. Киев: Изд-во АН УССР, 1952. 56 с.: ил.

Описание автографов Н.В. Гоголя / Академия наук УРСР. Гос. публичная библиотека. Отдел рукописей; сост. И.В. Шубинский, С.И. Петров, О.А. Назаревский. Киев: Изд-во АН УССР, 1952. 82 с.

Орлов М. Проблемы русского языка и стиля в произведениях Гоголя // На рубеже. Петрозаводск, 1952. № 2. С. 62–67.

Орловская Н.К. Гоголь в западной литературе // Труды Тбилисского ун-та. Т. XLVII. Тбилиси, 1952. С. 167–179.

Паскаль Пьер. Гоголь во Франции // Вестник РСХД [Русское христианское движение]. Париж, 1952. № 3/4. С. 23–27.

[Речь, произнесенная проф. П. Паскалем на торжественном спектакле, посвященном памяти Гоголя, 16 марта 1852 г. в Париже. О восприятии Гоголя во Франции. Приведены сведения об основных публикациях писателя за прошедшее столетие.]

Пенчко Н.А. К вопросу о связях Н.В. Гоголя с Московским университетом // Вестник Московского ун-та. Серия общественных наук. Вып. 3. № 7. М., 1952. С. 187–192.

Петрункевич А.М. Еще о Гоголе // Вестник РСХД [Русское христианское движение]. Париж, 1952. № 4. С. 25–29.

[По поводу статьи Д. Чижевского «Неизвестный Гоголь» (Новый журнал. Нью-Йорк, 1951. № 27. С. 126–158).]

Пиксанов Н.К. Гоголь-драматург: стенограмма публичной лекции / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. Л., 1952. 34 с.

Позднеев А. Новые рукописи Гоголя // Смена. Л., 1952. № 5. С. 20–21.

Полищук Ф. Гоголь и украинская народная песня // Советская Украина. Киев, 1952. № 2. С. 99–107.

Поляков М. Гоголь и Белинский // Дружба народов. М., 1952. № 2. С. 136–143.

Поспелов Г. Великий русский писатель. К 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя // Красный сокол. М., 1952. 4 марта.

Поспелов Г. Н.В. Гоголь // Московская промышленность. М., 1952. 6 марта.

Поспелов Г.Н. О некоторых особенностях реализма в творчестве Н.В. Гоголя // Вестник Московского ун-та. Серия общественные науки. М., 1952. № 4. С. 3–20.

Правда. М., 1952. 4 марта. № 64(12266). С. 1–3.

Николай Васильевич Гоголь [Передовая статья].

Открытие в Москве памятника Н.В. Гоголю. Речи Н.С. Тихонова, Л.М. Леонова, А.Е. Корнейчука [То же: *Корнейчук А.Е.* Сочинения. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1956. С. 315–316.]

Виноградов В. Великий русский художник слова.

Федин К. Чудесный гений.

[То же: *Федин К.* Сочинения. Т. 6. М.: Гослитиздат, 1954. С. 552–553].

Колас Я. Беспощадный обличитель.

[То же: *Колас Я.* Собрание сочинений. Т. 4. М., Гослитиздат, 1952. С. 639–641].

Цао Цзин-хуа. Китайский народ чтит память Гоголя.

Прокшин В.Г. К вопросу о влиянии Н.В. Гоголя на русскую сатиру // Литературная Башкирия. Уфа, 1952. Вып. 4. С. 249–266.

Пруцков Н. Гоголь – великий русский писатель. К 100-летию со дня смерти // Пропаганда и агитация. М., 1952. № 3. С. 22–31.

Пруцков Н.И. Н.В. Гоголь и наша современность: стенограмма публичной лекции / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. Ленинградское отделение. Л., 1952. 27 с.

Прошло сто лет... // Вестник РСХД [Русское христианское движение]. Париж, 1952. № 1. С. 13.

[К 100-летию со дня смерти Гоголя.]

Райхин Д.Я. Отражение идейного смысла поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» в ее языке (О некоторых особенностях языка «Мертвых душ») // Литература в школе. М., 1952. № 2. С. 18–26.

Ремизов А. Сто лет со дня смерти Гоголя // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 2 марта.

Ромашов Б.С. Великий художник русского театра // Театр. М., 1952. № 3. С. 3–17.

[То же: *Ромашов Б.С.* Драматург и театр: Статьи, воспоминания, очерки. М., Искусство, 1953. С. 231–255.]

Рыльский М. Гоголь и Шевченко // Огонек. М., 1952. № 10. С. 8.

Седых А. Последние дни Гоголя // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 23 марта.

Сборник статей, посвященных памяти Н.В. Гоголя (1852–1952) = Serie de articulos en conmemoración del centenario del escritor ruso Nicolas Gogol (1852–1952) / Комитет Российской колонии в Аргентине. Буэнос-Айрес, 1952. 208 с.

Содерж.:

От редакции. С. 5–6.

Анастасий (Грибановский), митрополит. Мысли о Гоголе. С. 7–8.

[Из творений митрополита Анастасия «Беседы с собственным сердцем» (Иерусалим, 1935).]

Молитва Гоголя. С. 9.

К Тебе, о Матерь Пресвятая...

[Печ. по: Русский Архив. 1897. Вып. 2. С. 656.]

[А.А. Третьяков: «Сообщено мне иеромонахом Гефсиманского скита о. Исидором (Грузинским), родом из села Лысково, брат которого был камердинером в доме гр. А.П. и А.Г. Толстых (на Никитском бульваре), где умер Гоголь».]

Андреев И.М., проф. Н.В. Гоголь (К столетию со дня смерти). С. 10–20.

Вербицкий Ф.В., проф. «Не принятый» пророк. С. 21–34.

[Доклад на «Гоголевском дне» в Аргентине 17/30 августа 1952 г.]

Константин (Зайцев), игумен. Гоголь как учитель жизни. С. 35–53.

[Переиздано: Духовный путь Н.В. Гоголя: В 2 ч. Ч. 2: Гоголь в русской религиозно-философской критике / Авт.-сост. В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. М.: ООО ТИД «Русское слово – РС», 2009. С. 5–17.]

Тальберг Н.Д. Гоголь – глашатай Святой Руси (Ответ клеветникам подлинной России). С. 54–66.

[Перепечатано: *Тальберг Н.Д.* О вере, Царе и Отечестве. От Крещения Руси до клятвопреступного бунта. Кн. 1. М.: Правило веры, 2004. С. 578–597.]

Башилов Б. Спор, решенный жизнью (Гоголь и Белинский). С. 67–89.

Зызыкин М.В., проф. Гоголь и царская власть. С. 90–117.

[Впервые: Наша страна. Буэнос-Айрес, 1952. № 106–110, 113.]

[Переиздано: *Зызыкин М.* Царская власть в России. М.: «Москва», 2004. С. 595–618. – (Серия «Наследие Русского Зарубежья».)

Федоров Н. О театре и языке Гоголя. Беглые заметки. С. 118–136.

Николич Е.А. Птица-тройка (Стихи). С. 137–138.

Яцута К.З., проф. К столетию со дня смерти Н.В. Гоголя. С. 139–152.

Воейков Н.Н. Гоголь – профессор истории (Страница из его жизни). С. 153–159.

Сикорский И.А., проф. Психологическое направление художественного творчества Гоголя. С. 160–171.

[Впервые: *Сикорский И.А.* Психологическое направление художественного творчества Гоголя: Речь, произнесенная 10 апреля 1909 г. в торжественном собрании в Университете Св. Владимира, в память столетней годовщины рождения Н.В. Гоголя. Киев: типография Императорского ун-та Св. Владимира, 1911. 11 с.]

Вербицкий Ф.В., проф. Духовный подвиг Гоголя (Паломничество в Иерусалим). С. 172–183.

Вербицкий Ф.В., проф. Великий Россиянин. С. 184–207.

Сергеев-Ценский С.Н. Гоголь как художник слова // Крым. Литературно-художественный альманах. Кн. 8. Симферополь: Крымиздат, 1952. С. 179–198.

[То же: *Сергеев-Ценский С.Н.* Собрание сочинений. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1955. С. 666–697.]

Сергиевский И. Великое наследие Гоголя // Звезда. Л., 1952. № 3. С. 116–121.

Сергиевский И. Мировое значение Гоголя // Новое время. М., 1952. № 9. С. 14–17.

Серебровская Е.П. Белинский и Гоголь (К истории борьбы за реализм). Л.: Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во [Лениздат], 1952. 180 с.

[Рец.: *Жаворонков* // Литературная газета. М., 1953. 23 мая. № 49.]

Слонимский А.Л. Смех Гоголя // Октябрь. М., 1952. № 3. С. 125–140.

Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души»: [лекция] / Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний; ред. Е.Н. Конюхова; рис. П. Боклевского. М. [Изд-во «Знание»], 1952. 40 с.: ил. 200000 экз.

План лекции:

Гл. 1. Система образов поэмы «Мертвые души»: помещики, чиновники, крестьянство. Повесть о капитане Копейкине. С. 5–25.

Гл. 2. Образ Чичикова. С. 25–28.

Гл. 3. Художественные особенности поэмы «Мертвые души». С. 28–32.

Гл. 4. Творческая история второго тома «Мертвых душ». С. 32–40.

Совсун В.Г. Н.В. Гоголь и наша современность. Минск, 1952. 31 с. – (Общество по распространению политических и научных знаний БССР).

Соколова В.К. Этнографические и фольклорные материалы у Гоголя // Советская этнография. М., 1952. № 2. С. 114–128.

Солодовников А. Сила художественной правды: К 100-летию со дня смерти Гоголя // Коммунист. М., 1952. № 2. С. 38–49.

Стасов В.В. Избранные сочинения: В 3 т. Т 1: Живопись. Скульптура. Музыка / Сост. П.Т. Щипунов. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1952 736 с.

[Указ. имен.]

Степанов Н.Л. Великий русский писатель Н.В. Гоголь. М.: Знание, 1952. 40 с. – (Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний).

[К столетию со дня смерти.]

Степанов Н.Л. Великий русский писатель Н.В. Гоголь / Управление лекционной пропаганды Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при Совете министров РСФСР; Центральное лекционное бюро; худож. Е.Н. Голяховский. М.: Гос. изд-во культурно-просветительской литературы [Госкультпросветиздат], 1952. 72 с.: ил. – (Библиотечка «В помощь лектору»).

[Материалы для лекций, примерные планы, методические указания, даты жизни Гоголя.]

Степанов Н.Л. Гоголь Николай Васильевич // Большая советская энциклопедия. Т. 11 / Гл. ред. Б.А. Введенский. 2-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1952. С. 568–576.

Степанов Н.Л. Национальное своеобразие поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1952. Т. 11. Вып. 1. С. 31–48.

- Степанов Н.* Николай Васильевич Гоголь // Классики русской литературы. Критико-биографические очерки. М.; Л.: Государственное изд-во детской литературы, 1952. С. 265–301.
- Степанов Н.Л.* Работа Н.В. Гоголя над языком «Ревизора» // Театр. М., 1952. № 3. С. 28–40.
- Стоянов Л.* Гоголь вместе с нами борется за мир // Славяне. М., 1952. № 3.
- Талиашвили Г.Э.* Гоголь в грузинской литературе. Тбилиси: Заря Востока, 1952. 62 с.
- Тарасенков А.* Гоголь и современность // Новый мир. М., 1952. № 3. С. 224–232.
- Тимошкова Л.* Заметки о гоголевских традициях в литературе братских славянских народов // Советская отчизна. Минск, 1952. № 2. С. 126–132.
- Тихонов Н.* Великий русский писатель // Огонек. М., 1952. № 10. С. 1–2.
[К 100-летию со дня смерти Гоголя.]
- Токмаков В.Н.* Гоголь в Китае // Сибирские огни. Новосибирск, 1952. № 2. С. 162–165.
- Томашевский Б.В., Фридендер Г.М.* Академическое издание сочинений Н.В. Гоголя // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1952. Т. 11. Вып. 1. С. 49–60.
- Турбин В.Н.* Факты и «фактики» // Литературная газета. М., 1952. 22 мая. № 62. С. 3.
[Рец. на кн.: *Иофанов Д.М.* Н.В. Гоголь. Детские и юношеские годы / АН УССР; Гос. публичная библиотека УССР. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 432 с.]
- Тургенев И.С.* Письмо, написанное из Петербурга под первым впечатлением известия о смерти Гоголя // Вестник РСХД [Русское христианское движение]. Париж, 1952. № 1. С. 11–12.
- Туроверов Н.* Гоголь: [стихотворение] // Русская Мысль. Париж, 1952. 5 марта. № 429.
[Впервые: *Туроверов Н.* Стихи. Книга четвертая. Париж, 1942. Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 139–140.]
- Тэффи Н.* После юбилея (Отрывки впечатлений и разговоров) // Новое Русское Слово. Нью-Йорк, 1952. 16 марта.
[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 231–245.]
- Узбекские писатели о великом классике-реалисте // Звезда Востока. Ташкент, 1952. № 3. С. 81–86.
- Каххар А.* Мой первый учитель.
- Турсун П.* Великий мастер слова.
- Файзи Р.* Писатель-патриот.
- Фетисов М.И.* Мировое величие Гоголя (К итогам научных сессий, посвященных 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя) // Вестник АН СССР. М., 1952. № 3. С. 22–33.
- Филиппов В.А.* Гоголь и Малый театр // Театр. М., 1952. № 3. С. 53–62.
- Хмелевская Т.* Поэма Гоголя «Мертвые души» // На рубеже. Петрозаводск, 1952. № 3. С. 63–68.
- Храпченко М.Б.* Драматургия Гоголя // Октябрь. М., 1952. № 1. С. 141–174.

Храпченко М.Б. «Мертвые души» Н.В. Гоголя / Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького; отв. ред. проф. М.К. Добрынин. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 208 с.: ил.

Храпченко М.Б. Петербургские повести Гоголя // Известия АН СССР. Отд. лит. и яз. М., 1952. Т. XI. Вып. 1. С. 3–30.

Храпченко М.Б. «Тарас Бульба» // Октябрь. М., 1952. № 3. С. 107–124.
[Народно-историческая эпопея Гоголя.]

Цапенко М. К 100-летию со дня смерти великого русского писателя Н.В. Гоголя // Архитектура СССР. 1952. № 2. С. 17–20.
[Высказывания Гоголя об архитектуре.]

Червяковский С. Гоголь и Некрасов // Литературная газета. М., 1952. 16 сентября.

Чуковский К. Гоголь и Некрасов // Знамя. М., 1952. № 2. С. 157–175.

Чуковский К.И. Гоголь и Некрасов. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952. 87 с.

[То же: *Чуковский К.И.* Мастерство Некрасова. Изд. 3-е, испр. М.: Советский писатель, 1959. С. 75–164.]

[Рец.: *Покусаев Е.* // Советская книга. М., 1952. № 8; *Червяковский С.* // Литературная газета. М., 1952. 16 сентября.]

Шапорин Ю.А. Гоголь и музыка // Советская музыка. М., 1952. № 3. С. 33–37.

<Щепкин М.С.> Михаил Семенович Щепкин. Записки. Письма. Современники о М.С. Щепкине / Сост. А.П. Клиничин; ред. С.Н. Дурьлин; [вступ. статьи С. Дурылина, А. Клиничина и А. Фриденберга]. М.: Искусство, 1952. 372 с.: 17 л. ил.
[М.С. Щепкин и Гоголь.]

1953

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Женитьба: совершенно невероятное событие в 2-х действиях / [Ил. Д. Дубинского]. М.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1953. 67 с.: ил.

Майская ночь, или Утопленница / [Ил. Б. Дехтерева]. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1953. 31 с.: 4 л. ил.: ил.

Мертвые души: поэма / Примеч. Н. Ашукина и А. Слонимского; рис. А. Лаптева. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1953. 500 с.: 25 л. ил. ил. 20000 экз.

Миргород. Л.: Гос. Русский музей, 1953.

Собрание сочинений: В 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952–1953.

Т. 5: Мертвые души / Примеч. А. Слонимского. М.: Гослитиздат, 1953. 464 с. 300000 экз.

Примеч. С. 437–459.

Приложения:

Повесть о капитане Копейкине (редакция, разрешенная цензурой). С. 393–398.

Предисловие ко второму изданию первого тома «Мертвых душ». С. 398–401.

Отрывки из ранней редакции второго тома «Мертвых душ». С. 402–434.

Т. 6: Из ранних опытов; Статьи; Избранные письма / Примеч. А. Дубовикова. М.: Гослитиздат, 1953. 456 с. 300000 экз.

Примеч. С. 387–452.

Содерж.:

Борис Годунов. Поэма Пушкина. С. 7–12.

1834. С. 13–14.

Статьи из сборника «Арабески»:

Скульптура, живопись и музыка. С. 17–21.

Взгляд на составление Малороссии. С. 22–32.

Несколько слов о Пушкине. С. 33–38.

Об архитектуре нынешнего времени. С. 39–59.

Ал-Мамун (Историческая характеристика). С. 60–66.

О малороссийских песнях. С. 67–74.

Последний день Помпеи (Картина Брюллова). С. 75–82.

Статьи, напечатанные в «Современнике» 1836–1837 гг.:

О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году. С. 85–106.

Петербургские записки 1836 года. С. 107–120.

Статьи, напечатанные в книге «Выбранные места из переписки с друзьями»:

Чтения русских поэтов перед публикою. С. 123–125.

Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ». С. 126–140.

В чем же наконец существо русской поэзии в чем ее особенность. С. 141–184.

Из статей 1846–1847 гг., не напечатанных при жизни Гоголя:

О Современнике (Письмо к П.А. Плетневу). С. 187–198.

<Авторская исповедь.> С. 199–236.

Избранные письма. С. 239–383.

Старосветские помещики / [Ил. П. Павлинова.] М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1953. 48 с.: 5 л. ил.

Тарас Бульба: повесть. Киев: Гослитиздат Украины, 1953. 114 с.

ЛИТЕРАТУРА

Белинский В.Г. Полное собрание сочинений: [В 13 т.] / Под ред. Н.Ф. Бельчикова (отв. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

Т. 1: Статьи и рецензии. Художественные произведения М.: Изд-во АН СССР, 1953. 574 с.: ил.

О русской повести и повестях г. Гоголя. С. 259–307.

[Указ. имен.]

Бурсов Б. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1953. 387 с.

Из содерж.:

Белинский о реализме Гоголя. С. 55–85.

Чернышевский о значении для русской литературы традиций Пушкина, Белинского и Гоголя. С. 166–207.

[Рец.: *Лаврецкий А.* // Известия Академии наук СССР. Отд. лит. и яз. М., 1954. Т. 13. Вып. 5. С. 560–567.]

<Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в русской критике: сб. статей / Подгот. текста А.К. Котова и М.Я. Полякова; вступ. статья и примеч. М.Я. Полякова. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1953. LXIV, 652 с.

Загл. вступ. статьи: Гоголь в оценке русской критики. С. III–LXIV.

Примеч. С. 613–648.

Содерж.:

Статьи и рецензии:

Пушкин А.С.

Из письма А.Ф. Воейкову. С. 3.

[Впервые: Литературные прибавления к «Русскому Инвалиду». 1831. 3 октября. № 79. С. 625 (в статье Л. Якубовича в форме письма к редактору А.Ф. Воейкову.)

Вечера на хуторе близ Диканьки. С. 4.

- [Впервые: Современник. 1836. Т. 1. С. 311–312.]
Белинский В.Г.
 О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»). С. 5–63.
 [Впервые: Телескоп. 1835. Ч. XXVI. № 7. С. 392–417; № 8. С. 536–603.]
 О критике и литературных мнениях «Московского Наблюдателя» <Отрывок из статьи>. С. 64–66.
 [Впервые: Телескоп. 1836. Ч. XXXII. № 5. С. 120–154.]
 «Московские записки». С. 66–68.
 [Впервые: Молва. 1836. Ч. IX. № 8. С. 209–211.]
 «Горе от ума». Комедия в 4-х действиях, сочинение А.С. Грибоедова. 2-е изд. СПб., 1839 <Отрывок из статьи>. С. 68–106.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1840. Т. 8. № 1. Отд. V. С. 1–56.]
 Русская литература в 1841 году <Отрывок из статьи>. С. 106–112.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 20. № 1. Отд. V. С. 1–52.]
 Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. М.: В университетской типографии, 1842. С. 112–129.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 23. № 7. Отд. VI. С. 1–12.]
 Журнальные и литературные заметки. С. 129–133.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 23. № 7. Отд. VIII. С. 51–55.]
 Несколько слов о поэме Гоголя: «Похождения Чичикова, или Мертвые души». М., 1842. С. 133–142.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 23. № 8. Отд. VI. С. 46–51.]
 [Автор брошюры К.С. Аксаков.]
 Библиографическое известие. С. 142–145.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 24. № 9. Отд. VI. С. 26–28.]
 Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке. С. 145–163.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 24. № 9. Отд. VIII. С. 33–43.]
 Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души». С. 163–191.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1842. Т. 25. № 11. Отд. V. С. 13–30.]
 Женильба. Оригинальная комедия в двух действиях, сочинение Н.В. Гоголя (автора «Ревизора»). С. 191–194.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1843. Т. 26. № 1. Отд. VIII. С. 46–48.]
 Сочинения Николая Гоголя. Четыре тома. СПб., 1842. В типографии Бородина и К. С. 194–202.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1843. Т. 26. № 2. Отд. VI. С. 43–48.]
 Игроки. Оригинальная комедия в одном действии, сочинение Гоголя. С. 202–206.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1843. Т. 28. № 5. Отд. VIII. С. 31–33.]
 Русская литература в 1843 году <Отрывки из статьи>. С. 206–214.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1844. Т. 32. № 1. Отд. V. С. 1–42.]
 Перевод сочинений Гоголя на французский язык. С. 214–215.
 [Впервые: Отечественные Записки. 1845. Т. 43. № 12. Отд. VIII. С. 115–116.]
 Похождения Чичикова, или Мертвые души. Поэма Н. Гоголя. Изд. 2-е. М., 1846. С. 216–219.
 [Впервые: Современник. 1847. Т. 1. № 1. Отд. III. С. 56–59.]
 Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя. СПб., 1847. С. 219–242.
 [Впервые: Современник. 1847. Т. 1. № 2. Отд. III. С. 103–124.]
 Письмо к Гоголю [15 июля (н. ст.) 1847 г. Зельцбрунн]. С. 243–252.
 [Впервые: Полярная Звезда. Лондон, 1855. Кн. 1. С. 66–75.]
 Ответ «Москвитянину» <Отрывок из статьи>. С. 253–281.
 [Впервые: Современник. 1847. Т. 6. № 11. Отд. III. С. 29–75.]
 Взгляд на русскую литературу 1847 года <Отрывок из статьи>. С. 281–315.
 [Впервые: Современник. 1848. Т. 7. № 1. Отд. III. С. 1–39.]
 А. Б. В. <Надеждин Н.И.> Театральная хроника. С. 316–322.
 [Впервые: Молва. 1836. № 9. С. 250–264.]
Герцен А.И.
 Дневник <Отрывки>. С. 323–324.
 О развитии революционных идей в России. <Отрывки>. С. 324–328.
 [Печ. по изд.: Герцен А.И. Избранные сочинения. М., 1937. С. 406–416.]

- О романе из народной жизни в России <Отрывок>. С. 328–332.
 [Впервые: Новая фаза русской литературы <Отрывок>. С. 332.
 [Печ. по изд.: *Герцен А.И.* Избранные сочинения. М., 1937. С. 418, 424, 425.]
- Огарев Н.П.* Предисловие к сборнику «Русская потаенная литература XIX века». <Отрывок>. С. 333–335.
 [Печ. по изд.: *Огарев Н.П.* Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952. С. 456, 461–463.]
- Некрасов Н.А.*
 Заметки о журналах за октябрь 1855 года <Отрывок>. С. 336–340.
 [Впервые: Современник. 1855. № 11. Отд. V. С. 71–87. Печ. по изд.: *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем. 1952. Т. 9. С. 340–345.]
- Письмо И.С. Тургеневу <Отрывок>. С. 340.
 [Из письма от 12 августа 1855 г. Москва.]
- Чернышевский Н.Г.*
 Очерки гоголевского периода русской литературы (Сочинения Николая Васильевича Гоголя. Четыре тома. Изд. 2-е. М., 1855; Сочинения Николая Васильевича Гоголя, найденные после его смерти. Похождения Чичикова, или Мертвые души. Том второй (пять глав). М., 1855). Статья первая. С. 341–391.
 [Впервые: Современник. 1855. № 12. С. 21–66.]
- Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем. С портретом Гоголя. СПб., 1856. С. 391–406.
 [Впервые: Современник. 1856. № 5. С. 26–39.]
- Сочинения Н.В. Гоголя. Томы V и VI. М., 1856. С. 407–415.
 [Впервые: Современник. 1856. № 6. С. 41–49.]
- Заметки о журналах. Февраль 1856 года. С. 415–427.
 [Впервые: Современник. 1856. № 3. С. 80–91.]
- Сочинения и письма Н.В. Гоголя. Издание П.А. Кулиша. Шесть томов. СПб., 1857. С. 427–481.
 [Впервые: Современник. 1857. № 8. С. 87–132.]
- Мертвые души. Окончание поэмы Н.В. Гоголя «Похождения Чичикова» Ващенко-Захарченко. Киев, 1857. С. 481–487.
 [Впервые: Современник. 1857. № 8. С. 1–7.]
- Заметки о журналах <Отрывок>. С. 487–495.
 [Впервые: Современник. 1857. № 1. С. 173–179.]
- Заметки о журналах <Отрывок>. С. 495–498.
 [Впервые: Современник. 1857. № 3. С. 197–200.]
- <О сочинениях Гоголя.> С. 499–506.
 [Впервые (не полностью): *Чернышевский Н.Г.* Избранные сочинения: В 5 т. / Под ред. А.В. Луначарского; подгот к печати и примеч. Н.В. Богословского, В.В. Буша, Н.М. Чернышевской-Быстровой, Н.А. Щелканова, Т. 4. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930. С. 353–356. Статья представляет собой первый вариант рецензии на «Сочинения Гоголя» в четырех томах. Печ. по изд.: *Чернышевский Н.Г.* Полное собрание сочинений: В 15 т. Т. 3: Очерки гоголевского периода русской литературы. Статьи и рецензии 1856 года. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1947. С. 771–776.]
- Добролюбов Н.А.*
 Александр Сергеевич Пушкин <Отрывок>. С. 507.
 [Впервые: Русский иллюстрированный альманах. СПб., 1858 (подпись: Н. Лайбов). Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934. С. 117–118.]
- «Мишура». Комедия в 4-х действиях Алексея Потехина <Отрывок>. С. 507–509.
 [Впервые: Современник. 1858. № 8. С. 203–231. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934. С. 422–423.]
- Поденщина. Сатирический журнал Василия Тузова, 1769 <Отрывок>. С. 509–510.
 [Впервые: Современник. 1858. № 12. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934. С. 483–484.]
- О степени участия народности в развитии русской литературы <Отрывок>. С. 510–512
 [Впервые: Современник. 1858. № 2. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1934. С. 203–204, 236–237, 244.]

- Литературные мелочи прошлого года <Отрывок>. С. 512–513.
 [Впервые: Современник. 1859. № 1. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1934. С. 50–51.]
 Темное царство <Отрывок>. С. 514.
 [Впервые: Современник. 1859. № 7. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1935. С. 84.]
 Стихотворения Ивана Никитина <Отрывок>. С. 514–515.
 [Впервые: Современник. 1860. № 4. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1935. С. 577.]
 Забытые люди <Отрывок>. С. 515–516.
 [Впервые: Современник. 1861. № 9. Печ. по изд.: *Добролюбов Н.А.* Полное собрание сочинений: В 6 т. / Под общ. ред. П.И. Лебедева-Полянского. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1935. С. 382.]
Писарев Д.И. Николай Яковлевич Прокопович и отношения его к Гоголю. П.В. Гербея (Современник. 1858. Февраль). С. 517–520.
 [Печ. по изд.: *Писарев Д.И.* Сочинения: полное собрание в шести томах с портретом автора и статьей Евгения Соловьева (автора биографии Писарева). [2-е изд.]. Т. 1. СПб.: Ф. Павленков, 1897. С. 34–38.]
Тургенев И.С.
 Племянница, роман, сочинение Евгении Тур...» <Отрывок>. С. 521–522.
 [Впервые: Современник. 1852. № 1. Печ. по изд.: *Тургенев И.С.* Сочинения / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. Т. 12. М.; Л.: Гос. изд-во, 1933. С. 119, 122.]
 Гоголь. С. 523–529.
 [Впервые: *Тургенев И.С.* Сочинения: [В 8 т.] Т. 1. М.: Изд. братьев Салаевых, типография Грачева и К., 1869.]
 Письмо из Петербурга. С. 529–532.
 [Впервые: Московские Ведомости. 1852. 13 марта. № 32. С. 328–329.]
 Из писем И.С. Тургенева.
 [Печ. по изд.: *Тургенев И.С.* Собрание сочинений / Под ред. Н.Л. Бродского [и др.]. Т. 2. М.: Правда, 1949. С. 93–95.]
 П. Виардо (из письма от 21 февраля 1852 г. Санкт-Петербург). С. 533.
 Е.М. Феокистову (из письма от 26 февраля 1852 г. Санкт-Петербург). С. 533–534.
 И.С. Аксакову (из письма от 3 марта 1852 г. Санкт-Петербург). С. 535.
Короленко В.Г. Трагедия великого юмориста (Несколько мыслей о Гоголе). С. 536–594.
 [Впервые под названием «Трагедия писателя (Несколько мыслей о Гоголе)»: Русское Богатство. 1909. № 4. Отд. II. С. 170–171; № 5 Отд. II. С. 148–166, 170–181.]
Немирович-Данченко Вл. И. Тайна сценического обаяния Гоголя. С. 595–600.
 [Речь, прочитанная на заседании Общества любителей российской словесности в Москве 28 апреля 1909 г.]
 [Печ. в сокращении.]
 [Впервые: Ежегодник императорских театров. СПб., 1909. Вып. 2. С. 28–35.]
Луначарский А.В. Н.В. Гоголь. С. 601–610.
 [Впервые: Красная Новь. М., 1924. № 12. С. 248–284.]
 <Гоголь Н.В.> Н.В. Гоголь в портретах, иллюстрациях, документах: Пособие для учителей средней школы / Сост. А.М. Гордин; ред. А.М. Докусов. М.; Л.: Гос. учебно-педагогическое изд-во Министерства просвещения РСФСР [Учпедгиз], 1953, 394 с.: ил. 40000 экз.
Содерж.:
Докусов А.М. Н.В. Гоголь (1809–1852). С. 3–26.
 Репродукции:
 I. Детство. Годы ученья. Первые литературные опыты. 1809–1831. С. 27–64.
 II. «Вечера на хуторе близ Диканьки». «Миргород». «Арабески». 1831–1835. С. 65–166.
 III. «Ревизор». 1835–1836. С. 167–198.
 IV. «Мертвые души». Т. I. 1835–1842. С. 199–254.
 V. Последние годы. 1842–1852. С. 255–300.
 VI. Наследие Гоголя. С. 301–370.

Даты жизни и деятельности Н.В. Гоголя. С. 371–374.

Рекомендательная библиография. С. 375–376.

Аннотированный перечень репродукций. С. 377–391.

[Изд. 2-е. Л.: Учпедгиз. Ленинградское отделение, 1959. 415 с.: 5 л. ил.: ил.]

<Гоголь Н.В.> Николай Васильевич Гоголь в изобразительном искусстве и театре: [Альбом] / Сост., консультация и подбор материалов А.А. Сидорова, В.А. Филиппова, А.Ф. Коростина, И.П. Абрамского; [вступ. статья И.В. Сергиевского.] М.: Гос. изд-во изобразительного искусства [Изогиз], 1953. 363 с.: ил. 10000 экз.

Вступ. статья. С. 3–10.

Содерж.:

Портреты и картины. С. 11–26.

Иллюстрации к произведениям Н.В. Гоголя. С. 27–222.

Произведения Н.В. Гоголя в драматическом театре. С. 223–288.

Драматические отрывки и инсценировки. С. 289–310.

Произведения Н.В. Гоголя в музыкальном театре. С. 311–342.

Коростин А.Ф. Иллюстрации к произведениям Гоголя: С. 343–352.

Филиппов В.А. Произведения Гоголя на сцене: С. 353–360.

Головенченко Ф.М. Реализм Гоголя. 1953. 258 с. – (Ученые записки / Московский пед. ин-т им. В.И. Ленина. Т. LXIX).

Добровольский Л.М. Обзор историко-литературных архивных материалов, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии Наук СССР за 1950–1951 годы // Бюллетени Рукописного отдела / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); отв. ред. Л.М. Добровольский. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Вып. IV. – (Бюллетени Рукописного отдела). С. 129–133.

[С. 130: В фонд Н.В. Гоголя поступила Библия издания 1828 года, на славянском языке, с 315 карандашными пометами и записями рукой Н.В. Гоголя.]

Ежегодник Института истории искусств. 1953: Театр / Академия наук СССР, Институт истории искусств. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 336 с.: ил.

Из содерж.:

Дмитриев Ю.А., Фрадкин Л.З. Н.В. Гоголь о сценическом искусстве. С. 142–215.

Дурылин С.Н. От «Владимира третьей степени» к «Ревизору» (Из истории драматургии Н.В. Гоголя). С. 216–239.

Ермилов В.В. Н.В. Гоголь. Изд. 2-е, доп. М.: Советский писатель, 1953. 448 с.

[То же в кн. *Ермилов В.* Избранные работы. Т. 2. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1956. 396 с.]

Ермилов В.В. Некоторые вопросы теории советской драматургии. О гоголевской традиции. М.: Советский писатель, 1953. 83 с.

Жданов В. Н.В. Гоголь: очерк творчества. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1953. 120 с.

К 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя // Ленинградская правда. Л. 1953. 13 февраля.

Канунова Ф.З. Несколько замечаний по поводу статьи Л. Мышковской «Работа Н.В. Гоголя над образом и словом» // Ученые записки / Томский ун-т. № 20: Вопросы литературоведения. Томск, 1953. С. 87–89.

Лунина С. Работа Н.В. Гоголя на кафедре всеобщей истории в Петербургском университете // Сборник студенческих работ Среднеазиатского ун-та. Вып. 5. Ташкент, 1953. С. 17–26.

Матвеева М.Я. Опыт изучения произведений Гоголя в школе // Опыт работы лучших преподавателей русского языка и литературы. Свердловск: Книжное изд-во, 1953. С. 99–112.

Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 3 / АН СССР. Институт языкознания; отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 286 с.

Из содерж.:

Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. С. 4–44.

[В основе статьи – доклад «Язык Гоголя и его значение в развитии русского литературного языка», прочитанный В.В. Виноградовым на Объединенной сессии отделений литературы и языка и истории и философии АН СССР (29 февраля – 1 марта 1952 г.). См.: В отделении философии АН СССР. 100-летие со дня смерти Н.В. Гоголя // Известия АН СССР. Серия истории и философии. Т. IX. Вып. 2. М., 1952. С. 207–209.]

Шведова Н.Ю. Принципы исторической стилизации в языке повести Гоголя «Тарас Бульба». С. 45–67.

Третьякова Н.П. Работа Гоголя над языком и стилем повести «Тарас Бульба» (сопоставление разных редакций повести). С. 68–106.

Машицкий С.О. Гоголь и революционные демократы. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1953. 224 с.

Мельниченко О.Г. Гоголь как литературный критик // Ученые записки / Вологодский пед. ин-т. Т. 12. Вологда, 1953. С. 3–100.

Михайлов М.С. Гоголь в Турции // Труды Московского института востоковедения. М., 1953. Вып. 7. С. 175–188.

Морцинер М.С., Пожарский Н.И. Библиография переводов на иностранные языки произведений Н.В. Гоголя / Гос. библиотека иностранной литературы; отв. ред. М.П. Алексеев. М., 1953. 112 с.

[823 номера.]

Научные труды Ереванского ун-та. Т. XXXIX. Вып. 2. Ереван, 1953.

Из содерж.:

Салахян А.Н. Некоторые вопросы становления и развития гоголевского реализма. (От «Вечеров...» до «Мертвых душ»). С. 97–133.

Тер-Антонян Е. Язык и стиль «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». С. 179–191.

Парсиева В.А. Гоголь и декабристы (Опыт критического обзора первоисточников) // Ученые записки / Саратовский ун-т. Т. 33. Саратов, 1953. С. 148–162.

Пахомов Н.П. Абрамцево. Музей-усадьба Академии наук СССР: исторический очерк. М.: Московский рабочий, 1953. 201 [2] с. – (По музеям и выставкам Москвы и Подмосковья).

[В частности, взаимоотношения С.Т. Аксакова и Гоголя.]

Поздеев А.А. Несколько документальных данных к истории сюжета «Ревизора» // Литературный архив. М.; Л.: АН СССР, 1953. Т. 4. С. 31–37. (Институт русской литературы).

Поспелов Г.Н. Творчество Н.В. Гоголя. М.: Учпедгиз, 1953. 280 с.

Ремизов А. Огонь вещей: Судьба Гоголя // Опыты. Нью-Йорк. Кн. 2. 1953.

Ремизов А. Сердечная пустыня (Из книги «Огонь вещей») // Опыты. Нью-Йорк, 1953. № 2. С. 34–40.

[Перепечатано: Трудный Путь. Зарубежная Россия и Гоголь / Сост., вступ. статья и коммент. М.Д. Филина. М.: Русский Мирь, 2002. С. 278–287.]

Ромашов Б.С. Драматург и театр: Статьи, воспоминания, очерки. М.: Искусство, 1953. 505 с.

Из содерж.:

Великий художник русского театра. С. 231–255.

[Впервые: Театр. М., 1952. № 3. С. 3–17.]

Рыскин Е.И. Н.В. Гоголь и библиография // Советская библиография: сб. статей и материалов. М., 1953. Вып. 1. С. 163–178.

[Участие Гоголя в библиографическом отделе «Современника».]

Саптак В. Утверждая утвержденное... Заметки о пьесе и спектакле «Гоголь» // Советское искусство. М., 1953. 31 января. № 10.

[О пьесе С. Алешина «Гоголь» в Театре им. Пушкина (Москва).]

Слонимский А.Л. Вопросы гоголевского текста // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 12. Вып. 5. М., 1953. С. 401–416.

Степанов Н.Л. Романтический мир Гоголя // К истории русского романтизма. М., 1953. С. 188–219.

Степанов Н.Л. Сатира Гоголя на экране («Ревизор») // Искусство кино. 1953. № 1. С. 71–86.

Стернин Г. Евстафий Ефимович Бернадский. М.: Искусство, 1953. 32 с.: 3 л. ил. – (Массовая библиотека).

[Е.Е. Бернадский как иллюстратор «Мертвых душ» Гоголя.]

Стернин Г. К истории создания «Сто рисунков к поэме Н.В. Гоголя “Мертвые души”». Художники А.А. Агин и Е.Е. Бернадский // Искусство. М., 1953. № 3. С. 78–81.

Строев К.Ф. О работе Н.В. Гоголя «Мысли о географии» // Ученые записки МГПИ [Московский гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина]. Т. 39. Труды географического факультета. Вып. 4. М., 1953. С. 237–243.

Фридендер Г.М. Новые строки из второго тома «Мертвых душ». Грамматическая заметка Синтаксис // Литературный архив. М.; Л., 1953. Вып. 4. С. 25–30.

Швабе Н.К. Архив Ф.В. Чижова // Записки Отдела рукописей библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1953. Вып. 15.

[О Гоголе: С. 50, 54, 55, 58, 63, 65, 68.]

Шик А. Парижские дни Гоголя (Из цикла «Русские в Париже») // Опыты. Кн. 2. Нью-Йорк, 1953.

Шкловский В.Б. Н.В. Гоголь // Шкловский В.Б. Заметки о прозе русских классиков. М.: Советский писатель, 1953. С. 78–148.

[2-е изд., испр. и доп. М., 1955. С. 87–169.]

Эльсберг Я.Е. Наследие Гоголя и Щедрина и советская драматургия // Театр. М., 1953. № 2. С. 54–70.

1954

ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Вечера на хуторе близ Диканьки: повести, изданные пасичником Рудым Паньком / Ил. А. Бубнова и А. Каневского. М.; Л.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1954. 272 с.: 13 л. ил.: ил.

Мертвые души: поэма / [Ил. П. Боклевского]. [М.:] Правда, 1954. 392 с.: 4 л. ил.: ил.

Мертвые души: поэма / Примеч. Н. Ашукина и А. Слонимского; рис. А. Лаптева. М.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1954. 608 с.: ил. – (Школьная библиотека. Для средней школы).

Петербургские повести. Курск: Книжное изд-во, 1954. 196 с.

Повести / [Послесл. Т. Морозовой]. М.: Гос. изд-во детской литературы [Детгиз], 1954. 264 с.: ил. – (Школьная библиотека. Для семилетней школы).

Послесл. С. 237–262.

Содерж.: Сорочинская ярмарка; Майская ночь, или Утопленница; Ночь перед Рождеством; Старосветские помещики; Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем; Шинель.

Сочинения. Л., 1954.

Тарас Бульба: повесть. Кишинев: Молдавгиз, 1954. 120 с.

ЛИТЕРАТУРА

Гаецкий Ю. Гоголь: биографическая повесть. М.: Гос. изд-во Детской литературы, 1954. 336 с.

<Гоголь Н.В.> Николай Васильевич Гоголь: сб. статей / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, филологический факультет; под ред. проф. А.Н. Соколова. М.: Изд-во Московского ун-та, 1954. 227 с.

Содерж.:

От редакции. С. 3–4.

Благой Д.Д. Гоголь – наследник Пушкина: С. 5–38.

[То же: *Благой Д.Д.* Литература и действительность. М.: Гослитиздат, 1959. С. 401–422.]

Самарин Р.М. К вопросу о месте Гоголя в истории реализма XIX века. С. 39–80.

Ефимов А.И. О значении Гоголя в развитии русского литературного и языка. С. 81–101.

Поспелов Г.Н. Смех Гоголя (в связи с теорией комического). С. 103–137.

Николаев Д.П. Конфликт в комедии Гоголя «Ревизор»: С. 139–167.

Манн Ю.В. Образ художника в повести Гоголя «Невский проспект». С. 169–191.

Крутикова Н.Е. Гоголь и украинская литература XIX века. С. 193–226.

Гоголь. Статьи и материалы / Отв. ред. М.П. Алексеев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1954. 395 с.: ил.

Содерж.:

Предисловие. С. 3–11.

Сорокин Ю.С. Словарный состав «Мертвых душ» Гоголя. С. 11–38.

Степанов А.Н. Гоголь-публицист (Гоголь – сотрудник «Современника» Пушкина). С. 39–69.

Березина В.Г. Новые данные о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». С. 70–85.

Предтеченский А.В. Произведения Гоголя как исторический источник. С. 86–99.

Найдич Э.Э. К вопросу о литературных взглядах Гоголя («Учебная книга словесности для русского юношества»). С. 100–123.

Фридендер Г.М. Из истории раннего творчества Гоголя. С. 124–136.

Прийма Ф.Я. «Слово о полку Игореве» в творчестве Гоголя. С. 137–156.

Латицкий И.П. Мысли Гоголя при чтении «Повести временных лет». С. 157–174.

Западов А.В. Гоголь о Державине. С. 175–186.

Алексеев М.П. Первый немецкий перевод «Ревизора». С. 187–259.

Копержинский К.А. Гоголь и болгарская реалистическая проза. С. 260–280.

Касаткин А.А. Гоголь и простые люди Италии. С. 281–296.

Савицкий В.Д. Творчество Гоголя в Чехословакии. С. 297–314.

Розенфельд А.З. Произведения Гоголя на персидском языке. С. 315–330.

Долинина А.А. Гоголь в арабской литературе. С. 331–345.

Пинус Е.М. Гоголь и русская классическая литература в Японии. С. 346–355.
Берков П.Н. Об одной мнимой опечатке у Гоголя (К истории текста «Записок сумасшедшего»). С. 356–361.
Эфрос Н.Д. Новые портреты Гоголя. С.362–386.
Данилов В.В. Несколько новых дат к хронологической канве Гоголя. С. 385–386.
Кирикова Н.Н., Розина А.А. Гоголь в Петербургском университете (Библиографический указатель). С. 389–391.
К иллюстрациям. С. 392–394.

Гоголь в школе: сб. статей / Академия пед. наук РСФСР; под ред. В.В. Голубкова и А.Н. Дубовикова. М.: Изд-во Академии пед. наук РСФСР, 1954. 704 с.: ил.

Содерж.:

От редакции. С. 3–4.

Значение Н.В. Гоголя:

Николай Васильевич Гоголь [Передовая статья «Правды» от 4 марта 1952 г.]. С. 7–11.

Ермилов В.В. Великий русский писатель Н.В. Гоголь. С. 12–24.

[В основе статьи доклад, прочитанный на торжественном заседании, посвященном 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя в Большом театре 4 марта 1852 г.]

Еголин А.М. Н.В. Гоголь и освободительное движение в России. С. 25–53.

Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка. С. 54–108.

Ефимов А.И. Значение Н.В. Гоголя в истории русского литературного языка. С. 109–125.

Алексеев М.П. Мировое значение Гоголя. С. 126–154.

Проблемы жизни и творчества Гоголя:

Машинский С.О. Гоголь в Нежинской гимназии. С. 157–199.

Морозова Т.Г. Развитие реализма в творчестве Н.В. Гоголя первой половины 30-х годов (от «Вечеров» до «Миргорода»). С. 200–225.

Дубовиков А.Н. Героическая повесть «Тарас Бульба». С. 226–250.

Кудрявцева О.А. Петербургские повести Гоголя. С. 251–279.

Гукасова А.Г. Комедия «Ревизор» (Проблема типического в свете комедийного конфликта). С. 280–321.

Храпченко М.Б. «Мертвые души». С. 322–408.

[Глава из книги Храпченко М.Б. «Мертвые души» Н.В. Гоголя. М.: Изд-во АН СССР, 1952.]

Смирнова-Чикина Е.С. Второй том «Мертвых душ». С. 409–471.

Слонимский А.Л. Мастерство Гоголя. С. 472–505.

Дурылин С.Н. Гоголь и театр. С. 506–528.

Изучение произведений Гоголя в школе:

Голубков В.В. Изучение Н.В. Гоголя в старших классах средней школы. С. 531–573.

Флоринский С.М. Изучение в школе комедии «Ревизор». С. 574–594.

Жданова Н.В. Изучение поэмы «Мертвые души» в школе. С. 595–643.

Юркевич Т.Г. Работа над характеристикой Чичикова (Из опыта преподавателя VIII класса). С. 644–652.

Анциферов Н.П. Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя (Материалы для экскурсий). С. 653–704.

Державина О.А. Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н.В. Гоголя // Ученые записки Московского городского пед. ин-та им. В.П. Потемкина. Кафедра русской литературы. Т. 34. Вып. 3. М., 1954. С. 17–46.

Земенков Б.С. Гоголь в Москве. М.: Гос. изд-во культурно-просветительной литературы, 1954. 144 с.: ил. – (Труды Музея истории и реконструкции Москвы. Вып. 4).

Изучение творчества Н.В. Гоголя в школе: сб. статей / Академия пед. наук РСФСР. Институт методов обучения; под ред. Л.И. Тимофеева и Н.В. Колокольцева. М.: Учпедгиз, 1954. 260 с.

Содерж.:

Благой Д.Д. Великий русский писатель.

Голубков В.В. Изучение художественного мастерства Гоголя в средней школе.

- Бочаров Г.К., Колокольцев Н.В.* Уроки по изучению повести «Тарас Бульба».
- Воробьев П.Г.* Комедия «Ревизор» в практике изучения ее в средней школе.
- Беляев М.А.* Изучение поэмы «Мертвые души» в школе.
- Бражник Н.И.* Повести «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород» в плане внеклассного чтения и кружковой работы.
- Случевская Л.* Работа Гоголя над «Мертвыми душами».
- Муравьева Н., Роцин П.* К 100-летию со дня смерти Н.В. Гоголя (обзор литературы).
- Корст Н.О., Смирнов С.А.* Методические указания к преподаванию литературы в VIII классе. М.: Учпедгиз, 1954. 274 с.: ил.
- Гоголь. С. 245–271.
[Изд. 2-е доп. М.: Учпедгиз, 1956. 324 с.: ил.]
- Красильникова О.А.* Пословицы и поговорки в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» // Ученые записки Днепропетровского гос. ун-та. Т. 47. Вып. 1. Киев, 1954. С. 33–47.
- Курляндская Г.Б.* Художественный метод Тургенева-романиста (по материалам романов «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» «Отцы и дети») // Ученые записки / Казанский гос. ун-т. Т. 114. Кн. 6. Казань, 1954. С. 23–66.
[Традиции Гоголя в творчестве И.С. Тургенева. С. 61–66.]
- Михайлов В.Н.* Роль собственных имен в произведениях Н.В. Гоголя // Русский язык в школе. М., 1954. № 2. С. 10–18.
- Орлов С.А.* Н.В. Гоголь в Болгарии // Ученые записки / Горьковский гос. ун-т. Вып. 26. Серия историко-филологическая. Горький: Горьковское книжное изд-во, 1954. С. 193–211.
- Ремизов А.* Огонь вещей. Сны и предсонье. Гоголь. Пушкин. Лермонтов. Тургенев. Достоевский. Париж: Оплешник, 1954. 224, [8] с.
[2-е изд. Париж: YMCA-PRESS, 1977. 232 с. Перепечатано: *Ремизов А.М.* Огонь вещей; Пляшущий демон. Встречи. М.: Советская Россия, 1989. 528 с.]
- Рубанович А.Л.* О творческом воздействии Н.В. Гоголя на Т.Г. Шевченко-прозаика // Труды Иркутского ун-та. Т. 10. Иркутск, 1954. С. 24–37.
- Русские писатели о литературном труде (XVIII–XX вв.): сборник: В 4 т. / Под общ. ред. Б.С. Мейлаха. Т. 1 / Сост. В. Архипова. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1954. 758 с.
[Указ. имен.]
- Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.): Ломоносов, Радищев, Карамзин, Пушкин, писатели-декабристы, Гоголь, Белинский, Герцен, Тургенев, Гончаров, Некрасов, Островский, Чернышевский, Добролюбов, Салтыков-Щедрин, Достоевский, Толстой, Лесков, Короленко, Чехов, Горький / Под ред. Б.В. Томашевского и Ю.Д. Левина. Л.: Советский писатель, 1954. 835 с.
[Указ. имен.]
- Рыльский М.* Наш Гоголь // Рыльский М. Великая дружба: сб. статей. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1954. С. 69–80.
- Семанова М.Л.* Чехов и Гоголь // Антон Павлович Чехов: статьи. исследования. публикации. Ростов-на-Дону, 1954. С. 131–179.
- Слащев Е.Е.* О пьесе Н.В. Гоголя «Игроки» // Ученые записки Киргизского ун-та. Вып. 1. Фрунзе, 1954. С. 27–34.
- Сухарева А.А.* О языке Петербургских повестей Гоголя // Ученые записки / Ташкентский пед. ин-т. Вып. 2. Ташкент, 1954. С. 155–182.

Ученые записки / Московский пед. ин-т им. В.П. Потемкина. Кафедра русской литературы. Т. 34. Вып. 3. М., 1954.

Из содерж.:

Водовозов Н.В. Гоголь и «Слово о полку Игореве». С. 3–16.

Державина О.А. Мотивы народного творчества в украинских повестях и рассказах Н.В. Гоголя. С. 17–46.

Елеонский С.Ф. Н.В. Гоголь и традиции русской литературы XVIII – начала XIX в. С. 47–86.

Дегтеревский И.М. Драматургические элементы в художественной прозе Гоголя до 1836 г. С. 155–176.

Рождественский Б.В. Об эстетических взглядах Н.В. Гоголя. С. 177–196.

Ученые записки / Нежинский гос. пед. ин-т им. Н.В. Гоголя. Киев, 1954. Т. 4–5. С. 5–152.

Из содерж.:

Полонский Л.В. Гоголь и наша современность.

Кругляк М.И. Мысли Н.В. Гоголя о личности и воспитании.

Гомон Н.М. Словесные средства комического русской литературы XVIII в. в произведениях Н.В. Гоголя.

Стогнут А.С., Кононенко И.К. Новые страницы к «Делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии высших наук.

Савченко Ю.А. Гоголь в Нежине.

Василевский Г.П. К вопросу о мировом значении творчества Н.В. Гоголя.

Федин К.А. Сочинения: В 6 т. М.: Гос. изд-во художественной литературы [Гослитиздат], 1952–1954.

Т. 6: Повести и рассказы; Очерки, статьи, литературные воспоминания, речи. М.: Гослитиздат, 1954. 668 с.

Из содерж.:

Чудесный гений. С. 552–553.

[Впервые: Правда. М., 1952. 4 марта. № 64(12266).]

Хохлачева В.Н. Работа Н.В. Гоголя над созданием языка действующих лиц в «Мертвых душах» // Русский язык в школе. М., 1954. № 2. С. 22–29.

Храпченко М.Б. Творчество Гоголя / АН СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 628 с.

Эльсберг Я.Е. Наследие Гоголя и Щедрина и советская сатира. М.: Советский писатель, 1954. 196 с.

Автор-составитель:

Владимир Алексеевич Воропаев,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

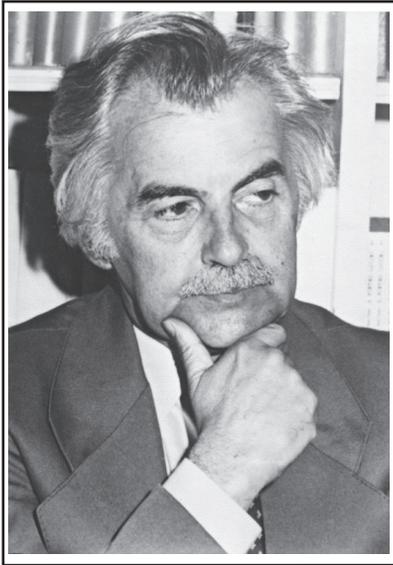
Vladimir A. Voropaev,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

voropaevvl@bk.ru

События. Имена. Судьбы

Events. Names. Destiny

ПАМЯТИ МИЛАНА ГЮРЧИНОВА

IN MEMORIAM OF MILAN ĆURČINOV

Настоящий номер готовился в честь 90-летнего юбилея македонского ученого академика Милана Гюрчинова – выдающегося представителя современной филологии, слависта, македониста, компаративиста, исследователя и популяризатора русской классической и современной литературы у себя на родине.

Однако накануне выхода номера, 25 июля, пришло скорбное известие, что после тяжелой и недолгой болезни Милан Гюрчинов скончался.

Наука понесла невосполнимую утрату.

Редколлегия выражает соболезнование его семье, близким и коллегам.

Вечная память славному сыну македонского народа, просветителю и неутомимому труженику науки.

Слово о Милане Гюрчинове

A Word about Milan Ćurčinov

25 июля 2018 г. скончался Милан Гюрчинов. 28 июля он должен был отметить славный юбилей – 90 лет. Человек блестящей эрудиции, обладающий в гуманитарной сфере поистине энциклопедическими познаниями, славный представитель интеллектуальной элиты своего народа, он внес бесценный вклад в современную науку о литературе. Его перу принадлежат около тридцати фундаментальных исследований по актуальным вопросам теории и истории славянских литератур, в первую очередь по молодой, но имеющей древние корни македонской литературе. М. Гюрчинов является основоположником нескольких национальных научных литературоведческих школ: литературоведческой компаративистики и македонской литературоведческой русистики. За огромный личный вклад в популяризацию и исследование русской культуры у себя на родине ученый был удостоен государственной награды России – Медали имени А.С. Пушкина.

М. Гюрчинов представитель того поколения национальной интеллигенции, которое с честью выполнило высокую миссию по формированию во второй половине XX в. современного типа македонской культуры. После 1945 г., когда за македонским народом было признано право на национальную идентичность, стали бурно развиваться основные области национальной культуры, была оформлена литературная норма македонского языка, национальное искусство слова демонстрировало количественный и качественный рост. В этом сложнейшем процессе

М. Гюрчинов всегда принимал самое деятельное участие на протяжении более чем шестидесяти лет. Эта задача требовала колоссального трудолюбия и универсальных способностей. В разносторонней личности М. Гюрчинова соединились вкус и интуиция литературного критика, настойчивость исследователя, талант университетского профессора и незаурядные организаторские качества.

М. Гюрчинов родился 28 июля 1928 г. в Белграде в семье инженера. Родители рано умерли, но успели дать детям хорошее воспитание и привили тягу к знаниям. Дорогу в жизни М. Гюрчинов прокладывал самостоятельно. Преодолевая опасности военного времени и голодные послевоенные годы, он закончил гимназию и сделал шаг, определивший его судьбу, – начал изучать филологию на философском факультете университета в Скопье. Затем он перевелся в Белградский университет, где закончил группу русского языка и литературы отделения славянской филологии (1951). Это были очень сложные годы, отмеченные конфликтом между Югославией и СССР (1948–1953), который привел к разрыву отношений между странами¹. В такой полной драматизма обстановке М. Гюрчинов начал свой путь в науку, постигая тайны профессии под руководством выдающихся педагогов и ученых, среди которых был, например, К.Ф. Тарановский. Память об этом замечательном человеке М. Гюрчинов сохранил на всю жизнь, как и благодарное отношение ко всем своим учителям.

К.Ф. Тарановский – ученый с мировым именем – сыграл важную роль в формировании белградской школы русистики, в том числе в постижении опыта дореволюционных российских школ академического литературоведения. М. Гюрчинов, таким образом, приобщился к мощной научной традиции и получил серьезную фундаментальную подготовку, которая позволила ему успешно реализоваться в разных областях филологии и всемерно содействовать формированию национального литературоведения и литературной критики. Он рано понял, что ни одна национальная литература не замыкается в своих рамках и что ее эффективное развитие напрямую связано с успешным синтезом национальной традиции, национального видения мира и способностью творчески воспринимать богатство мирового искусства слова. Это же суждение он повторил, опираясь на приобретенный богатейший опыт, много лет спустя в выступлении на съезде писателей Югославии, незадолго перед распадом союзного государства (апрель 1985, Нови Сад) и привел в книге воспоминаний «Постижение действительности» (2000): «Я не верю, что национальная идентичность может пострадать, если она будет жить и развиваться в открытом культурном и духовном пространстве. Напротив, я думаю и даже глубоко убежден, что только открытость может способствовать проявлению национальной идентичности в полной мере»².

С таким пониманием искусства слова М. Гюрчинов вступил в 1953 г. на поприще национальной литературной критики – как раз тогда, когда эта критика только начала по-настоящему рождаться и развивать собственное понимание литературы, став ареной столкновений между сторонниками разных подходов к оценке художественного произведения. М. Гюрчинов активно участвовал в литературных дискус-

¹ В 1948–1953 гг. были разорваны все отношения с Югославией (экономические, межпартийные и дипломатические). Это период вошел в историю как «время Информбюро». По инициативе Сталина орган Коминтерна – Международное Информационное бюро коммунистических и рабочих партий – принял в июне 1948 г. резолюцию «О ситуации и положении в КПЮ», содержащую критику руководства КПЮ. Дипломатические отношения с СССР были восстановлены только после смерти Сталина, а нормализация отношений произошла после визита в Белград Н.С. Хрущева в 1955 г. – *А.Ш.*

² *Гюрчинов М.* Освојување на реалноста. Скопје, 2000. С. 419.

сиях, вырабатывая и совершенствуя собственные эстетические представления об искусстве и литературе. Его дебют как литературного критика тесно связан с журналом «Млада литература», где он опубликовал свой первый критическийopus – «Стихи и тревожные чувства» («Стихови и неспокојства», 1953), посвященный сборнику стихотворений «Тревожные звуки» Гане Тодоровского, поэта, который внес большой вклад в обогащение поэтического языка македонской лирики. В этом эссе автор показал себя единомышленником молодых писателей, выступавших за равноправие идейного и художественного аспектов в художественном творчестве и за широкое использование мирового художественного опыта. С этого времени М. Гюрчинов стал одним из самых активных участников национального литературного процесса. Он писал критические отзывы о важнейших литературных событиях – изданиях новых произведений, свидетельствующих об интенсивном развитии молодой литературы (Г. Ивановском, К. Чашуле, С. Яневском, Й. Бошковском и др.). Самое пристальное его внимание было обращено на лирику и прозу выдающегося македонского писателя Б. Конеского, вступившего в пору творческого расцвета. Высокие оценки критика, как показало время, относились к вершинным достижениям национальной литературы: поэзии А. Шопова, М. Матевского, В. Урошевича, прозы В. Малеского, Д. Солева, Ж. Чинго, драматургии К. Чашуле, Б. Пендовского и многих других авторов и произведений.

Участие в национальном литературном процессе, работу литературного критика М. Гюрчинов совмещал с преподавательской и научной работой. Глубокое владение материалом текущего литературного процесса, соединенное с исследовательской деятельностью, помогло в работе над собственными обобщающими трудами. Монография «Время и художественное выражение: критика и очерки» («Време и израз: критика и огледи», 1956) стала событием в национальной науке о литературе. Событиями становилось большинство опубликованных автором книг. Назовем лишь некоторые: «Живое и мертвое» («Живо и мртво», 1974), «Взаимопроникновения: возможности компаративного изучения нашей литературы» («Прожимања: могућности компаративног проучавања наше књижевности» (на сербском яз.; 1990), «Сравнительно-исторические исследования» («Компаративни студии», 1998). М. Гюрчинову принадлежит первая в национальной филологии попытка систематического концептуального осмысления истории македонской литературы XX в.: «Новая македонская литература: 1945–1980 гг.» («Nova makedonska književnost: (1945–1980)»; Белград, 1988).

Сочетать работу литературного критика с преподавательской деятельностью М. Гюрчинов стал еще в 1953 г., начав работать на философском (позднее филологическом) факультете университета в Скопье, где в течение двадцати лет он преподавал русскую литературу XIX–XX вв. Когда во второй половине 1950-х гг. отношения между СССР и Югославией нормализовались, он в составе первой группы югославских ученых приехал на стажировку в Московский университет для подготовки докторской диссертации «Переломные годы в жизни и творчестве А.П. Чехова» (о творчестве писателя второй половины 1880-х – начала 1890-х гг.). В Москве его научным консультантом был выдающийся ученый филологического факультета, известный теоретик литературы профессор Г.Н. Пospelов. Через несколько лет М. Гюрчинов специализировался в Сорбонне (1960–1961), где постигал тонкости компаративистского подхода к искусству слова и существенно расширил свои представления о русской литературе XX в. за счет знакомства с авторами и произведениями, которые замалчивались тогдашней литературной наукой (эмигрантская литература и ряд авторов и текстов русских нереалистических течений).

М. Гюрчинов после своей первой поездки еще много раз бывал в нашей стране, он установил многочисленные профессиональные контакты с российскими литераторами и учеными. Докторскую диссертацию М. Гюрчинов защитил в 1960 г. в университете им. Свв. Кирилла и Мефодия в Скопье, где был в 1972 г. избран на должность профессора университета. Глубокие и систематические познания македонского ученого в области русской литературы отражены в его многочисленных трудах, посвященных самым разным аспектам и авторам. Кроме творчества Чехова он глубоко интересовался творчеством Достоевского и Пастернака, о которых написал исследования, заставившие обратить на него внимание в научных кругах Югославии, других странах Европы и России.

Признание и известность в области русистики и компаративистики М. Гюрчинову принесла монография о творчестве Б. Пастернака («Б.Л. Пастернак», 1987). Он также автор монографий «Ф.М. Достоевский» (1981), «Носители гуманизма и человечности: очерки о русских писателях» («Заговорницы на человечности (огледи за руски писатели)», 1992), исследователь Блока, Горького, Есенина, Шолохова. Особое внимание посвятил М. Гюрчинов изучению русского литературного авангарда, в том числе творчеству В. Маяковского. В работе «Сравнительные исследования» (1998) важное место принадлежит вопросам влияния русской литературы на развитие македонского искусства слова, освещены основные этапы и особенности этого процесса. Подчеркнута роль творческого импульса Достоевского, Чехова, Маяковского, Есенина, Пастернака, Шолохова, Платонова, Цветаевой, Аксенова, Вознесенского для становления и развития национальной литературы. Отдельное внимание уделено влиянию теоретических воззрений М. Бахтина на развитие литературоведческой мысли в Югославии, в том числе в македонской литературоведческой науке. Монография М. Гюрчинова «Гармония в хаосе. Русская литературная классика и модерн» («Хармонија во хаосот. Руска книжевната класика и модерна», 2004) включает исследования творчества выдающихся русских писателей XIX–XX вв. – от Пушкина до Вознесенского, объединенные философским и эстетическим принципом – поиском идеала прекрасного и гармонии во враждебном человеку мире. Основополагающее для подлинного искусства, это начало обнаруживается исследователем в произведениях как классической, так и современной русской литературы. Ее высокий гуманистический пафос неизменно выносится М. Гюрчиновым на первый план.

Критические работы М. Гюрчинова переведены на сербский, хорватский, русский, французский, английский языки. В 1993 г. во Франции был издан его труд «Пастернак и Маяковский».

С докладами по проблемам изучения русской литературы в течение нескольких десятилетий ученый выступал на крупных международных научных форумах и мероприятиях, в том числе организованных ЮНЕСКО (во Франции, Англии, Осло и др.), и Международных съездах славистов. С 2003 по 2008 г. он был председателем международного комитета славистов и возглавлял подготовку к XIV съезду славистов, который прошел в Охриде (2008). Неоднократно принимал участие в научных конференциях в Москве и Петербурге. М. Гюрчинов был одним из инициаторов проведения регулярных русско-македонских конференций (к настоящему времени их уже проведено семь), в которых участвовали сотрудники университетов Македонии, Македонской Академии наук и искусств, Института славяноведения РАН, преподаватели филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, слависты из Пермского и Воронежского университетов.

Неутомимый популяризатор русской культуры, М. Гюрчинов был организатором празднования в Македонии юбилеев и памятных дат русских писателей (Достоевского, Чехова, Пушкина, Пастернака). Под его редакцией изданы на македонском языке собрания сочинений Пушкина, Достоевского, Чехова, Пастернака.

М. Гюрчинов воспитал не одно поколение специалистов в области русского языка и литературы. Под его руководством были защищены многочисленные кандидатские и докторские диссертации (Д. Ристеский, С. Стойменска-Эльзесер и др.). В 1980 г. он стал основателем и первым заведующим кафедрой (1980–1985) сравнительного литературоведения филологического факультета университета в Скопье, где выросло целое поколение исследователей-компаративистов (Е. Шелева, Д. Дурацовский, А. Прокопиев и др.).

Академик Македонской Академии наук и искусств (с 1988 г.), М. Гюрчинов до последних дней продолжал свою неутомимую деятельность в самых разных областях. Он входил в Европейское Общество по культуре «S.E.C.» (Венеция), являлся членом *Mediterranean Academy* (Неаполь). Как член Союза писателей Македонии был председателем международного поэтического фестиваля «Стружские вечера поэзии», известного далеко за пределами Македонии. Возглавив писательскую делегацию Македонии во время поездки в Москву в 1981 г., он участвовал в проведении круглого стола «Война в произведениях советских и югославских писателей».

Плодотворная деятельность М. Гюрчинова отмечена многочисленными наградами на родине ученого и за ее пределами.

Вечная память самоотверженному труженику науки, выдающемуся ученому, глубокому исследователю и почитателю русской культуры – Милану Гюрчинову.

Алла Шешкен

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Из воспоминаний М. Гюрчинова «Постижение реальности»:
Первый раз в Москве**

SUPPLEMENT

**From Milan Ćurčinov's Memoirs "Comprehension of Reality":
The First Time in Moscow**

Предстоящий отъезд в Москву будил в каждом из нас (мы ехали группой: два специалиста из Загреба, один из Белграда и я) живой интерес. Прежде всего потому, что мы были одной из первых югославских делегаций, которая после наступившей «оттепели» в отношениях в 1956 году посетила СССР. Кроме того, трудно было найти хотя бы одного югославского интеллектуала, если только он не придерживался прямо противоположных убеждений, который бы без сильного волнения не переживал контакт с «первой страной социализма». Был взволнован и я, поэтому, наряду с исследованиями о Чехове, недоступными у нас, и встречах с чеховедами, я думал о множестве других вещей, которые меня интересовали. Нас поселили в маленьких комнатках монументального здания МГУ на Ленинских горах, устрашающих размеров строения архитекторов сталинской эпохи. Мы там и питались. В этом же здании жили и некоторые наши преподаватели, назначенные нашими руководителями. Уже с октября началась холодная и суровая русская зима, связь с другими районами города и центром была неважной, что, вместе с маленькой стипендией и весьма скромными условиями жизни, в целом способствовало тому, что большую часть своего пребывания в Москве мы проводили в этом огромном здании, которое со своими бесконечными коридорами и этажами походило на хаотично организованный город.

Моим руководителем был назначен профессор Геннадий Поспелов, человек уже в годах, большой знаток русской литературы и чеховед, автор известной «Теории литературы» (1940), который из-за этой книги – из-за высказанной в ней «либеральной позиции» – имел неприятности с официальной властью и был ею отодвинут «на дистанцию». Старый профессор был очень любезный и предупредительный человек, один из тех русских «из старой гвардии», которым доставляло удовольствие помогать и поддерживать молодежь. Он мне очень помог быстро сориентироваться в тогдашней литературе о Чехове, предоставив возможность ознакомиться с работами Балухатого, Дермана, Гитович и др., о которых у нас в Скопье я знал лишь понаслышке. Но, при всей его любезности и готовности помочь, я заметил, что он сдержан с своих высказываниях. Вплоть до того вечера, когда он пригласил меня к себе на ужин в его профессорскую квартиру в МГУ. В квартире, кроме него, никого не было, а ужин на столе в столовой был уже кем-то накрыт, что практиковалось в русских домах, не только в этом случае. После того как мы прекрасно поужинали и поговорили, профессор пригласил меня в свой рабочий кабинет. Там в полумраке с крайней предосторожностью он начал доставать из бюро свои неопубликованные тексты, которые, как оказалось, он не мог опубликовать. Речь шла о работах о Чехове и о Гоголе. Мы засиделись далеко за полночь. Я был абсолютно растерян, и голова шла кругом, как от выпитого

вина, так и от необычной обстановки. Я чувствовал, что профессор мне доверился, что он рассказывает о чем-то личном и запретном, о чем-то, что скрывал от посторонних глаз и что сейчас хочет прочитать своему молодому коллеге. То, что поразило меня больше всего, пока я слушал его дрожащий голос и наблюдал за старым человеком, охваченным сильным волнением, был факт, что во всем услышанном я не находил ничего страшного, направленного против власти. Я никак не мог понять, как могло случиться, что столь уважаемый и широко известный ученый не имеет возможности опубликовать свое мнение и оценку по такой нейтральной тематике. Это был не Достоевский с его «Бесами», не Пастернак, чей «Доктор Живаго» только что так взволновал Россию и весь мир, не Гумилев, не Мандельштам, не Цветаева! Что во всем этом опасного? Я не переставал задавать себе этот вопрос, пока слушал его. Я ушел от него перед рассветом. Проходя по заснеженным улицам к зоне, где я жил, я говорил себе: «Да ты, дорогой, все еще ничего не знаешь о России». Я действительно ничего не понимал.

Ночной сеанс с моим научным руководителем, очевидно, повлиял на меня, пусть и подсознательно, как предупреждение. Я сосредоточился на предмете своего исследования и цели своей научной специализации. Я работал в ряде московских архивов и библиотек, больше всего, естественно, в «Ленинке», и дело двигалось, и подходило к концу мое первое пребывание в Москве...

Из книги воспоминаний:
Ѓурчинов М. Овојување на реалноста. Скопје, 2000. С. 195–197.

Перевод А.Г. Шешкен

Влада Урошевиќ (Скопје, Македонија)

Милан Ѓурчинов и македонскиот модернизам

Vlada Urošević (Skopje, Macedonia)

Milan Ćurčinov and Macedonian Modernism

Во почетокот на педесеттите години од XX век македонската литература, штотуку заодена по патиштата на слободниот развиток, се најде пред нови предизвици. Политичкиот пресврт, настанат со конфликтот помеѓу комунистичките партии на Југославија и на Советскиот Сојуз, ги доби, две-три години по раскилот, своите мошне видливи одрази во уметноста на сите национални култури на тогашната југословенска федерација. Помеѓу политичките дејци, а и помеѓу интелектуалците и уметниците, на целиот простор на Југославија, постоеја сили кои сакаа да се појде напред, кон едно подемократско сфаќање на односот уметност-власт (уметност-општество, уметност-идеологија), но и сили кои сакаа на веќе воспоставената релација да ѝ дадат печат на непроменливост. Судирот помеѓу овие две сфаќања во Македонија се одрази во таканаречената “битка на модернисти против реалисти”.

Во првите редови на таа битка, на страната на модернистите, застапа, на самиот почеток на својата кариера како критичар, тогаш младиот Милан Ѓурчинов.

“Уметноста мора да биде верна на себеси. Таа не е ничија слугинка” / Овие две реченици на Ѓурчинов, од текст “Маргиналии на тема: ново”, објавен во 1954 година во списанието “Млада литература”, имаа голем одек и беа долго паметени во македонската книжевна средина. Пред тоа, уште во 1951 година, Димитар Солев беше напишал: “За литературата е поплоден секој – изам од секаков примитивизам”. Тие две искажувања можеме да ги сметаме како основни девизи на македонскиот модернизам, бидејќи ги содржат во себе суштинските тенденции на ова движење. Она на Солев – го покажува односот кон промените на книжевен план за коишто движењето се залагаше; она на Ѓурчинов – односот кон политичките противставувања кои стоеја како пречка за спроведување на тие промени.

Макар што противниците на македонскиот модернизам се наречуваа “реалисти”, и макар што острицата на модернистичките напади беше насочена, мошне често, кон нешто што, во маглата на неиздиференцираната терминологија во речникот и на двата блока, беше наречувано “реализам”, треба да се рече дека македонскиот модернизам всушност се бореше против една мошне примитивна (Солев го беше погодил точниот збор!) варијанта на “социјалната литература”, со многу грубо нагласена идејна тенденција и со еден навистина осиромашен уметнички потенцијал. Од друга страна, пак, македонскиот модернизам не беше јасно насочено движење,

со прецизно определен идеолошко-естетски став; тоа беше збир на разнородни тенденции што варираа според возраста или образованието на уметничките индивидуалности кои се сметаа како припадници на движењето. Она што ги обединуваше тие индивидуалности, беше барањето на поголеми слободи во доменот на уметничкиот израз, додека, пак, во заднина на нивните настојувања стоеше – не секогаш отворено формулиран – отпорот против мешањето на политичката власт во чувствителните прашања на односот помеѓу уметникот и стварноста што го опкружува.

(Во тие години јас често соработував со Ѓурчинов, особено во реализацијата на неговите проекти кои се однесуваа на афирмацијата на македонската литература – пред с# на нејзиниот модерен вид – во другите средини: во Белград, а потоа и во Париз. Имавме доста блиски ставови и пројавувавме, и двајцата, слични афинитети кон некои книжевни движења, кон некои творци и кон нивните остварувања. Понекогаш, само, Ѓурчинов имаше извесни резерви кон некои творци – од минатото или од сегашноста – поради нивните политички позиции, но тоа не го нарушуваше нашето разбирање. Тој напиша мошне позитивни одгласи за некои од моите први книги.)

Времето на македонскиот модернизам (1952–1962) беше време на обземеност од барање на новиот, модерен уметнички израз. Во согласност со прочуената формулација на Бодлер од есејот “Сликара на модерниот живот” (“Модерноста, тоа е она минливо, непостојано, случајно, половина од уметноста...”), како и со поетиката на повеќето модерни правци од првата половина на XX век, и македонските модернисти страдаа од едно доста наивно и упростено сфаќање дека промените на нивото на реалноста треба бездруго да го добиваат својот уметнички адекват низ промените на уметничкиот израз. Носени од таа идеја, и критичките настојувања на Ѓурчинов, изразени низ текстовите од тоа време, главно се манифестираат низ замерки кон оние писатели кои не го следат тој императив на епохата. И неговата прва книга, во која се собрани текстови од тој негов прв период, носи таков наслов: “Време и израз” (1956).

Во таа борба за нов израз, Ѓурчинов е, несомнено, една од водечките фигури. Неговите критички написи од тоа време с# уште не ја поседуваат подлабоката фундираност во теоријата, но тие се пишувани, несомнено, со убеденост и со страст. Тој укажува на естетските слабости на книгите на оние автори што не успеваат да ги превозмогнат заблудите и стереотипите наследени од минатото и се служат со шеми кои времето ги надминало, а им дава поддршка на оние, тогаш сè уште ретки и скромни, резултати постигнати во напорот да се оди во чекор со времето. Во секој случај, двата термина ставени во насловот на неговата прва книга се навистина клучни за таа негова рана фаза: изразот – во сфаќањата на тогашниот Ѓурчинов, но не и само на негови – е неопходен предуслов за вредноста на еден книжевен текст, а усогласеноста на таа естетска компонента со времето е решавачка за постигање на крајниот резултат – полнотата на уметничкото дело. Воден од тие критериуми, Ѓурчинов е строг во оценките, дециден во ставовите и убеден во значајот на критичарот во процесот на насочувањето на литературата кон вистинскиот пат. Него, во тој миг, не го интересира толку подлабоката суштина на уметничката порака, интегралната содржина на уметничкиот текст, колку, пред сè, надворешниот облик на делото, неговата форма и соодветствувањето на таа форма со времето во кое делото се јавува.

Во тој процес – несомнено неопходен за македонската литература во тоа време – Ѓурчинов одигра една мошне важна улога. Осовременувањето на изразот, за кое се залагаше овој критичар, беше, во тие услови, и еден вид “книжевно описменување” на македонскиот творец, осигурување влезница потребна за отворање порти што водат во толку посакуваниот домен на современата литература.

Тој прв период на критичарската дејност на Милан Ѓурчинов трае до почетокот на шеесеттите години. Тогаш, во почетокот на шестата деценија од XX век, борбата за слободата на изразот е речиси завршена, противставувањата кон тенденциите насочени во правец на осовременувањето на македонската литература се наоѓаат пред целосно исчезнување, и станува очигледно дека веќе нема потреба од убедување на јавноста за тоа дека македонската литература (и уметноста воопшто) има право да ги испитува можностите за нови пристапи кон уметничката материја, и со тоа да сврти нова страница во својот развој. И конфронтацијата “модернисти против реалисти” веќе стивнува: некои од дотогашните “реалисти” почнуваат да пишуваат изразито модерно, а некои од некогашните “модернисти” – да се приклучуваат кон еден израз лишен од претходните екстремности. Критичарот Милан Ѓурчинов чувствува дека треба да го бара својот нов домен на дејствување.

Соочен со новата книжевна ситуација, со промените во политичката клима и со новите идеи кои пристигнуваат до него низ една поинаква лектира, овој критичар се менува. Еден период во неговите активности е завршен; со нов елан тој им тргнува во пресрет на новите предизвици. Она што почнува да го привлекува е темата на ангажираноста на писателот, обидот на уметникот да стане активен чинител што ќе учествува во менувањето на светот околу себе. Кај него интересот за промените на уметничкиот израз, и за нивната корелација со новите времиња, постепено опаѓа; на преден план сега избива откривањето на идеолошката порака што во себе ја содржи уметничкото остварување. Станува очигледно дека во барањата што пред уметноста ги поставува овој критичар веќе не е како, на кој начин ја постигнува уметникот својата цел, туку што, каква содржина се искажува низ неговото дело.

(Неколку години по овој пресврт, Ѓурчинов ми има речено: “Повеќе не ме интересира литературата како естетски резултат; она што ме привлекува е што писателот предлага да се направи за да се подобри овој свет”. Не се согласивме, и секој си замина со своите ставови.)

Несомнено, ваквата нова ориентација на Ѓурчинов ќе го оддалечи од неговите дотогашни сопатници и соборци – писателите од кругот на модернистите. Но, тоа нема да го расколеба овој критичар: тој ќе продолжи по својот пат, убеден цврсто во исправноста на своите ставови и подготвен секогаш да ги брани – со рационално подготвените аргументи, но и со емотивна понесеност.

Во историјата на македонскиот модернизам Милан Ѓурчинов останува како еден од најхрабрите и најдалекувидите негови покренувачи, бранители и толкувачи. Со својата јасна и недвосмислена ангажираност на страната на новото и современото, тој извонредно многу придонесе ова движење да ја избори својата борба до крај и со тоа да ги постави основите на идниот развој на македонската литература.

Сведения об авторе:

Влада Урошевиќ,

Редовен професор во пензија на Филолошкиот факултет при Универзитетот Свети Климент во Скопје

Редовен член на Македонската академија на науките и уметностите, како и на повеќе други академии во светот; Познат писател, есеист и критичар.

Vlada Urošević,

Full professor retired at the Faculty of Philology at the University of St. Clement in Skopje

Full member of the Macedonian Academy of Sciences and Arts, as well as many other academies in the world; a famous writer, essayist and critic.

v_urosevic@yahoo.com

Михајло Пантић (Београд, Србија)

Милан Ђурчинов, један књижевни пут

Апстракт: У есеју “Милан Ђурчинов, један књижевни пут” описије се и тумачи стваралачки опус тог македноског критичара, књижевног историчара и компаратисте. Почиње се од начелних методолошких проблема писања књижевне историје у јужнословенском културном контексту, а потом се расправља о свим аспектима Ђурчиновљевог стваралачког рада. Закључује се да је тај рад одређен вишедеценијским креативним интересовањима за питања ангажмана, етичког момента у естетској форми, начина деловања речима у задатом идејном окружењу и, у најизразитијем виду, схватања модернизма као активног одговора актуелној стварности. Милана Ђурчинова превасходно је занимало аналитички разумевање књижевности у времену, књижевности у језичком и културном простору, и књижевности као потврде индивидуалне, националне и наднационалне посебности у турбулентном и необухватно разноликом али ипак Једном Свету.

Кључне речи: Милан Ђурчинов, књижевна критика, књижевна историја, македонска књижевност, модернизам, ангажман

Mihajlo Pantić (Belgrade, Serbia)

Milan Ćurčinov, One Literary Path

Abstract: This article is a tribute to the late Milan Ćurčinov, a literary critic, historian of literature, and comparative scholar. Apart from the main aspects of his literary activities, the focus of attention is on Ćurčinov's special sphere of interest, methods of writing a history of literature in the South Slavonic cultural context. It is pointed out that over the period of several decades Ćurčinov repeatedly studied ideological commitment in literature, proportion of ethic content and aesthetic form in a literary text, ways of ideological impact of the literary word in a specific literary space, and, most importantly, understanding of modernism as a manifestation of acute perception of reality. Ćurčinov sought answers to the problem of how literature relates to a certain time, how it operates in a linguistic and cultural space, how it exhibits idiosyncrasies of the writer, how it defends national identity and cross-cultural vision of things, how it can serve one and many.

Key words: Milan Ćurčinov, literary criticism, literary history, Macedonian literature, modernism, engagement

Науку о књижевности уздуж 20. века обележио је не само евидентан, једва замислив, аналитички необухватан раст, комплементаран планетарној експанзији књижевно-уметничке праксе, него, напореда с тим, и коренски методолошки преображај. За разлику од хуманистичких дисциплина из 19. столећа у којима је преовладала позитивистичка, историографско-филолошка перспектива, у доба модернизма, иначе кључног, генеративног појма 20. века, клатно је отишло на супротну, теоријско-спекулативну страну. Нова времена донела су борбу новопромовисаних типова дискурса са “интерпретативну превласт”, односно, протекла су у знаку рађања и афирмације мноштва међусобно различитих, понекад надопуњујућих, понекад отворено антагонизованих аналитичких концепција у којима је сама књижевност, треба и то рећи, често била само секундарни повод за демонстрацију најразличитијих могућих теза и хипотеза из домена општих знања о човеку и друштву. Сагласно томе, расправе о природи књижевне историје померене су из сфере непосредне реализације (19. век осмислио је и практично реализовао тај вид описа, систематизације и тумачења књижевности) у сферу теорије, са категоријски постављеним, али у основи апоретичним питањем да ли су историје књижевности уопште могуће, а ако јесу, какве оне треба да буду? Или друкчије, а сасвим једноставно речено: у 20. веку више се дискутовало о самој природи књижевне историје и свим могућим теоријско-методолошким аспектима и проблемима дате области него што су саме историје од те врсте бивале писане.

Простор јужнословенске интерлиментарне заједнице даје низ примера и аргумента за претходно изнето запажање, чинећи да оно не буде неопрезна генерализација, него изведеница из природе осмотрених књижевних поља. У неколиким књижевностима тога круга приметно је да постоје тек по једна, још ређе по две, а негде, изузетно, по три интегралне историје националних књижевности. У српској култури незаобилазна је *Историја српске књижевности* Јована Деретића, у хрватској је то *Повијест хрватске књижевности* Иве Франгеша, у бугарској *Историја нове бугарске књижевности* Светлозара Игова, а у македонској *Нова македонска књижевност* Милана Ђурчинова. Разлози зашто је књига такве провенијенције сразмерно мало има више и њима би се требало посебно бавити; овде само треба рећи да сама књижевност, својим временским опсегом, својом разноликошћу, па и својим квантумом, у многоме превазилази моћи једног, ма колико упућеног и амбициозног појединца, спремног да се упусти у вредносни, систематизован, методолошки консеквентан дијалог са тим готово безобалним језичким морем, нарочито онда када пожели да његов поглед буде што обухватнији. Овде се пре свега мисли на интегралне историје националне књижевности, будући да парцијалних историја, оних које се односе на поједина столећа, историјска раздобља, подручја, стилске формације или, пак, поетичке видове књижевности, има у неупоредиво већем броју. (У српској књижевности постоје, на пример, засебне историје књижевности барока, романтизма, реализма, модерне, авангарде, модернизма... што указује на моменат академске специјализације за поједине периоде, поетике, писце, књижевне родове и врсте и тако даље.) Међутим, из до сада реченог излази да је писање интегралних историја националних књижевности више оспорено теоријским апоријама него што је подржано самом академском праксом, те се, следствено томе, може извести закључак да се на такав подухват одлучују само ретки, рекло би се, врло одважни, несумњиво компетентни појединци, којима унапред урачунате потешкоће и претешка питања нису несавладиво искушење већ додатни мотив и подстицај за рад.

Речју, знамо да се расправе о интегралним књижевним историјама могу (па и морају) водити убескрај, али њих неко, пре и после свега, ипак мора да напише.

И тако је Милан Ђурчинов написао *Нову македонску књижевност*, обухватајући у њој период од 1945. године, када је нормиран македонски књижевни језик, па тиме успостављен и основ за раст новог вида књижевно-уметничког стварања у јужнословенској интерлитерарној заједници, закључно са 1980. годином, за коју се, видљиво је то са новонастале временске дистанце, може рећи да је обележила тренутак пуног обликовања те националне књижевности. На први поглед, али само на први, могло би се учинити да је Ђурчинов имао много лакши задатак од других посленика истог типа из раније поменутих јужнословенских књижевности, јер није осећао претешки терет традиције, а и грађа коју је обрађивао била је обимом, не нужно и квалитетом, мања од осталих. Ипак, не треба сметнути с ума да је том књигом Милан Ђурчинов испунио прворазредни књижевноисторијски задатак, са далекосежно важећим резултатом: описао је и систематизовао језички, поетички, историјски, збирни ауторски процес успостављања система нове македонске књижевности.

Да је реч о помно промишљеном концепту види се из садржаја, тачније, из композиције Ђурчиновљеве књиге *Нова македонска књижевност*. Ауторов историографски резултат, неспорно, заснован је и остварен на колико амбициозном, толико и реалном покушају тражења и налажења што егзактнијих одговора на питања из подручја македонске књижевне уметности која се, као и друге националне књижевности, мења и условно речено “развија” спонтано и непредвидљиво, али дубински ипак подлеже одређеним процедурама и “законитостима” надперсоналног типа, при чему је циљ истраживача да те процедуре и те “законитости” запази, контекстуализује и дефинише на прихватљив, одбрањив начин онолико колико је то оптимално могуће. (Посматрана тако, књижевна историја престаје да буде само хронологија и упућује на моменте који су константни, неподложни раду времена, и у том смислу идентификаторни. Ево примера, речима самог Ђурчинова: “Речиси во сите родови и жанрови, фолклорот се јавува како плодотворен извор на митски и архетипски модели кои доаѓаат до целосен израз низ модерниот и преобразен јазик и модерното чувствување на светот, станувајќи на тој начин едно од најкарактеристичните и најдрагоцените обележја на целата современа македонска книжевност и на уметноста воопшто”.) У релативно кратком периоду од три и по деценије македонска књижевност у целости је, како прегледно покажује Милан Ђурчинов, засновала свој поетичко-естетички систем. Њега чине дела из сва три књижевна рода (поезија, проза, драма), праћена и одговарајућом књижевнокритичком активношћу без које њен језичко-имагинативни-поетички (ид)ентитет, не би био ни целовит, па, строго узев, ни могућ, будући да се конституисање модерне књижевности на било ком језику не може замислити без паралелно делујуће, ауторегулативне критичке рефлексije, артикулације и одговарајуће аксиологије. Ђурчинов стога посебно поглавље посвећује и формативним годинама македонске критике, нотирајући и коментаришући приносе њених најзначајнијих књижевних критичара и тумача књижевности.

Раст македонске књижевности настављен је, наравно, и после 1980. године, можда не на тако динамичан и експанзиван начин као у првим деценијама конституисања књижевног система, али је свакако донео значајна и вредна дела нових генерација македонских писаца. (Због брзине смењивања стилова или, тачније, индивидуалних и корпоративних поетика у релативно кратком времену, македонска књижевна историографија установила је као претежан “генерацијски прин-

цип”, како у тумачењу поезије тако и у опису прозних дела.) Општи историјски и друштвени контекст промењен је и у македонској књижевности после распада друге Југославије почетком последње деценије прошлог века, и премда је македонско друштво за разлику од других новонасталих држава на срећу остало поштеђено већих ратних турбуленција и траума, смањен је интензитет размене у јужнословенском културном кругу, па је самим тим сужено и поље књижевне и културне радијације, што је имало делимичних последица и на саму природу уметничког стварања (у српској књижевности је, на пример, постмодернизам у пуном замаху почетком 90-их година минулог столећа замењен провалом актуелне друштвене тематике, новим открићем стварности, питањима политичког ангажмана, “проговорним стилем”, непосредним сведочењима, писањем као детрауматизацијом и тако даље). У нашим данима те везе се изнова успостављају и интензивирају, у другом контексту и кључу: расте број узајамних превода, долазе нови читаоци и тумачи, успоставља се академска сарадња, излазе тематски бројеви часописа... Очигледно, потребан је, после свега, нови књижевноисторијски преглед македонске књижевности после 1980. године, следом Ђурчиновљевог концепта, или, пак, на неки нов, новим приликама и увидима саображен начин, што је овде од секундарног значаја. Тај задатак требало би да обаве нове генерације македонских или славистичких књижевних историчара, кадрих да се у духу позитивне, конструктивне традиције те књижевнонаучне дисциплине одупру спекулативним препрекама и напишу други том у међувремену настале нове-нове македонске књижевности. Ђурчиновљев рад остаје у том смислу и пионирски и обавезујући.

Научни и критички рад Милана Ђурчинова не исцрпљује се само у области књижевне историје. Напротив. Поводом српског издања *Нове македонске књижевности* Петар Џацић је својевремено написао и ово: “Сматрам да коректну историју књижевности може да напише и зналац (да кажем: професор књижевности) који није по вокацији критичар. Али, заиста значајну историју књижевности може да напише само зналац који је по вокацији и критичар. Вредносни суд који по природи припада и историчаревом послу – а који не мора бити изречен експлицитно, нити епитетима, већ може бити испољен присуством или изостављањем одређених аутора и њихових дела или, пак, посвећеним обимом итд. – чини неопходним учествовање критичара у изради историје књижевности. Сматрам да став како нема значајне историје књижевности уколико историчар није и расан критичар, има аксиоматски карактер”. Годинама касније Елизабета Шелева је додала: “Во оваа амбициозна и (од методолошки аспект) иновативна студија, самата *књижевна историја* е на програмски начин обмислена и оформена како иманентна *критика*, во склад со современите, вредносно ориентираните, текови и придобивките на книжевната наука! Таквиот, вредносно заснован пристап, од една страна, го развластува естетски неприфатливиот релативизам на неутралната (невредносна) критика и историја на книжевноста. Книжевната историја-како-критика, од друга страна, е спротивставена на традиционалната, позитивистички предначинена рамнодушност кон вредностите”. Нужност укључивања тог критичког, аксиоматског принципа у саму основу (концепцију па и реализацију) неке, у овом случају националне, македонске књижевне историје, али и тумачењу новостворених дела, свакако је потврђен на примеру књижевног пута Милана Ђурчинова и разноврсних активности које чине тај пут. Ђурчиновљева *Изабрана дела* у десет томова, објављена 2008. године, убедљиво сведоче да је тај историчар, уједно и критичар и компаратист, по свему репрезентативан представник македонске ака-

демске, славистичке, херменеутичке, историографске и друштвене мисли друге половине прошлог и првих година новог века.

Милан Ђурчинов је, слично другим посленицима његове доби из јужнословенске интерлитерарне заједнице, обликовао своју мисао и развијао своју стваралачку праксу у раздобљу наглашеног друштвеног значаја књижевне уметности и потенцирању њене често доминантне, понекад критичке, понекад идеолошки афирмативне, а свакако незаобилазне улоге у формирању представа које је та заједница имала о себи (и другима). Не случајно, него готово закономерно, већ према диктату и духу епохе, њега су, попут других посленика сличног или истоврсног типа, занимала питања ангажмана, етичког момента у естетској форми, начина деловања речима у задатом идејном окружењу, потом схватања модернизма као активног одговора актуелној стварности и тако редом, што је донекле противречило успостављеном научном стандарду такозваног “унутрашњег приступа” делу, обликованом и у западном и у источном културном кругу, дакако, са различитим узроцима и последицама: на Западу је такав приступ био знак академске ексклузивности, производње, неговања и чувања одговарајућег знања о књижевним феноменима, док је на Истоку он пре свега функционисао у контексту одбране слободе стваралаштва изложеног јаком идеолошком притиску, са захтевом да то стваралаштво *in ultima linea* треба да служи промоцији владајућих система “вредности” (ако су то вредности), или, други речима, да му буде подршка, а за узврат ће писци и сама књижевност добити друштвено повлашћен статус, како се доиста и збило (данас је готово незамислива фигура писца за кога се може рећи да је “глас епохе” или “савест друштва”). Милана Ђурчинова је у свему томе непосустало заокупљало основно питање шта књижевност значи и у свом универзалном виду и у неком конкретном времену. Његовом времену. Поглед на Ђурчиновљева *Изабрана дела* открива, сходно реченом, велику ширину и не мању дубину, сву разноликост и сложеност ауторових интересовања. Та дела, збирно узев, представљају несвакидашњи резултат вишедеценијског рада на пољу тумачења и систематизовања македонске и других славистичких и европских књижевности.

Милан Ђурчинов је, најпре, русиста. Три тома његових *Изабраних дела* чине монографије посвећене Ф.М. Достојевском, А.П. Чехову и Б.П. Пастернаку, прве, колико нам је познато, на македонском језику, а свакако упоредиве са радовима те врсте насталим у истом раздобљу у јужнословенском простору. Као београдски ђак Ђурчинов је, без сумње, део својих интересовања зачео у кругу српске русистичке школе, да би их потом пренео у свој матични језички и културни контекст, притом чувајући и негујући македонско-српске компаративне релације, махом описујући пријем дела српских класичних писаца у македонској књижевности и култури, почев од Вука Караџића, П.П. Његоша, Бранислава Нушића, Иве Андрића и Меше Селимовића, до Оскара Давича и Васка Попе, посебно се интересујући и за критички рад Марка Ристића, Зорана Мишића и Радомира Константиновића. Мирослав Крлежа је, такође, остао трајна преокупација Милана Ђурчинова. Са друге стране, посебан стваралачки корпус чине његове начелне, теоријске расправе о компаратистици и о диференцијалним карактеристикама македонског књижевног и културног простора, односно категорији националног “културног идентитета”. Сви поменути радови прибрани су у књизи *Проникнувања – Компаративни студии*.

Критичаревој свакодневици или, према синтагми Исидоре Секулић, “задацима дана” којима се реагује на актуелна питања или нова дела, Ђурчинов је посветио књигу *Време и израз – Присутности* (књижевне критике 1953–1963), пред-

стављајући се као врло активан, тада млад дневни критичар отворен за најразличитије поетичке концепције, сагласно промовисаном, прононсираном начелном ауторском ставу о “естетском плурализму” заговораном током целог књижевног пута, а који је у ондашњем друштвеном и идеолошком контексту могао бити протумачен и као благи, али ипак субверзивни вид интелектуалне трансгресије или, речено пригодним квазиметафоричним речником, “скретања за задатог правца”. Ту делатност, с временом све развијенију и обликом и смислом, у којој ће форму дневне критике постепено сменити проблемски есеј, Милан Ђурчинов је наставио у књигама *Определувања – Живо и мртво* (књижевне критике и огледи 1964–1974) и *Пред прагот на иднината* (1974–1990), обухватајући широк простор имагинарне македонске књижевне “реалности”, увек га доводећи у везу са реалним друштвеним и историјским временом. *Књижевност у времену, књижевност у језичком и културном простору, књижевност као потврда посебности у турбулентном и необухватно разноликом али ипак Једном Свету*, то су стајне тачке, а може се рећи и граничници или исходшта Ђурчиновљеве критичке делатности. Једно од средишта те и такве делатности је свакако поезија, врло специфична, експресивна, митски кодирана, ауторски препознатљива, колективно и традицијски дубоко укореена македонска поезија старијих времена, али и прошлог века, од Коче Рацина, преко Блаже Конеског до савременика Милана Ђурчинова (А. Шопов, М. Матевски, В. Урошевић и други) којима је посвећена књига *Облик и смисла*. У њој се расправља и о питањима прозног стваралаштва, компаратистике, македонског и других културних простора и тако редом, увек радознано, аналитички инвентивно и разноврсно.

Посебан, читалачки свакако најузбуљивији том *Избраних дела* Милана Ђурчинова чини његова аутобиографија (могло би се чак рећи и нефикционални *bildungs*-роман) *Освојување на реалноста* у којој се описује пут кроз лични и колективни “архипелаг сећања”, почев од детињства и одрастања до врло активног учешћа у македонском и југословенском књижевном и културном животу, не без присенка пратеће, изгледа неизбежне меланхолије, али са осећањем да је, речима Милоша Црњанског, “испуњена сопствена судбина”. Матеја Матевски је поводом *Освојувања на реалноста* написао: “Оваа книга е книжевно сведоштво за патот на еден наш интелектуалец и писател кој ни говори: ‘низ каков се сложен галиматијас, низ какви лингвистички лавиринти требаше да минува мојот духовен и интелектуален развиток’ (четири града, десет училишта, три јазици) за да се стаса до едно импресивно животно дело длабоко вградено во темелите на нашето севкупно културно живеење. Тоа е тој, но тоа сме и ние што се препознаваме, секој одделно, во оваа негова исповед”. И, заиста, *Освојување на реалноста* је несвакидашња, књижевно надахнута рекапитулација једног плодног, креативношћу обележеног живота, освешћени коментар на сва збивања и искушења са којима се суочавао Милан Ђурчинов, културни посленик и зналац који је цео свој дуги век дао мисли о језичкој уметности, ваљда најширем и најобухватнијем, ако не и најдубљем виду испољавања људске имагинације. Том виду појединачног и општечовечанског бивствовања у којем се једине мисли и осећања према одавно уведеном добром обичају дато је име – књижевност. Једноставно име за можда најсложенију појаву овог света. Својим делом Милан Ђурчинов показао нам је колико је сложена та и таква једноставност. Од ње се састоји и од ње је саграђен његов непоновљив стваралачки пређен пут, један и јединствен, заслужен, искупљен и препознатљив по делима који су на њему настали. Но, нашиот разговор не завршува овде, зошто, кога станува збор за книжевноста, ние сме секогаш на почетокот.

Михајло Пантић,
књижевник, редовни професор
филолошког факултет
Универзитета у Београду

Mihajlo Pantić,
Writer, Full Professor
Faculty of Philology
University of Belgrade

Сведения об авторе:

mihpan@eunet.rs

Е. Шелева (Скопје, Македонија)

**Придонесот на Милан Ѓурчинов
во македонистиката и компаративистиката**

E. Sheleva (Skopje, Macedonia)

**Academician Milan Gurchinov's Contribution
to Research of Macedonistics and Comparative Studies**

Е. Шелева (Скопје, Македонија)

**Вклад академика Милана Ѓурчинова в исследования
в области македонистики и компаративистики**

Во меѓународниот академски и културен контекст, името на Милан Ѓурчинов, се врзува за богатото дело на еден редок и несекојдневен славист, македонист, компаративист, што опфаќа период од речиси седумдесет години творештво. Милан Ѓурчинов, и во деветтата деценија од својот живот, останува препознатлив по својот виспрен ум, духовната виталност, несмаленото љубопитство, широкоаголниот ракурс на гледање и резолутно искажаниот, вредносен суд по однос на феномените на современата литература и култура, кај нас и во светот.

Милан Ѓурчинов е доајен на македонската книжевна критика и компаративната книжевна наука во Македонија – чиешто поле и предмет на интерес предимно е насочено кон актуелните процеси и збиднувања во македонската литература; по-тем, и во регионалната книжевна сцена (односно, југо- и јужно-словенските литератури), но, паралелно со тоа, и во областа на славистиката (руската литература) и компаративната литература – со текот на времето, се' повеќе, ширејќи се во правец на културолошките анализи и истражувања, како ангажиран современик и непосреден актер во актуелните културни состојби во оваа немирна, епоха.

Во пресрет на 90-годишнината од раѓањето на овој афирмиран и повеќекратно значаен автор – основната цел на нашиот авторски прилог се состои во разоткривањето на најзначајните тематско-методолошки упоришта и фази во богатиот опус на Милан Ѓурчинов, односно, неговиот сестран и продуктивен придонес (што опфаќа околу **800** библиографски единици) во најмалку три, заемно вкрстени научни дисциплини: македонистиката, славистиката и компаратистиката.

На почетокот од овој прилог, на кратко ќе се потсетиме на некои датуми и настани од клучна, егзистенцијална и професионална, важност за одбележувањето на академскиот пат и развој на ценетиот професор, критичар и академик Ѓурчинов.

Милан Ѓурчинов имено беше професор на Филолошкиот факултет во Скопје – во периодот од **1953 година па се’ до 1989 година** (цели **36 години**). Инаку, непосредно по дипломирањето на Групата за славистика при Филозофскиот факултет во Белград во **1952** год, Ѓурчинов се враќа во Скопје и отпочнува со работа на Филолошкиот факултет. Таму најнапред работи на Катедрата за југословенски книжевности, каде првите пет години работи како асистент на Димитар Митрев, по предметот Теорија на литература, а потем, и по иницијатива на Харалампие Поленаковиќ, две години самостојно го предава предметот Светска книжевност. Потоа, од страна на факултетот е испратен на специјализација по светска и компаративна литература на Сорбона, кај познатиот професор Шарл Дедејан.

По враќањето од Париз и на лична молба од страна на тогашниот ректор на Универзитетот, проф. д-р Блаже Конески, Ѓурчинов преминува како професор на своевременно кадровски дефицитарната Катедра за славистика, каде подолго време ја извршувал функцијата шеф на **Катедрата за славистика**.

Во **1980** година, заедно со група колеги, како: проф. д-р Вера Јанева-Стојановиќ, акад. Влада Урошевиќ, проф. д-р Лилјана Тодорова – ја формира **Катедрата за Општа и компаративна книжевност** во Скопје, каде воедно е прв шеф на Катедрата. Воедно, истата таа, 1980 година, како своевидна поткрепа на новоотворената студиска програма, Ѓурчинов во Охрид (и, за прв пат, во Македонија) го организира и реномираниот научен собир на Меѓународното здружение за компаративна литература, АИЛК, со учество и поддршка од страна на најзначајните имиња од оваа област. Ентузијазмот на почетните години по основањето на оваа, космополитски насочена студиска програма, нема изгубено од својот полет ниту денес, 40 години подоцна, кога актуелните културни прилики и околности целосно ја потврдуваат оправданоста (но и продуктивноста) на ексклузивно осмислената студиска група на Филолошкиот факултет во Скопје.

На оваа Катедра, акад. Ѓурчинов останува да работи се’ до 1989 год. (се’ до предвременото пензионирање, по налог на вонредно донесениот Закон за предвременно пензионирање). Набргу потоа, Ѓурчинов е примен во МАНУ, каде продолжува со својата плодна творечка дејност, организација и учество на меѓународни истражувачки проекти, научни конгреси и симпозиуми, меѓу кои, според своето значење, посебно се издвојуваат: пионерскиот научен проект од областа на компаративното проучување на македонската книжевност и култура “Компаративно проучување на македонската литература и уметност во 20 век”, кој се одвиваше од 1992–1999 год. (во соработка со проф. Борис Петковски) – вклучувајќи при тоа 133 учесници и 2000 страници објавени материјали. Тука несомнено се вбројува и сложената организација на Меѓународниот славистички конгрес, за прв пат одржан во Македонија (во Охрид), во 2008 година. Ѓурчинов е заслужен за првичното издание на целокупното дело на Ацо Караманов во 2006 год., но и за минуциозната, повеќегодишна работа врз Критичкото издание на целокупните дела на Блаже Конески во обем од 12 одделни книги. Покрај тоа, во текот на последните години, Ѓурчинов е раководител (од страна на МАНУ) во два значајни, билатерални и регионални истражувачки проекти: “Модернизмот во бугарската и македонската литература (сличности и разлики)” во соработка со БАН (2014–2016), како и проектот “Македонско-српски книжевни врски од втората половина на 20 век до денес”, во соработка со САНУ (2016–2018).

Посебно е важно да се нагласи, дека Милан Ѓурчинов, уште во своите први творечки натписи (кои датираат од **1953** година) во рамките на македонската и југословенската книжевна сцена настапува, а потем и се етаблира, токму како застапник на модернистичката поетика, односно, поетиката на модернизмот, за која во текот на педесеттите и шеесеттите години, се воде жестоки и, до ден денес, неповторени критичко- полемички расправи, кога, до висок степен на усвитеност, се “остреа” и калеа модернистите, обележани со својот препознатлив, космополитски и европски предзнак.

Бранејќи го автономното право и легитимитетот на “новото” во литературата, Милан Ѓурчинов е најчесто присутниот (но, токму затоа, и најмногу напаѓан) критичар од кругот на модернистите. Неговото поимање на модерноста е поттикнато и втемелено во духот на Бодлеровите тези за модерноста – што во неа осознаваат пред се’ коресподентност или созвучност на уметноста со актуелниот “дух на времето”. “Модерната уметност не може, а да не биде реална проекција на своето време” – смета Ѓурчинов, повикувајќи се на сознанието, дека “драмата на грчовитата преградка меѓу уметникот и светот бара нови оружја”. Според Ѓурчинов, вистинската уметност е секогаш модерна и таа се јавува како корелат на своето време, оттаму здобивајќи го својот хуманистички легитимитет. Модерната книжевност е, имено, облик на дез-алиенација на трагичната човекова отуѓеност и токму заради тоа, предупредува Ѓурчинов, “загриженоста на писателот за човековата судбина не смее да биде отстранета од формално-литературните луцидни егзалтации”, инаку, во спротивно, таа (книжевност) би се свела само на необврзна “вербална еквилибристика”.

Ѓурчинов укажува на дијалектичката нужност од промени во доменот на книжевноста и се залага за отфрлање идеолошките предрасуди и забелешки на, тогаш влијателната, соц-реалистичка доктрина. “Модернизмот не е инфилтриран импорт, ни ексцесивен чир на декомпонираниот стварност, туку пандан на сложената општествено-психолошка констелација” – предупредува Ѓурчинов, во својата знаменита, програмски насловена статија “Маргиналии на тема ново”, објавена пред точно 65 год (во 1953 г.). Според него, во книжевноста е потребно да постои коегзистенција на естетските и етичките квалитети, вклучувајќи ги револтот, немирниот дух, загриженоста за хуманитетот, како основни стимуланси на автентичниот литературен крвоток!

Погледите на Ѓурчинов околу иманентноста на хуманистичкиот ангажман во уметноста се инспирирани од делото на егзистенцијалистички ориентирираниот, француски филозоф Жан Пол Сартр. Тој, во своите нашироко познати и влијателни тези за ангажираната уметност, на програмски начин, ја истакнуваше иманентната одговорност и загриженоста за Човекот, како суштествен признак на уметноста и уметникот! Следствено, и Милан Ѓурчинов потсетува на одговорноста, како суштествена црта што и’ припаѓа на книжевноста: книжевноста има “обврска да дава одговори, денешни, наши”, во спротивно, постои опасност и ризик таа да прерасне само во “индивидуална забава”.

Начелно искажаниот, афирмативен став кон модернизмот, не го попречува Ѓурчинов во критичкото одмерување на главната модернистичка категорија (односно, императивот) на “новото”. Отаде, и самиот феномен на “новото”, смета тој, не треба да се апсолутизира како самодоволна вредност, туку најнапред да го помине вредносниот естетски филтер, за да не се случи неговото претопување во сурогати, како: голото помодарство и неавтентичната имитација на туѓите трендови и урнеци. “Значи, ново и наше. А не – ново и туѓо. Првото е современо и модерно.

Второто е помодарство, лажна уметност” – пишува Ѓуринов во гореспоменатиот, програмски текст, принципиелно нагласувајќи ја важноста од воспоставување (вредносна) дистинкција (што и ден – денес не губи од својата важност): дистинкција помеѓу автентичното и помодарското, односно, помеѓу модерното, од една и помодното, од друга страна – во уметноста на зборот и во самото индивидуално пишување.

Во оваа прилика, добро е да си припомниме уште на еден, програмски срочен, поетички слоган од почетоците на книжевно-критичката дејност на Ѓурчинов: “Уметноста мора да биде верна на себеси. Таа не е ничија слугинка”. Оваа заложба на Ѓурчинов, на прегнантен и недвосмислен начин, го брани автономното битие на уметноста, која, не само во тоа време, но и подоцна, умеела да се најде во (интересовна) спрега со вонкнижевните – дневно-политички и прагматични-нарачки, интереси и желби.

Во текстот “Пролегомена за теоретските рамки во проучувањето на модернизмот во македонската литература и уметност” (објавен во книгата “Од сегашен агол”, во 2012 г), Ѓурчинов издвојува неколку специфични одлики, кои се парадигматични за модернизмот во Македонија: “предимно левичарската ориентација кај припадниците на модернистичкиот лагер”, “изразената анти-авторитарност и антихиерархичност (за разлика од таборот на нивните противници)”, неговата плуралистичка обоеност (не-унисоност), сочуваните “врски со духовната и историската традиција, како и народното творештво”, конечно, и не толку изразените “елементи на nihilизмот, деструкцијата, екстремизмот, пароксизмот”, својствени инаку на општиот дух на модернизмот.

Втората начелна карактеристика на творечкиот ангажман на Ѓурчинов е неговата принципиелна поддршка и доследност по однос на денес (за жал, запоставениот) модел на вредносна критика – суштински предодредена од аксиолошкиот став и експлицитната, бескомпромисна, критичка просудба на естетските (творечките) квалитети на книжевноста (при тоа, останувајќи дистанцирана од претенциозноста на, божем, неутралниот, но и сувопарен академски опис на книжевните дела). Останувајќи доследен на оваа, денес инаку запоставена, вредносна заложба, во сопственото, непосредно практикување на критиката, на почетокот од својата книга “Од сегашен агол” (2012), Ѓурчинов со нескриена нелагода, предупредува на една опасна тенденција, присутна во рамките на современата македонска литература: “Нашата литература во овој момент се наоѓа во опасен расчекор”, кога “од една страна, под напливот на националните опсесии и новата идеолошка контаминација, таа се сврте кон приземната естрадно-популистичка реторика и патетика, а од друга – се затвори во ултра-естетизмот, езотериката и тешко проникливата фантастика од сите бои. Никогаш како последниве години не се пишувало толку многу приземно и тривијално, транспарентно од една, и толку заплеткано, мудрувачки и недопирливо-апстрактно, од друга страна”. Силно изразената верба во враќањето и неминовната обнова на вредносниот пристап во критиката е вградена и во самиот наслов на, за сега последната, книга на Ѓурчинов “Залезот на аксиолошкиот релативизам” (објавена во 2015 година), и тоа во облик на своевидно (футуристички обоено) програмско кредо.

Опсегот на индивидуалниот авторски влог на Ѓурчинов во македонистиката, помеѓу другото, може да се процени и преку бројот на објавени библиографски единици, посветени токму на македонската литература и нејзините автори – станува збор за цели **500 единици** (од вкупниот корпус на околу 800 објавени тру-

дови). Но, не само оваа импресивна бројка и не само голата статистика – туку далеку повеќе, квалитативниот момент – содржан во методологијата на неговиот критички и пред се', вредносен пристап – во најголема мера, придонесе за тоа, токму во критичките проучувања и анализи на Ѓурчинов (со редовно застапен компаратистички фон), современата македонска книжевност да го открие и задобие своите европски обзори и вредносно-естетски хоризонти.

Од друга страна, воден од сознанието за историската, културната и типолошката сродност на (екс)југословенските литератури, Ѓурчинов во текот на своите пошироки преокупации, izdelува соодветно внимание за проучувањето на заемните врски и влијанија помеѓу југословенските литератури, вклучително, и знаменитите авторски имиња, кои потекнуваат од овој, поширок простор. Иако, околностите не ни дозволуваат овде поопстојно да се задржиме на нивните поединечни содржини, неопходно е, во оваа прилика, макар, да ги споменеме бројните прилози на Ѓурчинов, посветени на творештвото на истакнатите југословенски писатели и интелектуалци (со кои, тој и лично негувал долгогодишна соработка и заемно пријателско уважување), како: Оскар Давичо, Меша Селимовиќ, Марко Ристиќ, Мирослав Крлежа, Петар Цациќ, Радомир Константиновиќ (не оставајќи ги надвор од границите на својот творечки интерес ниту класиците, како Петар П. Његош, Бранислав Нушиќ, Иво Андриќ) и др.

Свесен за недостатоците, кои ги предизвикува изолираното проучување на овие, најблиско поврзани, соседни литератури – кон крајот на осумдесеттите години, Ѓурчинов активно се вклучува во неколкугодишниот проект за воспоставување и заживување на една посебна, компаратистичка суб-дисциплина: компаративна југославистика (под раководство на проф. Фрањо Грчевиќ од Загреб), а таа посветеност конечно резултираше со објавување на авторската книга на Ѓурчинов “Проникнувања”, во 1987 год (инаку, преведена и на српски јазик, во 1990 г).

Во текот на осумдесеттите години, Ѓурчинов е, исто така, вклучен во предавањата, кои се одржуваат во рамките на постдипломските студии на Филозофскиот факултет во Сараево, при што беше заеднички конципиран и објавен знаменитиот, ко-авторски учебник, прв од ваков тип, по предметот Методологија на проучувањето на литературата “Модерна тумачења књижевности” (објавен на српскохрватски јазик во Сараево, во 1979 год). Покрај тоа, во извесен период, Ѓурчинов е дел и од редакцијата на авангардистички настроеното, левичарско списание “Даље” (со седиште во Сараево), каде најтесно соработува со главниот уредник, големиот бунтовник и поет, Оскар Давичо. Борејќи се (како, впрочем, и Давичо) со бројните опструкции, препреки и бариери, што непрестајно му ги “испорачувал” балканскиот и, воопшто, провинцискиот менталитет – Ѓурчинов негува нескриен респект, поддршка и одобрување кон неконформистичкото, филозофско дело на Радомир Константиновиќ “Филозофија на паланката”. Во еден од своите понови прилози, посветени токму на значењето на оваа книга и на непоткупливата филозофска самотија на Константиновиќ, Ѓурчинов со индигнација предупредува: “Не можам да се согласам дека синдромите на паланката со текот на годините изгубиле од својата сила и од своето влијание во нашиве простори. Се плашам дека тие синдроми се засилија и пораснаа... и ја предизвикаа во голема мера сегашнава културна рецесија во сите наши средини. Никогаш немаше повеќе произволност, саморекламерство, мегаломанија и невредносни оценки, како во годините, што се зад нас”. Отаде, иако навидум делува парадоксално, дури и во ерата на дигиталната технологија и идеологија на се' достапноста, наместо истиот

да слабее, духот на паланката, инаетливо (и како уште повеќе да) им пркоси на навидум триумфирачките, космополитски вредности.

Затоа, стратешки најважен и драгоцен сојузник против опасноста од национална провинцијализација на книжевноста е компаративната книжевност како научна дисциплина. “Компаративизмот како современ природ треба да не’ доведе до подобро запознавање и објаснување на оригиналните вредности на националната книжевност, да ни обезбеди една поцелосна слика за неа и да ни даде одговори на прашањата: до кој степен соодветните вредности и’ се својствени токму нејзе, за разлика од другите литератури, до кој степен та е блиска до нив, а до кој се оддалечува и разликува од тие литератури” (“Проникнувања”, 1987 г). Со други зборови, според концепцијата, што ја заговара Милан Ѓурчинов, компаратистиката треба да се применува пред се’ врз корпусот на националната литература, како нејзин значаен вредносен ориентир, но и драгоцен коректив. Во оформувањето на ваквото, “национално” втемелување на компаратистиката – за Ѓурчинов особено беа од полза погледите на реномираниот српски компаратист инаку професор во Инсбрук (и негов долгогодишен соработник), Зоран Константиновиќ, чиј благороден придонес во зајакнувањето на македонската компаратистика е несомнен (меѓу другото, потврден со неговите настапи како гостин предавач во Македонија).

Зацртана уште во времето на неговото стапување на книжевната сцена, заложбата за критичко одмерување на делата од националната книжевност во европски и светски – аксиолошки, естетски, методолошки и духовен контекст, се протегаше низ сите фази од научната дејност на Ѓурчинов. Таквиот (вредносен) пристап на Ѓурчинов принципиелно е вграден и при изработката на книжевно-историската студија “Нова македонска книжевност (1945–1980)”, изворно објавена на српски јазик во 1988 год., кај реномираниот белградски “Нолит” (како прво остварување на македонски автор во едицијата на оваа реномирана издавачка куќа). Во оваа амбициозна и (од методолошки аспект) иновативна студија, самата книжевна историја е на програмски начин обмислена и оформена како иманентна критика, во склад со современите, вредносно ориентираните, текови и придобивки на книжеvnата наука! Таквиот, вредносно заснован пристап, од една страна, го развластува естетски неприфатливиот релативизам на неутралната (невредносната) критика и историја на книжевноста. Книжеvnата историја-како-критика, од друга страна, е спротивставена на традиционалната, позитивистички предзначена рамнодушност кон вредностите – што, на крајот, резултира со култ на локалните “величини” меѓу писателите. “Ако во границите на мојот етникум, се’ има вредност, со самото тоа што нему му припаѓа, тогаш губи секоја смисла и станува обична формалност, празна куртоазија дијалогот со не-мојот колективитет и култура” – потсетува Ѓурчинов во својата подоцнежна книга “Збор во невремето” (2003).

Останувајќи и’ верен на својата вредносно заснована критичка перспектива, Ѓурчинов не може а најостро да не му се спротивстави на денес фаворизируваниот критериум на припадноста и механичката апсолутизација на потеклото (на писателот), што, се’ повеќе, како да прераснува во пресуден “аксиолошки” чинител. Според Ѓурчинов, таквата ситуација води кон создавање на “царство на националните монолози”, што, од своја страна, го поттикнува, за малите и недоволно познати култури, особено опасниот културен аутизам и солипсизам.

И, да заклучиме:

Милан Ѓурчинов, иако длабоко навлезен во деветта деценија од животот, останува доследен на своите изворни определби, со оглед на кои самиот се дожи-

вува себеси пред се' како национален критичар, чија вокација е да ја просудува современата книжевност. Сепак, со текот на времето, приматот на книжевноста, во неговите актуелни просудби и понови прилози, како да го преземаат културолошките теми и духовната криза на нашето, "левантински" превртливо време. Неговиот динамичен и витален читателски интерес, интелектуалното љубопитство и плодотворен ангажман не стивнуваат, наспроти одот на годините, туку, се' повеќе, се насочуваат кон критичка анализа и интердисциплинарни истражувања, кон акутните предизвици и промени, не само во доменот на националната, туку и на глобалната културна сцена. Отаде, како индикативни теми во неговата најнова книга се јавуваат: несправедливоста на нашата епоха, владеењето на економски детерминизам, лажната демократија (и употребата на спектаклот) во полза на капитализмот, пасатизмот како конзервативен принцип, бучавата на "национал-специјалистите", насушната потреба од духовна обнова на современиот човек, како и благотворноста на утопските импулси.

За критичкиот пристап на Милан Ѓурчинов останува конститутивна и препознатлива хуманистичката визија за литературата – напишаното очекување од, и надеж во, литературата како најважен човеков сојузник, во постојниот мегдан со длабоките егзистенцијални проблеми и кризи, што го опседнуваат човека од днешни времиња, па се' до (или, особено) денес. Затоа, во својата последна книга "Залез на аксиолошкиот релативизам", во обидот за трасирање макар и на рамковна синтеза на ова предизвикувачко време, Ѓурчинов и натаму продолжува да го негува продуктивниот дијалог, со (можеби) последните хуманисти и левичари на 20 век, како што се: Хана Арент, Ерик Хобсбаум, Ален Бадју, Пјер Бурдије, Тери Иглтон, Едгар Морен, Антонио Негри, Загорка Голубовиќ, Славој Жижек и др.

На крајот, може да се рече, дека токму опстојувањето врз принципот на „нерамнодушност“ го сочинува концептуалното јадро и моралната загриженост на критичарот Милан Ѓурчинов, кој (по трагите на егзистенцијалистички вдахновената "нова" критика на неговиот вртник од Франција, Серж Дубровски), на крајот, ја соопштува и личната констатација, според која за форматирањето на авторскиот профил на критичарот – пресудна улога и' припаѓа токму на личноста на критичарот, а не – исклучиво неговата теориска или академска "поткованост". Според Ѓурчинов, односот, што владее меѓу критиката и литературата е обусловен од постоењето на суштинската, егзистенцијална врска, поради која критиката е најдобра имено тогаш, кога и самата е "интимно оплеменета и убедена во книжевноста, заради која постои, за која се бори и заедно со која умира".

Отаде, наместо првичната допадливост, додворувачкиот однос и необврзната лежерност – што се денес, и не само кај нас, повеќе од пожелни и добредојдени – критиката на Ѓурчинов отсекогаш заземала помалку удобни, комфорни и помодарски стојалишта. Во неговата критика, напротив, преовладува прашалниот стил или модус на искажување и опстојување, внимателната и одмерена (воздржана) рецепција и критичката дистанца спрема книжевните дела и нивните автори, но и скептицизмот – наместо преуранетата, а, уште помалку, претерана еуфорија и благонаклонетост. Тој останува незадоволен и од академската самобендисаност и "хипертеоризам", по повод на кои ја дава следната забелешка: "денес можете да прочитате мошне 'учени' и често квази-ерудитивни страници за некоја нова книга, а при тоа докрај да не разберете дали е таа книга добра или не, што претставува таа во однос на дугите книги на соодветниот автор... каква е нејзината вредност пошироко, треба ли и зошто да ја читаме или не?"

Поставувајќи високи, естетски и етички, принципиелни барања пред книжевноста и критиката, но не помалку и пред себеси – критиката на Ѓурчинов во голема мера врз себе презела (но, и соодветно се носела со) сосема извесниот ризик – понекогаш да остане осамена, недоволно или еднострано разбрана и изложена на “провев” – во својата сопствена, културна и академска средина . Од друга страна, пак, во книгата “Живо и мртво”, објавена пред точно 48 години, Ѓурчинов, во форма на реторичко прашање, соопштува и еден длабок, животно – резигниран став, поврзан со прашањето на потеклото и неговата злоупотреба како „алиби“ за (нечија) културна дискриминација, колективно и лично страдање: “Дали некој сиот свој живот треба да биде потиснуван само поради тоа што се родил на периферијата... да ги отплаќа гревовите на темните наследства за кои лично не е одговорен?” (М. Ѓурчинов: Редот како тиранија, како проклетство, како антиживот, во: Живо и мртво, Скопје, 1974, с. 184).

Со сето она, што го заговара како морално и поетичко кредо, со својата љубопитност и отвореност (но, не и поводливост), со космополитската и компаративистичка перспектива кон која “природно” тежнее, како и со нему блиската левицарска идеологија, што ја негува не само во академска, туку и во животна смисла (усвојувајќи ја истата како свој поглед на свет), слободно може да констатираме, дека на почетокот од 21 век, делото (и придонесот) на Милан Ѓурчинов, на рамноправен и вредносно достоинствен начин, се вбројува меѓу корифеите на современата книжевна наука и критика како маркантен и меѓународно афирмиран автор, чијашто репутација далеку ги надминува националните и регионалните културни граници. Покрај несекојдневно широката и богата ерудиција, токму опстојувањето на неговиот бескомпромисен однос и доследен став кон хуманистичките доблести на литературата, со децении наназад, и наспроти сите ретроградни и реакционерни случувања на глобален план, се заедно, дава дополнителен аргумент – широкоаголниот и интердисциплинарен научен придонес на Милан Ѓурчинов да биде високо уважуван во меѓународните академски и книжевно-критички кругови, вклучувајќи ги тука, бездруго, и тековните, или штотуку завршени, пионерски истражувачки проекти, со колегите од научните академии во Југоисточна Европа.

Пост скрипtum

Буквално, до последниот миг од својот долг и плоден живот, Милан Ѓурчинов остана нерамнодушен за судбината на својата култура и, за жал, повеќекратно невралгична средина, соочена со постојани пресврти и кризи. Посакувајќи и’ во неа да завладее најдоброто и највредното!

Годините и возраста, за човек како него, беа и останаа само бројка и формален хронолошки показател, бидејќи и на прагот од својата деведеста година, тој остана и беше љубопитен за сите новини од современата книжевна и критичка мисла. Често си разменувавме линкови и наслови од тие актуелни материјали, преку интернет на електронската пошта, а потоа и дискутиравме за најпредизвикувачките идеи во нив.

Во текот на неговото и наше, за жал, последно заедничко патување во октомври 2017 год., поради претстојниот научен собир во САНУ, Белград, повеќе од 5 часа, се возевме во комби возило. Иако, при тоа, највозрасен, токму нашиот професор спонтано се најде и во улогата на аниматор, полн со досетки, но и живи сеќавања за занимливи анегдоти, согледби и пикантерии од животот на најпозна-

тите српски и југословенски писатели, критичари и и интелектуалци, со кои низа години пријателски соработуваше – во својство на уредник, критичар, професор.

Така, зад неговата, навидум, строга појавност и принципиелност, во одбрани моменти и пред луѓе од доверба, кај него, се откриваше трепетот на една високо сензибилна и длабоко емпатична природа. Таа, емотивно засилена компонента, најмногу е забележителна во неговата извонредна и (жанровски) уникатна книга “Анет”, посветена на ликот и делото на жената со извонредно софистициран дух и префинет вкус, Анка Чилиманова, инаку, професорка по француски јазик и преведувачка на повеќе книги од современата француска книжевност, но и сопруга на Милан Ѓурчинов, која хармонично живееше и креативно се надополнуваше со него, во период од 60 години. Бездруго, меѓу посочените, жанровски испреплетени и експериментални книги од богатата библиографија на Ѓурчинов, спаѓа и “Освојување на реалноста”, обликувана во манирот на интелектуалната автобиографија, откривајќи ги помалку познатите и експонирани детали од приватната историја и турбулентниот живот на Ѓурчинов.

Можеби, неговата, нималку лесна животна приказна како сирак, кој рано останал без драгоценото присуство и поддршката на своите родители, принуден самиот да се бори за себе, во воените и повоените години, придонесе за тоа Ѓурчинов да го развие и негува вродениот дар за праведност, личната скромност и сочувство, особено за обесправените уметници и интелектуалци, чијшто интегритет најдлабоко и искрено го ценеше, но и го бранеше, дури и во оние прилики, кога тоа секако значеше губиток на благонаклоноста и поддршката на некои од влијателните луѓе, со кои беше опкружен.

Етиката за Ѓурчинов беше неразделен дел од естетиката и тука се гледаа најважните доблести на неговата доследна левичарска определба и позиција. Беше вистински патриот во најубавата смисла на зборот, искрено залагајќи се за тоа, Македонија да ги препознае, негува и истакне своите универзални творечки, културни и идентитетски вредности. Но, исто така, и критички да ги осознае и конструктивно да ги надмине, не премолчувајќи ги и сопствените недостатоци.

Нему впрочем му припаѓа и најголемата заслуга за институционалното заживување во Македонија на компаративната книжевност, како школа на модерниот, книжевен и културен, космополитизам! И, најважно од се’, Ѓурчинов даде личен пример за тоа, што значи да се биде вистински критичар и интелектуалец – хуманист!

На крајот, би сакале да укажеме и на две поклопувања, кои настанаа по игра на судбината.

Имено, животните околности наложија така, во улога на последен, заветен труд на Ѓурчинов да биде токму компаративниот истражувачки проект “Македонско-српски книжевни врски во 20 век и денес”, во соработка со САНУ, во градот Белград, каде тој своевремено ги отпочна и заврши студиите по славистика, односно русистика.

Од друга страна, со подготовката и објавувањето на овој тематски блок прилози, по повод 90 години од неговото раѓање, а по благородна иницијатива на академик Ала Шешкен, богатото дело и придонесот на Ѓурчинов, на природен начин, како да се “врати” и превреднува во земјата, чијашто култура и литература така високо ја ценеше и толку длабоко ја ценеше!

ЛИТЕРАТУРА

Ѓурчинов М. Маргиналии на тема ново // Ѓурчинов М. Живо и мртво. Скопје, 1974. 237 с.

Ѓурчинов М. Проникнувања. Прилог на југословенското книжевно заедништво. Скопје, 1986. 244 с.

Ѓурчинов М. Нова македонска књижевност (1945–1980). Београд, 1988. 251 с.

Ѓурчинов М. Збор во невремето. Скопје, 2003.

Ѓурчинов М. Од сегашен агол. Скопје, 2012

Ѓурчинов М. Залез на аксиолошкиот релативизам. Скопје, 2015.

Сведения об авторе:

Елизабета Шелева,
доктор по филологија
редовен професор
Филолошки факултет «Блаже Конески»
Универзитет «Св. Кирил и Методиј»

Elizabeth Sheleva,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology “Blaže Konečki”
Ss. Cyril and Methodius University of Skopje
selieva@gmail.com

Д. Ристески (Скопје, Македонија)

**Милан Ѓурчинов како професор, афирматор
и истражувач на руската литература во Македонија**

D. Risteski (Skopje, Macedonia)

**Milan Ćurčinov as a Professor, Popularizer and a Researcher
of Russian Literature in Macedonia**

Д. Ристески (Скопје, Македонија)

**Професор Милан Ѓурчинов – преподавател, популяризатор
и истражувач на руската литература во Македонија**

Бидејќи оваа година се навршуваат 90 години од раѓањето на академик Милан Ѓурчинов и скоро половина век од моето познанство со него, во овој текст јас ќе се обидам во свое име, како и од името на повеќе генерации негови студенти, а истовремено и како еден од колегите кои ја имаа таа чест да ги продолжи дел од курсевите по руска литература што ги слушаа студентите на Катедрата за славистика при Филолошкиот факултет “Блаже Конески” во Скопје, да кажам нешто повеќе за него и како професор, но и како афирматор и истражувач на руската литература во Македонија.

Професорот Ѓурчинов јас го запознав во 1968 година, односно неколку години по неговиот избор за доцент по руска литература на Катедрата за славистика при тогашниот Филозофски факултет, иако уште од моите гимназиски денови, сосем случајно, ја имав при рака неговата прва книга “Време и израз” (1956), во која тој ги објавува првите критики за македонската и руската книжевност. Како тогашен студент на трета и четврта година, кај него ги слушав предавањата и вежбите по руска литература од 19-ти и 20-ти век. И веднаш сакам посебно да нагласам дека беше вистинско задоволство да се следат тие курсеви, бидејќи професорот Ѓурчинов нив ги имаше така конципирано, што излегуваа од секакви идеолошки и било какви други клишеа. Тие предавања се базираа исклучиво на најзначајните појави и процеси, на автори и дела од руската книжевност. Токму затоа неговите предавања и вежби ние како студенти ги следевме со огромно внимание, а кај некои од нас, особено кај мене се вроди зголемен интерес и љубов за пошироко и попродабочено изучување на руската литература. Тогаш ние како студенти ја имавме таа можност поопстојно да се запознаеме со творештвото на

нему омилените Достоевски и Чехов, а за првпат да слушнеме нешто повеќе за Александар Блок и рускиот симболизам, за акмеизмот и неговите најзначајни претставници, за футуризмот со Владимир Мајаковски и Велимир Хлебников како негови најистакнати претставници. Кога станува збор за мојот професор по руска книжевност, не можам, а да не ја нагласам неговата постојана заложба да ги запознава студентите дури и со најсовремените автори и нивни дела кои тогаш не влегуваа во официјално усвоената програма по тие предмети. Кај нас како студенти посебен интерес привлекуваа неговите семинарски вежби затоа што тие беа вистинска книжевна работилница. Така на пример, токму јас бев еден од првите студенти кои изработи семинарска работа за расказот “Еден ден на Иван Денисович” од Александар Солженицин и за која се дебатираше на еден семинарски час по руска литература 20 век.

Професорот Милан Ѓурчинов, како доцент, вонреден и редовен професор работеше на Катедрата за славистика повеќе од 20 години и на која од 1965–1971 година беше нејзин Шеф. Освен тоа тој беше и ментор на многу докторски и магистерски дисертации од областа на руската книжевност во нашата земја и во странство. Токму на негов предлог, по завршувањето на моите студии, во 1972 година, бев избран за негов асистент по руска литература. Така, со тек на време и по неговото пензионирање, јас станав еден од неговите наследници, продолжувајќи да работам на истата Катедра како вонреден и редовен професор по руска литература.

Осврнувајќи се на изминатиот 90-годишен животен и творечки пат на академик Милан Ѓурчинов, ќе забележиме дека тој, меѓу другото, е исполнет со мошне интензивно следење, истражување и толкување на руската книжевност. Таа, не само што ја разбудила неговата голема љубов кон литературата, туку извршила и големо влијание врз неговото обликување како човек и научник и затоа воопшто не е случајно тоа што руската книжевност од најрани години, па се’ до денес, кај него има доминантно место не само како читател, туку и како нејзин афирматор, истражувач и толкувач.

Првите контакти на Милан Ѓурчинов со руската книжевност започнуваат на 14–15 годишна возраст, односно во годините на окупацијата, кога тој скришно го чита “Нолитовото” издание на романот “Мајка” од Максим Горки. Покрај Горки, Ѓурчинов многу рано почнал да го чита Чехов, а под влијание на Ацо Караманов, негов најсакан писател станува Фјодор Михајлович Достоевски.

Руските писатели, не само белетристи, туку и теоретичари, критичари, филозофи и публицисти, играат мошне видна улога во илегалната и полуилегалната лектира што ја совладува Ѓурчинов во раните гимназиски денови, за време на окупацијата и Народноослободителната војна. По ослободувањето, кога во гимназијата го изучува и рускиот јазик и кога во Скопје ги посетува библиотеките од семејствата на некои руски емигранти, уште повеќе зајакнува неговиот контакт со руската литература. Тогаш продолжува со неговите, како што самиот ги нарекува, “ненаситни читања на Достоевски, Толстој и Чехов, оспособувајќи се доста брзо да ги читам во оригинал големите руски класици”¹. По завршувањето на гимназијата, Ѓурчинов студира и завршува славистика во Белград кај професорите Радован Лалиќ и Кирил Тарановски, едни од големите имиња во славистиката.

¹ Поопширно за ова види во книгата на Ѓурчинов “Освојување на реалноста”, Зумпрес, Скопје, 2000, стр. 91–92.

По дипломирањето на Филозофскиот факултет во Белград, Ѓурчинов се враќа во Скопје и во 1953 година, во списанието “Млада литература”, го објавува првиот труд за Достоевски во Македонија.

Професорот Ѓурчинов своите научни специјализации ги обавува на Филозофскиот факултет во Љубљана кај професорот Антон Оцвирк, а подоцна во Белград кај професор Војислав Ѓуриќ кој станува и негов ментор на докторската дисертација за творештвото на А.П. Чехов. Во 1957 година заминува во Москва каде ја подготвува дисертацијата под раководство на професорот Генadiј Поспелов. Во 1960 година на Филозофскиот факултет при Универзитетот “Кирил и Методиј” во Скопје ја одбранува тезата “Пресвртните години во животот и творештвото на А.П. Чехов”.

По заминувањето на Серафима Мадатова-Пољанец во 1961 година, на Катедрата за славистика за професор по руска литература 19 и 20 век доаѓа Милан Ѓурчинов. Откако тогаш е избран за доцент, тој ја продолжува универзитетската кариера како вонреден и редовен професор на истата катедра се’ до 1980 година, кога ја формира и се префрлува да работи на групата за Општа и компаративна книжевност на Филолошкиот факултет во Скопје.

Од 1951 година, кога го пишува својот прв позначаен труд за романот “Нечисти сили” од Ф.М. Достоевски, па сè до денес, академик Милан Ѓурчинов има објавено околу 150 библиографски единици за мошне значајни автори и појави во руската литература. Од нив 15 се посебни книги на огледи, студии и избори о творештвото на неколкумина врвни руски автори, а пак во неколку негови други книги од областа на критиката и компаративистиката, какви што се на пример, “Компаративни студии” (1998), “Облик и смисла” (2000), “Од сегашен агол” (2012), “Залез на аксиолошкиот релативизам” (2015) има посебни поглавја или одделни огледи и статии за руската книжевност.

Како што веќе спомнав, еден од најомилените руски автори на Ѓурчинов од најраните години му е **Ф.М. Достоевски**. Откако во средината на 1953 година, во списанието “Млада литература”, го објавува својот прв оглед “Како настанал романот ‘Демони’ ”, тој има најмногу пишувано за овој истакнат руски автор на 19 век и слободно може да се рече дека е еден од неговите најголеми афирматори во нашата книжевна и културна средина, па и пошироко. Ѓурчинов за Достоевски, особено за романот “Бедни луѓе” и за раната фаза од неговиот творечки развој, со свои трудови учествува на повеќе меѓународни научни собири.

Покрај Достоевски, еден од нему блиските руски писатели на 19 век, со кој Ѓурчинов најмногу духовно и творечки општи и за чија афирмација, исто така има голема заслуга, е **А.П. Чехов**. И нему тој ќе му посвети бројни прилози во кои ги расветлува специфичностите на овој голем мајстор на краткиот расказ, на неговото драмско творештво и на неговата поетика.

Значаен е придонесот на Милан Ѓурчинов во проучувањето и афирмацијата на уште едно значајно име од руската литература на 19 век – **А.С. Пушкин**. За него тој во 60-те години ќе ја приреди книгата “Одбрани творби” кон која го пишува мошне инспиративниот предговор и белешки преку кои македонскиот читател имаше можност да добие пошироки сознанија за животот и делото на овој голем руски поет.

Од почетокот на 60-те години професорот Ѓурчинов отвора едно ново поглавје во своите проучувања на руската литература. Тоа е проблематиката на **руската книжевна авангарда** од првите децении на XX век, **на чело со Борис Пастернак** како една од нејзините стожерни личности. За ова свртување од пресудна важност

беше неговиот десетмесечен престој во Париз 1961/62 година. Оттогаш, всушност, започна неговото дружење со Пастернак и неговото приопштување во наши македонски услови, како и проучувањето на мошне сложената поетика на големиот руски поет, кое подоцна ќе му донесе бројни признанија на нашиот професор како еден од најдобрите познавачи на Пастернак во Европа и во светот.

Од кругот на руската авангарда, а во тесна врска со Пастернак, значаен е влогот на Ѓурчинов во приопштувањето на **Марина Цветаева**. За неа тој ќе напише повеќе статии и една мошне ретка книга “Марина Цветаева: Писма до Борис Пастернак”, објавена двојазично на руски и македонски јазик во превод на Тања Урошевиќ во 1974 година во негов избор, предговор и коментари.

Освен за Пастернак и Цветаева, Ѓурчинов пишува и за повеќемина други автори од руската литература на XX век, какви што се Александар Блок, Андреј Платонов, Борис Пилњак, Сергеј Есенин, Михаил Шолохов, Андреј Вознесенски и други. За некои од нив тој ќе биде приредувач или автор на предговори на македонски изданија на нивните дела.

Во досегашната мошне импресивна научно-истражувачка дејност на академик Милан Ѓурчинов значајно место зазема и неговиот контакт со руската книжевна критика и теорија, огласувајќи се со свои написи за многумина истакнати руски теоретичари и критичари од **В.Г. Белински, Г. Плеханов и А. Воронски до Р. Јакобсон, Ј. Тињанов, В. Шкловски, Д.С. Мирски, Михаил Бахтин и други видни имиња на руската книжевна наука од XX век**. Така на пример, Ѓурчинов во 70-те години од минатиот век е еден од првите истражувачи во Македонија кој се појавува со посебен текст за една од најмаркантните фигури на руската формална школа – Виктор Борисович Шкловски. Со него тој има остварено и неколку лични средби во Торчело (Италија) и кај нас за време на неговиот престој на Струшките вечери на поезијата во 1972 година.

Професорот Милан Ѓурчинов во 80-те години го пишува својот труд “Обнова на вредносната критика”, објавен во списанието “Разглед”, во којшто прв во Македонија пишува за кај нас сосема непознатиот руски критичар Дмитриј Свјатополк Мирски, можеби еден од најдобрите руски критичари-емигранти, кој предавал руска литература на универзитетот во Лондон и кој е автор на прочуената “Историја на руската литература”, напишана на англиски јазик. За неа Ѓурчинов дава мошне позитивна оценка и, веројатно, таа и нејзиниот автор му послужиле како пример и патоказ во работата врз неговата книга “Нова македонска книжевност” (1996).

Од 80-те години вниманието на Ѓурчинов најмногу е свртено кон еден од водечките книжевни мислители на XX век – **Михаил Бахтин**. Слободно може да се рече дека академик Ѓурчинов има најголема заслуга за неговото проучување и афирмација во Македонија. На ваквата констатација упатува и колешката Елизабета Шелева која, пишувајќи за присуството на овој истакнат руски теоретичар и критичар во Македонија, посебно нагласува дека токму Ѓурчинов за првпат кај нас го воведува и говори за Бахтин, правејќи при тоа опстојна анализа на сите негови текстови за ова светско име на книжевната теорија¹. Овде би сакал да додадам и тоа дека професор Ѓурчинов има одржано десет предавања за Михаил Бахтин на постдипломските студии – насока книжевност на Филолошкиот факултет “Блаже Конески” во Скопје. Инаку, кога веќе станува збор за Михаил Бахтин, сакам да нагласам дека токму него нашиот критичар во кусите белешки кон своја-

¹ Поопширно за ова види во трудот на Е. Шелева “Бахтин во Македонија”, објавен во зборникот “Македонско-руски јазични, литературни и културни врски”, Скопје, 1998, стр. 473–483.

та книга “Компаративни студии” го спомнува како еден од неколкуте теоретичари за кои, како што самиот признава, му биле драгоцен патоказ и морална поткрепа во создавањето и обликувањето на неговите компаративистички студии. Освен тоа, контактот со творештвотот на Михаил Бахтин во извесна мера повлијаело врз нашиот истакнат научник да се определи за книжевната историја.

Поттикнат од погледите на големиот руски теоретичар и критичар, Ѓурчинов во 1995 година ќе ја напише статијата “Категоријата ‘културен идентитет’ во светлината на современата теорија и компаративна наука” која ја презентирал на првиот научен собир, одржан во МАНУ по повод отпочнувањето на проектот “Културата во Македонија”. Цитирајќи го, и очигледно, прифаќајќи го ставот на Бахтин според кој “книжевното дело се разоткрива пред се’ во диференцираното единство со културата од епохата во која е создадено, но тоа не треба да се затвора во својата епоха: неговата целосна смисла и вредност се разоткриваат дури во *големото време*”, под што тој подразбира време во кое влегуваат повеќе епохи и култури, Ѓурчинов на новата компаративна парадигма гледа како на еден отворен историски, културолошки и уметнички простор во кој “другоста”, “дијалогот”, “вненаходимоста” (го користи оригиналниот термин на Бахтин) се појавуваат како неопходни корективи на категоријата “културен идентитет”¹.

На крај сакам да додадам и тоа дека академик Милан Ѓурчинов, инспириран од погледите на М. Бахтин и од теоријата на интертекстуалноста, како една од најновите парадигми на компаративистичката наука, во последниот период од неговиот научен и творечки развој, како на другите, така и на руската книжевност многу повеќе и’ приоѓа и ја истражува од компаративистички начин. Но, кога се во прашање врските на М. Ѓурчинов, не само со руската теорија и критика, туку воопшто со руската и светската литература, тој и понатаму со внимание ги следи најновите појави, процеси и тенденции, така што сум длабоко убеден дека тој има уште доста многу да каже и да ја збогати нашата книжевно-историска, книжевно-критичка и теоретско-естетска мисла. Нека биде потврда за тоа и погореспомнатата негова најнова книга “Залез на аксиолошкиот релативизам” (2015) во чиј трет дел и со три студии тој се навраќа на малку подзаборавениот Л.Д. Троцки и неговата книга “Книжевност и револуција” (Москва, 1923), која беше забранета и долго време премолчувана.

Сведения об авторе:

Димитриј Ристески,
доктор
профессор
работи на Филолошкиот факултет во Скопје

Димитрий Ристеский,
доктор
профессор
работал на филологическом факультете
Университета в Скопье

Dimitrij Risteski,
Doctor
Professor
worked at the Faculty of Philology of the
University of Skopje

¹ Поопширно за ова види во книгата: М. Ѓурчинов, Компаративни студии, 1998, МАНУ, Скопје, стр. 48.

Библиографија на акад. д-р Милан Ѓурчинов**Bibliography of Academic Doctor Milan Ćurčinov****ОДДЕЛНИ КНИГИ****А. КНИЖЕВНИ КРИТИКИ, ОГЛЕДИ, СТУДИИ, МОНОГРАФИИ**

- Време и израз: критики и огледи*, Скопје, Култура, 1956, 177 стр.
- Присутности: книжевни критики и огледи*, Скопје, Култура, 1963, 200 стр.
- Македонски писатели*, Скопје, Мисла, 1969, 128 стр.
- Определувања: огледи – обраќања – поводи – присутности*, Скопје, Култура, 1969, 216 стр.
- Живо и мртво*, Скопје, Мисла, 1974, 237 стр.
- Критички сведоштва за новата македонска литература (1953–1973)*, Скопје, Култура, 1976, 343 стр.
- Огледи и критике*, Београд, Народна књига, 1978, 277 стр.
- Problemi vrednovanja kulturnog stvaralaštva*, Beograd, Komunist, 1979, 113 str.
- Moderna tumačenja književnosti*, Sarajevo, Svjetlost, 1981. (во коавторство со: N. Koljević, N. Kovač, T. Kulenović, Z. Lešić, N. Petković), 332 str.
- Достоевски: (три огледи)*, Скопје, Култура, 1981, 194 стр.
- У ширем кругу: (студије и лектури)*, Сарајево, “Веселин Маслеша”, 1982, 290 стр.
- Современа македонска книжевност*, Скопје, Мисла, 1983, 502 стр.
- Проникнувања. Прилог на југословенското книжевно заедништво*, Скопје, Наша книга, 1986, 244 стр.
- Македонско странски книжевни и културни врски*, Скопје, Филолошки факултет – Институт за литература, 1986 (ракопис), 132 стр.
- Б.Л. Пастернак: (студии и материјали)*, Скопје, Култура, 1987, 170 стр.
- Марксизам, творештво, вредности: книжевното во светлината на марксизмот*, Скопје, Комунист, 1988, 370 стр.
- Nova makedonska književnost: (1945–1980)*, Beograd, Nolit, 1988, 251 str.
- Прожимања: могуќности компаративног проучавања наше књижевности: [есеји]*, Минерва, Суботица, 1990, 230 стр.
- Пред прагот на иднината*, Скопје, Македонска книга, 1991, 312 стр.
- Заговорници на човечноста: (огледи за руските писатели)*, Скопје, Култура, 1992, 271 стр.
- Нова македонска книжевност (1945–1980)*, Скопје, Студентски збор, 1996, 532 стр.
- Компаративни студии*, Скопје, МАНУ, 1998, 334 стр.
- Освојување на реалноста: интелектуална автобиографија*, Скопје, Зумпрес, 2000, 486 стр.
- Облик и смисла: критики и огледи: (1990–2000)*, Скопје, МАНУ, 2000, 371 стр.
- Etude de synthèse: (tomes I–IV)*, (заедно со Борис Петковски), Скопје, МАНУ, 2002, 95 р.
- Збор во невремето: сведоштва – реагирања – одговори*, Скопје, Три, 2003, 265 стр.
- Хармонија во хаосот: руска книжевна класика и модерна*, Скопје, Култура, 2004, 332 стр.

Младиот Чехов: преломните години во животот и во творештвото на А.П. Чехов, Скопје, МАНУ, 2004, 198 стр.

Освајање реалности: интелектуална аутобиографија, Смедерево, Арка, 2006, 413 стр.

Време и израз; Присутности: книжевни критики: (1953–1963), Скопје, Матица македонска, 2008, 342 стр., (Избрани дела; 1)

Определувања; Живо и мртво: книжевни критики и огледи: (1964–1974), Скопје, Матица македонска, 2008, 443 стр., (Избрани дела; 2)

Пред прагот на иднината: (1974–1990). Скопје, Матица македонска, 2008, 367 стр., (Избрани дела; 3)

Облик и смисла: (1990–2000), Скопје, Матица македонска, 2008, 333 стр., (Избрани дела; 4)

Освојување на реалноста: интелектуална автобиографија, Скопје, Матица македонска, 2008, 421 стр., (Избрани дела; 5)

Проникнувања, Компаративни студии, Скопје, Матица македонска, 2008, 545 стр., (Избрани дела; 6).

Нова македонска книжевност: (1945–1980), Скопје, Матица македонска, 2008, 268 стр., (Избрани дела; 7)

А.П. Чехов, Скопје, Матица македонска, 2008, 341 стр., (Избрани дела; 8)

Достоевски, Скопје, Матица македонска, 2008, 282 стр., (Избрани дела; 9)

Б.Л. Пастернак: студии и материјали; Хармонија во хаосот: руска книжевна класика и модерна, Скопје, Матица македонска, 2008, 348 стр., (Избрани дела; 10)

По трагите на смислата и убавината: критики и огледи, Битола, Микена, 2008, 321 стр., (Македонска книжевност; 103)

Опделења Милана Ђурчинова / Милош Јевтић, Београд, Београдска књига, 2011, 172 стр., (Колекција Одговори; књ. 185) (разговори со Милан Ђурчинов)

Following the Trail of Meaning and Beauty / Translation from Macedonian Perica Sardzovski, [Skopje, St. Clement of Ohrid, National and University Library, 2011], 273 p., (Translation Project Macedonian Literature in English: 103)

Од сегашен агол : критички размисли: (2000–2010), Скопје, МАНУ, 2012, 347 стр.

Annette: заедно: (1954–2014), Скопје, Магор, 2015, 144 стр.

Залез на аксиолошкиот релативизам: (кон нови критички хоризонти), Скопје, Македонска академија на науките и уметностите, 2015, 223 стр.

Б. РЕДАКЦИИ НА ИЗБРАНИ ДЕЛА, АНТОЛОГИИ И ДРУГИ ИЗДАНИЈА, ПРЕДГОВОРИ И ПОГОВОРИ

За литературата / А.П. Чехов; [избор, предговор и коментари Милан Ђурчинов], Скопје, Култура, 1961, 400 стр. – Предговор: *А.П. Чехов: предговор*, 5–43 (писмата на А.П. Чехов за литературата)

Antologija savremene makedonske poezije i proze / poeziju sastavio Aleksandar Spasov; prozu sastavili Milan Đurčinov i Dimitar Solev, Beograd, Nolit, 1961, 317 str.

Избор / Антон Павлович Чехов; приредил Милан Ђурчинов; [превеле Д. Солев и др.], Скопје, “Кочо Рацин”, 1962, 637 стр., (Светски класици)

Александар Сергеевич Пушкин / приредил Милан Ђурчинов, Скопје, Кочо Рацин, 1963, 123 стр., (Школска библиотека)

Димитар Солев: Крај пролећа. Крај пролећа / Димитар Солев, Нови Сад, Прогрес, 1962, (Мала књига. коло 5 ; 48), 119–120.

- Борис Пастернак: поезија* / избор и поговор Милан Ѓурчинов, Скопје, Култура, 1964
- Избор* / Владо Малески; изборот го изврши Милан Ѓурчинов, Скопје, Кочо Рацин, 1966, 212 стр., (Македонски писатели). – Предговор, 5–15
- Narratori macedoni: testi e autori scelti da Milan Gjurčinov* / traduzione e note di Giacomo Scotti. Siena, Casa editrice, Маја, 1967, 264 p.
- Роман за селскиот праведник Змејко. Белата долина* / Симон Дракул, Скопје, Македонска книга, 1969, 251–253.
- Bugarska поезија XX века* / priredio Milan Đurčinov, Beograd, Nolit, 1969, 257 str.
- Антологија македонске поезије* / саставио и предговор Милан Ѓурчинов, Београд, Просвета, 1969, 324 стр.
- Избрани романи од Ф.М. Достоевски во 20 тома* / редакција и предговор кон првиот том Милан Ѓурчинов, Скопје, Мисла, 1971.
- Makedon hikayleri antolojisi* / hazirlayan Milan Gurčinov; turk. N. Zekeriya, Istanbul, Tekin yayın, 1972, 119 s.
- La poésie macédonienne: anthologie des origines à nos jours* / introduction, choix et notices par Milan Djurčinov, Paris, Les éditeurs français reunis, 1972, 238 p.
- Писма до Борис Пастернак = Писма к Борису Пастернаку* / Марина Цветаева; избор, предговор и коментари Милан Ѓурчинов. Скопје, Мисла, 1973, 139 стр.
- Песни и раскази од современи македонски писатели* / избор и белешки за поезијата С. Мицковиќ; избор, белешки и предговор за прозата Милан Ѓурчинов, Скопје, Култура, 1973, 245 стр.
- Soleil noir: la poésie macédonienne d'aujourd'hui* / preface de Jean Rousselot; choix et introduction de Milan Djurčinov, Paris, Publicationis orientalistes de France, 1977, 48 p.
- Macédoine, littératures et arts.* Paris / izbor i redakcija: Milan Đurčinov, B. Ivanov, V. Urošević, Europe, avril 1978, 150 p.
- Сон за водата и слободата: (Живко Чинго и неговиот роман “Големата вода”)*. Големата вода / Живко Чинго, Скопје, Култура, Македонска книга, 1980, 163–170.
- Роман на егзистенцијални пораки. Разбој* / Владо Малески, Скопје, Македонска книга, Култура, 1980, 489–496.
- “*La Battana*”. Numero speciale: *Macedonia* / a cura di Milan Djurčinov, C. Stanoevski, Eros Sequi, Fiume, 5, 1981.
- Романите на Павловски: Миладин од Кина; Дува; Вест Ауст* / Петар Т. Бошковски, Милан Ѓурчинов, Гане Тодоровски. Дува / Божин Павловски, 5. изд., Скопје, Мисла, 1981, [1–13].
- Jugoslavensko pjesništvo NOB i revolucije. Tom Slovenija – Makedonija* / priredio P. Matvejević; izbor Milan Đurčinov, Zagreb, Spektar, 1983.
- Книжевната наука во светот: прилози од колоквиумот на меѓународната асоцијација за компаративна книжевност, Охрид 20–25 август 1981* / приредиле Милан Ѓурчинов, Л. Тодорова, Скопје, Филолошки факултет – Универзитет “Кирил и Методиј”, 1984, 174 стр.
- Разбој* / Владо Малески; приредил Милан Ѓурчинов, Скопје, Мисла, 1986, [7], 540 стр., (Матица македонска ; кн. 13). – Предговор: “*Разбој*” роман на егзистенцијални пораки, 1–7.
- Радован Павловски: избрани дела во 3 тома* / избор, редакција и предговор Милан Ѓурчинов, Скопје, Наша книга, 1986, 385 стр., 340 стр., 403 стр.
- Anthologie de la poésie macédonienne* / édition établie par Jacques Gaucheron; preface, notices et choix des poèmes par Milan Gjurčinov, Paris, Editions Messidor, 1988, 187 p.

Антологија на македонската поезија, Битола, “Мисирков”, 1989, 189 стр. – Предговор: *Песната како молитва и како огледало на душата*, 5–20.

Милан Кундера и неговото видување на романот. Уметноста на романот / Милан Кундера, Скопје, Култура, 1990, 147–150.

Сребрени сонети: Ацо Караманов / приредил: Милан Ѓурчинов, Скопје, “Тригор Прличев”, 1994, 378 стр.

Македонската литература и уметност во контекстот на поетиката на социјалниот реализам. Том 1, Скопје, МАНУ, 1995, 378 стр.

Странските влијанија во македонската литература и култура во 50-те и 60-те години. Том 2, Скопје, МАНУ, 1996, 323 стр.

Додека светот суштината своја ја губи. Завевање / Матеја Матевски, Скопје, ЗУМ-ПРЕС, 1996, 5–22.

Македонската литература и култура во контекстот на медитеранската културна сфера. Том 3, Скопје, МАНУ, 1998, 443 стр.

Фолклорните импулси во македонската литература и уметност во XX век. Том 4, Скопје, МАНУ, 1999, 451 стр.

Епохата на модернизмот во македонската литература и уметност: критичко-есеистички текстови на Димитар Солев, Скопје, МАНУ, 2002, 354 стр.

Поети од Македонија / приредиле Милан Ѓурчинов, Р. Шабани, Ф. Али = *Poetë nga Maqedonia* / përpilues Milan Gjurçinov, R. Shabani, F. Ali = *Makedonya sairleri* / hazırlayanlar Milan Gurçinov, R.

Şabaný, F. Alý, Скопје, Ми-Ан, 2002, 287 стр. – Предговор: *Поети од Македонија = Poetë nga Maqedonia = Makedonya şairleri*, 13–23.

Културниот плурализам како предмет на компаративните истражувања: кон македонското издание на студијата “Рајко Жинзифов” од Иван Доровски. Воздејството на руската и украинската книжевност врз творештвото на Рајко Жинзифов / Иван Доровски, Скопје, МАНУ, 2003, 5–9.

Големата песна на Ацо Караманов: (1927–1944), Скопје, МАНУ, 2006, 498 стр.

Иновации и дострели на неоавангардата: (за поетскиот профил на Трајче Кацаров). Волнодумци: (избор) / Трајче Кацаров, Скопје, Македонска реч, 2006, 7–12.

Она што беше небо / Владо Малески; избор и предговор Милан Ѓурчинов, Битола, Микена, 2008, (*Македонска книжевност*; 11), 5–20. – Предговор: *Трагања по коренот и по смислата на продолжувањето*, 5–20.

Пути и свершения: зарождение и развитие македонского рассказа. Рассказы македонских писателей / составление и перевод с македонского О. Панькиной, Москва, Оксѐм, 2009, (Библиотека *Литературы Македони*), 6–22.

Поезија: книга прва / Блаже Конески; приредил Милан Ѓурчинов, Скопје, МАНУ, 2011, 436 стр., (Критичко издание на Целокупните дела на Блаже Конески; т. 1)

Поезија: книга втора / Блаже Конески; приредил Милан Ѓурчинов, Скопје, МАНУ, 2011, 443 стр., (Критичко издание на Целокупните дела на Блаже Конески; т. 2)

Searching for the Root and Essence of Continuation. Remnants of a Sky / Vlado Maleski; Translation from Macedonian Kalina Maleska-Gegaj, Skopje: St. Clement of Ohrid, National and University Library, 2011, 7–18, (Translation Project *Macedonian Literature in English*; 11)

The Writer's World of Zoran Kovachevski. Aristotle from Resen / Zoran Kovachevski; Translation from Macedonian Zorica Petkovska, Skopje, St. Clement of Ohrid, National and University Library, 2011, 7–3, (Translation Project *Macedonian Literature in English*; 57)

Препевы / Блаже Конески; приредувач акад. Милан Ѓурчинов, Скопје, МАНУ, 2013, 344 стр., (Критичко издание на *Целокупните дела* на Блаже Конески; том 3)

Мисли и тревоги гордого одиночки: (Блажей Конескиј 1921–1993). Послание: стихи / Блаже Конескиј; превод с макед. О. Панькиной, Москва, “У Никитских ворот”, 2013, 9–21.

Свет и тени новой литературной реальности. Иностранная литература (Москва), 3 (2013), 154–182 (предговор кон поглавјето: *Раскази македонских писателј* / составление и перевод с макед. О. Панькиной)

Сестран и неуморен истражувач на вистината: (поговор). Раскази: (избор) / А.П. Чехов; [превод од руски јазик П. Попов], Скопје, Три, Арс Ламина – публикации, 2013, (*Свезди на светската книжевност*; 180), [273]–280.

Проза / Блаже Конески; приред. К. Ќулавкова; сораб. К. Димовска и др., Скопје, МАНУ, 2014, 364 стр., (Критичко издание на *Целокупните дела* на Блаже Конески / Милан Ѓурчинов; т. 4)

Модернизъм в българската и македонската литература: сходства и различия / редактори Милан Ѓурчинов, Александър Ѓорданов = *Модернизам во бугарската и македонската литература* / приредиле Милан Ѓурчинов, Александар Јорданов, София, Институт за литература при БАН; Скопје, МАНУ, 2015, 320 стр. – Предговор: *Уводни думи* / Милан Ѓурчинов, А. Ѓорданов = *Воведен збор* / Милан Ѓурчинов, А. Јорданов, 7–10.

ПРИЛОЗИ ВО ПЕРИОДИКАТА

Povodom novih izdanja makedonske proze. Naša reč (Beograd), 1951, II, 2, 88–92.

Како настанал романот “Демони”: прилог кон мислењето за потеклото на антиинихилистичкиот роман на Ф.М. Достоевски. Млада литература, 1953, III, 6, 41–48.

Коле Чашуле: “Раскази”. Современост, 1954, IV, 3, 201–206.

Достоевски. Стремеж, 1954, I, 2, 28–31.

Просторот на една мисла. (Достоевски). Млада Литература, 1955, V, 10, 62–71.

За ликот на Ставругин: (одломки од студија). Разгледи, 24.VII.1955, II, 15(41), 5.

Блаже Конески: “Лозје”. Нин, 10.VII.1955, V, 236.

Kvadratura mladosti. Omladinska riječ (Sarajevo), 26.XI.1955, XII, 502–503.

Една книжевна пасквила: (Тургенев и Достоевски). Разгледи, 15.I.1956, III, 2(54), 4.

Смислата на едно враќање: (Чехов: “Три сестри” и “Художествениците”). Разгледи, 1.VII.1956, III, 14(66), 1–2.

Чехов: “Три сестри”. Разгледи, 15.VII.1956, III, 15 (67), 1–5.

Ацо Шопов: “Слеј се со тишината”. Нин, 25.III.1956, VI, 273.

Оплеменета едноставност: (Гане Тодоровски: “Спокоен чекор”). Разгледи, 10.III.1957, IV, 6(84), 7.

Чехов “Галеб” (I): (белешки). Разгледи, 5.V.1957, IV, 10(88), 3.

Slavko Janovski: “Dve Marije”. Delo, 1957, III, knj. IV, sv. I, 5, 933–935.

За писателите и поротниците: (Антон Чехов). Разгледи, 16.II.1958, V, 4(104), 10–11.

А.П. Чехов и Д.В. Григорович (I). Разгледи, 20.IV.1958, V, 8(108), 1–3.

Радосни тренутак македонске књижевности: (Димитар Солев: “Под усвитеност”). Нин, 13.VII.1958, VIII, 393.

Једанаест белина са црвеним: (Владо Малески: “Она што беше небо”). Нин, 11.I.1959, IX, 419.

Книжевните погледи на А.П. Чехов во периодот на пресвртните години. Разгледи, 1959, 1, серија трета, 10, 1187–1203.

Писмата на А.П. Чехов за литературата (I). Разгледи, 1960, III, серија трета, 4, 350–359; (II). Разгледи, 1960, III, серија трета, 5, 483–491; (III). Разгледи, 1960, III, серија трета, 6, 568–578

А.П. Чехов и А.С. Суворин. Трудови, Скопје, 1961, 1, 1–2, 63–72.

За антологијата на модерната руска поезија. Нова Македонија, 19.XI.1961.

Квантумот на преведените југословенски писатели на македонски јазик е под секое ниво. Културен живот, 1962, VII, 5, 6–7.

Василиј Аксјонов и неговиот прв роман. Вечер, 21.XII.1963.

Пастернак: поетската посебност на Борис Пастернак. Разгледи, 1963, V, Серија трета, 10, 870–882.

Ленинградски дијалози. Вечер, 11.I.1964.

Непрекидни разговор са животом: (о лирском и рефлексивном у поезији Матеје Матевског). Борба, 23.II.1964, XXIX, 52.

Записи о Пастернаку. Борба, 13.XII.1964.

Животот има предност или една современа варијанта на антидогматизмот: (оглед за книжевното творештво на Василиј Аксјонов). Време е пријателе / Василиј Аксјонов. Скопје, Кочо Рацин, 1965.

Ние пред светот: (Аџо Шопов на руски јазик). Вечер, 13.I.1965.

Дилемите на писателот пред социјалистичката стварност. Современост, 1965, 4.

Една антологија, една храброст, една надеж: (по повод антологијата на македонската поезија од Џакомо Скоти на италијански јазик). Нова Македонија, 23.V.1965, XXI, 6680.

O sodobni makedonski poeziji. Prev. Slavko Jug. Dijalogi, 1965, 1, 10, 513–515.

Достоевски и “Злостор и казна”. Нова Македонија, 13.III.1966, XXII, 6970.

Буна, пораз и тага низ велеградските улици: Ф.М. Достоевски и неговиот роман “Злостор и казна”. Злочин и казна / Ф.М. Достоевски. Скопје, Кочо Рацин, 1966.

Попладне кај Пастернакови. Нова Македонија, 29.I.1967, XXIII, 7286.

Рускиот писател и Октомвриската револуција (I). Нова Македонија, 5.XI.1967, XXIII, 7568; и (II) од 12.XI.1967, XXIII, 7575.

Svijet postaje cjelovitiji. Telegram, Zagreb, 13.X.1967, VIII, 389 (за положбата на писателот во современата македонска поезија).

Апотеоза на човековиот живот. (Максим Горки 1868–1968). Нова Македонија, 31.III.1968, XXIV, 7711.

Proza contemporanea din macedonia. Lucaforul, 2.II.1968.

Некои размислувања за современата македонска драма. Зборник на Петтите Рацинови средби. Титов Велес, 1969.

La poésie macédonienne d’aujourd’hui. Esprit, Paris, septembre, 1969.

Дилеме и раскришћа наше критичке мисли. Политика, 18.IV.1970, LXVII, 20308. Култура-уметност, XIV, 768.

Primo convegno italo-jugoslavo d’arte cinematografica. Laurana, 8–12.X. 1969; La battana, 1970, VII, 21, 3–8.

Пронајдени писмата на Марина Цветаева до Борис Пастернак: публикација на писмото од 9 март 1923 година. Нова Македонија, 28, 29 и 30.XI.1970, XXVI, 570.

Проблемите за кои проговори тој се уште отворени: (за Ф.М. Достоевски по повод 150 години од раѓањето и 90 години од смртта). Нова Македонија, 24.X.1971, XXVIII, 8893.

Пастернак и Мајаковски. Годишен зборник на Филозофскиот факултет. Скопје, 1970, 22, 421–445.

Едно непознато писмо до Борис Пастернак. Годишен зборник на Филозофскиот факултет. Скопје, 1971, 23, 435–440.

Блесокот на големата вода: (Живко Чинго: “Големата вода”). Нова Македонија, 6.II.1972, XXVIII, 8994.

За Достоевски: (меѓународен симпозиум во Венеција по повод 150 години од раѓањето). Нова Македонија, 23.IV.1972, XXVIII, 9071.

Разговор со Виктор Шкловски. Нова Македонија, 30.IV. и 1–2.V.1972, XXVIII, 9078.

A Poet of the Moderate Word / Transl. by Graham W. Reid. Macedonian Review, 1972, II, 2, 223–229.

Визионер на комунистичката нова уметност: (за Бертолд Брехт). Нова Македонија, 4.III.1973, XXIX, 9380.

Истражувања без предрасуди: (по повод книгата “Универзалне поруке руске књижевности” од д-р Драган Недељковиќ). Нова Македонија, 8.XII.1973.

Антиромантичарскиот пристап во поетиката на Б.Л. Пастернак. Реферати на македонските слависти на VII меѓународен славистички конгрес во Варшава, Скопје, 1973. (сепарат).

Два прилога за Б.Л. Пастернак. Годишен зборник на Филозофскиот факултет во Скопје, 1974, 26, 359–365.

Ленин и уметноста. Погледи, Скопје, 1974.

Социјалното постои само доколку отвора патишта на борба за човекот: социјалниот филм денес. Нова Македонија, 6.IV.1975, XXXI, 10130.

Еден од последните херои на романтизмот: по повод 80 години од раѓањето и 50 години од смртта на Сергеј Есенин. Нова Македонија, 28.XII.1975, XXXI, 10392.

Антиномия “романтизъм-реализъм” в поезије Б.Л. Пастернака. Славистички студии, 1976, 1, 1, 49–57.

Fest 76: Žena na filmu. Socijalizam, 1976, XIX, 3, 405–407.

Тумачење децјег света у приповеткама Иве Андрића. Зборник САНУ, Посебна издања, књ. 505, Одељење језика и књижевности, књ. XXX, Београд, 1977, 214–224.

Биноминалный рассказ Диптихон Владо Малеского как пример ускоренной эволюции новой македонской литературе, Zeitschrift für Slawistik. Leipzig, 1978, XXIII, 4.

Estetičko vizionarstvo i trajan uticaj jednog Krležinog predgovora. O Miroslavu Krleži i Augustu Cesarcu. Zagreb, 1978. XXII, 9, 2140–2148.

Sur la nouvelle poésie macédonienne. Europe, Paris, avril 1978, 73–81.

Б. Л. Пастернак и рускиот футуризам. Славистички студии, 1979, II, 2, 53–60.

Дали је могућ другачији сусрет? Филм, позориште, књижевност, 1979.

Послератни српски роман и развој романа у савременој македонској књижевности. Научни састанак слависта у Вукове дане, Београд, Нови Сад, Тршић, 13–18.XI 1977, Београд, 1979, 1, 13–122.

Тумачење децјег света у приповеткама Иве Андрића и Блаже Конеског. Зборник радова о Иви Андрићу, Београд, САНУ, 1979, 535–548.

Антиномия – романтизм-реализм в поэтике Пастернака: (Борис Пастернак 1890–1960). Colloque de Cerisy la Salle. Paris, 1980, 95–102.

Рацин и современная македонская поэзия. Действительность, искусство, традиции. Литературно-художественная критика в СФРЈ, Москва, Прогресс, 1980, 163–169.

Racin in naš pesnički čas. Sodobni jugoslovanski esej. Ljubljana, 1980, 71–87.

Секојдневно освојување на слободата: (in memoriam: Ж.П. Сартр). Нова Македонија, 20.IV.1980.

The Esthetic Vision and Lasting Influence of Krleža's Preface. The Bridge-Most, 1980, 56–58.

Актуелниот Достоевски: (по повод 100-годишнината од смртта). Нова Македонија, 20.XII.1981.

Nuove correnti poetiche. La Battana, Fiume, 1981, XVIII, 59.

Ljudske sudbine. Odjek, 1981, XXXIV, 23, од собирот НОВ и Револуцијата и литературното творештво.

Несналажења у освојању савремених смислова. Стремљења, 1981, XXII, 1, 165–171.

La lotta di liberazione e la letteratura. La Battana, Fiume, 1981, XVIII, 59, 41–46.

Stvaralaštvo B. L. Pasternaka i ruska književna avangarda. Umijetnost riječi. Zagreb, 1981, XXV, 391–409 (izvanredni svezak).

Тема рата и револуције у новој македонској књижевности. Мост, 1981, VIII, 37, 43–47.

L'évolution du roman dans la littérature macédonienne: genèse, développement, caractères typologiques. Proceedings of the IXth Congress of the International Comparative Literature Association, Innsbruck, 1982.

Сјај није у генитиву. Борба, 11.IX.1982.

Маркс и светската књижевност. Годишен зборник на Филозофскиот факултет. Скопје, 1983, 9(35), 259–268.

Новата македонска поезија во контекстот на југословенската књижевност. Реферати на македонските слависти на IX меѓународен славистички конгрес во Киев. Скопје, Македонски славистички комитет, 1983, 91–97.

Ghiusel: Un'immersione nell'esistenza. La Battana, Fiume, 1984, XXI, 74, 98–100 (за поезијата на Богомил Ѓузел).

Identifikim i gjithamshem me bashkë me bashkekohesinë. Jehona, 1984, XXII, 6, 12–15 (за А. Вознесенски).

La nouvelle littérature macédonienne: (de 1945 à nos jours). Revue des études slaves, 1984, LVI, 3, 447–453.

Нова македонска поезија у југословенском поетском контексту. Симпозијум о савременој југословенској поезији: Сарајево, 22 и 23.X.1983, Сарајево, Академија наука и умјетности БиХ, 1984, 31–36.

Траен порив кон неосвоеното. Поезија / А. Вознесенски, Скопје, Македонска книга, 1984, 13–24.

Ф.М. Достоевски и новата македонска књижевност. Зборник во чест на Блаже Конески, Скопје, Универзитет “Кирил и Методиј”, Филолошки факултет, 1984, 295–300.

1985

Надреализмот и револуцијата: (со Анка Ѓурчинова). Разгледи, 1985, 6, 584–600.

О своеобразију пастернаковског реализма в романе “Доктор Живаго”. Славистички студии, 1984–85, IV–V, 43–49.

1986

Evolutia romaniului in nova literatura macedoneana. Lumina, 1986, XL, 3.4, 48–64.

Нова македонска драма (1945–1980). Зборник радова о Српском народном позоришту (1861–1986), Нови Сад, 1986, 97–106.

О можностях и искушениях критики ценностей. Мост, 1986, 4, 58–61.

Рецепција Шолоховљевих дела у Македонији. Поетика стваралаштва Михаила Шолохова. Нови Сад, Филозофски факултет, 1986, 155–160.

1987

Вук и македонски писци 19 и 20 века. Зборник радова о Вуку Караџићу. Сарајево, Институт за језик и књижевност, 1987, 521–525.

Надреалистички импулси у новијој македонској поезији и везе са београдским надреалистичким књижевним кругом. 16. научни састанак слависта у Вукове дане: Београд, Нови Сад, Тршић, 10–14. IX. 1986: реферати и саопштења, Београд, МСЦ, 1987, 129–136.

Преминот од поетиката на социјалниот реализам кон модерните книжевни процеси во новата македонска и словенечка книжевност контакти, сличности, коинциденции, разлики. *Obdobje socialnega realizma v slovenskem jeziku, književnosti in kulturi*, T. 7, Ljubljana, Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 1987, 395–403.

Тема войны и революции в современной македонской литературе: война и память. Из опыта советской и югославской литератур, Москва, Наука, 1987, 67–7.

1988

La poésie comme la prière et miroir de l'âme: la nouvelle poésie macédonienne et ses expériences. Anthologie de la poésie macédonienne. Paris, Editions Messidor, 1988, 7–19.

Slavko Janevski. L'autre Europe, 1988, 17–19, 24, 3.

1989

Te jemi ajo qe jemi. Jehona, 1989, XXVII, 2–3, 100–106.

1990

K otázke “urychleného vyvinu” v novej macedonskej literature. Slavica Slovaca, 1989, 24, 2, 170–175.

La littérature macédonienne entre le relativisme historique et le pluralisme culturel. Os estudos literários: (entre) ciência e hermenêutica: Actas do I Congresso da APLC. Associação Portuguesa de Literatura Comparada, Lisabon, 1990, 171–176.

Le national, le multilinguistique et l'interlittéraire dans la pratique des écrivains macédoniennes du XXe siècle. Proceedings of the XII Congress of the International Comparative Literature Association, Munich, 1988. Vol. 4: Space and Boundaries, 237–242.

1991

Андрић и Чехов. Књижевност, 1991, 6, 607–612.

Кон прашањето на теориско-методолошките основи на историјата на литературата, Методолошка мисао у пресеку: садашњи тренутак науке о књижевности: зборник посвећен Зорану Константиновићу, Београд, Институт за књижевност и уметност, 1990, 355–367.

L'élimination de l'auteur. International Poetry Review, Struga, 1991, 1, 1, 53–56.

1992

Доближувањето до Европа – фиктивна дилема. Нова Македонија = Лик, 18.III.1992, VI, 162.

Загрозената убавина: може ли и што Достоевски сè уште да му каже на човештвото. Нова Македонија = Лик, 8.VII.1992, VI, 178.

1993

L'oral et l'écrit dans la pratique littéraire des écrivains macédoniens. Прилози МАНУ, Одделение за лингвистика и литературна наука, XVI, 2 (1991), 83–90.

Macedonska literatúra v kontexte jznoslovanského a balkánskeho medziliterárneho spoločensva. Osobitne medziliterárne spoločensva – 5, Bratislava, Slovenská akadémia vied. Ústav svetovej literatúry, 1993, 147–158.

Михаил Бахтин и корените на интертекстуалноста. Современост, 1993, XII, 1–2, 93–100.

Pasternak et Maiakovski. Europe – Paris, mars 1993, 67–77.

Synthèse de la tradition et de la sensibilité moderne. Меѓународна ревија за поезија, Струга, 1993, III, 3, 64–65.

1994

Смислата и значењето на етичките идеи кај Достоевски спроти XXI век. Прилози МАНУ, Одделение за лингвистика и литературна наука, XVIII, 1 (1993), 37–47.

Заборавениот Мајаковски. Нова Македонија = Лик, 5.I.1994, VIII, 252.

Последниот заумник: А. Туфанов. Нова Македонија = Лик, 12.I.1994, VIII, 253.

Прикриениот Бахтин. Нова Македонија = Лик, 2.II.1994, VIII, 256.

Шолоховски јазол. Нова Македонија = Лик, 9.II.1994, VIII, 257.

Алтернативниот свет на Борис Пилњак: каприциозен “физиолошки” писател. Нова Македонија = Лик, 26.X.1994, VIII, 291

1995

Конески и Пастернак: (една книжевна паралела). Зборник на трудови посветени на академик Блаже Конески. Скопје, МАНУ, 1995, 125–132.

Социјалниот реализам во македонската литература и уметност: теориско-компаративен пристап. Македонската литература и уметност во контекстот на поетиката на социјалниот реализам: зборник на трудови од Меѓународниот научен собир, Скопје: 28–29 мај 1993, Скопје, МАНУ, 1995, 15–27.

Доминација на привидот и примитивизмот. Нова Македонија = Лик, 24.V.1995, IX, 325.

1996

Between the Tragic Nature of Human Existence and the Universal. The Black Tower / Mateja Matevski. Skopje, Detska radost, 1996, 7–24.

Отголоски Достоевскогo в “Бедном рыцаре” Елены Гуро. Прилози МАНУ, Одделение за лингвистика и литературна наука, XIX, 1–2 (1994), 55–62.

Богатството на бедните луѓе: кон поетиката на раниот Достоевски. Нова Македонија = Лик, 12.VI.1996, X, 379.

1997

Сонетот во современата македонска поезија. Sonet in sonetni venec: mednarodni simpozij v Ljubljani od 28. do 30. junija 1995, Ljubljana, Filozofska fakulteta, Oddelek za slovanske jezike in književnosti, 1997, 241–249, (Obdobja; 16).

1998

Руската литература и нејзиното значење во македонскиот книжевен простор. Македонско-руски јазични литературни и културни врски: (материјали од Првата македонско-руска славистичка конференција, Охрид, 23–24 август 1995 година), Скопје, Филолошки факултет “Блаже Конески”, 1998, 531–559.

Science and Culture in Southeast Europe Versus the Challenges of the New Millennium. Science and Culture for the Joint Future of South Eastern Europe: Papers from a Symposium Held in Skopje on the 31st October 1997 on the Occasion of 30th Anniversary of Foundation of the Macedonian Academy of Sciences and Arts, Skopje, MASA, 1998, 55–61.

1999

Балканский культурный плюрализм и двойная принадлежность македонских писателей XIX века. Македонија: вопросы истории и культуры, Скопје; Москва, Македонская академия наук и искусств, 1999. 8 стр.

Europe du Sud-Est et pluralisme des cultures. Buletin: Association internationale d'études du Sud-Est européen: actes de la conference “Le Sud-Est européen, carrefour de civilisations” (Siège de l'UNESCO, Paris, 9 et 10 février 1998), 1998–1999, 28 (numero spécial), 113–118.

Фолклорното наследство и современата македонска литература. Indiana Slavic Studies, 1999, X, 169–181.

Хармонија во хаосот: Пушкин – човек – дело – значења – пораки. Свечен собир посветен на 200-годишнината од раѓањето на Александар Сергеевич Пушкин: свечен собир одржан на 26 мај 1999 година, Скопје, МАНУ, 1999, 11–34.

Жестоки поетски сознанија: Андреј Вознесенски, “Страотен Crisis – Супер стар”: нови стихови и поеми, Москва, 1999. Утрински весник, 1, 148, 15.12.1999.

2000

Луксуз е секогаш одново да се почнува / [интервјуирала] Г. Ристевска. Форум, 19.V – 1.VI.2000, III, 60, 30–35.

Немаме морално право да молчимо / [интервјуирала] Ј. Франговска. Денес, 25.5.2000, IV, 54–56.

2001

Le globalisme et la nouvelle idée culturelle des Balkans. International Conference The Balkans in the New Millennium: Science and Culture in a Joint Action for Peace and Development: 25 and 26 May 2001, Skopje: Proceedings / Edit. board Georgi Efremov, Editor-in-chief, Georgi Stardelov, Milan Gurčinov. Skopje, MASA, 2001. 165–171.

Le sonnet dans la poésie de Blaze Koneski. Europa Orientalis, 18 (1999), 1, 115–120.

2002

Старите идеи отпаднаа, нови нема: сè е дозволено!: интервју – Милан Ѓурчинов, дијагностичар на криливото време (интервјето го водела Јасна Франговска). Денес, 30 мај 2002, VI, 233, 48–50.

Руската авангарда и македонскиот модернизам. Пулс, 22.11.2002, XII, 613, 47–49.

2003

Perspective macedonienne. Congrès international “La culture et les cultures an Europe et au-dela”: actes du congrès de Bucarest, Mai 2003, Société Européenne de culture, Venice, 2003.

Русский авангард и модернизм в македонской литературе середины XX века. Moderna, Avangarda, Postmoderna, Brno, Masarykova Univerzita v Brne, Filozofska fakulteta, Ustav slavistiky, XII, 2003, 247–253.

2004

Клучни прашања на народите на Југоисточна Европа. Утрински весник, 26.10.2004.

2005

Загадочниот насмев на Антон Павлович: (100 години од смртта на А.П. Чехов). Загадочниот насмев на Антон Павлович: свечен собир по повод 100 години од смртта на А.П. Чехов (1904–2004): Скопје, 1.XI 2004, Скопје, МАНУ, 2005, 7–18, (Свечени собири; 48).

“Les écoles nationales” dans les littératures et les arts de l’Europe Sud–Est. Acta Studia Albanica, Tirana, Académie des Sciences d’Albanie, Section des Sciences Sociales, 2005, 1, 101–109.

Чехов – скрытый оппонент современной планетарной унификации. Материалы Международного конгресса “Русская словесность в мировом культурном контексте”, Москва, Фонд Достоевского, 2005, 200–202.

2006

Дваесет години немаме критика / [интервјуирил] А. Шољаковски. Актуел, 6, 263 (31.03.2006), 6–11.

2008

“Les écoles nationales” dans les littératures et les arts de l’Europe sud-est. Прилози МАНУ, Одделение за лингвистика и литературна наука: реферати на македонските учесници за IX-от меѓународен конгрес на Југоисточна Европа, Тирана, 30 август – 3 септември 2004 година, XXXII, 1 (2007), 73–80.

2009

Славистика у савременом свету. Славистика, Београд, XIII (2009), 50–54.

Студија што поттикнува на размислување: (Ендрју Вахтел “Создавање на нацијата – уривање на нацијата”). Зборник трудови на VI-та македонско-американска научна конференција за македонистика, Скопје, 2008, 167–173.

La morale à notre époque: indispensable? Comprendre: revue de politique de la culture. Les crises de notre présent et la référence éthique, S.E.C., 1 (2009), 113–119.

Потемкинови села на нашата лексикографија: академик Милан Ѓурчинов се осврнува на определниците од областа на литературата и книжевната наука во Македонска енциклопедија [интервјуирала] Н. Поповска. Утрински весник, X, 3097, 29.09.2009, 1, 15.

2010

La nuova letteratura macedone nel periodo della transizione (1989–2009) / Milan G'určinov; traduzione dal macedone di Anastasija G'určinova. Studi Slavistici: rivista dell' Associazione Italiana degli Slavisti, VI (2009), [353]–357.

Пути и свершения: зарождение и развитие македонского рассказа. Из века в век: литературное содружество: общественно-литературный, культурологический журнал. – Тверь: Научная книга, 2010. – Стр. 215–216.

Културата и новата социјалистичка идеја – пат кон неопходниот излез. Социјализмот во 21. век: минато – сегашност – иднина, Скопје, СПМ, 2010, 60–77.

О современном понимании трактата Л.Н. Толстого “Что такое искусство?”: (по поводу 180-летия со дня рождения великого русского и мирового писателя). Прилози МАНУ, Одделение за лингвистика и литературна наука, XXXV, 1 (2010), [87]–95.

2011

A Novel of Existential Themes: (Loom by Vlado Maleski). Macedonian Literary Criticism / Select., introduct., edit. Rade Siljan; Transl. from Macedonian Marija Girevska, Skopje, St. Clement of Ohrid, National and University Library, 2011, 214–220, (Translation Project *Macedonian Literature in English*; 105).

About Blaže Koneski's Poetry: (Reflections about the Material in His Final Stage). Macedonian Essay / Select., introduct., edit. Rade Siljan; Transl. from Macedonian Marija Girevska, Skopje, St. Clement of Ohrid, National and University Library, 2011, 68–75, (Translation Project *Macedonian Literature in English*; 106).

Нашиот пробив кон светот: триесет години од основањето на Катедрата за компаративна книжевност на Филолошкиот факултет “Блаже Конески”. Утрински весник, XII, 3569, 30.04–02.05.2011, 18.

2012

[Прилог]. Zbornik radova: međunarodni naučni skup Midhat Begić (1911–2011): život i djelo, Sarajevo, 27. oktobar / listopad 2011 / ured. Hanifa Kapidžić-Osmanagić, Sarajevo, ANU BiH, 2012. – 190 str. – (*Posebna izdanja*; knj. 164. Odjeljenje humanističkih nauka ANUBiH; knj. 42).

Маркс е кај нас одамна погребан. ОКНО.mk, <http://okno.mk/node/16552>

Стејќа Разин, Сум и ние другите. Корени, XI, 41–42 (септември / декември 2012), 6263–6264.

2013

Уште еднаш за проблемот на “забрзаниот развој” во словенските литератури врз материјалот на белоруската и македонската книжевност. Контекст: [реферати на македонските слависти за XV Меѓународен славистички конгрес во Минск, Белорусија, август 2013], 10 (2013), 29–39.

Можности и перспективи на вредносната критика. Меѓународен собир “Ревитализација на категоријата ‘вредност’ во уметноста и во литературата”, Брно, Чешка Република, 2012, Брно: Tribun EU, 2013, 139–147.

За она што не го знаевме на времето: Троцки и Бретон (75 години од една необична средба и еден значаен документ). Утрински весник, XIV, 4326, 06.11.2013, 18.

2014

Аксиологическиот релјативизм и моралниот нигилизам во нашата епоха: (неизвестна судба бездейногo мира). Литературоведескиот журнал, 34 (2014), 150–158. – Истото и во: IV Меѓународниот симпозиум «Русская словесность в мировом культурном контексте»: избранные доклады и тезисы / Под общ. ред. И.Л. Волгина, Москва: Фонд Достоевского, 2014.

Опоненти и бунтовници: (борба за нови вредности во македонската литература и уметност во 50-тите години на XX век). [Sborník prací] / Mezinárodní konference “Hodnoty v literatuře a umění II”, Brno, Česká republika, 2.–4. září, 2014, Brno, Ústav slavistiky Filozofické fakulty, Masarykova univerzita, 2014 = Международная конференция “Ценности в литературе и в искусстве II”, Брно, Чешская Республика, 2–4-ого сентября, 2014, Брно, Институт славистики Философского факультета, Университет им. Масарика, 2014 = International conference Values in Literature and Arts II, Brno, Czech Republic, 2th–4th September 2014, Brno, Department of Slavonic Studies at the Faculty of Arts, Masaryk University, 2014.

2015

Европските вредности во епохата на македонскиот модернизам (1953–1958). Модернизам в българската и македонската литература : сходства и различия / редактори Милан Гюрчинов, Александър Йорданов = Модернизам во бугарската и македонската литература / приредиле Милан Гюрчинов, Александар Јорданов, Софија, Институт за литература при БАН; Скопје, МАНУ, 2015, 13–21.

Поетот Ацо Караманов – помеѓу револуцијата и модернизмот. Модернизам в българската и македонската литература: сходства и различия / редактори Милан Гюрчинов, Александър Йорданов = Модернизам во бугарската и македонската литература / приредиле Милан Гюрчинов, Александар Јорданов, Софија, Институт за литература при БАН; Скопје, МАНУ, 2015, 149–157.

Ненаметлива, но непобитна автентичност: Димитрие Дурацовски, “Бледи сенки, далечни гласови”, “Магор”, 2015. Утрински весник, XVI, 4887, 19–20.09.2015, 15.

2016

Со бугарскиот модернизам некои од основните идеи ни беа исти / [интервјуирала] Н. Илиевска-Таневски. Утрински весник, XVII, 5127, 09–10.07.2016, 14.

2017

Лев Троцки, ние и – оние другите... Букурешкиот мировен договор (1913) и неговите долгорочни последици за Македонија и Југоисточна Европа: материјали од македонско-рускиот научен собир одржан во Скопје на 27 и 28 јуни 2013 година / уред. одбор Блаже Ристовски (претсед.)... и др., Скопје, МАНУ, РАН – Институт за славистика, 2017, [155]–162.

Свет богат со внатрешни реалности: (кон поезијата на Жак Гошон). Стожер, XXI, 125, 2017, 26–27.

Околу надреализмот – по многу години, денес: Андре Бретон и неговите “Споени садови”: (неговите нескротливи ангажмани наспрема нивните заблуди). МАНУскрипт. Одделение за уметност (МАНУ) = MANUscript. Department of Arts (MASA), III, 1–2, 2017, [57]–84.

Автори-компајлери:

Вангел Ациовски,
магистер по историски науки
Филозофски факултет, Универзитет Св. Кирил
и Методиј, Скопје
библиограф
МАНУ (Македонска академија на науките и
уметностите), Скопје, Македонија

Vangel Adžiovski,
MA in History
Faculty of Philosophy, SS Cyril and Methodius
University, Skopje
Bibliographer
MASA (Macedonian Academy of Sciences and
Arts), Skopje, Macedonia

vangel@manu.edu.mk

Кристијан Фидановски,
диплома по Политика и Источноевропски
студии, Универзитетски колеџ – Лондон
магистрант по Европски, Руски и Евроазиски
студии
Џорџтаун Универзитет – Вашингтон,
Вашингтон, САД

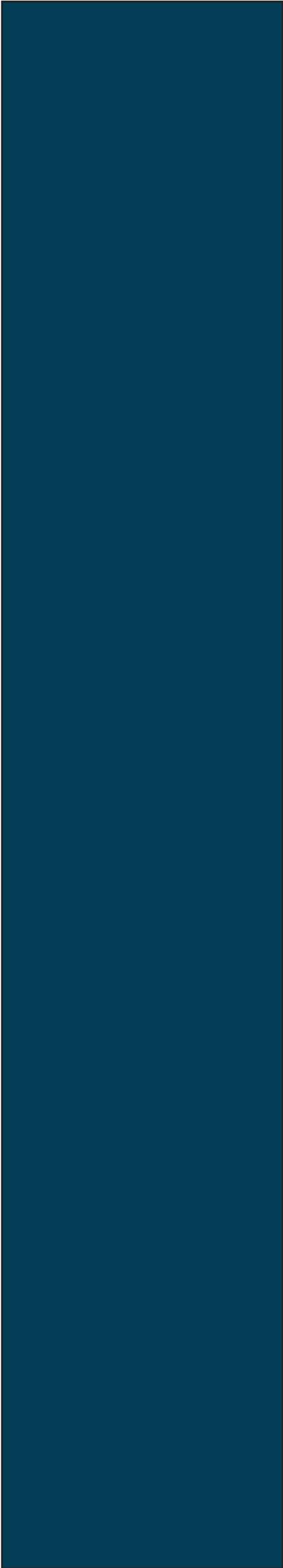
Kristijan Fidanovski,
B.A. in Politics and East European Studies, UCL,
London
M.A. Candidate in European, Russian and
Eurasian Studies
Georgetown University
Washington D.C., United States

kf542@georgetown.edu

Анастасија Ѓурчинова,
доктор на филолошки науки, Универзитет Св.
Кирил и Методиј, Скопје
редовен професор по италијанска книжевност
Филолошки факултет “Блаже Конески”,
УКИМ, Скопје
Скопје, Македонија

Anastasija Gjurčinova,
PhD in Philological Studies, SS Cyril and
Methodius University, Skopje
Full Professor in Italian Literature
Blaze Koneski Faculty of Philology, Skopje
Skopje, Macedonia

agjurcinova@flf.ukim.edu.mk

Научная жизнь

Academic Life

А.Н. Болдырева (Санкт-Петербург, Россия)

47-я Международная филологическая научная конференция Санкт-Петербургского государственного университета

Аннотация: Данная статья посвящена обзору прозвучавших докладов в секциях направления «Славистика» 47-й Международной Филологической научной конференции (19–28 марта 2018 года) в СПбГУ. Доклады пяти секций данного направления: «Андреевские чтения (Славянские литературы и литературные взаимосвязи)», «Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики», «Славянское языкознание», «Анималистическая фразеология в славянских языках на общеевропейском фоне» и «Славяно-германская компаративистика» – были посвящены проблемам современных славянских культур и литературных взаимосвязей, современным и историческим проблемам болгаристики, вопросам славянских анималистических фразеологизмов, истории и диалектологии славянских языков и их современному состоянию, а также проблематике славяно-германских и славяно-британских связей.

Ключевые слова: СПбГУ, 47-я Международная филологическая научная конференция, славистика

A.N. Boldyreva (Saint-Petersburg, Russia)

47th International Philological Research Conference SPbSU

Abstract: The article reviews the papers read during the 47th International Philological Academic Conference in Saint Petersburg State University (March 19–28). 10 sections were operating during the conference, and Slavic philology section was one of them. During the section scholars from Russia and other countries presented their papers. The section consisted of five subsections: “Andreev Readings (Slavic Literature and Literary interconnections)”, “Derzhavin Readings. Modern and Historical Problems of Bulgarian and Slavic Studies”, “Slavic Linguistics”, “Animalistic Phraseology in Slavic Languages against European Background” and “Comparative Linguistics of Slavic and Germanic Languages”. The papers read during the mentioned subsections addressed the problems of modern Slavic cultures and literary interconnections, modern and historical problems of Bulgarian studies, the problems of Slavic paremiae and phraseology related to animals, and peculiarities of interconnections between Slavic and Germanic languages.

Key words: SPbU, 47th International Philological Academic Conference, Slavic studies

С 19 по 28 марта 2018 г. в Санкт-Петербургском государственном университете прошла 47-я Международная филологическая научная конференция, в рамках которой работало пять секций направления «Славистика»: «Андреевские чтения (Славянские литературы и литературные взаимосвязи)» под руководством доцента О.В. Гусевой, «Державинские чтения. Современные и исторические проблемы болгаристики и славистики» под руководством доцента З.К. Шановой, «Славянское языкознание» под руководством доцента А.В. Бабанова, «Анималистическая фразеология в славянских языках на общеевропейском фоне» под руководством профессора В.М. Мокиенко и «Славяно-германская компаративистика» под руководством профессора М.Ю. Котовой.

«Андреевские чтения» (руководитель – доцент О.В. Гусева) – секция, посвященная обсуждению проблем, связанных с общим развитием славянских культур и литературных взаимосвязей. Работа секции началась с доклада доцента СПбГУ Н.К. Жаковой «Андреевский этап в истории петербургской (ленинградской) славистики», в котором исследовательница рассказала о жизни и творчестве выдающегося слависта профессора СПбГУ В.Д. Андреева, о достижениях ученого и его вкладе в филологию.

Прозвучавший далее доклад ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН профессора И.И. Калиганова «Бои на Шипке с турками в русской художественной литературе XIX в.» «оживил» важнейший для России этап русско-турецкой войны, передав эмоциональное содержание этого события: проанализировал рассказы русских участников и свидетелей боев, а также многочисленные публикации на эту тему.

В докладе аспирантки Софийского университета им. Св. Климента Охридского Г.Ц. Златковой «Табак в романе “Табак” Димитра Димова» исследовались различные уровни произведения, где упоминается табак. Г.Ц. Златкова пришла к выводу, что анализ романа через призму его названия позволяет соотнести произведение с другими великими романами и открывает новые пути к исследованию текста.

Доклад профессора МГУ имени М.В. Ломоносова А.Г. Шешкен «“Ускоренное развитие” македонской литературы с точки зрения компаративистики» был посвящен феномену ускоренного развития национальной литературы, который ярко проявился при становлении македонской литературы. После 1945 г., когда македонская литература стала развиваться на национальном языке, македонская культура сделала динамичный рывок вперед, в чем проявилась специфика развития македонской литературы.

В докладе старшего преподавателя МГУ имени М. В. Ломоносова Е.В. Сартакова «Сербоязычная пресса о творчестве Гоголя: начало (1838–1849 гг.)» рассказано о восприятии русского писателя сербскими читателями в первой половине XIX в. до их знакомства с его произведениями.

Младший научный сотрудник Института славяноведения РАН Е.В. Шатько в докладе «Жанровая гибридность книг “Трансатлантическая переписка” М. Ерговича и С. Мехмединевича и “Всякая всячина” М. Ерговича и С. Басары» представила результаты анализа названных произведений, которые интересны своими жанровыми характеристиками: они продолжают традиции эпистолярного жанра, но представляют собой электронные письма.

Анализу сюжета и структуры романа посвящен доклад ассистента СПбГУ П.Е. Зеновской «Путь к эмиграции в современном сербском женском романе (на материале романа М. Йованович “Idi, vreme je”»». Исследовательница поделилась

результатами своего анализа и рассказала о схожести структуры данного произведения с волшебной сказкой. Кроме того П.Е. Зеновская выявила основные вехи на пути к эмиграции сербской женщины в романе.

Выступление доцента СПбГУ Т.Е. Аникиной с докладом «Произведения Povzdechy в чешской литературе» познакомило слушателей с особым чешским жанровым образованием – Povzdech (Вздох). В докладе исследовательница представила несколько примеров «вздохов» чешской литературы, а также предложила свое определение содержания данного жанра.

Проблем перевода коснулся автор следующего доклада секции – «Поэма Марины Цветаевой “Крысолов” в переводе на чешский язык». Докладчик, Н.А. Родионова (Стенина), рассказала об особенностях интерпретации и перевода поэмы на чешский язык с учетом существования в то время другого чешского произведения «Крысолов» – Виктора Дыка.

В докладе «Изображение человека и быта в чешской официальной прозе периода нормализации» младший научный сотрудник Института славяноведения РАН С.А. Кожина рассмотрела основные способы изображения человека и его быта в чешской официальной литературе 1970–1980-х гг. на материале романа З. Заплетала «Полуночные бегуны» («Půlnoční běžci»).

Доклад «Образы Штура и штуровцев в современной драматургии Словакии» научного сотрудника Института славяноведения РАН А.Ю. Песковой представляет собой обзор драматургических произведений и сценических постановок, посвященных Людовиту Штуру и его соратникам-штуровцам. Особое внимание при этом исследовательница уделяет пьесам и драмам, созданным в Словакии за последние 20 лет.

Прозвучавший далее доклад доцента СПбГУ О.В. Гусевой «Формирование образа вождя в польской детской литературе» увлек слушателей анализом черт вождя, представленных в детских польских произведениях. Исследовательница выделяет двух исторических деятелей: Тадеуша Костюшко и Юзефа Пилсудского, именно они претендуют на роль вождя в детской польской литературе, – и выявляет те особенности, которые формируют их образы в детских произведениях.

Доцент СПбГУ А.В. Тоичкина в своем докладе «Научный метод Д.И. Чижевского» рассказала об известном слависте и философе Д.И. Чижевском, а также рассмотрела особенности научной концепции ученого на материале его работ 1920–1930 гг.

Доклад научного сотрудника Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом) К.Б. Егоровой «История одного славянского пограничья: Подкарпатская Русь в контексте литературных и эстетических исканий русской и украинской эмиграции» был посвящен формированию русинской национальной и культурной идентичности с учетом влияния русской и украинской эмиграции в Чехословакии. Исследовательница проанализировала взгляды русских и украинских эмигрантов на культурную жизнь Подкарпатской Руси.

Секция «Державинские чтения: современные и исторические проблемы болгаристики и славистики» (руководитель – доцент З.К. Шанова) была посвящена обсуждению современных и исторических проблем болгаристики и славистики. Открылась она докладом старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН М.Г. Смольяниновой «Болгарские писатели Любен Каравелов и Райко Жинзифов в России», в котором исследовательница рассказала о жизни болгарских писателей в эмиграции и о ценности произведений болгарских эмигрантов вообще.

О судьбе сербского политэмигранта, журналиста, политического деятеля и историка, Душана Ивановича Семиза (1884–1955) и его семьи в России рассказала профессор СПбГУ М.В. Рождественская в докладе «Об одной странице из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955). Архивные материалы». При этом впервые при подготовке доклада были использованы архивные материалы из петербургских хранилищ: Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН и Центрального государственного исторического архива.

Доклад с лаконичным названием «Дело святое» сотрудников Софийского университета Т.Т. Тихого и К.Г. Вылчевой-Тиховой увлек слушателей рассказом о вкладе Кирилла и Мефодия в историческое развитие славянских народов.

Смежной теме был посвящен доклад старшего преподавателя СПбГУ Е.А. Колоскова «Кирилло-мефодиевская традиция в Болгарии и Македонии: особенности коммеморации на современном этапе». В докладе говорилось о том, как София и Скопье в ходе актуализации коммеморативных практик на Балканах в 1990-е и 2000-е гг. не только предпринимали определенные шаги в использовании образа Свв. Кирилла и Мефодия в собственных странах, но и стремились воздействовать на историческую традицию в других славянских странах.

Старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа М.А. Аникин в своем докладе «О некоторых иконах Болгарии и творчестве Светлина Русева» рассказал о Рильской, Бачковской и Троянской иконах Богоматери, уделив особое внимание анализу аксиологии, а также принципам построения икон, их типологии.

Лингвистическую тему затронули в своем докладе «Присубстантивные да-предложения в болгарском языке: хабитуальное и модальное значения» профессор СПбГУ Е.Ю. Иванова и доцент болгарского Университета им. проф. Асена Златарова Г.М. Петрова. В своем выступлении исследовательницы рассказали об особенностях связи между семантикой опорного существительного и его способностью выражать хабитуальное и модальное значение.

Результаты лингвистического исследования также были представлены в докладе профессора СПбГУ Е.Ю. Ивановой и профессора Софийского университета имени Климента Охридского К.С. Алексовой «Трансформация частицы ЩЕ в болгарском языке: от следования до предположения». В докладе на материале Болгарского национального корпуса были рассмотрены все значения сочетания ЩЕ с модальной частицей ДА в современном болгарском языке.

Доклад старшего преподавателя СПбГУ Н.В. Сивенковой и старшего ассистента Пловдивского университета им. Паисия Хилендарского Н.В. Христовой «О некоторых наблюдениях над языком болгарских новостных источников (по материалам новостных интернет-изданий)» был посвящен анализу особенностей языка современных болгарских СМИ в области лексики и грамматики.

Доцент СПбГУ З.К. Шанова в докладе «Принципы лексикографического описания авторского языка в “Речник на езика на Христо Ботев” (София, 1960) и в “Словаре поэзии Николы Вапцарова” (СПб., 1998–2010)» рассказала об основных особенностях данных трудов, а также определила их роль в представлении богатства болгарского языка.

Секция «Славянское языкознание» (руководитель – доцент А.В. Бабанов), которая была посвящена обсуждению вопросов истории, диалектологии и современного состояния славянских языков, а также их преподавания в русскоязычной среде, прошла в двух заседаниях.

На первом заседании секции прозвучали доклады по истории науки и вопросам современных славянских языков. Из доклада доцента СПбГУ В.П. Захарова «Чехословацкий “дом” Романа Якобсона» слушатели узнали о чехословацком периоде жизни известного лингвиста Р.О. Якобсона, когда были заложены многие основы его будущей научной работы.

Доклад ведущего научного сотрудника Института сербского языка Сербской Академии наук и искусств Д.М. Раткович «Концепт России в поэзии Александра Петрова» представлял собой анализ концепта «Россия», занимающего особое место в творчестве этого сербского писателя, пишущего также и на русском языке.

Доклад старшего преподавателя Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета С.С. Ивановой «Лингвoseмиотические особенности интерпретации знаков абстрактных объектов (на материале текста Чеслава Милоша “То”» представляет собой опыт интерпретации стихотворения с помощью лингвoseмиотического механизма, который подводит нас к более полному пониманию стихотворения и особенностей его построения.

Доклады второго заседания секции были подобраны по тематике, отражающей вопросы истории и диалектологии славянских языков. В совместном докладе трех авторов: аспирантки СПбГУ Д.Д. Балашевич, аспиранта Института лингвистических исследований РАН В.В. Козака и профессора СПбГУ А.Н. Соболева – «Палеографическое описание рукописи славянского перевода буллы папы Григория XI Ордену св. Павла Отшельника (XIV в.)» рассматриваются палеографические характеристики единственного сохранившегося списка славянского перевода консисториальной буллы папы Григория XI Ордену св. Павла Отшельника (Ордену паулинов). Данный памятник интересен как пример преемственности по отношению к древнецерковнославянской традиции, сочетающейся с инновационностью, а также благодаря некоторым другим палеографическим признакам.

В докладе доцента МГУ имени М.В. Ломоносова Е.И. Якушкиной «Ареальное членение и ареальные связи сербских и хорватских говоров по данным лексических выпусков Общеславянского лингвистического атласа» были охарактеризованы лингвистические особенности хорватско-сербского ареала, его общие и дифференциальные признаки, а также связи с другими славянскими ареалами.

Младший научный сотрудник Славянского института Академии наук Чешской Республики М. Вашичек сделал доклад на тему «Динамика южнокарпатского говора села Убля восточной Словакии в XX и XXI вв.». В нем исследователь рассказал об истории изучения данного украинского говора, а также об изменениях в диалектной речи села Убля, связанных с влиянием литературного словацкого языка.

В докладе «Начала научной кашубистики» доцент СПбГУ В.И. Ермола коснулся проблем истории изучения кашубского языка и фольклора в XIX–XX вв. Были названы важнейшие ученые, внесшие свой вклад в кашубистику, и важнейшие труды по кашубской проблематике.

Секция «Анималистическая фразеология в славянских языках на общеевропейском фоне» (руководитель – профессор В.М. Мокиенко) была посвящена обсуждению лингвокультурологических особенностей и проблем славянской фразеологии и паремиологии, отражающих представления человека о животном мире и его связи с ним. Вследствие широкого спектра возможных тем данная секция была разделена на несколько подсекций, каждая из которых была посвящена одному из аспектов анималистической фразеологии.

Так, подсекция «Общие проблемы исследования анималистической фразеологии» открылась докладом руководителя секции профессора СПбГУ В.М. Мокиенко «Анималистическая фразеология в “Полном фразеологическом словаре русских народных говоров”», в котором исследователь обобщил особенности изучения анималистической фразеологии, а также остановился на проблемах лексикографического описания славянской анималистической фразеологии на материале «Полного фразеологического словаря русских народных говоров».

Х. Вальтер, профессор из Университета Грайфсвальда, в докладе «Анималистические метафоры без животных в немецкой метафорике и их славянские эквиваленты (“пестрая собака”, “быть для кошки” и “козел-пиво”))» рассказал об эквивалентах, частичных эквивалентах данных анимализмов и неэквивалентных фразеологизмах в германских и славянских языках. Кроме того были приведены примеры народно-этимологического переосмысления животных.

Доклад профессора Костромского государственного университета И.Ю. Третьяковой «Окказиональные трансформации компонентов-анимализмов в русских фразеологизмах» раскрыл особенности феномена окказиональности в анималистической фразеологии. Были определены наиболее подверженные трансформациям фразеологические единицы, а также группы с минимальным трансформационным потенциалом.

Завершил работу подсекции доклад преподавателя Курсов иностранных языков при Профсоюзном комитете Дипломатической академии МИД РФ Л.П. Павловой «Анималистическая фразеология нидерландского языка», в котором особое внимание уделялось анализу фразеологизмов с компонентом «кот / кошка». В ходе сравнения данной группы анимализмов в нидерландском и русском языках исследовательница выделила сходства и различия фразеологизмов.

Другая подсекция «Анимализмы и фразеология» (председатель – профессор Х. Вальтер) началась с выступления научного сотрудника Института лингвистических исследований РАН Д.В. Адриановой. Ее доклад «Ложь на тараканьих ножках (особенности семантики и употребления, этимология и современные трансформации устойчивого оборота)» увлек слушателей анализом нового, современного фразеологического оборота, который часто употребляется в современных художественных и публицистических текстах. В своем докладе исследовательница раскрыла значения данного выражения, а также коснулась проблем его этимологии.

Е.В. Ничипорчик, профессор Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, с докладом «Анималистическое начало в метафорических реализациях слова “грызть”» поделилась со слушателями результатами наблюдения над функционированием глагола «грызть» в идиомах русского языка. С помощью ресурсов Национального корпуса русского языка и Google исследовательница выявила наиболее частотные сочетания с данным словом.

Доклад доцента Российского государственного гидрометеорологического университета Е.К. Николаевой «Свитер с оленями (о зооинвективах)» был посвящен исследованию создания и развития признаковой базы инвективы «олень», зафиксированной в «Словаре русской брани» с основными значениями ‘наивный человек, простак’; ‘глупый, недалекий человек’. В своем выступлении исследовательница коснулась причин формирования современного субстандартного значения данной лексемы, а также поделилась примерами ее современного использования в Сети.

В совместном докладе доцентов Барселонского университета А.В. Зайнулдинова и Д. Шмидт «Роль анималистических компонентов в формировании оценоч-

ности русской и польской образной лексики и фразеологии» в центре внимания оказались тематические группы птиц, пресмыкающихся, насекомых, млекопитающих. Анализ данных групп анималистического корпуса коснулся проблем оценочности, эмоциональности и экспрессивности русского и польского языков, что может оказаться полезным для будущего формирования анималистической типологии славянских языков.

Завершил работу подсекции доклад доцента Г.Н. Кутеповой и профессора О.А. Бурукиной Финансового университета при правительстве РФ «Неожиданность коннотативных полей стержневых компонентов русских и английских анималистических фразеологизмов», который был посвящен различиям анимализмов в русском и английском языках. На выступлении докладчицы представили результаты анализа коннотативных полей стержневых компонентов анималистических фразеологизмов.

Подсекция «Анимализмы в литературе» (председатель – профессор Е.И. Селиверстова) открылась выступлением студентки Лодзинского университета Агаты Варденга «Анималистическая лексика и фразеология в романах Д. Донцовой и их переводах как материал для двуязычного русско-польского переводного словаря». В докладе исследовательница коснулась проблем перевода на польский язык анимализмов, встречающихся в современной речи и зафиксированных в произведениях Д. Донцовой, а также предложила несколько фразеологических анимализмов для переводного словаря.

Доклад аспирантки СПбГУ Лю Лу «Функционально-семантический анализ крылатых выражений с анималистическим компонентом (на материале романов И. Ильфа и Е. Петрова)» был посвящен функционированию этих крылатых выражений-анимализмов в современных СМИ. В ходе исследования были рассмотрены не только символика анималистического компонента крылатых выражений, но и их трансформации в прессе.

Далее прозвучал доклад доцента Лодзинского университета Е. Невзоровой-Кмеч «Польско-русский фразеологический криминальный “зоопарк”». В нем исследовательница рассказала о результатах семантического сопоставительного анализа польских и русских анималистических фразеологизмов криминального жаргона.

Не менее интересным и познавательным оказался доклад профессора Смоленского государственного университета А.В. Корольковой «Анималистические образы и растительная символика в русской афористике», в котором исследовательница рассказала о наиболее частотных анималистических и растительных образах русских афоризмов, а также выявила их роль в языке.

Профессор Российского государственного гуманитарного университета Л.В. Федорова, выступившая с докладом «“Поет малиновкой Ариша...”: метаморфозы, образы, идиомы», рассказала слушателям об образе малиновки в фразеологии русского языка. Исследовательницей были выявлены основные черты данного образа, а также его частотность в прошлых веках и сегодня.

Также прозвучал доклад доцента СПбГУ Л.М. Рязановского «Анималистическая фразеология в сказке П.П. Ершова “Конек-Горбунок” и ее перевод на немецкий язык», в котором исследователь коснулся проблем и трудностей перевода устойчивых оборотов, метафор, диалектно-просторечных выражений, относящихся к животному миру сказки.

Стихотворению М. Танича «Птичий рынок» был посвящен доклад доцента СПбГУ И.Г. Гуляковой «Текстообразующий потенциал анималистического фра-

зеологизма». Исследовательница выявила роль анимализмов в создании концептуальной основы текста.

Старший преподаватель СПбГУ Н.Е. Боева выступила с докладом «Эталонно-анимализмы в сравнениях русского языка», в котором исследовательница раскрыла характер их использования, а также на основе анализируемого материала из Национального корпуса русского языка предложила свою типологию эталонно-анимализмов.

Доклад польской исследовательницы, ассистента Силезского университета А. Гаш «*Notio edens* в русских и польских фразеологизмах с анимальным компонентом» был посвящен рассмотрению анимализмов, характеризующих человека по манере есть, и выявлению механизмов, использующихся для создания зоометафор.

Завершил работу подсекции доклад кандидата филологических наук А.Д. Еськовой (СПбГУ) «Библеизмы с названиями животных в повести М. Горького “Жизнь Клима Самгина”», в котором исследовательница представила результаты исследования восходящих к Библии оборотов с анималистическим компонентом в «Жизни Клима Самгина», выявила их роль в произведении и в создании авторского стиля.

Подсекция «Антропоморфные фразеологические анимализмы» (председатель – доцент Е.К. Николаева) открылась докладом доцента Ягеллонского университета М. Рака «Что говорит польская анималистическая фразеология о человеке?». Благодаря этому выступлению слушатели больше узнали о системе ценностей, которая определяется польской анималистической фразеологией, и в первую очередь о тех положительных качествах человека, которые определяются польскими анимализмами.

Затем с докладом в данной подсекции выступил студент Лодзинского университета Ю. Доперала «Образ мужчины в анималистической фразеологии польского, русского, болгарского и сербского языков». Этот доклад был посвящен стереотипному образу мужчины, закреплённому в славянских языках с помощью анимализмов, но также затронул проблемы равноправия полов.

Не меньший интерес вызвал доклад доцента СПбГУ Е.И. Зыковой «Зооморфизмы как активная часть сетевой фразеологии русского языка», в котором исследовательница предложила слушателем наиболее частотные зооморфизмы Рунета и охарактеризовала их функции в электронных СМИ, блогах и чатах.

Доклад «Кошка угорелая и сонная муха: характеристики движения в фокусе антропоморфной зоофразеологии» профессора Е.Н. Цветаевой и доцента Е.И. Карпенко из Московского государственного лингвистического университета был посвящен анализу семантических признаков зооморфных культурных моделей, характеризующих скорость и способ движения человека.

Завершил работу подсекции доклад ассистента Силезского университета Г. Вильк «Волк в русской и польской идиоматике: актуальное и неактуальное». Исследовательница рассмотрела русские и польские фразеологизмы и поговорки, содержащие в себе компонент «волк», а также поделилась результатами анализа частотности данных выражений, что позволило ей выделить доминантные и наиболее актуальные характеристики волка в сознании представителей русской и польской культуры.

Первым в следующей подсекции – «Фразеологическая картина мира в историческом и когнитивном аспекте» (председатель – доцент Е.К. Николаева) – стал доклад заведующего отделом Института лингвистических исследований РАН

С.С. Волкова «К вопросу о фразеологическом источниковедении XVIII века (на материале анималистических ФЕ)». Данный доклад был посвящен малоизвестным фразеологическим коллекциям XVIII в., анализируя которые исследователь выявил определенные характеристики русских и французских ФЕ.

Доклад старшего преподавателя РГПУ им. А.И. Герцена Н.Д. Игнатъевой «Фразеологизмы с компонентами конь и кобыла в забайкальских говорах» познакомил слушателей с коннотационными особенностями семантики фразеологических единиц Забайкальского края.

Последним докладом в этой короткой, но познавательной секции стал доклад доцента Псковского государственного университета Л.Б. Воробьевой «Устойчивые сравнения с компонентом “собака” в русском и литовском языках», в котором исследовательница поделилась со слушателями результатами своего исследования по выявлению особенностей анимализмов с компонентом «собака» в русском и литовском языках.

Последняя подсекция данного направления носила название «Анимализмы в пословицах и крылатых словах» (председатель – профессор Е.И. Селиверстова). Открылась эта секция докладом профессора СПбГУ Е.И. Селиверстовой «Паремийный бином как проявление ассоциативного тезауруса языка (на примере пословиц с зоосемизмами)», в котором исследовательница на основе отобранных примеров охарактеризовала бинарные пары и возможные связи между их частями.

Интересными выводами своего исследования поделилась доцент СПбГУ В.В. Мущинская, выступив с докладом «Паремии с анималистическим компонентом “волк” в украинском языке (на материале сборника И. Франко “Галицько-руські народні приповідки”)». Исследовательница выявила основные характеристики волка, которые используются в украинском языке для описания человека и ситуаций, в которых он оказывается.

Не менее увлекательным был доклад научного сотрудника Библиотеки Российской Академии наук Д. Дракулич-Прийма «Устойчивые сравнения с компонентом-зоонимом в сборниках сербских пословиц Вука Стефановича Караджича», в котором исследовательница рассказала о проведенном анализе устойчивых сравнений с компонентом-зоонимом, характеризующим человека, что может в будущем помочь для составления указателя к сборникам В. Караджича.

Доклад «Городские птицы в славянской фразеологии» аспирантки СПбГУ Е.А. Беккер был посвящен анализу функционирования наименований птиц («ворона», «ворон», «грач», «воробей» и «голубь» в польском, русском и хорватском языках.

Завершилась работа секции докладом доцента Смоленского государственного университета А.И. Лызлова «Об оценочной семантике концепта “птица” на примере фразеологических единиц русского и английского языка “ранняя пташка” / “an early bird” в отражении литературы». На примере русского фразеологизма «ранняя пташка» и его полного эквивалента в английском языке «an early bird» исследователь показывает особенности функционирования данных выражений в современных произведениях русской и английской литературы.

Секция «Славяно-германская компаративистика» (руководитель – профессор М.Ю. Котова) включала доклады, посвященные сопоставительным литературоведческим и лингвистическим исследованиям в славянских и германских странах. На первом заседании секции было представлено пять докладов. Первым прозвучал доклад доцента СПбГУ А.Г. Бодровой «Пространственные структуры в автобиографиях “Становление человека” Альмы Максимилианы Карлин и “Мои

пути-дороги” Марии Кмет», в котором исследовательница сравнила автобиографии двух словенских писательниц. А.Г. Бодрова выявила как различия произведений, так и сходство между ними, обусловленное жанровой топикой, общими историческими событиями и гендерным аспектом.

Доклад доцента Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского М.М. Кондратенко «Немецкие заимствования в славянской демонологической лексике как источник реконструкции культурных архетипов» увлек слушателей подробным анализом обозначений некоторых демонологических персонажей Чехии и Германии; исследователь выявил общие черты и подчеркнул особенности заимствованных наименований мифологических персонажей.

В докладе доцента Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена Н.Б. Ершовой «Противопоставление в болгарских и английских поговорках» исследовательница выявила особенности функционирования поговорок в болгарском и английском языках и пришла к выводу о доминировании в болгарском языке поговорок с союзной связью, а в английском – с бессоюзной, что вносит новый вклад в степень изученности синтаксиса поговорок.

Доклад старшего преподавателя СПбГУ О.С. Сергиенко «Славяно-германские паремиологические исследования – современное состояние и перспективы» был посвящен обзору современных (за последнее 20-летие) славяно-германских исследований в области паремиологии, и прежде всего на материале русского, английского и чешского языков. Исследование О.С. Сергиенко раскрыло наиболее актуальные темы и вопросы, которые затрагивают современные ученые.

Интересные данные о содержании ценностного концепта «демократия» прозвучали в докладе аспирантки СПбГУ А.И. Прийма «“Демократия” в американском и сербском общественно-политическом дискурсе». Результаты проведенного ею лингвосоциокультурологического эксперимента доказали различия в восприятии данного концепта сербами и американцами.

Второе заседание открылось выступлением аспирантки Карлова Университета в Праге М. Михловой, которая представила доклад «История формирования компаративистики как направления славяно-германского языкознания в чешских землях с середины XVII века по настоящее время». Исследовательница рассказала о развитии сравнительного языкознания на территории Чехии, обозначила основные вехи этого процесса и указала на важнейших чешских ученых-лингвистов, а также рассказала о современном состоянии компаративистики в Чехии.

Далее прозвучал доклад старшего преподавателя СПбГУ Н.В. Сивенковой «О некоторых аспектах славяно-германской компаративистики в контексте болгаристики в конце XX – начале XXI в.», в котором исследовательница дала краткий обзор доступной в России научной литературы в данной области и представила результаты опыта создания краткой библиографии.

Смежной теме был посвящен доклад доцента СПбГУ О.В. Раина под названием «Развитие славяно-германской компаративистики в Польше»: о процессе становления славяно-германской компаративистики и о ее современном состоянии в Польше. Слушатели узнали об основных компаративистских польских работах, а также получили информацию об университетах и других научно-исследовательских центрах, где сегодня проводятся исследования в данной области.

Доклад доцента СПбГУ В.С. Князьковой «Основные направления славяно-германской компаративистики как науки в Словакии в XX–XXI вв.» раскрыл место

компаративистики в современной словацкой филологической науке и познакомил слушателей с важнейшими учеными-компаративистами Словакии.

Завершил работу секции доклад профессора СПбГУ М.Ю. Котовой «Современные тенденции германо-славянских компаративных научных исследований в Германии», в котором было рассказано о масштабной работе по поиску и отбору исследований в русле славяно-германской компаративистики. В докладе был представлен библиографический список немецких исследований в данной области, который раскрыл преобладание интереса немецких исследователей к русско-немецким, польско-немецким и чешско-немецким связям, а также выявил наиболее интересные темы современных исследований.

Прошедшая в Санкт-Петербургском государственном университете 47-я Международная филологическая научная конференция доказала стабильный интерес к проблемам славянской филологии в современном мире, а также продуктивность междисциплинарного подхода в исследованиях. Это подтверждают и многочисленные доклады представителей различных университетов, и многообразие тем, и немалое количество неравнодушных слушателей, присутствовавших на заседаниях конференции.

Сведения об авторе:

Анна Николаевна Болдырева,
магистрант
филологический факультет
СПбГУ

Anna N. Boldyreva
Postgraduate
Faculty of Philology
St Petersburg University

st057936@student.spbu.ru

Критика. Библиография

Critique. Bibliography

В. Мојсова-Чепишевска (Скопје, Македонија)

Сама себеси врата – сама себеси клуч¹

(50 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура:
1967–2017. Скопје: Универзитет “Св.Кирил и Методиј”, 2017. 99 с.)

V. Mojsova Chepishevska (Skopje, Macedonia)

It is the Gate and Key unto Itself

(50 years International Seminar on Macedonian Language, Literature and Culture:
1967–2017. Skopje: The University of St. Cyril and Methodius, 2017. 99 p.)

Во својата втора статија “**Има ли потреба за македонски национални научно-литературни другарства?**” од култната книга “За македонските работи”, **Крсте Петков Мисирков** причините за одделувањето на Македонците во македонско друштво ги наоѓа во, како што пишува тој, “употребувањето на нашите умствени сили за изучувањето на себеси, како членови на една татковина и еден народ”. Затоа, вели Мисирков, “За да се достигне таа цел требало да се состави одделно друштво од лица за кои изучувањето на Македонија во етнографски, географски и историски однос има првостепено значење, а такви лица сме ние Македонците”. Значи потребата од вакви другарства е заради изучување на Македонија, а тоа значи изучување на нејзиниот јазик, литература, култура, историја.

Имено, во руската престолнина Санкт Петербург, некаде кон крајот на октомври 1902 година², Мисирков го формира познатото *Македонско научно-литературно другарство “Свети Климент”*, како нов обид да се воведат македонскиот јазик во литературна употреба. Притоа Мисирков е наполно свесен дека тој е продолжувачот на *Словено-македонската книжевна дружина* формирана 1888 година³, во Софија, и тоа под претседателство на **Ѓорѓија Пулевски** чија основна цел, според податоците што ни ги дава **Димитрија Чуповски**, е: *да ја прероди народната македонска литература*.

---

¹ Промотивна реч на Свечената академија што се одржа во Македонската филхармонија на 17. 12. 2017 година, како и на отворањето на 51 летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура на 16. 06. 2018 година, по повод претставувањето на монографијата “50 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура: 1967–2017”.

² Точно пред 115 години од Свечената академија по повод големиот јубилеј 50 години од Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура.

³ Точно пред 130 години од свеченото промовирање на отворањето на 51 летна школа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура.

тура, но и на *Младата македонска книжовна дружина*, основана 1891, исто во Софија, на чело со **Коста Шахов**, која помеѓу 1892–1894 го издава списанието “Лоза”, уредувано од **Петар Поп Арсов**. Припадниците на оваа дружина, како **Гоце Делчев**, **Дамјан Груев**, **Ефтим Спространов**, се сметаат себеси како ново, младо продолжување на започнатото дело на Пулевски.

Големата мисла на уште поголемиот **Петре М. Андреевски** ме/не води во чинот на ова претставување:

“Без јазикот ќе си недостигаме самите на себе”, вели Андреевски, “оти само јазикот никогаш не не оставил сами и тој памети многу повеќе отколку што ние можеме да заборавиме”.

Имам чувство дека оваа идеја е онаа што ги носела сите кои во далечната 1967 година ја дадоа иницијатива, а потоа и учествуваа во нејзината реализација на т. н. Славистички семинар на Универзитетот во Скопје. “Семинарот за македонски јазик, литература и култура е основан пред половина век”, како што пишува во обраќањето на Редакцијата на ова издание, “со цел пред меѓународната јавност да се претстават научните достигнувања во областа на македонскиот јазик, литература и историја, како и да се даде поттик за натамошниот развој на славистичката наука кај нас и во светот”.

Уште некаде во 1948 год., или пред точно 70 години од овој миг (2018), **Блаже Конески** ќе констатира: “Нашиот јазик се кове најмногу во ковачницата на преведувањето”. А за да го ковеме и исковаме потребни се сериозни македонисти, суптилни проучувачи и познавачи на македонскиот јазик, литература и култура, вљубеници во македонскиот збор, добри / сериозни преведувачи. Токму таква ковачница е, но и ќе биде и понатаму, овој семинар.

Затоа воопшто не е претерано кога се истакнува дека на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура треба да гледаме како на вистински продолжувач на она што го започнаа и Пулевски и Мисирков. А оваа идеја на Андреевски треба да остане вечна поука и порака до сите нас.

Пред нас е изданието “50 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура: 1967–2017”. Оваа **МОНОГРАФИЈА** е како што пееше **Анте Поповски**: “Сама себеси врата – сама себеси клуч”, зашто таа, едноставно, претставува преглед на 50-годишната работа на Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура со посебен акцент на последните 10 години од неговата работа, ако се земе предвид дека на ова издание му претходи монографијата “40 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (1967–2007)”, како и Споменицата издадена по повод 20-годишнината “20 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (1967–1987)”.

Во својата песна „Поетика“, Блаже Конески пее:

Јас песните ги берев
од дрвото на животот
како што селаните во Ракотинци
пред Дуовден
берат зрели цреши
од црешовите дрвја.

Така и Редакцијата во состав: проф. д-р Славица Велева, проф. д-р Весна Мојсова-Чепишевска, проф. д-р Елка Јачева-Улчар, проф. д-р Симон Саздов, сите, помалку или повеќе, вршници со самиот семинар, како и Роза Тасевска, лекторот со најмногу искуство во својот куфер наречен лекторски ангажман во Македонија

и во странство, и Евдокија Илијевска, ги бераа и (из)бираа моментите, зборовите, сликите кои така убаво се вдомија во оваа МОНОГРАФИЈА.

И еве ја пред вас/нас приказната наречена “50 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура (1967–2017)” на 100 страници, низ зборови-алтани, низ 50 слики, во боја и во црно-бела техника, исполнети со ликови млади, стари, насмеани, сериозни, замислени, воодушевени, слики исполнети со преградки, како онаа на која Иван Доровски ги гушка Катица Ќулавкова и Благица Велјановска, со насмевки на големиот македонист Ала Шешкен, низ спомени фатени во трепетливите зборови напишани со пенкало од страна на Рина Усикова, Влоѓимјеж Пјанка, Волф Ошлис, Олга Панкина, низ кривки, топли реченици, како кога Стивен Франк ќе напише: “Ви благодарам на сите лектори и учесници. Ќе имам *T’ga za jug!*”, или кога Марианцела ќе навезе: “Понекогаш погрешно мислам дека веќе длабоко ја знам оваа земја, мојата Македонија. Веќе многу видов, и сè ми се допадна”, за да поентира со стих од “Дениција” на Петре М. Андреевски: “*А видов што видов и ништо не видов*”.

“Во текот на сите изминати 50 години”, пишува во обраќањето на Редакцијата, “Семинарот ја реализираше својата работа преку лекторатите по македонски јазик во странските универзитетски центри, со организирањето на Летната школа во Охрид во чии рамки повеќе од 40 години се организира Научната конференција на која земаат учество македонски и странски научници, и со издавачката дејност преку: зборниците со реферати од Научната конференција, зборниците со предавањата презентирани во рамките на Летната школа, како и со публикување учебници и учебни помагала за изучување на македонскиот јазик”.

“Книгата е страсна оти копнежот го опишува: несреќен си додека копнееш по целото, како оние први редови во таквата книга; и колку расте копнежот по значење, толку растат и редовите, за конечно среќата да биде еден миг, редот среден, најисполнет; и потем пак копнежот се гаси додека не исчезне. И така се одново, со секоја нова страница: копнеж, миг, среќа и гаснење на копнежот...”, пишува **Венко Андоновски**.

Монографијата “50 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура: 1967–2017” е ептен страсна зашто таа се роди од намножените копнежи и на оние од Редакцијата, и на издавачот, проф. д-р Никола Јанкуловски, ректор на Универзитетот “Св. Кирил и Методиј” и особено на Симчо Шандуловски, најголемиот “виновник” за високиот квалитет и за суптилноста и артизмот во дизајнот и графичкото уредување, и пред сè на сите досегашни директори, лектори, семинаристи, предавачи, преведувачи, на сите македонисти каде и да се, од каде и да се...

За многу години нека ни е оваа Монографија која пак ќе послужи како основа за онаа наредната, по повод 60, 70... 100 години Меѓународен семинар за македонски јазик, литература и култура! И за многу години нека ни е Меѓународниот семинар за македонски јазик, литература и култура.

Сведения об авторе:

Весна Мојсова-Чепишевска,
доктор
професор
Филолошки факултет “Блаже Конески”
Универзитет “Св. Кирил и Методиј”

Vesna Mojsova Chepischevska,
Doctor of Philology
Professor
Faculty of Philology “Blaze Koneski”
University “St. Cyril and Methodius”
vesnamojsova@hotmail.com

ISSN 2309-9917
DOI 10.24249/2309-9917-2018-30-4-1-297

STEPHANOS
2018
№4 (30)

Номер подготовлен
на филологическом факультете
МГУ имени М.В. Ломоносова

Issue prepared
at the Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

Москва — Moscow
2018
Июль — July